

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение Высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Центр социально-политических исследований
и информационных технологий

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

Диалог культур:
ретроспективы и перспективы

Омаров М. А., Шабает Ю. П.

Диалог культур:
ретроспективы и перспективы

Москва
2025

УДК 316.7:323.1
ББК 60.54
О-57

Ответственный редактор
М.А. Омаров

Рецензенты:
В. А. Коваленко
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой российской политики
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Н. М. Мухарямов
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

*Рекомендовано ученым советом
ИЯЛИ Коми научного центра Уральского отделения РАН*

ISBN 978-5-7281-3571-5

© Омаров М. А., Шабаев Ю. П., 2025
© РГГУ, 2025
© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025

Содержание

<i>Введение</i>	7
<i>Глава 1. Идея культурных миров и ее политический ресурс</i>	28
<i>Глава 2. Историческая память и межкультурный диалог: российские практики</i>	93
<i>Глава 3. Политические/этнополитические взгляды периферийной молодежи как рефлексия опыта российской интеграции</i>	190
<i>Глава 4. Полиэтничность как фактор исторического развития России. Современная российской модель выстраивания межнациональных отношений и ее историческая обусловленность</i>	249
<i>Заключение. Гражданская интеграция и межкультурный диалог как базовые принципы формирования российской государственности и российской идентичности</i>	303
<i>Документы и литература</i>	320

Введение

Современный мир – это постоянно и динамично меняющееся геополитическое пространство, в котором функционируют глобальные рынки труда, капитала, товаров и услуг, технологий и трансконтинентальных коммуникаций, в котором сложилась, казалось бы, устоявшаяся система международной кооперации и разделения труда, т. е. происходит все то, что принято называть процессами глобализации. При этом мир не един ни в политическом, ни в культурном отношении, ни в отношении благосостояния населения различных стран и народов. Тем не менее процессы глобализации имеют давнюю историю, и одни исследователи полагают, что начало им положило формирование мировых империй (империи Александра Македонского, Римской империи), другие, что исходным рубежом глобализации является эпоха великих географических открытий, третьи связывают процессы глобализации исключительно со второй половиной XX столетия, и не случайно активное изучение этих процессов началось с 1980-х гг., после которых вал публикаций по данной теме только нарастал. Но помимо экономической глобализации, все более усиливавшейся со второй половины XX столетия, исследователи стали обращать внимание и на культурную глобализацию, суть которой первоначально трактовалась как формирование массовой культуры, основанной на единых (или схожих) формах культурного потребления, заданных как культурными институтами Глобального Запада, так и транснациональными компаниями, штаб-квартиры которых в большинстве своем географически привязаны к Трансатлантическому миру, и этот процесс, действительно, имел место. Но параллельно современной массовой культуре, нацеленной на рынок досуговых развлечений, существовали и существуют иные формы культурной глобализации социальных пространств, одной из которых являются культурно-языковые, ибо все человечество делится не только на страны и народы, но и на языковые семьи (7 тыс. языков сводятся всего в 29 основных языковых семей), все существующие культуры имеют в своей основе несколько культурно-хозяйственных ти-

пов, среди которых доминируют кочевое скотоводство и оседлое земледелие, а по фенотипу человечество условно делится на три основные расы, и большая его часть является приверженцами трех мировых религий. Именно эти глобальные культурные маркеры и есть наиболее важные инструменты культурного сближения и культурного дистанцирования, формирования культурных коалиций и культурных миров.

При этом вся история человечества есть не только и не столько история конфликтов и войн, сколько история формирования цивилизаций. Но при этом формирование и развитие цивилизаций всегда происходило в условиях тесного межкультурного взаимодействия и взаимообогащения, а российский цивилизационный код изначально строился на поликультурной основе, ибо не только основание Государства Российского, но и его развитие и укрепление стало совместным предприятием предков многих российских народов, усилиями которых оно превратилось в великую евроазиатскую державу.

Попытки сделать диалог культур одним из важнейших принципов международной жизни предпринимаются регулярно. Генеральная ассамблея ООН в ноябре 2001 г. утвердила «Глобальную повестку дня для диалога между цивилизациями»¹, в которой были закреплены принципы межкультурного диалога, рекомендованные членам организации как руководство к действию. В 2002 г. представителями общественности трех стран, – России, Индии и Греции – была инициирована международная программа «Диалог цивилизаций». Экспертная сессия Санкт-Петербургского международного экономического форума 2023 г. «Диалоги культур в эпоху глобальных изменений» вполне обоснованно затронула важнейшую проблему глобального кризиса современности сквозь призму межкультурного диалога, или, точнее, диалогов различных культур. Как сказано в экспертном заключении сессии, поиск точек соприкосновения и взаимного интереса между странами и народами должен основываться, с одной стороны, на выявлении общности в системе ценностей, задающей основу для выстраивания диалога, а с другой – на взаимном стремлении признавать и познавать культурные различия, но превращать

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [без передачи в главные комитеты (A/56/L.3 и Add.1)] 56/6. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями. – URL: <http://yaltapeace.ru/wp-content/uploads/2020/01/Глобальная-повестка-дня-для-диалога-между-цивилизациями.pdf> (дата обращения: 08.03.2024).

различия в основу для сотрудничества и равноправного диалога, а не противостояния и демонстрации собственной культурной исключительности. Запрос на подобную форму взаимодействия стран и народов существует. Ответом на этот запрос «становится возрастающая роль межкультурного диалога как важнейшего инструмента государственной политики, направленной внутри страны на формирование системы ценностей человека посредством культуры, а на внешнем контуре на расширение сотрудничества между странами в культурной сфере и распространение лучших образцов национального литературного, музыкального, кинематографического, художественного, театрального творчества через современные форматы, становясь инструментом "мягкой силы"»².

Процессы экономической и политической интеграции, активно развивавшиеся во второй половине XX в. заслонили на время значимость культурных механизмов и культурных институтов, но с конца XX в. появляется и альтернативное видение мира, связанное с пониманием сложности как современных национальных государств, так и широких культурных пространств, именуемых цивилизациями.

Процессы глобализации, которые к концу XX в. обрели огромные масштабы, тем не менее нельзя переоценивать, а особенно их глубину. Более того, если сфера экономики, финансов, торговли очевидно приобрели планетарный характер, то культурные отличия разных стран и народов все еще очень велики, этнокультурные (расовые, религиозные) границы между народами и культурными ареалами не исчезли, а их традиции и системы ценностей оказываются устойчивыми и весьма значимыми для жизнедеятельности многих сообществ, включая и те нации-государства, которые находятся на передней линии технологической модернизации. Да и сами процессы экономической глобализации переживают кризис, поскольку они привели к формированию новых центров силы, конкурировать напрямую с которыми старые промышленные и технологические лидеры уже не могут, а потому начинают все больше использовать внеэкономические методы: политическое давление, санкции, введение загради-

²Цивилизационный подход в модели многополярного мира: роль диалога культур. Экспертное заключение подготовлено по итогам сессии ПМЭФ-2023 «Диалоги культур в эпоху глобальных изменений». – URL: <https://roscongress.org/materials/tsivilizatsionnyy-podkhod-v-modeli-mnogopolyarnogo-mira-rol-dialoga-kultur/?ysclid=1th2rheitut560321759> (дата обращения: 07.03.2024).

тельных пошлин для импортируемых товаров, противоречащих принципам свободной торговли, прямой шантаж, силовые акции и в том числе использование инструментов «мягкой силы», включая ресурс этничности и культурно-языковой солидарности. Все более усиливаются опасения, что современный мир находится на грани краха глобализации, о чем говорится в итоговом докладе международного экономического форума, проходившего в Давосе (январь 2024). Указывается, что в ближайшие 10 лет в мире будет доминировать многополярный порядок, поскольку ведущие западные державы, с одной стороны, пытаются устанавливать свои правила взаимоотношений на международной арене, но, с другой – часто не принимают во внимание нормы международного права и интересы других стран. В докладе констатируется, что ныне мы наблюдаем нарастающую фрагментированность мира, в котором опасность глобальных рисков становится все более реальной. А противостоянию рискам препятствует отсутствие консенсуса и сотрудничества между странами³.

Тем не менее именно процессы современной глобализации дали основания говорить о том, что институт государственного суверенитета якобы постепенно умирает, а решение глобальных вопросов перекладывается на различные международные организации – ООН, ЕС, «семерку» («двадцатку») и т. д. В этой связи появились утверждения, что на карте мира сначала перестанут появляться новые государства, а впоследствии начнется исчезновение существующих. Так, автор книги «Народы без государств» Монсерат Губерно полагала, что в условиях современной цивилизации многие народы отказываются от борьбы за создание собственного национального государства⁴. Но утверждения глобалистов о том, что в современном глобализирующемся мире скоро перестанут возникать новые государства и начнется эпоха тотальной интеграции, а также активизируется процесс исчезновения многих независимых государств, оказались надуманными. Количество государств продолжало расти в конце XX и в начале XXI столетий, но, помимо официально признанных, возникли и существуют целый ряд непризнанных государственных, или квазигосударственных образований, причем существенную роль

³ Global risk report 2024//<https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Guibernau, Montserrat. Nations without States: political communities in a global age. Malden, Mass: Blackwell Publishers, 1999.

в их возникновении играл этнический фактор: это и Республика Северного Кипра, признанная только Турцией, и Косово, которое многие государства не собираются признавать, и Нагорный Карабах, ныне фактически прекративший свое существование как этнополитический анклав, и Южная Осетия с Абхазией, Приднестровье, чье возникновение связано с острыми этнополитическими конфликтами на постсоветском пространстве. Более того, происходят болезненные процессы политической сепарации, свидетельством чему стали референдумы о независимости Каталонии в Испании и Шотландии в Великобритании в 2014 г., и отделение Крыма от Украины в результате общекрымского референдума, который завершил процесс крымского самоопределения, начавшийся первым крымским референдумом, прошедшим в январе 1991 г., т. е. на закате существования СССР.

Процесс возникновения новых государственных объединений не остановлен, ибо политический кризис, спровоцированный каталонскими националистами в Испании, не преодолен, Шотландская национальная партия заявляет о своем стремлении провести повторный референдум о независимости Шотландии, пришедшие к власти в Ольстере ирландские националисты из партии «Шинн Фейн», получившие контроль над Ассамблеей Северной Ирландии, заявляют о том, что в ближайшие 10 лет они проведут в Ольстере референдум о независимости и об объединении Ольстера с Ирландской республикой. Учитывая намечающиеся изменения этнодемографического/этноконфессионального состава населения Северной Ирландии, исход референдума, вероятно, может быть не таким, как у упомянутого плебисцита, состоявшегося в Шотландии. Центробежные тенденции имеют место и на африканском континенте. Распад Судана на Северный и Южный, отделение Эритреи от Эфиопии, сепаратистские движения, действующие в ряде других стран, показывают, что политическая карта мира будет и далее меняться. Дошло до того, что уже не кажутся мифом заявления о возможном распаде США, если иметь в виду громкие акции техасских сепаратистов. Но все названные политические события свидетельствуют лишь о том, что значение национальных государств не снижается и при этом весьма актуальной остается проблема государственного единства, гражданской и культурной интеграции жителей национальных государств, особенно тех, чье население является неоднородным в культурном отношении.

Эритрею Эфиопия потеряла именно из-за того, что жители мятежной провинции не считали себя гражданами Эфиопии, равно как жители Крыма не захотели считать себя гражданами независимой Украины (и де-юре они таковыми после 1954 г. не являлись, поскольку для передачи населения из юрисдикции РСФСР в юрисдикцию УССР надо было спросить их согласие – провести референдум, который был неорганизован). Поэтому у жителей Крыма, особенно после того, как главным методом формирования украинской нации стал воинствующий украинский национализм, отрицавший поликультурность украинского общества и отвергавший историческое прошлое украинских земель, были все юридические основания добиваться восстановления своих поправных прав.

Сегодня на политической карте планеты имеется 206 независимых стран (не учитывая непризнанные страны и частично признанные), из которых 193 являются членами ООН. Таким образом, очевидно, что национальное государство не утрачивает своего значения, а укрепление его культурного и политического фундамента является крайне актуальной задачей. При этом этничность является важным инструментом в процессе нациестроительства, а для укрепления государственных основ и общенациональной идентичности необходим активный межкультурный диалог и продуманные модели межкультурной интеграции, а точнее – ревизия выработанных ранее моделей, поскольку предложенные подходы в сфере этнополитики, часто оказываются неэффективными и плохо работают в сложных сообществах⁵.

Если же говорить о современном мире в целом, то он очень разнообразен и разные страны отличаются друг от друга не только и не столько уровнем развития экономики и политическими режимами, сколько этническим, расовым, религиозным составом населения, характером межкультурного взаимодействия, культурными традициями. Эти различия не могут быть преодолены за счет процессов глобализации, ибо они складывались тысячелетиями. Поэтому не случайно, что современная геополитика обращает внимание не только на категории пространства и силы государств, но и на культурно-историческую обусловленность характера международных отношений, а потому в числе ее

⁵ Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности. Изд. 3-е испр. и доп. – Москва: Изд-во МГУ, 2019.

основных геополитических парадигм находится цивилизационная парадигма, предложенная директором Института стратегических исследований Гарвардского университета (США) Самюэлем Хантингтоном в конце XX в., т. е. тогда, когда процессы глобализации достигли своего пика⁶. Он выдвинул и обосновал гипотезу, согласно которой мировые конфликты неизбежны в силу культурной неоднородности мира и глубоких различий, существующих сегодня на планете между цивилизациями. По его мнению, в современном мире можно выделить семь или восемь цивилизаций, среди которых западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская. Хантингтон полагал, что цивилизационные различия более консервативны и менее способны к изменениям, чем политические и экономические, и потому многие конфликты на планете носят именно цивилизационный характер. При всей спорности многих положений концепции столкновения цивилизаций следует согласиться с тем, что культурные различия могут превращаться в политический ресурс и становиться движущей силой политики и причиной политических/этополитических конфликтов. Примеров тому достаточно. С позиций концепции Хантингтона можно отчасти объяснить и «арабскую весну» 2010–2011 гг., и миграционный кризис в Европе в 2015–2016 гг., нарастающее противостояние между Китаем и США (и их атлантическими союзниками), а также нынешний конфликт между Россией и Украиной, за спиной которой открыто стоит НАТО.

Россию часто и справедливо называют отдельной цивилизацией, и ее нынешний конфликт с коллективным Западом, навязывающим миру свои культурные нормы и ценности, явно не согласующиеся с нормами обществ, ориентированных на традиционные ценности, носит не только силовой, но и цивилизационный характер. Этот конфликт не есть что-то уникальное в современном мире, поскольку конфликты, в основе которых не только экономические и политические противоречия, но и культурные, этнические, религиозные различия, возникают снова и снова. Именно поэтому на рубеже XX и XXI вв. обрела статус самостоятельной научной дисциплины этнополитология, в фокусе вни-

⁶ Huntington. Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*: New York: Simon & Schuster. 1996.

мания которой находятся культурные различия между народами, оцениваемые *как политический ресурс*, причем этот ресурс используется как на национальном, так и глобальном уровнях.

Именно этничность, а также этнотерриториальные и этноконфессиональные различия между группами сегодня чаще всего являются инструментами, с помощью которых разрушаются старые государственные объединения и возникают новые государства, активизируются процессы сепарации. Опыт последних десятилетий показывает, что там, где *не удается организовать устойчивый межкультурный диалог*, создать эффективные практики политики идентичности и политики памяти, центробежные тенденции начинают усиливаться, а уровень конфликтности внутри государств возрастать.

Межкультурный диалог – это не только прямое взаимодействие и взаимобмен культурным опытом между разными этническими, расовыми, конфессиональными и территориальными группами населения, отличающимися друг от друга культурными традициями и образом жизни. Этот диалог имеет еще и институциональный уровень, который связан с управлением культурным своеобразием, что находит отражение в формировании и деятельности институтов этнополитики, на федеральном уровне к ним относится Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН и ряд других федеральных министерств (образования, культуры, науки и высшей школы), на региональном – республиканские министерства национальной политики, областные министерства и ведомства, отвечающие за культурное развитие и образование. Институты государственной национальной политики (этнополитики) формируют правовую и доктринальную основу, обеспечивающую реализацию интересов всех этнических групп, являющихся органической частью населения страны и в первую очередь, – соблюдение прав отдельных представителей этнических групп, рассматриваемых как граждан и носителей гражданских прав. Они же отвечают за формирование условий для гражданской интеграции на региональном и федеральном уровнях – формирование прочных и бесконфликтных территориальных сообществ и укрепление основ российской гражданской нации, укрепление общероссийской идентичности и гражданской солидарности россиян.

Практика межкультурного диалога, а равно и практика государственной национальной политики, очевидно имеют од-

*ной из своих главных целей обеспечение устойчивого развития территориальных сообществ, основные принципы которой изложены в соответствующих международных документах, подписанных Россией*⁷.

В этих документах особое внимание обращено на проблемы экологии, гармоничного взаимодействия между хозяйственной деятельностью человека и сохранением биологических ресурсов, природных и культурных ландшафтов, оптимизации межкультурного взаимодействия.

Межкультурное взаимодействие должно строиться на основе заинтересованного диалога и партнерских отношений как между культурными группами, совместно проживающими на одной территории, так между ними и государством. А в диалоге с государством особое внимание должно уделяться этноэкономике⁸, которая в свою очередь тесно связана с этноэкологией. Дело в том, что культуры всегда носят локальный характер, т. е. формируются в тесной связи в природно-климатическими особенностями регионов, в которых сложилось как культурная целостность то или иное этническое сообщество. Основу культурной самобытности народов, понимаемых как культурно-языковые сообщества, объединенные общей идентичностью, составляют их традиции хозяйствования, хозяйственная специализация, ориентированные на природные ресурсы конкретной территории.

Сохранение этой основы и ее использование при управлении культурным разнообразием есть одна из важнейших задач региональных органов власти при реализации государственной национальной политики. Более того, именно умелое и эффективное использование ресурса этноэкономики способно решить многие задачи как сбалансированного развития региональных хозяйственных комплексов, так и устойчивого развития регионов. Но именно здесь, т. е. в сфере этноэкономики, нередко накапливаются серьезные противоречия между интересами разных

⁷ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию / Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. – С.3–7. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/N9283657.pdf?OpenElement> (дата обращения: 02.03.2024).

⁸ Адаменко, А. А., Хорольская, Т. Е., Петров, Д. В. Предпосылки возникновения и востребованность теории этноэкономики в контексте новой экономической реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 1.

этнических групп, проживающих на одной и той же территории. Поэтому различные практики и инструменты межкультурного диалога играют важную роль в снятии этих противоречий, согласовании интересов различных хозяйствующих субъектов с интересами устойчивого развития территорий и населяющих их этнических групп.

В этой связи **цель** данной работы – анализ практик межкультурного диалога и межкультурной интеграции как механизмов укрепления общенационального единства, построения продуманной и эффективной **политики памяти** и **политики идентичности**, а также оценка существующих рисков в сфере межкультурного взаимодействия.

Общая цель определяет и ряд конкретных задач, которые авторы пытаются решить, опираясь на результаты эмпирических исследований.

Перечень этих задач достаточно широк и наше понимание России как самостоятельного центра силы и специфического культурного пространства, сформировавшегося за 11 веков государственного строительства, опирается на то, что этнокультурные и этнополитические процессы в России должны рассматриваться не только в контексте современных политических трансформаций, но также с учетом исторической памяти народа России и его исторического наследия. Однако, если мы анализируем культурную эволюцию российского общества и его региональных сегментов, роль этничности в процессе нациестроительства, то неизбежно *должны рассматривать указанную проблематику и в более широком дискурсе культурных миров*⁹.

Геополитический аспект этнополитического анализа рассматривался в отечественных публикациях этнополитического плана мало и недостаточно предметно, а потому в настоящей работе делается попытка ликвидировать указанный пробел в исследовательских практиках. Первая глава монографии целиком посвящена анализу глобальных аспектов этнополитики, способам и формам построения широких культурных пространств (культурных миров), основанных на лингвистической солидарности и трансграничной культурной и этнополитической интеграции. Россия вовлечена в эти процессы непосредственно, причем у нее

⁹ Шабает, Ю. П., Жеребцов, И. Л. Кризис концепции культурных миров в эпоху эрозии глобализма (аналитический доклад): материалы к научным конференциям. Вып. 52. – Сыктывкар: ИЯЛИ, 2023.

опыт культурной и межкультурной интеграции более основательный, нежели у многих других международных акторов, пытающихся использовать культурные ресурсы для конструирования зон своего геополитического влияния.

Россия с самого начала своего существования как государства являлась своеобразным мостом между культурами Запада и Востока (одновременно с основанием Древнерусского государства сформировались и торговые пути «из варяг в греки» и «из варяг в персы», проходившие по его территории, с XIII в. древнерусские княжества вовлекаются в сферу влияния азиатских степных империй, а с XVII в. усилившаяся Россия превращается в великую евроазиатскую державу).

Второй задачей нашего анализа является оценка политических рисков, возникающих в процессе реализации идеи сохранения культурного многообразия страны и публичной демонстрации отличий, особенно в контексте понимания процессов формирования современных этнических сообществ и характера их взаимодействия с Российским государством и обществом, их роли в процессе российского нациестроительства. В центре нашего внимания не собственно процессы этногенеза, а обоснованность возникновения разных моделей прошлого и разных форм его презентации в российских регионах с позиций историзма и научного понимания природы этничности.

Третьей задачей является рассмотрение практик и инструментов (политических, экономических, культурных), которые должны способствовать укреплению общероссийской идентичности, а равно и идентичности региональной, и способствовать устойчивому развитию российского общества в целом и отдельных его регионов в частности.

В рамках решения указанных задач нам неизбежно пришлось касаться анализа ситуации, связанного с тем, как ресурс этничности используется в России в целом и особенно в ее регионах, насколько эффективна и продумана этнокультурная политика и политика памяти, как она помогает созидать гражданское единство, укреплять общероссийский и местный патриотизм и строится ли она на безусловном приоритете принципа гражданства, гражданской солидарности, а равно как преодолеваются советские практики этнического фаворитизма и советская доктрина этнического национализма. Все три вышеуказанные задачи мы решаем в последующих главах, но существенно

важное значение имеет именно вторая глава, где через описание конкретных явлений и практик, имеющих место в самых разных российских регионах, оцениваются риски, которые возникают в процессе укрепления общероссийской гражданской идентичности и формирования российской гражданской нации. Анализ этих рисков мы осуществляли в доктринальном, правовом и этнополитическом измерениях. Иными словами, нас интересовало в первую очередь то, насколько региональные практики реализации государственной национальной политики соответствуют принципиальным положениям «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», нормам Основного Закона страны, целевым ориентирам, определенным в указанной «Стратегии»¹⁰, а также в какой мере названные практики ориентированы на формирование условий для устойчивого развития территорий и территориальных сообществ, на идею межкультурного диалога.

В современной России 22 национальные республики (плюс ЛНР и ДНР, чья территория и статус, вероятно, изменятся), четыре автономных округа, одна автономная область. Все ныне существующие национально-государственные образования (за исключением Луганской и Донецкой республик, которые, правда, могут считаться наследницами Донецко-Криворожской республики, существовавшей в 1918 г.) были созданы после большевистского переворота 1917 г., на основании взятой на вооружение новыми властями доктрины этнического национализма. Эта доктрина предполагала, что этнические и административные границы необходимо совместить, каждая этническая группа в России должна обладать собственной государственностью в форме автономии, в рамках которой эта группа не только получила наименование «коренной», но и приобретала право на политические и культурные преференции. Ориентируясь на данную доктрину¹¹, в России начался процесс, вполне адекватно названный большевиками «размежеванием народов», или национально-государственным размежеванием, суть которого заключалась

¹⁰ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=lteilpqqr8656259587> (дата обращения: 05.03.2024).

¹¹ Тишков, В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. – Москва: Наука, 1994.

в ломке прежнего административно-территориального деления и формировании в стране этнической федерации¹². В советской исторической традиции было принято писать о том, что создание этнических автономий явилось результатом «мудрой ленинской национальной политики», а формирование союзных, автономных республик и округов якобы отвечало неким «вековым чаяниям» народов, мечтавших о собственной государственности. На самом деле почти никакого движения снизу в поддержку идеи автономии в нынешних российских республиках не было, а в результате процесса советского нацистроительства была создана этническая федерация, в которой этничность стала универсальной формой самоопределения не только территорий, но и граждан, поскольку каждый человек накрепко привязывался государством к своей культурно-языковой группе, получившей название национальности. Во всех официальных документах начиная с паспортов графа национальность становилась обязательной.

Создание этнических автономий, проведение так называемой политики коренизации в 1920 – начале 1930-х гг. и длительное культивирование в СССР принципа этнической принадлежности как одного из важнейших социальных маркеров личности имели важные социальные и этнополитические последствия. Этническая принадлежность переставала быть личным культурным выбором, поскольку власти ее рассматривали как значимую и обязательную характеристику индивида, определяющую позицию человека в советском обществе, также происходило ее огосударствление, поскольку обязательная фиксация национальности (как синонима этнической принадлежности) в паспортах осуществлялась согласно официальной инструкции. Диктат государства привел к тому, что этническая принадлежность (в советской терминологии – национальная принадлежность) стала со временем рассматриваться как естественное и изначальное качество личности (хотя термин «национальность» был введен в общественную лексику только во время переписи 1926 г., а официальным маркером, который обязательно указывался в личных документах, стал с 1932 г.). Помимо всего прочего, с помощью категории «национальность» коммунистическим властям уда-

¹² Филиппов, В. Р. Критика этнического федерализма. – Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.

лось вытеснить из политического дискурса республиканские идеалы свободы, равенства и братства и идею гражданского общества.

Сегодня издержки ленинской национальной политики и тотальной этнизации культурного пространства страны, которые во многом способствовали краху СССР, постепенно преодолеваются, но процессы интеграции и межкультурного диалога сталкиваются с многочисленными препятствиями как объективного, так и субъективного характера, о чем будет сказано ниже. Более того, авторами монографии будут рассмотрены различные аспекты сложного процесса гражданской интеграции и проанализированы как успехи, так и сложности, с которыми сталкивается политика гражданской интеграции, процесс формирования российской гражданской нации и общероссийской идентичности.

За последние 30 лет различными научными коллективами и отдельными авторами проведены сотни исследований и написаны десятки монографий, в которых рассматривались различные аспекты межнациональных отношений в России, проблемы этнической конфликтности, анализировались практики реализации государственной национальной политики на общегосударственном и региональном уровнях. Безусловно, ведущая роль в этих исследованиях принадлежала Институту этнологии и антропологии РАН. С 1993 г. в Институте функционирует созданная по инициативе академика В. А. Тишкова Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, а точнее – ее дирекция, под руководством которой во многих регионах России, в странах СНГ и Балтии осуществлялись мониторинговые исследования, связанные с оценкой конфликтного потенциала в регионах, практики реализации государственной национальной политики, анализом межэтнического взаимодействия. Ежегодно дирекция Сети издавала доклады, где публиковались отчеты региональных экспертов о динамике этнополитической ситуации в регионах, возникающих там проблемах. Помимо этого, публиковались бюллетени региональных отделений и обобщающие работы, являвшиеся итогом целого ряда проектов, реализованных в рамках Сети. Опыт мониторинга проанализирован в специальной работе его инициатора В. А. Тишкова¹³. Там же,

¹³ Тишков, В. Опыт этнологического мониторинга. – Москва: Deutsch-Russischer Austausch, 2004.

в Институте этнологии и антропологии, в начале 1990-х гг. был создан Центр по изучению межнациональных отношений под управлением М. Н. Губогло, под руководством которого были проведены многочисленные исследования и издана уникальная серия «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», состоящая более чем из 100 томов, в них содержатся официальные документы, материалы этнических съездов, очерки и статьи специалистов из российских регионов и многие другие сведения, характеризующие этнополитические процессы в разных регионах Российской Федерации. Существенна и роль Института социологии РАН, а особенно Центра исследований межнациональных отношений, долгие годы возглавлявшегося Л. М. Дробижевой.

Сегодня названные исследовательские центры в силу объективных причин резко снизили свою исследовательскую активность, но все более широко изучением этнополитической проблематики и мониторингом изменений этнополитической, этнодемографической и этнокультурной ситуаций в регионах РФ занимается Центр социально-политических проблем и информационных технологий РГГУ. И, конечно, огромное количество исследований и работ публикуется в российских регионах, особенно усилиями исследовательских групп из университетов и научных центров, расположенных в республиках.

Осуществить историографический анализ трудов всех названных исследовательских учреждений не представляется возможным, но закономерно возникает вопрос: в чем состоит новизна данной монографической работы. Во-первых, потому что Российская Федерация и мир в целом оказались сегодня в принципиально новой геополитической ситуации, в которой не только происходит все более активное формирование новых центров силы и многополярности, но и не только политическая, но и геополитическая мобилизация этничности, на что авторы специально обращают внимание.

Прежде геополитический аспект межкультурного диалога рассматривался лишь в контексте других проблем и достаточно поверхностно. Во-вторых, этнополитические процессы в России носят динамический характер, и ситуация в регионах постоянно меняется, что порождает и новые проблемы и новые риски. Эти риски также стали предметом анализа в нашей работе, причем

представлена очень широкая географическая панорама имеющих этнополитических проблем.

И, наконец, в новых условиях все очевиднее становится необходимость более тесной консолидации российского общества и более активного использования таких механизмов, как политика памяти и политика идентичности. Именно в контексте проблем формирования политики памяти и политики идентичности сделаны оценки и выводы, представленные в данной монографии.

Предлагаемое монографическое исследование носит характер конструктивно-прикладного осмысления практики этнополитики в российских регионах, анализа существующих рисков, связанных с процессами нациестроительства и укрепления общероссийской и региональных идентичностей, формирования моделей устойчивого развития региональных сообществ.

Значительную часть источниковой базы монографии составляют материалы двух масштабных проектов, реализованных Центром социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ в 2022–2023 гг. Первый проект «Организация мероприятий, направленных на профилактику асоциального и деструктивного поведения подростков и молодежи, поддержка детей и молодежи, находящейся в социально опасном положении».

Организационно-методическое обеспечение деятельности Координационного совета Минобрнауки России по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма» (реестровый номер – 850000Ф.99.1.ВН66АА04000).

Но, помимо этого, мы использовали результаты многих других исследований, в том числе социологических опросов населения, проводившихся в те же годы, что и исследования Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ. Эти исследования осуществлялись в разных регионах страны или носили характер межрегиональных исследовательских проектов, а потому подобные материалы крайне полезны при анализе региональных этнополитических процессов, и позволяют делать более обоснованные выводы.

Часть материалов, которые авторы использовали для подготовки данной монографии, были получены в ходе проведения

региональных и межрегиональных исследований, осуществлявшихся Институтом языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН», причем межрегиональные исследования начались с 2010 г., когда проходил опрос населения трех северных региональных центров – Мурманска, Архангельска и Сыктывкара. Другая часть материалов получена в ходе последующих исследований, включая итоги реализации государственного задания по плановой теме № ЕГИСУ НИ-ОКТР 121042600207-7. Поэтому текст монографии рассмотрен и одобрен Ученым советом Института ЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН».

После масштабного сравнительного исследования 2010 г. вновь осуществить подобные социологические исследования удалось только в 2017 и 2018 гг. Опросы в указанные годы проводились под руководством и по методике, разработанной Институтом этнологии и антропологии РАН¹⁴. Опросы 2019, 2020 и 2021 гг. проходили по той же методике, но уже осуществлялись под руководством Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ. Как и в 2017–2018 гг., опрашивались студенты региональных вузов и старшеклассники. К числу региональных центров, в которых проводились опросы (Сыктывкар, Ижевск, Йошкар-Ола, Саранск) в 2019 и 2020 гг., был добавлен Петрозаводск, а в 2021 г. – Архангельск. Данные исследования показали, что, во-первых, миграционные настроения среди молодежи не меняются, во-вторых, они указывают на низкий уровень социального оптимизма у периферийной молодежи¹⁵, в-третьих, анализируя совокупность расходов и доходов семейных бюджетов, мы фиксируем, что уровень жизни населения Европейского Севера ниже среднероссийских показателей, а социальные процессы, имеющие здесь место, неблагоприятны по своей динамике и содержанию¹⁶. Исследования 2022 и 2023 гг. позволили существенно дополнить уже созданную основатель-

¹⁴ Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред.: В. А. Тишков, В. С. Воронцов, В. В. Степанов. – Москва-Оренбург-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017.

¹⁵ Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски: коллект. моногр. / под ред. М. А. Омарова. – Москва: Изд-во РГГУ, 2021.

¹⁶ Шабаев, Ю. П., Подоплекин, А. О. Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ // ПОЛИТЭКС. – 2017. – № 1. – С. 103–122.

ную информационную базу и сделать качественный сравнительный анализ этнополитических процессов на российской периферии в целом.

Всю глубину этнополитических и этнокультурных изменений в регионах РФ оценить в рамках одного или даже нескольких исследований сложно, но доминирующие тенденции улавливаются в ходе реализации наших исследовательских проектов вполне очевидно. Цель исследования 2022 г. состояла в том, чтобы дополнить результаты нескольких предыдущих исследовательских проектов (2017–2021) и попытаться представить картину настроений молодежи в динамике, определить значимость традиционных ценностей для современного молодого поколения и выявить социальные риски, которые необходимо учитывать как при реализации социальной региональной политики в целом, так и молодежной политики в частности (см. главу 3). Исследования проводили в шести регионах (три – в СЗФО, и три – в Приволжском). Первоначально предполагалось, что во всех шести регионах будет проведен опрос студентов (по 300 чел. в Петрозаводске, Архангельске, Сыктывкаре, Ижевске, Йошкар-Оле, Саранске). Опрашиваться должны были студенты бакалавриата с 1-го по 4-й курсы с разных факультетов (институтов) и как минимум из двух высших учебных заведений в каждом городе. Во всех случаях доля юношей и девушек в выборочной совокупности должна была быть примерно равной, чего в условиях реальных полевых исследований добиться очень сложно.

В итоге доля мужчин в выборочной совокупности составила 45,5 %, женщин – 54,5 % (при том, что во всех вузах доля девушек существенно превышает долю юношей), а общий объем выборочной совокупности составил около 1600 чел., поскольку в нескольких регионах было опрошено более 300 чел., дабы выровнять половой баланс в региональных выборках.

Однако текущие обстоятельства (теракт в школе Ижевска) создали ситуацию, в которой пришлось признать нецелесообразным проведение опроса в учебных заведениях Ижевска (это могло исказить общую картину, с одной стороны, а с другой – местные власти после террористического акта не поддерживали проведение каких-либо опросов в учебных заведениях, с чем пришлось считаться). В результате было принято решение не исключать Удмуртию из очередного проекта, поскольку республика на всех предыдущих этапах была одним из значимых объектов

исследований, но осуществить исследовательскую работу в форме мониторинга ситуации в республике в целом и в молодежной среде в частности, используя результаты предыдущих межрегиональных, а также местных региональных опросов. Как уже замечено выше, мы дополнили результаты наших исследований материалами сходных по тематике исследований, проведенных в других субъектах РФ.

В исследовании 2023 г. (см. главу 4) была предпринята попытка оценить роль исторической памяти в формировании позиций молодежи, отношение молодежи к процессам национально-государственного строительства, и к практикам реализации государственной национальной политики, понимание молодыми людьми культурной сложности российского общества в целом и региональных сообществ в частности, их восприятие исторического и культурного наследия страны. Опрос проводился среди студенческой молодежи с применением тех же методических подходов, которые использовались начиная с 2017 г. Поскольку опрос школьников выпускных классов (опрашенных в 2017 и 2020 гг.) стал практически невозможен, постольку было решено в этом исследовании задействовать только студентов-первокурсников, которых можно рассматривать как группу, занимающую пограничное положение между старшеклассниками и студентами (подавляющее большинство первокурсников пришли в вузы сразу со школьной скамьи). Опрос проводили по той же схеме, что и в 2022 г., но география стала шире, поскольку интервьюировали студентов вузов Петрозаводска, Архангельска, Сыктывкара, Йошкар-Олы, Саранска, Горно-Алтайска, Якутска, т. е. семи регионов с очень различающимися этническим составом населения, уровнем жизни и многими другими социально-экономическими, природными и культурными особенностями. Всего было опрошено 2160 чел. (этнический состав респондентов оказался сложным: русские в выборочной совокупности составили 58 %, марийцы – 5,1, якуты – 4,7, алтайцы – 4,5, коми – 3,1, мордвины – 2,8, карелы – 2,4, татары – 2,3, другие – 8 %). В силу специфики полевого этапа желаемый баланс полов соблюсти не удалось, но он близок к половому составу студенчества в вузах городов, где проводился опрос: девушки – 62 %, юноши – 38 %.

Помимо названных исследовательских проектов использовался и обширный корпус статистических, исторических, политологических правовых материалов, документы официальных

органов и общественных организаций, интернет-ресурсы и другие сведения.

В основе нашего анализа лежит компаративистский подход, поскольку мы его строим на сравнительной оценке сходных этнополитических и этнокультурных явлений, имеющих место в разных регионах России и современного мира. Как известно, компаративистский анализ рассматривается в науке как междисциплинарный подход, и это в полной мере применимо к нашему исследованию, в основе которого лежат исторические, политологические и социологические материалы, и в этой связи мы, естественно, опираемся на некоторые теоретические подходы дисциплинарного характера. В политологическом плане авторы монографии опираются на несколько базовых теоретических подходов: спектр рассматриваемых проблем диктует применение классической концепции Центр–Периферия, разработанной Джоном Фридманом¹⁷ и дополненной Стейном Рокканом¹⁸, поскольку центр–периферийная полярность рассматривается ими в контексте анализа принципов государственного строительства, на что в данной монографии обращено особое внимание. Авторы также опираются на политологическую теорию рационального выбора¹⁹ и теории национализма²⁰, без апелляции к которым в данном конкретном случае обойтись невозможно. В социологическом плане нам близки современные теории модернизации²¹ и социологическое понимание социального действия и социальных ролей²², а также, опять же, классическая теория ассимиляции, основы которой были заложены одним из лидеров Чикагской социологической школы Робертом Парком еще в 1920-е гг.,

¹⁷ Friedman, John. *Regional Policy. Case of Venezuela*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966.

¹⁸ Rokkan, S. *The center-periphery polarity//Center periphery structure in Europe: an ISSC workbook in comparative analyses*. Frankfurt a M.; N.Y.: Campus verl., 1987.

¹⁹ Rakner, L. *Rational choice and the problems of institutions. A discussion of rational choice institutionalism and its application by Robert Bates*. Bergen: Chr. Michelsen Institute (CMI Working Paper WP 1996:6), 1996.

²⁰ Смит, Э. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма*. – Москва: Практикс, 2004.

²¹ Штомпка, П. *Социология социальных изменений*. – Москва: Аспект Пресс, 1996.

²² Парсонс, Т. *О структуре социального действия*. – Москва: Академический Проект, 2000.

а затем развитые им и его последователями²³. Из демографических теорий использованы некоторые положения теории миграций²⁴. Что касается понимания природы этничности, то мы оцениваем ее с позиций конструктивистского подхода²⁵.

Введение, заключение, 1-я и 2-я главы написаны совместно М. А. Омаровым и Ю. П. Шабаевым, 3-я и 4-я – Ю. П. Шабаевым, осуществляющим руководство названными выше проектами 2022–2023 гг. Поскольку полевые исследования в 2022 и 2023 гг., положенные в основу анализа, представленного в 3-й и 4-й главах, осуществлялись на местах под руководством известных региональных ученых, постольку мы считаем своим долгом выразить благодарность: к.и.н. В. Н. Бирину (Петрозаводск), к.и.н. А. О. Подоплекину (Архангельск), к.и.н. Н. П. Мироновой (Сыктывкар), к. социол. н. М. Р. Ткаченко (Сыктывкар), к.и.н. Г. С. Зеленеевой (Йошкар-Ола), д.и.н. А. В. Мартыненко (Саранск), к.и.н. Н. А. Тадиной (Горно-Алтайск), к.и.н. Т. С. Ябыштаеву (Горно-Алтайск), к.и.н. А. В. Яковлеву (Якутск).

²³ Park, R. E. Human migration and the marginal man // *The American Journal of Sociology*. 1928. №33(6). Pp. 881–893; Park, R. E. *Race and culture*. Glencoe, IL: The Free Press., 1950.

²⁴ Brettell, Caroline B., Hollifield, James F. (Eds.) *Migration Theory: Talking across discipline*. New York and London: Routledge, 2000.

²⁵ Барт, Ф. Введение // *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. – Москва: Новое издательство, 2006.

Глава 1. Идея культурных миров и ее политический ресурс

Этничность в современном мире, особенно в сложносоставных государствах, к которым можно отнести большинство стран мира – это не только «форма социальной организации культурных различий»²⁶, но и важный политический ресурс. И хотя идея национального государства как государства-полиса абсолютно доминирует в процессах нациестроительства начиная с Великой французской революции, все это время она конкурирует с идеей государства-этноса, фундаментом которого является одно этническое сообщество, особый статус которого может быть закреплён конституционно. Именно используя такое понимание государства, пытаясь всячески политизировать этничность и превратить ее в инструмент, с помощью которого можно осуществить процесс политического демонтажа Российской Федерации, уже много лет ведут свою деятельность внешние и внутренние враги Государства Российского. Распад Российской империи и особенно СССР показал, что мобилизованная этничность опасна, а идея нации-этноса разрушительна. Именно поэтому названные этнополитические инструменты будут использоваться вновь и вновь теми, кто полагает, что исторически сложившееся единство российских народов можно легко разрушить.

Геополитические конструкции культурных миров

Очевидная значимость диалога культур и его роли в политических процессах, имевших и имеющих место в новое и новейшее время, наиболее наглядно можно оценить через оценку культуры как политического и геополитического ресурса. Одной из наиболее значимых геополитических конструкций, строившейся на культурно-лингвистическом фундаменте, являются «культурные миры». Такие миры стали формироваться и институционализироваться с середины XIX столетия и начало этому

²⁶ Тишков, В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – Москва: Наука, 2003. – С. 60.

процессу было положено проведением в 1848 г. в Праге первого всеславянского съезда, на котором обсуждалось то, как превратить возникшую ранее концепцию славянской взаимности в реальную политическую конструкцию, как объединить славянские народы вокруг России. Позднее в более расплывчатой форме стала оформляться идея англосаксонского культурного пространства, которое начали строить на основе британской колониальной империи. В 1884 г. была озвучена необходимость трансформировать колониальную империю в «Британское содружество наций». В конце столетия возникла идея «Великой Финляндии» и «Великого Турана».

Культурно-языковая солидарность как инструмент конструирования широких культурных пространств (миров) может основываться на поисках культурной общности у представителей языковых семей, ветвей и групп, а равно и на лидирующей роли одного языка и культурных стандартов носителей этого языка для всех народов и государств, склонных признать тот или иной язык и культурные традиции его носителей, как образец для подражания и копирования.

Однако важно иметь в виду, что культурно-языковая солидарность как инструмент мягкой силы и сама идея использования культурной солидарности (а не экономического интереса или силового давления) в межгосударственных отношениях не являются «открытием» или новацией, внесенной в политику американским профессором Джозефом Наем²⁷. Первооткрывателями этого инструмента нужно считать так называемых будителей, т. е. представителей интеллигенции южных и западных славян, выступавших за национальное, культурное и языковое пробуждение славянских этнических сообществ Южной и Центральной Европы и заложивших основы национальных движений у названных народов в XVIII–XIX вв. Наиболее активно идеи «будителей» распространялись там, где имело место культурное давление со стороны иноэтничных элит – в Чехии и Словении, Словакии и Подкарпатской Руси, в Болгарии²⁸.

С начала XIX в. в кругах будителей все популярнее становится идея славянской взаимности – естественного тяготения

²⁷ Nye, J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004.

²⁸ Kolejka, Josef. *Славянские программы и идеи славянской солидарности в XIX и XX веках*. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964.

славянских народов друг к другу, обусловленного культурно-языковой близостью и отчасти общностью исторических судеб. Политическим выражением названных идей стали концепции формирования союза славянских народов под патронажем России (предлагались разные формы). Но в геополитическом плане речь шла о формировании широкого культурного пространства – славянского мира, хотя и политический подтекст этого пространства был более чем очевиден.

Важной особенностью идеи славянского мира и славянского единства было то, что эти идеи имели очевидный политический подтекст.

Славянское единство не состоялось, так как его похоронили балканские войны 1912–1913 гг. Тем не менее славянские съезды с большими перерывами продолжали созываться, и последний полноценный съезд прошел в Киеве в 2010 г. Хотя был еще и поминальный съезд в Праге в 2018 г. (в честь 180-летия первого съезда), но он скорее напоминал символическую надгробную плиту на идее славянской взаимности и славянского единства, а не попытку активизировать культурные обмены и решать межгосударственные проблемы с помощью народной дипломатии, общих культурных идеалов.

Но попытка построить славянский мир и неудачный опыт поисков славянской взаимности не были единственным опытом такого рода. Подобные конструкции стали возникать вновь и вновь.

Культурно-языковые принципы формирования трансграничных культурных пространств весьма активно стали использоваться исследователями и деятелями культуры в последней четверти XIX в., в эти поиски включились британские политики и исследователи, полагавшие, что для успеха деятельности колониальной администрации недостаточно разработки концепции косвенного управления колониальными народами и территориями, которую можно было применить в отношении ограниченного числа колониальных владений. Поэтому начались поиски путей реформативного отношений с бурно развивающимися колониями, полагая, что нужно создавать более прочный фундамент единства империи и постепенно отказываться от прямого директивного управления из метрополии.

В 1884 г. появился термин «Содружество наций», несколькими годами позже преобразованный в «Британское содружество

наций». Формирование Содружества было начато на колониальной конференции, проведенной в 1887 г. в Лондоне, на которой были определены основы новой колониальной политики: отныне наиболее развитым колониям даровался статус доминионов – автономных образований, имевших широкие полномочия, при этом все они становились частью Британского Содружества наций – объединения колоний и доминионов, в которых сильные позиции британского бизнеса и британские интересы, а также позиции английского языка и английских (британских) традиций. На конференции премьер-министров Великобритании и британских владений 1926 г. была принята Декларация Бальфура, в которой Великобритания и доминионы признали, что эти государства имеют равный государственный статус и не находятся в зависимости от метрополии, самостоятельно осуществляют свою внутреннюю и внешнюю политику, а сближает их общая верность Короне и свободное членство в Британском содружестве наций. Правовой статус Содружества был закреплен Вестминстерским статутом в 1931 г., но вплоть до 1947 г. объединение метрополии с колониями и доминионами представляло собой некое рыхлое подобие союза полуколоний, полусуверенных государств, каждое из которых было объединено с Великобританией династической унией (т. е. главой доминионов признавался британский монарх). Однако как реальное и добровольное объединение стран-партнеров, которых объединяет не только колониальное прошлое, но и общие традиции, язык (английский), культурные и образовательные институты, Содружество возникло только после 1947 г. Британский МИД стал именоваться Министерством иностранных дел и по делам содружества наций (название «Британское» было отменено), в парламенте Великобритании был создан специальный комитет, ведавший делами Содружества наций, появились многочисленные образовательные программы в британских университетах, предназначенные для молодых людей из стран Содружества, программы культурных обменов, специальные программы на ВВС, ориентированные на аудиторию разных частей Содружества. Стали нарастать и потоки трудовых мигрантов из бывших колоний в метрополию²⁹.

²⁹ Шишков, Ю. В. Судьба британского содружества наций: воспоминание о будущем СНГ // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 3; James, L. *The Rise and Fall of the British Empire*. – London: St. Martin's Press, 2004.

Крах колониальной системы и рождение на месте прежних империй десятков новых независимых государств заставил как Британию, так и другие бывшие колониальные империи искать новые механизмы и формы сохранения своего влияния в бывших колониях.

Британия в этом отношении стала примером, поскольку она показала возможность сочетания экономического интереса с культурно-языковыми принципами формирования трансграничных союзов и объединений. Не обладая достаточным политическим влиянием на международной арене, многие бывшие колонии рассчитывали, что, влившись в сообщество стран, объединяемых по принципу культурно-языковой солидарности, они укрепят государственность, усилят свое влияние на международной арене и всегда смогут использовать сформированную группу культурно солидарных стран как дополнительный политический ресурс при решении как внутренних, так и внешнеполитических проблем.

В состав Содружества наций вошло 53 страны, в которых английский язык имеет сильные позиции и которые некогда были колониальными владениями Великобритании. Ныне интересы многих стран Содружества существенно разнятся и о реальной солидарности его членов вряд ли можно говорить, равно как и о существовании единого культурного пространства стран Содружества. Видимо, интересы этих стран и далее будут расходиться, а само оно по мере ослабления влияния Британии в мире (которое стало очевидным после брексита) станет подвергаться внутренней эрозии.

Тем не менее британский опыт формирования широких культурных пространств стал тиражироваться. Но надо заметить, что Испания использовала идею культурно-языкового единства раньше других стран и термин «испанидад» появился в XVI в. для описания общей культурной, языковой и даже политической идентичности, характерной для носителей испанского языка и представителей испаноязычной диаспоры. Затем термин был забыт и стал возрождаться только в начале XX в., а реальные очертания концепция Испанидада обрела уже перед началом гражданской войны в Испании. Во время так называемой Второй Испанской республики испанский автор-монархист Рамиро де Маэсту, во время своего пребывания послом в Аргентине (1928–1930) обосновал концепцию Испанидада, сущность кото-

рой основана на националистических, католических и антилиберальных постулатах, а основные положения изложены в работе «Защита Испании» (1934)³⁰. Он пытался представить сообщество испаноязычных стран и народов как некий духовный мир, который может объединить Испанию и ее бывшие колонии с помощью испанского языка и католицизма. Его концепция противопоставляла культурные традиции испаноязычных народов западному рационализму, либерализму и демократии, чуждым испаноязычному культурному пространству.

Франко после победы в гражданской войне в Испании создал Совет Испанидад в ноябре 1940 г. как наднациональный институт, на который была возложена задача координации отношений с Латинской Америкой. Но реальное политическое и культурное сближение испаноязычных и португалоязычных стран и народов произошло только в конце XX столетия, когда возник так называемый ибероамериканский мир (иногда именуемый как Испанидад), являющийся макрорегионом, объединяющим страны, расположенные на двух континентах (в Америке и Европе), связанные между собой этнолингвистическим и этнокультурным единством. Ибероамериканское сообщество – своеобразное международное образование, предполагающее *решение различных проблем, представляющих интерес для всех членов объединения*. Членство в сообществе ограничено двумя параметрами: географическим (Латинская Америка и Иберийский полуостров) и лингвистическим (нации, говорящие на испанском и португальском языках). Ежегодно проводимые на протяжении двух десятилетий встречи глав государств и правительств явились главными событиями, а их диалог – основным содержанием так называемой *Ибероамериканской конференции* (или ИСН).

Первый ибероамериканский саммит состоялся в мексиканском городе Гвадалахара 18–19 июля 1991 г. Он был созван по инициативе Мексики, которую энергично поддержала Испания. Мехико и Мадрид выдвинули и обосновали идею укрепления исторического взаимодействия ибероамериканских народов, для чего предлагалось создать специальный институт – политический форум, проводимый на высшем уровне, во время которого в режиме прямого общения главы государств, ведущие политики и эксперты могут обсуждать актуальные проблемы развития стран-участниц и вырабатывать единую стратегию политических

³⁰ Ramiro de Maeztu. La defensa de la hispanidad. – Madrid: Gráfica Universal, 1934.

и экономических действий. В важнейшем документе первого форума – в итоговой «Декларации Гвадалахары», говорилось, что главы государств и правительств Иberoамерики договорились проводить консультации, расширять сотрудничество и наращивать взаимобмены для того, чтобы осуществлять согласованную политику, позволяющую наилучшим образом использовать преимущества, предоставленные принадлежностью к исторически сформировавшемуся сообществу³¹.

На первых иberoамериканских саммитах были сформулированы основополагающие принципы взаимодействия латиноамериканских и иберийских государств и их отношений с третьими странами. В числе основных значились защита демократии и основных прав и свобод человека, уважение суверенитета и территориальной целостности государств, право каждого народа свободно выбирать политическую систему и форму правления, укрепление многостороннего сотрудничества и сосредоточение усилий государств-членов на превращение Сообщества в позитивный, стабилизирующий фактор на трансатлантическом пространстве. На следующих форумах, проходивших поочередно в различных государствах – участниках процесса, в поле зрения политической элиты Иberoамерики попали почти все наиболее существенные проблемы регионального и глобального масштаба³².

Но названные выше принципы во многом оказались декларативными, поскольку, когда народ Каталонии заявил о своем желании самоопределиться и создать собственное государство, движение самоопределения было подавлено культурным лидером Испанидада – Испанией, а каталонские националисты и их идеи были объявлены вне закона.

В 1968 г. в международный политический лексикон было введено понятие «Франкофония», а 21 марта 1970 г. была создана Международная организация Франкофонии (Organisation internationale de la Francophonie – OIF), одной из задач которой является расширение влияния, в том числе геополитического, но первоначальной основой объединения было некое лингви-

³¹ Туфегулов, Т. А. Роль Испании в иbero-американском сотрудничестве // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 3(9). – С. 100–111.

³² Яковлев, П. П. Иbero-американское сообщество наций в формирующемся миропорядке. К 25 летию организации // https://docviewer.yandex.ru/view/65783251/?page=1&*=vc6njMdS3kLMuq63%2F%2FJ3DFG6zo17 (дата обращения: 03.03.2024).

стическое единство, т. е. в него вошли страны с сильными позициями французского языка и французской культуры. Сегодня в сообщество стран, симпатизирующих французскому языку и культуре, входят 58 стран (а еще 26 являются наблюдателями). А строится это культурное пространство стало еще в колониальную эпоху, а потому неизбежно несло на себе отпечаток «колониального дискурса».

В последней четверти XIX в. рождается модель «просвещенного колониализма», которой руководствовались в той или иной мере власти Британии, Франции, Португалии и Испании.

Оформление теоретического фундамента модели связано с именем декана юридического факультета университета Пуатье Артуром Жиро. В 1885 г. он издал книгу «Принципы колонизации и колониального законодательства». Книга неоднократно переиздавалась, поскольку стала неким «кодексом просвещенного колониализма³³». Жиро доказывал, что вся история Франции начиная с X в. была тесно связана с колониализмом, сущностью которого было триумфальное шествие французской культуры и цивилизации, постепенно осваивающих все новые территории. Если окситанцы или бретонцы стали французами, то, по мнению Жиро, то же самое должно произойти и с туземными жителями Алжира, Гвинеи или Кохинхины, поскольку французам, в отличие от британцев или немцев, не свойственен расизм по отношению к людям с другим цветом кожи.

Свою концепцию «просвещенного колониализма» Жиро называл ассимиляцией и противопоставлял британской сегрегации. Книга Жиро подвела итог фактически вековым метаниям между двумя политическими крайностями, когда сменявшие друг друга императоры, короли и президенты то объявляли гражданами Франции всех жителей колоний без разбора, то отказывали им в этом.

В итоге к моменту падения Второй империи среди политиков сформировалось понимание того, что негры или арабы, конечно могут стать французами, но для этого им все-таки стоит слезть с дерева, перестать побивать камнями за супружескую измену, научиться говорить по-французски и проникнуться французской культурой.

³³ Girault, A. Principes de colonisation et de législation coloniale. – Paris: L. Larose, 1895.

Первым его выражением стал указ № 137 Правительства национальной обороны от 24 октября 1870 г., подготовленный министром юстиции Адольфом Кремье, регулирующий вопрос натурализации жителей Алжира. Согласно ему, алжирский мусульманин мог стать полноправным французским гражданином только при условии, если по достижении 21 года (при отсутствии криминального прошлого) он письменно обратится к главе арабского бюро своего района с заявлением, что находится под юрисдикцией не местного традиционного права, а гражданского права Франции. В 1879 г. Правительство Франции восстановило ликвидированное Второй империей право африканских коммун иметь своего представителя в парламенте метрополии. Однако впервые депутат-африканец, Блэз Диань, был избран только в 1914 г. Подавляющую же часть населения во французских колониях, оказавшуюся в бесправном положении, составляли так называемые «подданные французской империи». С начала 1880-х гг. формируется новая колониальная политика Франции, в основе которой лежали идеи о так называемой «цивилизаторской миссии» Франции в отношении «менее развитых народов»³⁴.

«В 1894 году было создано специальное министерство колоний, при котором действовал Высший совет колоний... Менялось и административное деление колоний: территория колонии делилась на округа, возглавляемые префектами, округа дробились на менее крупные коммуны и кантоны. В колониях действовали французские законы и суды, а традиционные элиты "старых" колоний могли голосовать на выборах во французский парламент – Национальное собрание... Каждая колония управлялась назначаемым губернатором с колониальным чиновником на каждом территориальном уровне. На низшем управленческом уровне (коммуны) в административный штат набирались представители местных элит, которые рассматривались как официальные служащие империи. Население колоний различалось по правовому положению: основная масса попадала в категорию французских подданных, которые не имели гражданства, но могли получить его в перспективе. Во вторую категорию входили коренные элиты, чьи традиционные права соблюдались французскими чинов-

³⁴ Буйко, О. Л. Колониальный вопрос в политической жизни Франции в 80-е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2010.

никами несмотря на отсутствие гражданства. Последняя категория – полноправные граждане империи. С 1881 года вводилось в действие постановление ("Кодекс коренных народов"), которое создало механизм получения гражданства для местного населения: для этого надо было достичь возраста совершеннолетия, овладеть грамотой и по собственному заявлению перейти под действие законов метрополии... Первоначально постановление распространялось на Алжир, французскую Индию и Индокитай, но к началу XX века охватывало Африку (кроме Туниса и Марокко) и Карибские острова. Получить гражданство таким способом могли не все коренные жители, но важен сам факт наличия и работы такого механизма. Описанная выше система прямого колониального управления, в отличие от косвенной, предполагала прямое вмешательство в культуру коренных народов на завоеванных территориях. Целью такого воздействия было создание слоя "цивилизованных" туземцев, которые бы разделяли нормы и ценности французской культуры. После европеизации, коренное население по установленным критериям получало гражданство империи, то есть, переходило из категории "они" в категорию "мы". Такой подход к политике управления был выработан в рамках теории ассимиляции, которая предполагала унификацию культурного и политического пространства империи»³⁵.

Хотя «Кодекс коренных народов» формально действовал до 1962 г., его положения в части разделения жителей колоний на группы были отменены рядом актов в середине 1940 г. Ордонанс 7 мая 1944 г. отменил требование отказа от юрисдикции традиционного права для получения гражданства, ордонанс 24 марта 1945 г. отменил действие кодекса в отношении тихоокеанских колоний.

Наконец 25 апреля 1946 г. Учредительное собрание принимает закон, названный по имени сенегальского депутата Ламина Гуяе. Он провозглашал, что «все жители заморских территорий имеют статус граждан». Данное положение было повторено в статье 80 Конституции 1946 г., разъяснявшей, что условия осуществления данными гражданами своих гражданских прав регулируются специальными законами.

³⁵ Лисенков, О. О. Империи нового времени: принципы управления колониями. Пример Британии и Франции // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 6. – С. 51.

На таком историческом, правовом и политическом фундаменте и стала строиться концепция франкофонии, культурной основой которой стал французский язык и опыт культурного взаимодействия Франции со своими колониями.

Сегодня государства и территории, включенные в сообщество Франкофонии разбросаны на пяти континентах: в Европе, двух Америках, Африке и Азии. Границы, казалось бы, очевидны, но они достаточно условны, если учесть разный статус французского языка как национального, официального, основного иностранного, языка культуры, рабочего языка части населения государств-членов. Формирование самого термина опять же «относится к колониальному периоду и связан с именем географа О. Реклю, который впервые употребил термин "франкофония" в работе 1886 г. "Франция. Алжир и колонии" ... <...> Под этим термином Реклю понимал общность территории и экономики метрополии и ее колоний. Вопрос о языковой и культурной идентичности Реклю специально не рассматривал. Утрату территорий он считал ошибкой или несчастьем (*erreurs et malheurs*) <...> и рассматривал только одну идентичность – идентичность представителей метрополии. Новый этап развития франкофонии и освоения этого феномена наступил в конце 1950-х – начале 1960-х гг., в период распада колониальных систем Франции и Бельгии и неизбежного изменения идентичностей как жителей метрополий, так и жителей бывших колоний. Дискурс большинства "отцов-основателей" франкофонии содержал следы колониально-патерналистского нарратива»³⁶.

В настоящее время восприятие этого культурного пространства осложнено, поскольку не существует однозначного понимания его сущности. Одна из распространенных трактовок связана с принципиальным разделением франкофонии (со строчной буквы) как добровольного неполитического/гражданского объединения разных стран, ассоциированных с французским языком, и Франкофонии (с прописной буквы) – как политического института и элемента межгосударственных структур. В трактовке Франкофонии как политического института, созданного для «совокупных действий», политический фактор превалирует над лингвистическим и объединение рассматривается

³⁶ Загрязкина, Т. Ю. Франкофония: язык, культура или политика? – С. 8–9. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1709382333&tld=ru&lang=ru&name=2020-39-01>. (дата обращения: 02.03.2024).

не как лингвистическое пространство, а как геополитическая конструкция, с помощью которой определяют некую зону политического влияния – влияния Французской республики.

При этом показательно, что Франция с ее жесткой ассимиляционной политикой и отсутствием языкового плюрализма (с 1880 г. языком образования во Франции может быть только и исключительно французский язык)³⁷ в рамках Франкофонии проповедует иные культурные принципы.

«На современном этапе развития и осознания франкофонии идеологический аспект начинает соперничать с языковым и даже превалировать. Ж.-П. Кюк назвал франкофонию "идеологией" – "альтернативным культурным предложением", "видением мира, которое одновременно претендует на универсализм и оригинальность" <...> Использование глагола "претендует" (se veut) свидетельствует о том, что специфика франкофонии все еще точно не определена. Предположим, что она заключена в идею "диалога культур и цивилизаций", закрепленной в декларации, подписанной в Бейруте в 2002 г... Задача поддержания языкового и культурного разнообразия как основы ф/Франкофонии подтверждена и в последней, Ереванской декларации 2018 г. <...> Между тем данный принцип находит свое выражение в документах многих международных организаций, в том числе ООН <...> Демократия и права человека – важная составляющая франкофонного дискурса: регулярно, с периодичностью в 2 года, Международная организация Франкофонии публикует доклад о состоянии демократии, прав и свобод во франкоязычном пространстве <...> Однако эти ценности также считаются универсальными, и вряд ли франкофония может претендовать на приоритет в этой области, даже с учетом упоминания о многообразии путей, которыми достигается демократия <...> Приоритетом франкофонии было и остается распространение французского языка. Однако франкофония никогда не представляла собой когерентное пространство с точки зрения варьирования французского языка, сфер его использования и социолингвистического статуса: французский язык выступает как национальный, официальный, первый иностранный, как язык культуры, рабочий язык части населения и т. д. Ансамбль не является когерентным и с точки зрения своих границ. По сути, речь идет не о грани-

³⁷ Филиппова, Е. Территории идентичности во Франции. – Москва: ИЭА РАН, 2010.

цах, а о периметре, не о франкоговорящих странах, а об ожидаемой общей идентичности франкофонов. Эти параметры также обозначены нечетко, и в связи с расширением франкофонии на не франкоговорящие страны они уже не зависят от степени фактического использования французского языка. Расширение vs «расползание» франкофонии – явление столь же положительное, сколь и неоднозначное. Повышается риск растворения франкофонии среди не франкоговорящих стран и ослабевание связи с французским языком. Этот процесс вызывает особые опасения в африканских странах, которые до сих пор считали себя основой сообщества. Именно Африка сыграла большую роль в формировании франкофонии, а в недалеком будущем 85 % франкофонов будут проживать на африканском континенте <...> В настоящее время на смену французской формуле "культурного исключения" (exception culturelle) приходит политкорректный лозунг "культурного плюрализма" (pluralité culturelle), в защиту которого на международной арене выступает Франция. Между тем на своей собственной территории Франция сокращала языковой плюрализм в течение веков, что ставит ее в сложное положение в связи со сменой лозунгов и "сменой вех". Кроме того, продвижение французского языка в его референтной модели, которая по-прежнему предпочтительна, неизбежно отодвигает на вторую позицию поддержку культурного разнообразия. Именно это дает аргументы для обвинения ОИФ в "лингвистическом якобизме и культурном централизме", осуществляемых, как отмечается, во Франции в течение нескольких столетий, "в то время как задачи ОИФ являются иными"³⁸.

Поэтому не случайно, что некоторые члены этого объединения Франкофония (ОИФ) обвиняют Францию в том, что объединение есть некая новая форма старой колониальной зависимости³⁹, а потому внутреннего согласия и полной солидарности членов в сообществе нет. Да и сами заморские департаменты Франции (бывшие колонии) являются примером того, что страна болезненно прощается со своим колониальным прошлым. События мая 2024 г. в Новой Каледонии продемонстрировали, что культурного единства между населением метрополии и жителями

³⁸ Загряжкина, Т. Ю. Указ. раб. – С.10–11.

³⁹ Марусенко, М. А. Франкофония: миф или реальность // Мир русского слова. – 2016. – № 1. – С. 39–43.

указанных департаментов нет, а язык никак не укрепляет его. О том же самом говорит и ситуация в ряде стран Центральной Африки, традиционно считавшихся сферой влияния Франции.

Этноязыковой и религиозный принцип был положен в основу созданной в 1945 г. Лиги арабских государств, а сама идея единой арабской нации была сформулирована еще в 1905 г. При этом понятие "Арабский мир" прочно укоренилось во второй половине XX столетия и тогда же заговорили об арабском единстве.

По основанием "Арабского мира" являются идеи арабизма, или арабского национализма, а «арабский национализм в виде "арабской уммы-нации" как своего центрального постулата приобрел нечто противоположное, если не конфронтационное идею "исламской уммы" в панисламистской интерпретации: если для последней единая умма (супернация) – все мусульмане, независимо от этнонациональной принадлежности, то для арабских националистов единая умма (арабская нация) – все арабы, независимо от конфессиональной принадлежности (будь то мусульмане или христиане). Заметим, что эти противопоставление и конфронтационность оказывали затем воздействие на весь характер взаимоотношений между националистическими и панисламистскими течениями в арабском мире, по крайней мере, вплоть до последней четверти XX века, постоянно вызывая не только идейное противоборство между ними, но и острейшее политическое противостояние, выливавшееся нередко в акты кровопролитных столкновений. В известной мере это противостояние сохраняется и по сей день»⁴⁰.

При этом важно заметить, что все националистические движения в арабских странах и многие местные интеллектуалы демонстрируют глубокую «приверженность широкому концепту 'уруба – арабизма, "арабства", особой арабской идентичности, а также идее существования "единой арабской нации" (умма 'арабийя вахида). Понятие арабской уммы – ключевое для всех толков арабского национализма»⁴¹.

Однако сегодня во главу угла своей политики арабские страны ставят не интеграцию и общие культурные традиции, а

⁴⁰ Труевцев, К. М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи // Политика. – 2003. – № 3 (30). – С. 107.

⁴¹ Наумкин, В. В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 44.

защиту государственного суверенитета своих стран⁴², а согласия между ними уже давно не наблюдается, поскольку регионализм, трайбализм и исламизм вытеснили арабизм и идею арабского единства из актуальной политической повестки в странах «арабского мира». Свидетельством чему стало отношение к военной операции Израиля против в секторе Газа, развернувшейся после вторжение группировки ХАМАС в Израиль (названное ей операцией «Наводнение Аль-Акса», араб. (هياصقأأانافوطؤيلمع) 7 октября 2023 г. Огромные жертвы среди мирного населения Газы, невероятный масштаб разрушений, нападение израильских военных на гуманитарный конвой ООН никак не способствовали объединению арабского мира, хотя одобрения и не вызывали.

Вместе с тем серьезные специалисты не соглашались с теми западными экспертами, которые однозначно заявляют о «смерти арабского национализма». У него сохраняется очень мощная социальная и культурная основа, которая при определенных условиях может привести к ревитализации идей арабского возрождения и арабского единства, арабского национализма. Как справедливо указывает В. Наумкин: «Во-первых, нет никакого сомнения в том, что "слухи о его смерти явно преувеличены". Об аргументах в пользу этого вывода лучше всего сказал известный ливанский государственный деятель, видный дипломат и политолог Гассан Саламе. В интервью Федору Лукьянову он справедливо отметил факторы, помимо единого литературного языка, и сегодня объединяющие арабов. Это, прежде всего, общий арабский культурный рынок, который в 10 раз больше интегрирован, чем европейский", считает Саламе, и "если сегодня в Ливане появится новая талантливая певица, она уже через пару недель прославится на все Марокко". Как бывший министр культуры Ливана он знает, что говорит. К этому можно добавить кино- и телеиндустрию, общие арабоязычные социальные сети, а также книгоиздательский рынок. Книжки, печатающиеся в той или иной арабской стране, распространяются и читаются во всех арабских странах. Это также финансовый рынок. Данное утверждение Саламе весьма весомо в системе его аргументов, хотя и может выглядеть как гипербола, поскольку этот рынок сегментирован. Это и общий рынок труда.

⁴² Мелкумян, Е. С. Лига арабских стран в структурировании арабского регионального пространства // Вестник МГИМО - Университет. – 2020. – № 13 (5).

Уроженцы одних стран живут и работают в других многие десятки лет. Одних египтян за рубежом 7–8 млн. Это, наконец, объединяющее арабов-мусульман паломничество. Арабов сближают и трансграничные религиозные сообщества – партии, движения. "Арабская весна", говорит Саламе, тоже показала, как быстро могут среди арабов распространяться новые формы социальной активности. Историческая память левантийцев играет важную скрепляющую роль при всей силе разъединяющих, центробежных тенденций...

Иначе говоря, породившие в прошлом идеологию арабских националистов традиционные базовые факторы межарабской близости сохраняются и сегодня. Это и единый язык, и общая история. Но действуют и "новые" факторы.

Это, прежде всего, растущее единство рынков – культурного, финансового, рынка труда и т. д., это позволяет говорить о том, что потенциал "арабизма" далеко не исчерпан в силу очевидного запроса на интеграцию (но никак не на политическое объединение государств).

Во-вторых, неверно говорить, что "национализм сменяется исламизмом", как это делает ряд ученых, в том числе упоминавшийся выше Бендебка. Исламский объединительный проект в его ультрарадикальной, основанной на терроризме форме, потерпел фиаско, что влияет на судьбу исламизма в целом. Но в принципе прав Сами Зубайда, который еще в 2004 г. говорил о существовании трех видов национализма в арабском мире: панарабского, исламского и странового ...

В-третьих, на фоне очевидного триумфа модели национального государства такая форма политического "арабизма", как панарабский проект, явно потеряла свою привлекательность и мобилизующую силу даже в стране, где у власти по-прежнему находится переживающая некоторую идейную трансформацию, но сохраняющая глубокую преемственность с историческими этапами своей судьбы партия Баас, – в Сирии. Прочность пережившей последствия юнионистских экспериментов сирийской государственности, в целом устоявшей и в годы страшного кризиса второй декады нашего столетия, способствовала фактическому отказу Баас от панарабистской версии "арабизма", но при его сохранении в идеологии и политической практике в мягкой, гибридной форме. В этой форме лозунги арабского единства и приверженности светской модели государства сочетаются

и с некоторыми элементами исламской солидарности. Проявившаяся в ходе преодоления еще продолжающегося кризиса устойчивость режима объясняется его активным использованием идеологии сирийского патриотизма.

В-четвертых, современная Турция фактически копирует матрицу панарабского призыва баасистов. В идеологии Эрдогана историческое наследие и историческая память играют огромную роль (хотя упреки в “неосманизме” в его адрес несколько преувеличены). Явный, хотя и во многом непрочный, успех модели турецкой государственности по Эрдогану укрепляет уверенность лидеров современной Сирии в необходимости частичного сохранения, хотя и в новой форме, формальной приверженности классическим, по сути юнионистским постулатам баасизма»⁴³.

К транснациональным культурным институтам, осуществляющим «экспансию» культурных ценностей за пределы национальных границ и расширяющих культурное (но не политическое) влияние того или иного государства в мире, можно отнести германский Институт Гёте, занимающийся пропагандой немецкой культуры, и все более усиливающий свое влияние китайский Институт Конфуция, отделения которого есть и в целом ряде российских городов.

Тюркский мир и пантюркизм

Современная политическая концепция Тюркского мира базируется на культурно-языковом фундаменте и специфическом «прочтении» истории тюркских народов. Для понимания характера современных этнополитических мифов, связанных с конструкцией «Мира», в первую очередь, надо рассмотреть характер этнической эволюции тюрков.

Тюрки – это представители алтайской языковой семьи, которую первоначально объединяли с уральской, а потому называли урало-алтайской. Затем эти семьи разделили на уральскую и алтайскую.

В современном понимании алтайская языковая семья делится на тюркскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую, корейскую и японо-рюкюскую ветви. Языковеды полагают, что тюркские и монгольские языки до IV тыс. до н. э. были не-

⁴³ Наумкин, В. В. Указ раб. – С.55–56.

разрывны и представляли собой восточную ветвь алтайской семьи. Восточнее указанной языковой группы находилась тунгусо-маньчжурско-японо-корейское языковое сообщество, или, точнее – пространство, распавшееся в III тыс. до н. э. на тунгусо-маньчжурскую и японо-корейскую ветви. Разделение японо-корейской ветви произошло в IV в. до н. э., когда предки будущих японцев переселились на Японские острова и смешались там с племенами айнов.

Прямыми предками тюрков называют кочевников-хунну, создавших первую кочевую империю во II–I вв. до н. э., северные границы которой простирались до российских территорий, находящихся на границе с современной Монголией. Есть предположение (не получившее достаточных доказательств), что хунну говорили на неразделенном тюрко-монгольском, или древнетюркском языке.

В середине I в. до н. э. Гуннское государство разделилось на южных и северных гуннов. Южные гунны потеряли свою независимость и попали под власть династии Хань. Северные гунны в конце I в. до н. э. во главе с Чжи-Чжи двинулись на запад. Гунны дошли до земель кангюев в Южном Казахстане, заключили с ними мирное соглашение и получили возможность кочевать к востоку от р. Талас⁴⁴. Начало второй волны массового передвижения гуннских племен на юго-запад Казахстана и в Приаралье относится к I в. н. э. Их появление на этих землях заставило местные племена аланов и асов перекочевать дальше на запад. Гунны также начали двигаться дальше и, переправившись через реку Дунай, вторглись в Европу. Движение гуннских племен с востока на запад, начавшееся во II в. до н. э., растянулось до IV в. н. э. Гунны заставили многие другие кочевые племена покинуть места прежнего обитания. Это невиданное в истории движение разноязычных племен и народов получило название Великого переселения народов. В 375 г. гунны переправились через Волгу и за нескольких лет вся территория Причерноморья была ими покорена. Часть местного населения, в частности готские племена, вошла в состав гуннов. В 395 г. гунны подходили к Константинополю, столице Восточной Римской империи. В 437 г. гунны совершили поход вглубь Европы. В 445 г. к власти пришел Ати-

⁴⁴ Гумилев, Л. Н. История народа хунну / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи: в 2-х книгах. Кн. 1. – Москва: институт ДИ–ДИК, 1998.

ла. При нем государство гуннов достигло своего могущества. Он объединил разрозненные племена гуннов в Румынии и Венгрии. Затем Аттила вторгся в Восточную Римскую империю. Свыше 70 городов Греции были взяты, пали все римские крепости на Дунае. Отсюда Аттила направил свою армию в Галлию, где в 451 г. произошла Каталаунская битва. Историки называют это сражение «битвой народов». Весной 452 г. Аттила вторгся в Италию и подошел к Риму. Император бежал из Рима, но в 453 г. Аттила неожиданно умер, а после его смерти гуннские родовые союзы распались.

Гуннов порой называют прототюрками (а равно и прямыми предками венгров), но это утверждение не имеет достаточных доказательств. Гунны представляли собой союз многочисленных кочевых племен и территория их расселения, а также ряд других особенностей отличали их от тюрков.

Впрочем, надо иметь в виду, что древние кочевники не были и не могли быть сформировавшимися, а тем более прочными этнокультурными образованиями, а представляли собой рыхлые племенные союзы, в которых основной хозяйственной единицей и хранителем традиций выступал род. Само кочевое хозяйство покоилось именно на родовой организации, поскольку для кочевого животноводства были необходимы обширные пастбищные угодья, емкость которых не позволяла, однако, служить ресурсной базой для многочисленных людских сообществ. Более того, интенсивное использование этих угодий требовало их постоянной смены, а природные условия и случавшиеся климатические изменения нередко вынуждали менять маршруты кочевий. Племя в этих условиях выступало как регулятор хозяйственных отношений между родами, устанавливавший границы между родовыми кочевьями и права владения ими, а также было формой военной организации, служившей защитой от посягательств на угодья и скот со стороны других племенных объединений. Привязанность к племени нередко была условной и род мог легко переходить из «юрисдикции» одного племени в правовые отношения другого, меняя племенное имя и традиции. Отсюда вытекала изначальная неустойчивость культурных границ и самих кочевых империй, а также сложный и длительный процесс формирования общенационального самосознания, которое, чаще всего становилось устойчивым при переходе от кочевого образа жизни к оседлости и примером тому

являются венгры-мадьяры, турки-сельджуки, башкиры, казахи и многие другие народы.

Термин «тюрк» появляется в V в. и, согласно китайским источникам, тюрками (тюрк-ют) называлась небольшая группа кочевников, названная «пятьсот семей Ашина», состоявшая из разных племен, говоривших на одном из диалектов монгольского языка. Слово «тюрк» означает «крепкий». Сообщество семей Ашина подчинялось хуннскому князю, чьи владения простирались между излучиной р. Хуанхэ и горами Наньшань, т. е. в степных предгорьях. После того, как в 439 г. хунны были покорены китайцами и стали частью империи Вэй, Ашина с ордой откочевал на южную сторону Алтайских гор, где они смешались с поселившимися здесь потомками хунну, в свою очередь уже смешавшимися с местным автохтонным населением. Пришельцы не только превратились в алтайскую аристократию, но дали всему местному территориальному сообществу свое самоназвание/этноним, а также язык, который стал называться тюркским. За последующие 100 лет пришлые кочевники полностью растворились в среде аборигенного населения, которое к тому времени уже прочно усвоило этноним «тюрк». Часть обитавших на Алтае племен откочевала на запад, а другая – на восток, из которых позднее стали формироваться тюркоязычные народы Восточной Сибири (якуты, тофалары, хакасы и др.), тогда еще тюрками не называвшиеся. Как отмечал один из основателей отечественной тюркологии В. Радлов, до создания каганата слово «тюрк» означало лишь союз 10 (позднее 12) племен, сложившийся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранилось за данным термином и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении «тюрк бодун» (бодун – союз племен). Еще в середине VIII в. источники упоминают «двенадцатиплеменный тюркский народ»⁴⁵. Этим же словом было обозначено и государство, созданное собственно тюркскими племенами. Указанные значения отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках и китайских источниках. В более широком смысле термин стал обозначать принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Так его употребляли византийцы и иранцы, а иногда и сами турки. В VI в. возникло первое крупное тюркское государство – Тюркский каганат,

⁴⁵ Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии Наук, 1893–1911.

в период своего расцвета контролировавшее территории Маньчжурии, Монголии, Алтая, Средней Азии и Северного Кавказа. Каганат покорил также хазар и болгар. Болгар рассматривают как периферийные алтайские племена, ранее других ушедшие на запад. Что касается хазар, то их происхождение до сих пор не выяснено, но после тюркского завоевания они тоже стали говорить по-тюркски. Тюркский каганат, как и другие кочевые империи, просуществовал недолго и распался уже в VII в.⁴⁶ Тем не менее история именно этого раннегосударственного образования служит основой для формирования современных националистических мифов у ряда тюркских народов, обосновывающих не только ранние истоки их государственности и их историческую преемственность с Тюркским каганатом. Ранняя история тюрков представляется как *эпоха формирования цивилизационных основ тюркских народов*⁴⁷, время становления великой культурной традиции. Определенные основания для такого рода интерпретаций есть, ибо тюрки создали свою письменность – руническое письмо, которое, правда, было письмом для избранных и не было интегрировано в широкий слой культурных достижений, но, безусловно, является важным артефактом. *Это письмо, как и религиозные системы древних тюрков, их правовые нормы, были вытеснены вскоре мусульманской религией, нормировавшей все стороны жизни своих приверженцев, и арабским письмом.* После падения каганата на степных пространствах Евразии господствовали разные племенные тюркские союзы – хазары, болгары, печенеги, огузы. В XI в. на территории от устья Дуная до низовий Сырдарьи и оз. Балхаш начинают доминировать кипчаки (половцы). В XIII в. они попадают под власть монгольских завоевателей, а затем становятся ядром улуса Джучи – Золотой Орды, т. е. государственного образования, основанного монголами. После распада Золотой Орды на ее месте появляются Большая Орда, Ногайская Орда, Казанское и Астраханское ханства, Сибирское ханство, которые затем были покорены Московским царством. Сегодня в России проживает 36 тюркских народов.

⁴⁶ Игибаев, С. К. Образование Тюркского каганата и его распад. – Усть-Каменогорск: I.S.K., 2004.

⁴⁷ Рахманалиев, Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. – Москва: Рипол-Классик, 2019; Максуди, С. А. Тюркская история и право. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002; Хахим, Р. Метаморфозы духа. К вопросу о тюрко-татарской цивилизации. – Казань: ИделPRESS, 2005.

Эти народы исповедуют разные религии, их традиции, уклад хозяйственной жизни, пути исторической эволюции существенно отличаются друг от друга⁴⁸.

Особо стоит оговорить процесс этногенеза (формирования единого культурно-языкового сообщества) современных турок. Их самоназвание – тюрк, которым до 1917 г. и даже в первой советской переписи населения СССР 1926 г. именовали азербайджанцев. Проникать в Малую Азию тюрки начали довольно рано, но их массовое переселение началось лишь в XI столетии, когда кочевые тюркские племена сельджукидов пришли из прикаспийских степей через Иран на территорию современной Турции, к тому времени уже плотно заселенной. Формирование империи сельджуков происходило в XI–XIII вв., когда сельджукские завоевания сопровождались еще и монгольским вторжением. Несмотря на то, что эти вторжения существенно увеличили численность тюрков, формирование турецкого этнического сообщества происходило в процессе его интеграции с местным малоазийским населением: греками, армянами, лазами, курдами и др. культурными группами⁴⁹. После захвата Юго-Восточной Европы заметную роль в формировании турецкой этнической общности стали играть южнославянские народы, а также албанцы, румыны, молдаване, венгры. Таким образом, турки, как и многие другие крупные народы, *имеют смешанное происхождение* и напрямую связывать их современный культурный облик с древними тюрками некорректно. Окончательно турецкая этническая общность (народ) сформировалась к началу XX в., и к этому времени относится и складывание литературного языка, а также активный процесс формирования турецкого националистического мифа. Это был закономерный процесс, поскольку он связан с радикальными политическими изменениями, сопровождавшимися сменой идейных установок.

В 1908 г. в Османской империи власть султана была свергнута и к власти пришли младотурки (движение младотурок возникло в 1889 г.). В их идеологии впервые пантюркизм, который уже стал культурным явлением для мусульманских интеллек-

⁴⁸ Народы России: Атлас языков и культур / отв. ред.: А. В. Журавский, О. Е. Кальмина, В. А. Тишков; 2-е издание, испр. и доп. – Москва: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009. – С. 112–113.

⁴⁹ Еремеев, Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). – Москва: Наука, 1971.

туалов, приобретает политическое значение. Чтобы подорвать господствующие позиции инациональных предпринимателей в экономике империи и расчистить путь для развития «своей» буржуазии, младотурецкие правители начали осуществлять политику жестких репрессий против греческого и армянского населения. Во имя осуществления своих замыслов они активно использовали идеи панисламизма, которые стали пропагандировать еще во времена последнего турецкого султана Абдул Хаида II. Другой идеологической основой национальной политики стал пантюркизм. В основу этой концепции положены идеи зарождавшегося турецкого национализма, наиболее ярким выразителем которых стал философ Зия Гекальп, выступавший противником как идей османизма, так и панисламизма.

Важным шагом на пути консолидации усилий тюркских интеллектуалов и кристаллизации идей тюркизма стало основание в 1902 г. журнала «Тюрк» в Каире (Каир еще был частью Османской империи). На страницах журнала обосновывалась идея пантюркизма как альтернативы исламизации. Самым первым научно-теоретическим обоснованием пантюркизма считается статья татарина из Казани Юсуфа Акчур (Акчурина) «Три вида политики», опубликованная в 1904 г. (впоследствии он стал советником Кемаля Ататюрка и профессором Стамбульского университета). А в 1908 г. вышла в свет статья азербайджанца Али Гусейнзаде «Тюркизация, исламизация, модернизация», где идеи тюркского единства нашли дальнейшее развитие.

В 1912 г. видные турецкие авторы Зия Гёкальп и Халиде Эдиб Адыва написали популярный роман «Ени Туран» («Новый Туран»), где в героической форме прославляли прошлое и будущее тюркских народов. Тем самым начался процесс поэтизации и «символизации» пантюркской идеи, превращение ее в привлекательный геополитический проект.

Основной идеей пантюркизма в политической сфере было создание государства «Великий Туран». Именно идеи Гекальпа получили широкую популярность в среде младотурок. Наиболее шовинистически настроенные среди них сформулировали и создали на базе идей просветителей пантюркистскую доктрину, провозглашавшую необходимость соединения всех тюрков под властью турок и обосновывавшую этот путь историческим мифом о прочной и длительной исторической традиции единства

тюркских народов, их тесного культурного родства. При этом они призывали к насильственному отуречиванию или ликвидации национальных меньшинств в империи⁵⁰.

В деле формирования культурного фундамента пантюркизма весомая заслуга принадлежит крымско-татарскому общественному деятелю Исмаилу Гаспринскому. Он первым обратил внимание на роль языка и образования в культурном и государственном строительстве. По его замыслу основой культурного прогресса и единения тюрок может быть упрощенный вариант турецкого языка, избавленный от значительного корпуса арабизмов и фарсизмов (иранских заимствований), т. е. заимствований из других языков (идея «очищения» этнических языков от интернационализмов и заимствований из языков других народов, или пуризм, сегодня весьма популярна у лингвистов в национальных республиках). Предлагавшийся им и его сторонниками вариант тюркского *lingua franca* предназначался для коммуникации между всеми народами тюркской семьи «от Балкан до Великой Китайской стены», «от босфорских лодочников до верблюжьих погонщиков Кашгара»⁵¹.

Но при этом «отец тюрок» (как его порой называют) довольно критично оценивал перспективы тюркского единства: «...объединение мусульманских народов, которые, кроме Кюрана, не имеют ничего общего, может быть лишь несбыточной мечтой»⁵². Однако несомненной заслугой Гаспринского является разработанная им система образования для мусульманских стран, основанная на светскости и родном языке учащихся. Он был сторонником единения как тюрок, так и славян (благо концепт славянской взаимности и пример Всеславянских конгрессов, проводившихся с 1848 г., ему подсказывал путь идейных исканий). Просветительскую деятельность он вел не только

⁵⁰ Алиев, Г. З. Турция в период правления младотурок. – Москва: Наука, 1972; Гасанова, Э. Ю. Идеология буржуазного национализма Турции в младотурок (1906–1914). – Баку: Изд-во АН АзССР, 1966; Васильева, С. В. Роль идеологии пантюркизма в политических процессах республиканской Турции: автореф. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2012.

⁵¹ Цит. по: Беннигсен, А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидского движения в России // И. Гаспринский Россия и Восток. – Казань: Фонд Жиев; Татарское книжное издательство, 1993. – С. 88.

⁵² Цит. по: Сеньюткина, О. Н. К вопросу об истоках российского тюркизма // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2005. – Т. 7, № 2. – С. 303.

в Крыму, но и в Казани, а в 1905 г. был председателем первого съезда мусульман Российской империи. Идеология пантюркизма тесно связана с понятием «Туран», которое возникло как антипод «Ирана» – страны, где господствует персидская культура. Огромное пространство «Турана» к северу от Ирана и от Кавказа до Саян рассматривалось идеологами пантюркизма как прародина «туранских» народностей, к которым причислялись все этнические группы, первоначально приписывавшиеся к урало-алтайской языковой семье, поэтому поначалу туда включали и уральцев (народы уральской языковой семьи).

Но если Гаспринский выступал как просветитель, хотя и не чуждался политики, то политический пантюркизм, причем в жесткой его форме, как сказано выше, – это «заслуга» младотурок.

Именно младотурки стали идеологами и организаторами геноцида армян, ассирийцев в 1915–1921 гг. и насильственного выселения греков из Малой Азии. Идеи пантюркизма были отвергнуты после поражения Османской империи в Первой мировой войне и ее распада. Пришедший на смену младотуркам режим Ататюрка ориентировался на турецкий национализм и создание государства-нации, в котором, правда, тоже не было места этническим меньшинствам, а потому ираноязычных курдов (принадлежащих к индоевропейской языковой семье) стали называть «горными турками», а их язык был запрещен в сфере официального применения.

Но в чем причины возрождения пантюркизма в современной Турецкой Республике и его процветания на постсоветском пространстве?

Турция, переживавшая бурный экономический подъем в последней четверти XX–начале XXI в., стала претендовать на роль регионального политического лидера, но на Ближнем и Среднем Востоке она не могла использовать фактор культурной солидарности в силу существенных культурно-языковых различий с доминирующими здесь культурно-языковыми сообществами. Религиозную солидарность она пыталась использовать (и использует до сих пор), но здесь были определенные ограничения, которые не позволяли использовать ислам как политический инструмент во внешней политике страны. В результате

политическим ресурсом для регионального лидерства решено было применить ресурс «мягкой силы»⁵³, т. е. культурные связи, основанные на языковом родстве и «общем происхождении», сопровождавшиеся и завоеванием рынков «культурных родственников».

Государства Центральной Азии, ставшие независимыми после распада СССР в 1991 г., на начальных этапах государственного строительства остро нуждались в инструментах политической мобилизации и собственных националистических мифах. Важнейшим инструментом внутренней интеграции и решением насущных проблем молодых государств и населению, и политическим элитам виделся ислам. Но международную правосубъектность и международное признание как «исторических народов» новые государства-нации пытались обрести с помощью тюркского культурного и исторического наследия и формирования пантюркских культурных и политических институтов. Эти устремления встретили понимание в Турции, которая попыталась стать лидером нового «Тюркского мира», используя инструменты культурной экспансии. С 2007 г. проводятся курултай (съезды) тюркских народов, с 2010 г. – международные конгрессы тюркских народов, с 2012 г. – туранские конгрессы.

И тем не менее основным стимулом для актуализации идей пантюркизма были процессы суверенизации и этнополитической мобилизации внутри самой России. **Идея Суверенного Татарстана требовала не только мобилизации сторонников внутри республики, но и создания группы солидарности на международной арене.** В 1991 г. в Казани была учреждена Ассамблея тюркских народов, в рамках которой намечалось укрепление культурного и политического сотрудничества между странами и регионами, населенными тюрками. При этом, как политики, так и этнические антрепренеры в России, вовлеченные в процесс конструирования широкого тюркского культурного пространства, подчеркивали, что сотрудничество в рамках носит характер культурных обменов.

То же самое озвучивалось и турецкой стороной. При этом турецкая культурная экспансия была многомерной. Но наибольший резонанс в рассматриваемом контексте получали две событийные линии недавнего прошлого: ситуации вокруг перевода

⁵³ Ные, J. S. Указ. раб.

татарского языка на латинскую графическую основу – во-первых, и функционирование турецких лицеев – во-вторых.

В 1992 г. Всетатарская ассоциация «Магариф» («Просвещение») приняла резолюцию «О переходе к латинской графике». Этому предшествовала конференция специалистов из тюркоязычных стран и регионов СНГ, проведенная в Мармарском университете Стамбула по инициативе Надира Девлета – турецкого исследователя татарского происхождения. Обсуждался унифицированный вариант на основе турецкого алфавита (с добавлением пяти букв). В марте 1993 г. в Анкаре было проведено совещание по вопросам перехода на латинизированную графику. Несмотря на то, что законодательство о языках народов Республики Татарстан изначально не предполагало каких-либо мер в этой области, в 1999 г. парламент республики принял закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики». Здесь надо сделать оговорку: в 1920-е гг. отечественные лингвисты полагали, что для нерусских народов, не имеющих своей письменности, лучшим вариантом будет латинский алфавит, а потому на него был переведен целый ряд языков. Опыт внедрения латинского алфавита показал, что это было неудачное решение и в конце 1930-х гг. «латинизированные» литературные языки были переведены на кириллицу. Эти языковые эксперименты не способствовали укреплению позиций литературных языков нерусских народов, что признают многие эксперты. Тем не менее в Татарстане предусматривался полный переход на латиницу к 2011 г. Говорить о полном консенсусе в татарском обществе по этому поводу было бы неправильно. А руководство Башкортостана выступило с заявлениями об ошибочности принятых решений. Предсказуемой была и реакция российских политиков. В. Жириновский в своей книге «Угрожает ли России новое "тюркское иго"?» писал: «Татарский план перехода на латиницу – это начальный процесс лингвоинформационной экспансии пантюркизма и пантуруанизма...». Точка в истории с латиницей была поставлена с принятием поправок к российскому «языковому» законодательству (законом от 11.12.2002 № 165-ФЗ), которые предписывали языкам, имеющим статус государственных языков республик, исключительно графическую основу кириллицы. Объективно подходя к истории с латинизацией, следует отметить, что эта составляющая «языкового суверенитета» основывалась на гуманитарно-филологических инициативах

некоторых кругов татарской интеллигенции. Какого-то массового воодушевления это не вызывало и не сопровождалось «явочными» практиками языкового использования в повседневном письменном общении.

В начале 1990-х гг. турецкие частные фирмы и фонды инициировали создание в России и странах СНГ сети учебных заведений разного статуса. На территории Татарстана в общей сложности было открыто семь «татаро-турецких» лицеев. В зоне бывшего СССР таковых насчитывалось около 200 – в Астрахани, Костроме, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Якутске, Улан-Уде, Махачкале, Дербенте (в целом на Северном Кавказе – 30) и в Москве. В Башкортостане в 1992 г. были приняты соответствующие правительственные постановления о сотрудничестве с турецкой фирмой «Серхат» в образовательной сфере. В Уфе, Стерлитамаке и Нефтекамске открылись лицеи. Министерство образования Республики Татарстан заключило соглашение с ЗАО «Просветительно-образовательным учреждением Эртугул Гази» (к которому поступило обращение от татарской диаспоры турецкого города Эскишехер). Начиная с 2001 г. в регионах России по инициативе компетентных служб страны от лица институтов государственной власти стали проходить мероприятия по противодействию исламскому экстремизму и пантюркизму в молодежной среде. Прокурорские иски поступили в судебные инстанции Дагестана (ноябрь 2001 г.). Тогда же началась проверка «чувашско-турецкого» лицея со стороны миграционной службы РФ. В 2002 г. по инициативе прокуратуры был закрыт «карачаево-черкесско-турецкий» лицей, в 2003 г. – «тувинско-турецкий». В 2003 г. прекратил свою работу бурятско-турецкий лицей.

В 2007 г. начался новый этап контрольных мероприятий – по информации органов безопасности РФ турецкие учебные заведения были аффилированы со структурами, сотрудничающими с пантюркистскими религиозными кругами и их идейным лидером Фетхуллахом Гюленом. Россия – страна, одна из первых заметившая опасность, исходящую от террористической организации Фетхуллаха Гюлена (FETÖ), которая в процессе попытки переворота в Турции (июль 2015 г.) принесла в жертву жизни 250 невинных граждан.

Со стороны Рособнадзора были проведены проверки учебных заведений в Татарстане, Ульяновской и Читинской

областях, Санкт-Петербурге, Дагестане, Бурятии и некоторых Северо-Кавказских регионах. В Татарстане в 2008 г. 44 турецких преподавателя были депортированы в связи с отсутствием подтверждающих документов о профессиональной квалификации⁵⁴.

Применительно к ситуации с турецкими лицами важно специально отметить, что их деятельность не следует рассматривать в контексте собственно российско-турецких межправительственных контактов в сфере образовательной политики. Характерно, в частности, что органы управления образованием в регионах РФ, реагируя на происходящее, часто ссылались на то, что эти лица действовали под эгидой муниципальных властей, тогда как последние, в свою очередь, также отрицали роль инициаторов.

Важно заметить, что турецкие официальные инстанции (что не всегда артикулировалось в публичном информационном пространстве России) также отмежевывались от деятельности этих лицеев.

Рассматривая перспективы идейно-политической радикализации пантюркистских смысловых структур в Урало-Поволжье, следует учесть ряд ограничителей принципиального свойства.

Прежде всего, какие-либо проекты пан-националистического или супер-этнического масштабов неизбежно будут наталкиваться на этнонациональные амбиции активистов, претендующих на представительство интересов от лица тюркоязычных народов региона. Этнополитические ориентиры публичных интеллектуалов на всех этапах новейшей истории национальных движений в Татарстане, к примеру, или Башкирии всегда выдвигали свои «большие» стратегии и имели свое видение будущего народов, интересы которых они пытались представлять. Мало кто из носителей националистических настроений демонстрирует готовность мириться с доминированием нового «большого брата». На эту роль претендуют, в частности, татарские интеллектуалы. Получивший известность в 1990-е гг. Р. Сафин в книге «Татар юлы» («Татарский путь». – Казань, 2002) утверждал:

⁵⁴ См. подробнее: Мухарямова, Л. М., Андреева А. Р. Феномен национальной школы в социологических ракурсах. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008.

«Рано или поздно во главе тюркизма и исламизма встанет Большой Татарстан...»⁵⁵.

Примером тому являются также видение «культурной миссии татар» в Центральной Азии. «В начале XX века, – пишет Рафаэль Хаким, – татарская культура стала открытой к ценностям мира, она динамично впитала все свежее, новое и не только включала в собственную жизнь, но и активно распространяла в тюркском мире. В Центральной Азии всю печать и прессу на тюркских языках начинали татары, они же были зачастую учителями и медресе, школах и университетах»⁵⁶. Это видение проецируется далее и на общий тюркский нарратив. **«Тюркизм как теория – татарское изобретение. Для общественной мысли Османской империи было более естественным обсуждать пути укрепления своего великого государства, решая проблемы нетюркских народов и христиан. Для татар национальная идея была более близка, она была естественным путем спасения народа в условиях православной империи. К тому же для татар, живших среди многих тюркских народов, было совершенно естественным развивать общетюркские взгляды».** Что касается самого концепта «пантюркизм», то автор, отмечая его загадочность, констатирует, что термин «был изобретен царскими сыщиками и оказался сильно идеологизированным»⁵⁷. При этом имплицитно формулируется вывод о татарской доминанте в тюркском мире.

Таким образом, можно видеть, что концептуальные представления национально ориентированных публичных интеллектуалов не демонстрируют и малейшей готовности мириться с конструированием символического тюркского пространства, в котором татары присутствовали бы «на вторых ролях» или выглядели бы как игроки не высшей лиги.

Структурно пантюркистские течения в российском политическом ландшафте представлены достаточно аморфно и заметного места в медийном поле также не получают. Всемирная ассамблея тюркских народов была учреждена в 1990 г. на съезде

⁵⁵ Цит. по: Мухаметшин, Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань: Татарское книжное издательство, 2005. – С. 223.

⁵⁶ Хаким, Р. Метаморфозы духа. К вопросу о тюрко-татарской цивилизации. – Казань: "Идел-Пресс", 2005. – С. 287–288.

⁵⁷ Там же. – С. 30, 140.

в Москве во главе с Олжасом Сулейменовым. Известный и активно публикующийся эксперт в рассматриваемой области Раис Сулейманов описывает ситуацию так: «...в 1991 году состоялся II съезд Ассамблеи тюркских народов в Казани, ее председателем был избран заместитель лидера Татарской партии национальной независимости "Иттифак" Рафаэль Мухаметдинов. Партия "Иттифак" была создана годом ранее как откровенно сепаратистская организация (лидером стала писательница Фаузия Байрамова), ставившая цель добиться полной политической независимости Татарстана и выхода из состава СССР, а после его распада – России. Т. е. пантюркисты – это сторонники сепаратизма внутри тех стран, где тюркское население составляет меньшинство. Затем таких съездов было проведено еще несколько: III съезд прошел в 1993 году в Чебоксарах (председателем ассамблеи был избран чувашский националист Вячеслав Тимофеев), IV съезд прошел в 1997 году в турецком городе Измире (председателем ассамблеи был избран один из лидеров ныне запрещенной в России экстремистской организации "Меджлис крымскотатарского народа" Ильми Умеров), V съезд прошел в 2007 году в г. Шымкент в Казахстане (председателем был избран казахский бизнесмен Ерментай Султанмурат) ... На VI съезде в 2014 году в г. Туран в Казахстане Ерментай Султанмурат был переизбран на пост председателя этой организации»⁵⁸.

Есть и другие претенденты на собственное политическое представительство в тюркском пространстве, деятельность и заявления которых отличаются оппозиционным фрондерством. «Современные тюрки, – пишут профессиональные гуманитарии и деятели Всемирной Ассамблеи Тюркских Народов (ВАТН), – являются потомками "инициаторов и участников создания первых в истории человечества цивилизаций: шумерской, китайской и индийской". Помимо проектов перехода к единому "языку межтюркского межнационального общения" или среднетюркскому языку "ортатюрк", идеологи ВАТН выступают с доктриной "Тюркского пути общественного развития", опирающейся на принципы "народного капитализма" и "дахабиче-

⁵⁸ См.: Сулейманов, Р. Блеск и нищета современного пантюркизма. – URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/blesk-i-nishcheta-sovremennogo-pantyurkizmachast-2> (дата обращения: 22.11.2023).

ской" (основанной на идее "управления мудрого народа" – "дахабия") демократии⁵⁹).

Собственное видение евразийской интеграции деятели ВАТН связывают с участием Турции, что является условием успешного участия в этих процессах остальных тюркских народов. При этом вариант, при котором Турция станет членом Европейского Союза, эти деятели считают катастрофой, поскольку в этом случае она «будет потеряна» для Тюркского мира.

Свою нишу в тюркоязычном мире занимает Международная организация тюркской молодежи (МОТМ). Эта структура, поначалу называвшаяся Ассоциацией тюркской молодежи, была создана на съезде в Казани в феврале 1992 г. лидерами Союза татарской молодежи «Азатлык». Последующие курултайи проводились в разных странах. Контуры тюркского пространства в информационно-политической деятельности этой организации выходят далеко за пределы имплицитной формулы саммитов «Один народ, живущий в шести странах». Молодым активистам, как можно предположить, дозволительно выступать с далеко идущими риторическими конструктами по сравнению с официальными властями тюркоязычных государств. На своих курултайах эти деятели артикулируют проблематику, которую государственные лидеры в рамках дипломатического дискурса и из международно-политических соображений обходят молчанием. Это, например, осуждение политики официального Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в терминах геноцида и позиции государств Центральной Азии, ограничивающих деятельность организаций «Восточного Туркестана» на своей территории; действия иракских властей по отношению к туркменам; «ассимиляцию тюркских народов, составляющих почти половину населения Ирана». Декларируется солидарность фактически со всеми миноритарными движениями тюрков в Болгарии, Греции (Западная Фракия), Косово, Грузии, Македонии, с турецкими диаспорами в Европе⁶⁰.

Современное тюркоязычное пространство не может быть сконструировано по образцам франко- или англофонии, испано- или арабофонии, т. е. тех широких культурно-языковых про-

⁵⁹ Султанмурат, Е., Мухаметдинов, Р., Каримов, В. Тюркский пояс стабильности. Изд. 2-е доп. – Казань: Изд-во «Фэн», 2009. – С. 35–60.

⁶⁰ Шэйхетдин, Д. Түрки дүнья язмышы // Мирас. – 2008. – № 3. – С. 80–83.

странств или «миров», которые были сконструированы на фундаментах колониальных империй во второй половине XX в. (см. выше).

«Тюркский мир» сегодня не является сообществом с общим коммуникативным кодом и реально функционирующим *lingua franca*. Тюркские языки связаны между собой определенной степенью родства, т. е. наличием большого количества общих слов, лексических совпадений, но взаимопонимания между их носителями нет, да и быть не может, поскольку тюркские народы являются приверженцами разных религий (ислама, христианства в его православной версии, буддизма, шаманизма), их традиционный хозяйственный опыт существенно различается, поскольку они занимают разные экологические ниши, равно как существенно различаются и их пути исторического развития. Тюрков Сибири, Поволжья и Кавказа объединяет общее гражданство, традиции российского единства и государственности, общие экономические, политические и культурные интересы (при наличии и сугубо региональных интересов). А российских тюрков с турками в Турции, азербайджанцами в Азербайджане, казахами в Казахстане, киргизами в Киргизии и т. д. объединяет только символическое языковое родство. На этой основе построить единое культурное пространство нельзя.

Официальная позиция Российской Федерации по отношению к Тюркскому совету (Совету сотрудничества тюркоязычных государств – ССТГ), выраженная, например, в выступлениях главы российского внешнеполитического ведомства, не содержит каких-либо коннотаций «озабоченности» и тем более – отсылок к конкурирующим проектам интеграции в центральноазиатском или евразийском контекстах. Более того, эта позиция становится отправным пунктом ряда позитивных (по преимуществу, возможно, символических) сигналов.

Так, выступая на форуме «Территория смыслов на Клязьме», глава МИД России Сергей Лавров в июле 2019 г. сделал заявление, которое было расценено наблюдателями как сенсационное. Речь тогда зашла о готовности Москвы «рассмотреть» вопрос о вступлении в Тюркский совет при условии, если названная организация проявит готовность принимать государства, где тюркоязычное население есть, но не является численно доминирующим.

Когда в конце 2021 г. произошел нашумевший эпизод с подаренной Эрдогану картой тюркского мира от имени лидера Партии национального движения Д. Бахчели, в которую были включены значительные российские территории.

Пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков высказал сожаление, что на карте «тюркского мира» центром обозначена Турция, а не Алтай. «Наши турецкие партнеры пе-стуют идею тюркского единства, это нормально. Я, единственное, что могу сожалеть, что на карте все-таки не стоит большая красная звезда в центре тюркского мира», – сказал он в эфире телеканала «Россия-1».

В программе «Москва. Кремль. Путин» он же подчеркнул, что центр «тюркского мира» находится в России, на Алтае – «в том священном месте для любого тюрка, откуда они и пошли родом». «Это я как тюрколог говорю», – добавил представитель Кремля⁶¹.

В целом, противоречивая политическая динамика как российско-турецких отношений, так и тенденций пантюркистского толка в общественном сознании некоторых национально ориентированных деятелей, претендующих на этническое представительство, показывает, что возникающие вызовы (или то, что в определенной ситуации начинает восприниматься в духе нежелательности) достаточно оперативно купируются в условиях эффективного функционирования властной вертикали и высоких показателей легитимности российского руководства.

Представители экспертного сообщества расценивают угрозу пантюркизма как «спящую». Специалист Центра исламоведческих исследований Академии наук Татарстана Валерий Горшунов, с одной стороны, отмечает, «в социальной сети "ВКонтакте" есть комьюнити ЕТН ("Единый тюркский народ", более 22 тыс. подписчиков). Это тюркская группа публикует новости тюркского мира. Не используют термин "пантюркизм". То есть у них "тюркизм" есть, а "пантюркизма" нет. Есть по названию почти такая же группа "Лига тюркских народов" – ЛТН, около 4 тыс. подписчиков, они откололись от ЕТН и регулярно выкладывают контент, направленный на разжигание межнациональной розни». С другой стороны, «крайний пантюркизм на се-

⁶¹ В Кремле напомнили о «центре тюркского мира». Он не в Турции // Газета. Ru. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/21_a_14228275.shtml (дата обращения: 22.11.2023).

годня пока еще не приобрел широких границ распространения, сравнимых с идеологией ИГИЛ. Пантюркистские идеи сегодня в Казани находятся в спящем виде, потому что на День тюркской солидарности у нас приходят всего-то 8–10 человек. Сегодня пантюркистских групп-то никто не закрывает. Знаете, как много игиловских групп в соцсетях закрыли? Десятки. Неонацистских групп несколько сотен также закрыли»⁶².

Реалистичная оценка радикализации пантюркистской повестки в политико-информационном пространстве вокруг проблематики этнокультурного положения народов Урало-Поволжья должна учитывать то, что здесь наряду с глубокими традициями векового взаимообогащения присутствуют также и точки внутренней конфликтности. Консолидации тюркоязычных общностей в этом макрорегионе (как в конструктивном варианте, так и в возможном идейно-политизированном сценарии) препятствуют многие нерешенные проблемы. Некоторые из таких становятся ареной довольно жестких столкновений в медийном (в целом – гуманитарном) пространстве. Это и конфликты экспертных сообществ и активистов Татарстана и Башкортостана по поводу переписей населения, регулярно обостряющиеся вокруг этно-демографической статистики. Это и то, что происходит вокруг пресловутого вопроса о «северо-западном диалекте» башкирского языка, и «войны памяти», связанные с атрибутированием археографических объектов. Это и споры между татарстанскими и чувашскими историками по поводу наследия Великого Болгара. Здесь же можно упомянуть и другие «тюрко-тюркские» лингвистические споры вокруг языковой идентификации сибирских и астраханских татар. Все названное – есть предмет специального анализа. Однако необходимо признать, что конфликтные ситуации данного рода заметно препятствуют сотрудничеству гуманитарной интеллигенции тюркоязычных народов на конструктивной культурно-творческой и собственно российской основе.

В настоящее время идеи пантюркизма наиболее влиятельны в Турции и Азербайджане, который считается ближайшим и наиболее последовательным союзником Турецкой Республики. Такая ситуация обусловлена тем, что эти страны являются соседями, а также их **реальной** культурной близостью (азербайд-

⁶² Что такое экстремистский пантюркизм и есть ли он в Татарстане. – URL: <https://kazanfirst.ru/interviews/403878> (дата обращения: 22.11.2023).

жанцев еще в первой четверти XX в. называли в России турками/тюрками). Странники пантюркизма в странах Центральной Азии ревниво относятся к претензиям Турции на роль лидера тюркского мира. Амбиции местной элиты существенно возросли в процессе укрепления национальных государств и позиций их политических элит. Теперь в этих странах, особенно в Казахстане и Киргизии, полагают, что настоящие/истинные тюрки – это титульные народы названных стран. Тем не менее во внешней поддержке они продолжают нуждаться, а для демонстрации своей особенности, самобытного пути развития (который был якобы несовместим с их пребыванием в составе Российской империи и СССР), маркирования культурных границ между центрально-азиатскими странами и Россией конструкция Тюркского мира, а точнее – ее интерпретации – продолжает оставаться востребованной. Политическое руководство российских республик пытается препятствовать тому, чтобы идеи пантюркизма порождали в республиках сепаратистские настроения. Поэтому сегодня активно пропагандируется идея о том, что общей прародиной тюрков является Алтай и именно отсюда надо строить конструкцию *общего культурного пространства*.

В странах Центральной Азии, в свою очередь, пытаются исторически обосновать свое первенство в строительстве тюркского мира, указывая на исторические факты и давая им собственную интерпретацию. Так, авторы пятитомного издания «История Казахской ССР» и авторы книги «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» С. Г. Кляшторный и Т. И. Султанов, согласно тюркской легенде, записанной в VI в. китайскими историками, первое появление слова «тюрк» относят к 551–552 гг. н. э. Они полагают, что основную роль в формировании тюрков как единого культурного пространства, которое сохраняется по сей день, сыграли Великая Степь-Евразия «Туран» и кочевые степные империи.

В этих условиях не только интеллигенция Турецкой Республики, но и ее политики, вновь и вновь поднимая вопрос об объединении тюркских народов и государств вокруг себя, имеют мало шансов стать центром тюркского мира. Кроме того, они не смогли предложить привлекательной объединительной идеи, не сформулировали цели тюркского движения, согласованные с остальными тюркскими государствами. Поэтому Тюркский мир до сих пор остается неким культурным и политическим проектом, который является не столько реальным культурным ин-

ститутом, сколько культурным символом и в значительной мере культурным мифом.

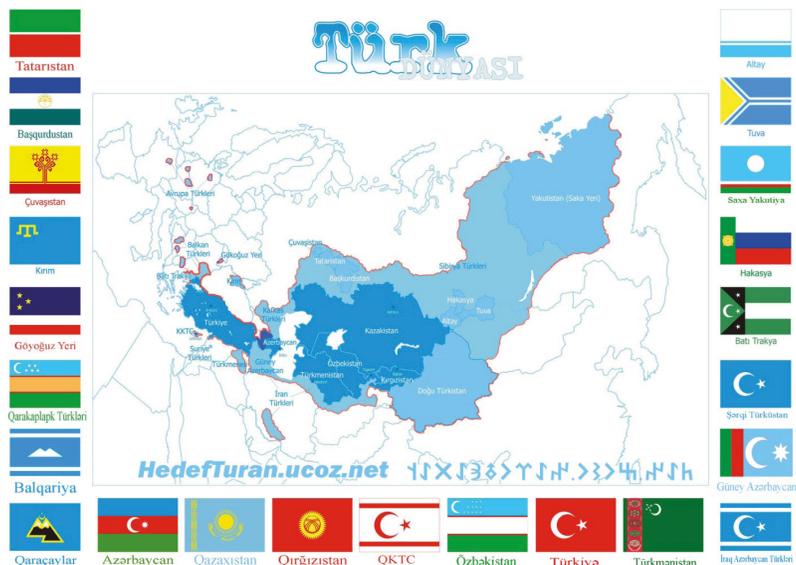

Рисунок 1. Карта «Тюркского мира».

Но в рамках Тюркского мира (рис. 1) формируется другое этнополитическое объединение – Организация тюркских государств. 22 августа 2012 г. четыре крупнейших тюркоязычных государства, объединившиеся в рамках Тюркского совета, приняли единый флаг, взяв символы всех четырех государств: солнце из флага Киргизии, звезду – Азербайджана, полумесяц – Турции, цвет – Казахстана. Он является вторым обязательным флагом после национальных. Все эти элементы, как правило, встречаются на флагах других тюркоязычных стран или регионов.

Татарские элиты согласны с тем, что общая история тюрков и ислам есть важные составляющие Тюркского мира, но, как замечено выше, они понимают, что *в рамках современной политизированной концепции этого мира татарам и Татарстану отводится роль культурной периферии, как и другим тюркским народам России и территориям их проживания (и именно на этом следует делать акцент в полемике с пантюркскими идеями)*. При этом золотоордынское наследие остается за скобками

концепции Тюркского мира. Свидетельством тому стал последний саммит Организации тюркских государств.

3 ноября 2023 г. в Астане под председательством Касым-Жомарта Токаева прошел X саммит Организации тюркских государств. Касым-Жомарт Токаев, как отмечалось в комментариях казахских официальных СМИ, «с особой теплотой» встретил глав государств, прибывших в Казахстан – родной очаг тюркских народов – для участия в совещании высокого уровня. Токаев заявил, что созданный по инициативе Казахстана Совет сотрудничества тюркоязычных государств сегодня стал полноценной международной организацией. На саммите был одобрен документ под названием «Перспективы тюркского мира – 2040», а также заявлено, что власти тюркоязычных стран исполняют волю своих предков, укрепляя сотрудничество тюркских народов. По мнению политической элиты Казахстана, Тюркский мир на равных взаимодействует с глобальными державами. Другие государства теперь считаются с ключевыми установками этой Организации. Президент Казахстана отметил, что его страна заинтересована в дальнейшем развитии Организации тюркских государств и заявил, что председательство Казахстана в организации будет проходить под девизом «Тюркская эпоха!», или «TURKTIME!». Но названная форма межгосударственного взаимодействия, где есть полноправные члены и наблюдатели (Венгрия и Туркмения), фактически оставляет идею Тюркского мира за рамками своих политических интересов. Более того, реальная культурная и политическая интеграция может осуществиться именно в рамках этого политического объединения. Международная тюркская академия рекомендовала в 2023 г. создать единый тюркский алфавит на основе латиницы. В школах всех пяти государств предлагается начать преподавание общих для всех стран предметов, для чего уже созданы учебники «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира». Предлагается также сделать едиными стандарты вооружений и программы подготовки в военных вузах, а кадеты военных училищ Азербайджана уже обучаются по программам турецких военных академий. Но центральноазиатские страны имеют и свои собственные интересы, а помимо Турции на них оказывают влияние Россия, Китай и другие геополитические игроки, поэтому «выстроиться в шеренгу» за Турецкими лидерами политические элиты названных стран не торопятся,

и какой будет конфигурация Организации тюркских государств и Тюркского мира в ближайшем будущем предсказать невозможно.

Финно-угорский мир

Последние 30 лет особое место в культурной и политической жизни в республиках с финно-угорским населением занимала идея «Финно-угорского мира»⁶³, имеющая существенное значение для местной интеллигенции и политической элиты, но практически не воспринимавшаяся населением и откровенно отторгавшаяся русскоязычной частью населения республик, которое везде численно доминирует и исторически связано с данными территориями.

С начала 1990-х гг. и до сих пор названные республики политические элиты и местная национальная интеллигенция называют «финно-угорскими республиками», или «финно-угорскими регионами», что в культурном и политическом смысле является некорректным, ибо это есть форма символического присвоения общей территории региональных сообществ одной из культурных групп, которая маркируется как избранная группа («главный народ»). К сожалению, местные политики не понимают ущербности подобной формы культурного маркирования территорий.

Корни узкоэтнического восприятия поликультурных пространств связаны с Финляндией. Здесь в 1883 г. было создано Финно-угорское общество, его целью стало изучение родственных финнам народов. Общество при поддержке властей финансировало исследования, проводившиеся финскими учеными на территориях проживания карел, вепсов, коми, марийцев, мордвы, хантов и манси, а собранные ими коллекции народного быта составили затем основу коллекций Национального музея Финляндии. Затем возникла и концепция «Великой Финляндии», территория которой простиралась от Ботанического залива до Полярного Урала. Первоначально это была сугубо культурная концепция, суть которой состояла в том, что необходимо объединить все родственные финнам народы под патронажем Великого

⁶³ Шабаев, Ю. П., Жеребцов, И. Л. Кризис концепции культурных миров в эпоху эрозии глобализма (аналитический доклад): материалы к конференциям. Вып. 52. – Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2023.

княжества Финляндского, дабы способствовать их культурному прогрессу. Но между двумя мировыми войнами эта концепция приобрела откровенно экспансионистский характер и тогда же ненависть к русским стала неотъемлемой частью программы действий финской политической элиты. На основании названных идей финская оккупационная администрация во время Великой Отечественной войны приступила к этнической чистке на временно захваченных территориях.

После окончания Второй мировой войны Финляндия была вынуждена отказаться от радикальных идей и запретить деятельность антироссийских организаций (они возродились только в 1990-е гг.). Но свое влияние на «родственные народы» финны попытались в 1990-е гг. осуществлять с помощью политики «мягкой силы», инструментом которой стали международное финно-угорское движение и концепция трансграничного «Финно-угорского мира» (но не Уральского, хотя языковая семья носит именно такое название) (рис. 2). Первый Всемирный конгресс финно-угорских народов состоялся в декабре 1992 г. в Сыктывкаре, но его штаб-квартира находилась в Хельсинки и деятельность исполнительного органа конгрессов – Консультативного комитета – финансировалась финскими властями через общество имени Матиаса Кастрена (исследователя финских народов, работавшего среди них в середине XIX столетия). Уже на втором конгрессе участник заговорили о том, что «мир» создан.

Как и в случае с «Тюркским миром», для политических лидеров республик с финно-угорским населением после «парада суверенитетов» в автономных республиках в 1990–1991 гг. необходимы были политические ресурсы для торга с Москвой и достижения договоренностей, обеспечивавших свободу рук при проведении приватизации и максимально возможную политическую автономию элитных группировок. Наиболее прагматично к этому ресурсу подходил русский лидер Республики Коми Ю. Спиридонов, который был одним из инициаторов проведения первого Всемирного конгресса финно-угорских народов в Сыктывкаре. Этот ресурс был использован им и при политическом шантаже федеральных властей (порой вынужденном, поскольку воркутинские шахтеры оказывали в свою очередь давление как на республиканские, так и на федеральные власти), и при заключении договора о разграничении предметов ведения между республиканскими и федеральными властями.

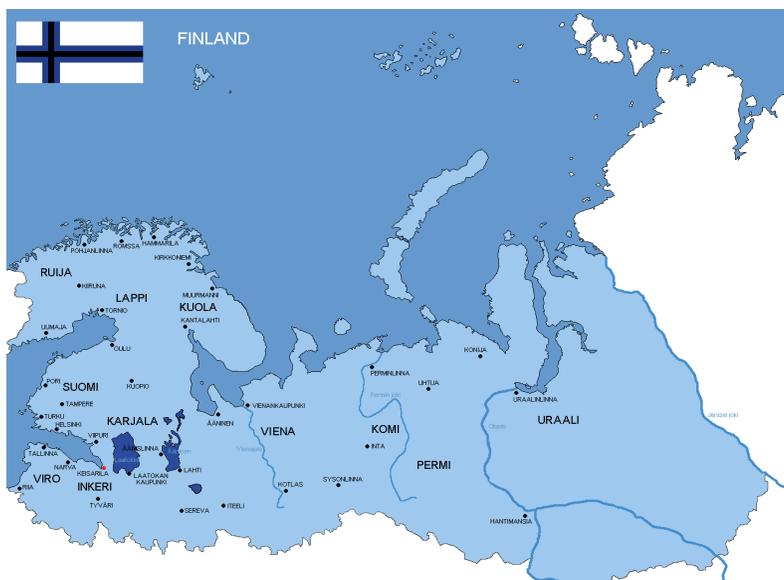

Рисунок 2. Карта «Великой Финляндии» – Suur Suomi.

Высокопоставленные чиновники в республиках с финно-угорским населением были заинтересованы в таком «Мире», ибо под его ширмой они ездили в зарубежные командировки, устраивали своих детей на льготных условиях в университеты Венгрии, Эстонии и Финляндии, получали гранты на различные проекты. Типичным примером такого рода исследований стал проект, профинансированный Финляндией, нацеленный на изучение положения финно-угорских народов в России, которым руководил бывший министр национальной политики Республики Коми А. Конохов. По итогам проекта была издана монография⁶⁴, шумная презентация которой при поддержке региональных властей прошла в Сыктывкаре. Группа исследователей была сформирована из недостаточно компетентных исследователей, а проведенные ими социологические исследования в методическом плане откровенно неграмотными, выводы – тенденциозными и явно отвечавшими интересам заказчиков.

⁶⁴ Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. А. К. Конохов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2008.

Важнейшую роль в формировании некоего единого культурного пространства финно-угорских народов сыграли процессы актуализации этничности, формирование этнонациональных движений финно-угров, создание их общероссийских объединений, отстаивающих интересы финно-угорских и самодийских народов. В феврале 1992 г. в Сыктывкаре состоялась конференция полномочных представителей финно-угорских народов, учредивший Ассоциацию финно-угорских народов, в мае того же года в Ижевске прошел первый Всероссийский съезд финно-угорских народов, утвердивший устав Ассоциации и создавший его исполнительный орган.

Именно этот съезд выступил инициатором проведения Всемирного конгресса финно-угорских народов, идею проведения которого поддержали, а организацию профинансировали власти Коми. Съезд, как сказано выше, состоялся в декабре 1992 г. в Сыктывкаре и принял «Декларацию об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира», где, в частности, говорилось о необходимости формирования широкого и единого культурного пространства этих народов, а в обращении к правительствам и парламентам РФ и республик, входящих в ее состав, говорилось: «Содействуя возрождению финно-угорского мира, выживанию ряда наших родственных народов и развитию других <...> считаем необходимым добиваться создания правовых и организационных условий для всестороннего и равноправного сотрудничества братских народов между собой и со всем мировым сообществом»⁶⁵. Можно сказать, в 1992 г. термин «финно-угорский мир» был внедрен в политическую лексику, практику культурных обменов и сотрудничества между финно-угорскими народами. «Мир» мыслился как некая новая широкая культурная идентичность. Поскольку язык есть базовый принцип, лежащий в основе культурных связей между финно-угорскими регионами, странами и народами, постольку вполне естественно, что вслед за научным интересом к финно-угорским языкам и созданным на этих языках литературным произведениям, проявился интерес к расширению контактов между самими творцами национальных литератур и профес-

⁶⁵ Декларация об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира // Штрихи этнополитического развития Коми Республики. Очерки. Документы. Материалы. Т.1 / сост. Ю. П. Шабаев; под ред. М. Н. Губогло. – Москва: ЦИМО, 1994. – С. 231–232.

сиональной художественной культурой в целом. В мае 1989 г. в Йошкар-Оле состоялась первая встреча финно-угорских писателей и был образован Международный союз финно-угорских писателей. В мае следующего 1990 г. в Москве была учреждена Ассоциация писателей финно-угорских литератур. В 1991 г. в Финляндии (г. Эспоо) была организована вторая встреча финно-угорских писателей, во время которой состоялась дискуссия на тему «Язык – моя родина». Позже такие встречи стали проходить регулярно. Важной стороной культурного сотрудничества было объявлено стремление официальных организаций России, Финляндии, Венгрии и Эстонии всячески способствовать знакомству общественности с традициями финно-угорских народов, хотя подобные усилия имели место и прежде. В соответствии с заявленной целью пропаганды культурного наследия финно-угров был организован Первый финно-угорский Международный фольклорный фестиваль, который состоялся в июне 1990 г. в Йошкар-Оле. В том же году в эстонском городе Нарва прошел фестиваль сказок финно-угорских народов. В 1991 г. в Ижевске был проведен праздник танца финно-угорских народов, а в Сыктывкаре – второй Международный фольклорный фестиваль. Затем фольклорные фестивали проводились в Саранске (1992), Ханты-Мансийском округе (1993), столице Коми-Пермяцкого округа – г. Кудымкаре (1995), Эстонии (1997), Ижевске (1999) и в венгерском городе Секешфехерваре (2000) и др. местах. На фестивалях, как правило, представляется песенная и танцевальная культура финно-угорских народов, в них принимали участие как профессиональные, так и самодеятельные коллективы. Профессиональное сценическое искусство также активно вовлекалось в сферу культурных обменов. В 1992 г. был организован финно-угорский театральный фестиваль, состоявшийся в Ижевске, а затем в течение ряда лет он проводился в финском городе Нурмес. В 1997 г. наиболее представительный фестиваль был проведен в Йошкар-Оле, а в июне 2000 г. в Сыктывкаре был организован первый финно-угорский фестиваль для детей и юношества с участием театральных коллективов из Венгрии и ряда «финно-угорских регионов» России. Затем традиция проведения таких фестивалей постепенно стала угасать. Но помимо названных культурных мероприятий, в рамках III Всемирного конгресса финно-угорских народов в 2000 г. в Эспо (Финляндия), состоялась выставка современного искусства финно-угорских народов

«Ugriculture-2000», которая являлась составной частью программы «Уральская культура». Кроме культурных форумов, фестивалей и выставок, имеющих характер культурных обменов, проводятся многочисленные локальные культурные мероприятия в форме двусторонних контактов – гастрольные поездки артистов, выставки художников, презентации книг и т. д.

Для консолидации финно-угорского движения, реального конструирования финно-угорского культурного пространства необходимы регулярные и интенсивные информационные связи между финно-угорскими регионами и странами. Сотрудничество финно-угорских регионов в информационной сфере началось в апреле 1991 г., когда в Йошкар-Оле была организована встреча журналистов из регионов России, в которых проживала основная часть финно-угорских и самодийских народов. В октябре того же года здесь же прошел Международный фестиваль телевизионных фильмов «Финно-угорский мир» и состоялось совещание «Культура, нравственность, духовность и национальное возрождение». В декабре 1992 г. в Сыктывкаре был проведен II фестиваль «Финно-угорский мир» и было принято решение о создании межрегиональной телевизионной программы «Финно-угорский мир», повествующей о событиях в разных финно-угорских регионах России и знакомящей с различными сторонами культуры финно-угорских народов. Первый выпуск этой программы в форме тележурнала был создан в январе 1993 г. Журнал первоначально выпускался с периодичностью шесть номеров в год, которые транслировались национальными телеканалами или включались в сетку регионального телевидения республик России с финно-угорским населением, и даже попадали в эфир федеральных каналов. Некоторые выпуски также эпизодически включались в программы эстонского, финского и венгерского телевидения. Вместе с тем, фестивали и встречи представителей СМИ создавали лишь основу для широкого информационного сотрудничества, а тележурнал выполнял в основном просветительскую функцию, но не интегративную. Общее информационное пространство не складывалось, что было зафиксировано в резолюции международного научного симпозиума «Финно-угорский мир и XXI век», состоявшегося в ноябре 1998 г. в Йошкар-Оле. Его участники призывали активнее создавать такое пространство и начать формирование единой компьютерной базы данных в области финноугроведения и культур финно-угорских народов

(она так и не была создана). Одной из попыток построения более эффективных информационных структур, обеспечивающих формирование общего информационного пространства, стало основание в 1993 г. Инфоцентра финно-угорских народов при поддержке Открытого фонда Эстонии. Но все названные меры не были удачными, о чем говорилось на конференции «Финно-угорские СМИ в XXI веке» (апрель 2001 г., Сыктывкар). На этой конференции были выработаны рекомендации по активизации информационного сотрудничества, координатором которого стало информационное агентство «Коминформ», создавшее постоянно обновляемый финно-угорский информационный сайт www.finugor.kominform.ru. Позднее агентство вошло в состав созданного в Сыктывкаре в 2007 г. Финно-угорского культурного центра Российской Федерации (тогда же в Саранске был создан Поволжский финно-угорский центр). Для активизации сотрудничества между финно-угорскими странами и народами и оказания помощи родственным народам в России, Финляндии, Венгрии и Эстонии приняты специальные государственные программы, за счет которых издаются учебники языка и литературы для национальных школ, студенты из финно-угорских республик и округов России проходят обучение в университетах этих стран. Причем обмены студентами носили первоначально регулярный характер. Ежегодно проводились научные студенческие конференции в рамках соответствующего объединения – IFUSCO (International Finno-Ugric Students' Conference), устраивались летние школы, совместные полевые экспедиции. Многочисленные культурные контакты и связи между регионами проживания финно-угорских народов, активная поддержка правительственных органов республик позволили многим деятелям этнонациональных движений и некоторым официальным лицам после проведения III Всемирного конгресса финно-угорских народов в 2000 г. в Хельсинки утверждать, что «финно-угорский мир» уже сформировался и стал культурной реальностью.

Но он формировался на зыбкой лингвистической основе и лишь за счет культурных и информационных контактов, а также посредством массивной финансовой поддержки властей России и Финляндии, в меньшей мере – Эстонии и Венгрии, которые часто использовали ресурсы европейских фондов.

Правда, предпринималась утопическая попытка создания некоего общего для всех финно-угров языка – будинос, которую

никто не воспринял всерьез, некоторые исследователи пытались доказать, что система ценностей у финно-угров едина, поэтому можно говорить о финно-угорском суперэтнотипе, но эти попытки также были крайне неубедительны, ибо и система хозяйства, и религия, оказывающие решающее воздействие на формирование мировоззрения народов, у финно-угров различны, а территориально эти народы проживают далеко друг от друга и культурные обмены между ними отсутствовали на протяжении многих столетий, что не могло не сказаться на их культурном облике. В отличие от Содружества наций, созданного Британией, объединения Франкофония, сформированного под эгидой Французской республики, Испаниада, Лига арабских стран, «финно-угорский мир» не имел собственной символики, а предложенный эстонскими дизайнерами вариант флага так и не был официально принят.

Кроме того, нет и не было прочной экономической основы для формирования единого Финно-угорского мира, нет реального политического единства, и системно организованного политического диалога. Но самое главное, что «финно-угорский мир» не стал фактом массового сознания финно-угорских народов – он признается и осознается только узким кругом представителей интеллигенции финно-угров (в основном гуманитарной), которая была непосредственно вовлечена в его конструирование, пропаганду и использовала ресурсы вовлеченных в процесс конструирования организаций для самопрезентации и удовлетворения своих интересов.

Тем не менее именно усилиями гуманитарной интеллигенции в республиках и конъюнктурно настроенными местными исследователями поддерживался миф о реальности «финно-угорского мира». А активисты небольших по численности и влиянию этнических организаций шли еще дальше и говорили о наличии общей финно-угорской идентичности. Так, в резолюции XI Конгресса МАФУН (Молодежной организации финно-угорских народов), прошедшего 7 августа 2013 г. в Хельсинки, говорилось уже о необходимости «укрепления финно-угорской идентичности»⁶⁶, хотя совершенно непонятно, как эту идентичность удастся зафиксировать и как могут ощущать культурную близость венгерский винодел, являющийся приверженцем католицизма, православный коми-ижемец, пасущий стада оленей в Большезе-

⁶⁶ Резолюция XI Конгресса МАФУН, 2013. – URL: <http://finugor.ru/node/42050> (дата обращения: 24.12.2023).

мельской тундре, и хантыйский охотник, остающийся приверженцем языческих верований, причем не имеющий ни контактов с двумя вышеназванными «сородичами», ни, как и они, каких-либо сведений друг о друге.

Сходных по смыслу с вышеназванными заявлениями в последние десятилетия было сделано множество и официальными лицами, и лидерами этнонациональных движений. Что же касается местной научной общественности, то у некоторых романтически настроенных ее представителей имела место надежда на то, что расширение связей с родственными народами на Западе позволит российским финно-уграм осуществить ускоренную модернизацию, преодолеть якобы имеющее место культурное отставание от более развитых этнических сообществ⁶⁷, что, по их мнению, усилило бы их позиции в культурной и языковой конкуренции.

Идея «финно-угорского мира» созвучна другим паннационалистическим идеям и по своей сути является одной из форм идеологии политизированной идентичности. «Объектом лояльности в этом случае выступает не нация, а некая "сверхнация", точнее – паннациональное сообщество»⁶⁸. В ряду паннационалистических концептов находятся идеи панславизма, панарабизма, пангерманизма, пантюркизма, сионизма и т. д. Как отмечает В. Малахов, большинство паннационалистических движений остались не только политически неоформленными, но и идеологическими расплывчатыми.

В содержательном плане названная идея является попыткой наполнить неким политическим и культурным смыслом историческую архаику, т. е. праязык, прародину и прафинно-угорскую общность, которые предположительно существовали до конца III тыс. н. э.⁶⁹ В организационном плане идея единого финно-угорского пространства («финно-угорского мира») ушла дальше других паннационалистических концептов, ибо при поддержке официальных властей Финляндии, Венгрии, Эстонии, России и региональных властей в российских республиках и автономиях отдельные этнонациональные организации и движе-

⁶⁷ Калинин, И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – Москва: Наука, 2000.

⁶⁸ Малахов, В. Национализм как политическая идеология. – Москва: Книжный дом «Университет», 2005. – С. 262.

⁶⁹ Хайду, П. Уральские языки и народы. – Москва: Прогресс, 1985.

ния, но прежде всего их лидеры (которые и получали дивиденды от эксплуатации идеи «Мира»), смогли консолидироваться и регулярно согласовывали свои позиции в рамках Всемирных конгрессов финно-угорских народов, а оперативное руководство осуществляется Консультативным комитетом финно-угорских народов, который является исполнительным органом конгрессов. В политическом плане, как указано выше, международное финно-угорское движение претендовало на то, чтобы стать неправительственной организацией, интегрированной в структуры ООН. Стоит заметить, что эти претензии отчасти были реализованы, поскольку при Организации Объединенных Наций создан Форум коренных народов, в котором финно-угорское движение имеет своих представителей.

Что касается идеологии, то здесь изначально была полная неопределенность, ибо она так и не оформилась в некую ясную и общепризнанную систему политических и культурных ценностей и приоритетов, которые доказывали бы что «финно-угорский мир» есть реальное «сообщество» со своей системой ценностей, разделяемых широкими массами людей, идентифицирующих себя как представителей разных финно-угорских народов.

Ясную идеологию финно-угорского паннационализма сформулировать сложно, но не менее сложно добиться ее признания всеми участниками движения (хотя «Мир» якобы уже сложился). Однако, поскольку идея особого сообщества была заявлена, а миф об особости финно-угров, об их несхожести с россиянами в целом и с другими этническими сегментами российского общества стал политическим инструментом, постольку необходимо было развивать и укреплять культурную маркированность этого мира, конструировать культурные границы, отделяющие его от других этнических групп в России.

С этой целью во всех «финно-угорских регионах» РФ стали праздноваться Дни родственных народов, впервые как некое официальное мероприятие учрежденные в Эстонии в 1931 г. «Родственными народами» становятся не те, контакты с которыми являются наиболее интенсивными (у карелов, коми и мордвы половина браков заключается с русскими), и не народы, с которыми российских финно-угров связывает историческая судьба и реальная *культурная* близость, а лингвистически близкие друг другу народы. Но лингвистическая классификация есть объединение народов в некие сообщества по формальным признакам,

а не по существенным характеристикам культуры. В результате родственными становятся народы, территориально не граничащие друг с другом, исповедующие разные религии, имеющие разную социальную структуру, политические и культурные традиции.

Конечно, единичные символические акции типа Дней родственных народов не могут сформировать некой культурной солидарности, указать на культурные границы, которые отделяют российских финно-угров от других россиян. Поэтому появляется целая система культурных маркеров, призванных подчеркнуть культурные границы.

16 февраля 2007 г. в Петрозаводске прошел финал первого межрегионального конкурса красоты «Звезда севера», на котором были представлены 14 представительниц из пяти регионов. Участвовать в конкурсе могли только девушки, принадлежащие финно-угорским народам РФ. Примечательно, что конкурс красоты и его результаты послужили еще одним поводом для маркирования культурного пространства, но важно заметить, что «Звезда севера» не является изолированным феноменом, а характеризует общее явление, которое можно условно назвать конструированием ОБРАЗА ДРУГОГО.

Конкурсы красоты становятся одним из инструментов конструирования новых этнических маркеров, новых культурных границ. Организуя подобные конкурсы, власти и этнические антрепренеры пытались создать идеал женской красоты, который был бы отличен от космополитических стандартов и подчеркивал культурную дистанцию между финно-уграми и доминантными группами населения.

Свидетельством конструирования «финно-угорского идеала» женской красоты являются не только конкурсы красоты (почти во всем мире имеющие интеграционистский характер, ибо объединяют представительниц разных этнических групп, рас и религий), но и «требования», предъявляемые представительницам этнонациональных организаций их наиболее активными членами, пытавшимися стать культурными цензорами региональных сообществ, сформировавшихся в республиках с финно-угорским населением. В качестве примера можно сослаться на комментарий по итогам 8 Съезда народа мари, который сначала появился на сайте MariUver (оператор сайта находится в Эстонии), а затем был размещен и на независимом финно-угорском

портале kominarod.ru, который уже давно, как и многие другие подобные ресурсы, прекратил свое существование, не имея достаточной аудитории.

На данном съезде произошла показательная смена лидера, и вместо В. Н. Козлова Председателем Всемарийского Совета была избрана депутат Госдумы Л. Н. Яковлева, которая, по мнению автора комментария, «отвечала национальным стандартам красоты». Но оказывается, что помимо «национального стандарта красоты» должны быть еще и стандарты культурного поведения, которые должны быть свойственны марийской женщине, поэтому автор вопрошает: «Скажите, обнажать ноги – это марийская традиция? Сидеть нога на ногу – марийская традиция? Нет! Улыбаться, оскалив зубы? Нет! Обнажать декольте? Нет! И это не то, что не принято – это запрещено! Это входит в национальный свод запретов ойёрё, табу <...> Она осознанно пошла на пост национального лидера! А национальное всегда является традиционным и консервативным <...> В каждой марийской женщине мы ищем подтверждение образу Прародительницы народа – Юмынудыр, Дочери Белого Бога. И фото в газете "МК в Марий Эл" является оскорбительным вызовом национальным традициям, идеалам. Это оскорбление всех марийских женщин, всего марийского движения...»⁷⁰.

И этот «культурный паноптикум» этнические активисты представляли марийскому обществу, живущему в пространстве современного информационного мира, как некое откровение. В других подобных публикациях тоже ключевой идеей являлся особый канон женской красоты и привлекательности, якобы характерный для современных финно-угров и шире – уральцев и принципиально отличающийся от общепринятых канонов красоты.

Между тем, национальные и всемирные конкурсы красоты, помимо собственно эстетической стороны дела, призваны демонстрировать единство и культурную близость эстетических идеалов представителей разных стран, народов, рас, религий. И их основная и негласная функция – способствовать преодолению культурных барьеров между народами, а не формированию, устранению культурных границ, расовых и этнических стерео-

⁷⁰ Цит по: Шабает, Ю. П., Садохин, А. П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – С. 245.

типов. И кстати, именно эти конкурсы показывают, что «на разных континентах взгляды людей на красоту совпадают»⁷¹.

Логика идеологической мобилизации гендера состоит в том, что российские финно-угры, как и доминантное этническое большинство страны, принадлежат к типу восточно-православной культуры, и отсутствие культурной дистанции между ними и этническим большинством способствует усилению ассимиляционных процессов среди меньшинств, ибо большинство воспринимается последними и как культурно близкая, и как референтная группы.

Этнические антрепренеры поэтому пытаются изменить восприятие большинства и идеологически обосновать образ финно-угра, как образ «Другого». Этот обобщенный «Другой» в их трактовке имеет совершенно иные культурные ценности. Не случайно, к примеру, активисты марийских этнонациональных организаций заявляют, что у марийцев есть своя «этническая религия» – марийское язычество, и они даже организуют конференции представителей «этнических» религий. Подобная религия, якобы, и сегодня является основой мировоззрения большинства марийцев⁷². Обращение к язычеству в несколько меньших масштабах происходит и в Удмуртии, и Мордовии, и Якутии, и Республике Алтай и ряде других.

Но если прежде в идеологических конструкциях идеологов финно-угорского движения обобщенный «Другой» имел очевидно маскулинные черты, то затем эти идеологи пытались сконструировать и навязать обществу (правда, безуспешно) концепт специфической женской привлекательности, которая якобы присуща только финно-уграм и тем самым завершить гендерную модель этнической идеологии.

В рамках политики конструирования культурных границ даже такие интернациональные сферы деятельности, как мода и спорт, старательно «упаковывают» в узкие этнические границы. Так, в начале ноября 2006 г. в столице Коми состоялся первый финно-угорский фестиваль моды. А в самом конце того же месяца в Карелии, в которой еще не остыли страсти вокруг кондопожских событий, проводился первый боксерский

⁷¹ Лаговский, В. Само среднестатистическое совершенство // Комсомольская правда. – 10 нояб. – 2011.

⁷² Чемышев, А. Как обучить компьютер «говорить» на родном языке // «Финно-угория. Этнический комфорт». – 2009. – № 1. – С.12.

турнир, организованный по национальному признаку (участниками являлись только представители финно-угорских народов) и специальные призы для победителей учредил губернатор Катанандов!

Летом 2008 г. власти Республики Коми выступили с инициативой проводить у себя в регионе зимние финно-угорские игры, а зимой 2009 г. вышло соответствующее постановление Главы РК (по причине кризиса идею не удалось реализовать). Но самое удивительное, что эту идею поддержали спортивные чиновники в Москве. Последние должны помнить основной принцип современного олимпизма, сформулированный еще Пьером де Кубертенем и состоящий в том, что спорт должен объединять народы. Когда же спортсменов разделяют по принципу крови это не только противоречит принципам олимпизма, но и близко по смыслу культурному расизму.

Современная ситуация свидетельствует, что спорт не только политизируется, но международные спортивные организации прибегают к открытой дискриминации спортсменов по принципу их гражданской принадлежности, что есть прямое проявление культурного расизма, но расизм в спорте становится нормой. И, как это ни прискорбно признать, не только этнические антрепренеры, но политические лидеры республик внесли свой вклад в то, чтобы политизировать спорт.

Спорт интересен не сам по себе для этнических антрепренеров, а опять же как инструмент конструирования «новой этничности». Об этом, в частности, свидетельствует второй Межрегиональный фестиваль народных игр и традиционных состязаний финно-угорских народов «Тюштянь налхксемат», прошедший в июне 2009 г. в Саранске. В первый день этого мероприятия был проведен круглый стол «Национальный аспект в физическом воспитании финно-угорских народов»⁷³. Во время дискуссий на круглом столе обсуждалась проблема внедрения в современную практику состязаний, которые якобы были широко распространены раньше у финно-угров. В числе таких состязаний апологеты этнического спорта, к примеру, называли борьбу с медведем.

На конференции «Реализация решений IV Всемирного конгресса финно-угорских народов», состоявшейся в столице

⁷³ В Саранске стартовал фестиваль финно-угорских игр. – URL: <http://www.finugor.ru> (дата обращения: 01.12.2023).

Мордовии, профессором Мордовского университета Мишанин была обоснована необходимость издания общероссийской финно-угорской газеты, которая вскоре стала издаваться, но просуществовала недолго. Эту идею стоит понимать так, что у российских финно-угров настолько специфичные проблемы и интересы, что никаким другим общенациональным изданиям доверить их изложение просто нельзя. Следуя логике сторонников данной идеи, финно-угорская газета должна, видимо, издаваться не на русском языке. Поскольку в финно-угорском движении долгое время говорилось о «воссоздании» некоего «финно-угорского мира», постольку речь, очевидно, должна идти о возвращении к культурным корням. А эти корни усматриваются в прафинно-угорской языковой общности, которая, вероятно, существовала несколько тысяч лет назад. Следовательно, языком общфинно-угорской газеты может быть только прафинно-угорский язык, который еще надо реконструировать лингвистам и который сами современные финно-угры не поймут. Газета все же стала издаваться на русском языке, и ее основными темами стали история и фольклор финно-угров, т. е. обращение к прошлому. Таким образом, история и фольклор были восприняты как отличительные культурные маркеры финно-угров, поскольку актуальная проблематика не может восприниматься как этнически специфичная.

Все вышеназванные идеи, видимо, должны доказывать, что финно-угры России и по культуре, и по своим гражданским ценностям принципиально отличаются от других народов страны.

В политическом плане «финно-угорский мир» изначально являлся паннационалистическим проектом. Идея «Великой Финляндии» приобрела в период между двумя мировыми войнами откровенно экспансионистский характер, опиравшийся на официально пропагандируемую русофобию, ставшую политическим кредо правящих кругов страны, поскольку президент Финляндии Пер Эвинд Свинхлунд заявлял, что «Россия – единственный постоянный враг Финляндии, а любой враг России должен быть всегда другом Финляндии»⁷⁴. Трансформировавшаяся и политизированная идея «Великой Финляндии» представляла собой идейный конструкт, который свидетельствовал

⁷⁴ Терюков, А. Великая Финляндия // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: этнополитический справочник / под ред.: Ю.П. Шабаева, А. П. Садохина, В. Э. Шаралова. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 84.

о рождении финского паннационализма. В паннационалистических концептах, как правило, четко выделяются культурный центр и культурная периферия, которые стремятся к объединению вокруг этого центра. Свою культурную определенность идея «великой Финляндии» получила в годы Второй мировой войны, а многие культурные практики этого периода в трансформированной форме воспроизводились уже в конструкции «финно-угорского мира».

«В годы Великой Отечественной войны "Великая Финляндия", наконец, стала иметь что-то общее с географией. Советская Карелия представляла собой объект пристального внимания политиков и военных Суоми при разработке военных стратегических планов в союзе с Германией. В 1940 г. президентом Р. Рюти был начат проект с целью научного аргументирования для немецкого командования положения о том, что "Восточная Карелия" и Кольский полуостров относятся к Финляндии. В годы войны на оккупированных территориях работали представители различных гуманитарных дисциплин – этнографы, фольклористы, историки, языковеды, искусствоведы-архитекторы. Географ В. Ауэр и историк Е. Ютиккала, в итоге издавшие на немецком языке монографию "Жизненное пространство Финляндии". Весной 1941 г. к проекту были привлечены автор книг "Восточный вопрос в/для Финляндии" и "Контуры истории Финляндии" историк Я. Яяккола, а также Р. Кастрен, Е. Лескинен и К. Лойму. Для проведения исследовательских работ в армию было призвано немало университетских преподавателей. Также был создан Государственный научный Восточнокарельский Комитет. В январе 1941 г. Комитет приступил к созданию плана по научным исследованиям в Карелии. Общество Финской Литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura) курировало работу по собиранию фольклора, Объединение по изучению Древнего Наследия (Suomen Muinaismuistoyhdistys) занималось раскопками периода железного века в истоках реки Олонки, Общество Калевалы (Kalevalaseira) проводило сбор материалов по народному искусству и музыке. Финно-угорское общество (Suomalais-ugrilainen Seura) руководило сбором лингвистического материала. Материалы собирались как на оккупированных территориях, так и в лагерях среди военнопленных и ингерманландских финнов, депортированных в Финляндию из Ленин-

градской области <...> Полевая работа велась в основном в карельских и вепских деревнях <...> Население оккупированных территорий было разделено на национальное и ненациональное (*kansalliset/ei-kansalliset*). К первым относили карел, людиков, вепсов и другие родственные финнам народности (их оставляли в родных деревнях и жизнь продолжалась в привычном ритме), ко вторым – русское население, которое оккупанты размещали в спец- и концентрационных лагерях для депортации впоследствии в отдаленные российские регионы»⁷⁵.

После Второй мировой войны, конечно, идея «Великой Финляндии» была скомпрометирована откровенно расистской политикой, которую проводили финские оккупационные власти на территории Карелии в 1941–1944 гг.⁷⁶ От нее следовало отказаться и по причине того, что СССР после капитуляции Финляндии потребовал закрыть радикальные финские организации и официально осудить прежние русофобские идеи. Однако дело не только в самой идее, но и в глубоко укоренившихся интеллектуальных и политических традициях, а порой даже в стереотипах национального и политического сознания, которые являются устойчивыми и имеет способность воспроизводиться под влиянием политической конъюнктуры.

Финское *valtakunta* 'государство, держава, царство, рейх' точно отражает суть метагеографической, геополитической, религиозной и сословной проблематики финляндской культуры: возможность реализации *valta* 'власть, господство, право, силы (природные, небесные и т. п.)' подразумевает существование *kunta* 'коммуна, община', беспрецедентной аудиторией «подданных» для «нации королей», воспетой Э. Лейно в его обращении к «молодым кузнецам Суоми»⁷⁷. По мнению финского исследователя А. Сурво, поскольку финские интеллектуалы воспитаны на

⁷⁵ Сурво, В. В., Сурво А. «Центры» и «Периферия» фин(лянд)ского семиозиса // Геокультурное пространство Европейского севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей [Материалы IV Поморских чтений по семиотике, 7–11 июля 2008 года, Пинежский заповедник]. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – С. 179–181.

⁷⁶ Веригин, С. Г. Карельский вопрос в национальной политике Финляндии в период Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2017. – Т. 62, вып. 1. – С. 26–42.

⁷⁷ Сурво, А. А. Метагеография «несуществующей войны» // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сборник научных статей (материалы V и VI Поморских чтений по семиотике культуры). Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. – Архангельск: САФУ, 2011. – С. 50.

морализаторских текстах, программировавших на «многоуровневую экспансию по отношению к семиотической периферии», постольку воспроизводство соответствующих идей было неизбежно.

Эстонцы также воспринимали Эстонию как часть «цивилизованного западного мира», а свою миссию видели примерно так же, как и финны, и не случайно именно в Эстонской Республике впервые стали праздновать Дни родственных народов.

«Со своей стороны постсоветские этнические элиты "восточнофинских народов", в сознании которых идея культурной периферии укоренилась еще в досоветскую эпоху (и в советские годы по существу она была "законсервирована" патерналистской политикой государства), готовы были признать культуртрегерскую роль своих западных партнеров либо в силу прагматических личных соображений, либо в силу романтических представлений о "финно-угорском братстве", либо в надежде, что контакты с Финляндией, Эстонией и отчасти Венгрией станут стимулом для догоняющей модернизации, в которую будут вовлечены "финно-угорские регионы"»⁷⁸.

Политическое значение «финно-угорского мира» заключалось скорее не в том, чтобы создать широкое поле взаимного культурного сотрудничества, межкультурного и экономического взаимодействия (на что надеялись некоторые региональные прагматики), а в том, чтобы осуществлять и расширять влияние западных элит на региональные культурные сообщества внутри России, чтобы выполнять миссию политических и идейных культуртрегеров для своих восточных соседей и «родственников по языку». Поэтому представители властей Финляндии всегда подчеркивали, что они понимают восточных партнеров не как равных себе, но лишь как неких языковых родственников. Хотя про бедных и отсталых родственников тогда не говорили, но затем это было подчеркнуто некими символическими акциями. После вступления Венгрии, Эстонии и Финляндии в ЕС, культурные приоритеты поменялись и приоритетом стало формирование общего культурного пространства Евросоюза. Вот тут и четко определилась культурная позиция западных «родственников» российских финно-угров: финно-угорские коллекции в Наци-

⁷⁸ Шабаетов, Ю. П., Садохин, А. П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – С. 206–207.

ональном музее Финляндии, некогда занимавшие центральное и самое почетное место в его экспозициях, в 1999 г. были отправлены в запасники или в Музей культур, где стали соседствовать с африканскими и азиатскими коллекциями. **Это был символический акт маркирования культурной границы между «родственными народами», которых западные «родственники» поделили на две плохо совместимые культурные страты. Восточнофинские народы (в финской терминологии) однозначно маркировались как культурная периферия.**

«Мир» стал использоваться преимущественно как инструмент мягкой силы, предназначенный для внешнеполитического использования, как основание для оказания влияния на Россию.

«Финно-угорский мир» вполне очевидно стал превращаться из культурного в политический проект, ибо порой являлся своего рода прикрытием для легитимного вмешательства в сугубо российские дела и проблемы, *для попыток обосновать право западноевропейцев на формирование некой «коллегии судей», которая будет оценивать культурные и этнополитические процессы, имеющие место в России и выставлять «оценки» российскому правительству и отчасти региональным властям России.* Конечно, какой-то организационной формы такая «коллегия» не обрела, но в нее неформально входили западные интеллектуалы из Эстонии и Финляндии (как стран, где основную часть населения составляют финно-угры), отчасти Венгрии (где проживают угры – венгры-мадяры). В этом смысле показательна избранная библиография трудов по финно-угроведению, которая была опубликована в фундаментальном англоязычном труде «Финно-угорский мир» (The Finno-Ugric World)⁷⁹. Здесь необычайно мало ссылок на труды российских исследователей, хотя большая часть уральских народов и основная часть исследований культур этих народов сделана именно российскими учеными.

Оценивая побудительные мотивы формирования (а точнее декларирования) **новой панфинской идентичности**, финский языковед Сиркка Сааринен заметила: *«Понятно, что финно-угорские меньшинства России сегодня стараются строить свою национальную идентичность с помощью финно-угорского родства*

⁷⁹ The Finno-Ugric World/ Editor-in-Chief: Gyorgy Nanovfszky. – Budapest: Teleki Laslo Foundation, 2004.

и рассматривают Финляндию и Венгрию как удачные модели для подражания в этом отношении»⁸⁰.

Надежды некоторых этнических активистов из числа финно-угорских народов России на то, что сотрудничество в рамках «финно-угорского мира» даст стимул многостороннему сотрудничеству Венгрии, Финляндии и Эстонии с российскими республиками, где проживают финно-угры, и будет способствовать росту западных инвестиций в эти республики, созданию эффективных программ помощи, повышению уровня жизни людей, оказались иллюзией. Определенные выгоды получили только отдельные представители этнических элит, но не более. Сами же конгрессы все более политизировались и превращались в инструмент критики государственной национальной политики РФ.

Резолюция четвертого конгресса (2004 г., Таллин) стала свидетельством того, что определенные силы стремятся политизировать движение и использовать его как инструмент в большой политической игре. Ряд положений итоговой резолюции нельзя расценить иначе, как попытку противопоставить международный форум властям России, как его стремление вмешиваться во внутренние дела. К примеру, в резолюции осуждалась практика укрупнения регионов и указывалось, что Консультативный комитет будет осуществлять мониторинг ситуации в Коми-Пермяцком автономном округе после его вхождения в состав Пермского края, выражалось сомнение относительно обеспечения культурных прав финно-угорских народов.

Трибуна конгресса стала удобным местом для заявлений эстонских представителей об ущемлении финно-угорских народов, а также и многих других народов России и не случайно, что взаимопонимания между делегатами не удалось достичь уже на седьмом конгрессе, проходившем в Финляндии, а на восьмой конгресс в эстонском городе Тарту российская делегация в 2021 г. ехать отказалась.

Впрочем еще до этого сотрудничество стало сворачиваться: сначала эстонская организация Фенно-угрия практически перестала размещать оперативную информацию о культурных событиях, происходящих в республиках с финно-угор-

⁸⁰ Цит. по: Шабаев, Ю. П., Садохин, А. П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – С. 209.

ским населением, затем почти то же самое произошло и с сайтом, созданным информационным агентством «Коминформ» (frinnougor.ru), а затем переданным под юрисдикцию Федерального финно-угорского центра в Сыктывкаре, прекратились интенсивные контакты писателей и деятелей культуры, перестали проводиться различные фестивали и т. д. Сократилось государственное финансирование подобных мероприятий, а какой-либо частной инициативы, других спонсоров не оказалось, хотя в начале 1990-х гг. создавался Фонд развития финно-угорских культур, и его организаторы надеялись, что он будет регулярно пополняться. Но оказалось, что спонсировать этнические организации российских финно-угров и их акции ни в России, ни за ее пределами желающих нет, и фонд тихо прекратил свое существование.

Все очевиднее становилось, что интерес к «финно-угорскому миру» носит не только культурный, но и политический характер. Политические круги ряда европейских стран и такой организации, как ПАСЕ стали проявлять стремление оказать прямое воздействие на политическое руководство РФ и ряда российских регионов под предлогом защиты прав финно-угорских народов. Первая попытка такого воздействия была предпринята еще в 1998 г., когда по инициативе депутата Европарламента от Финляндии Тютти Исохоокана-Асунмаа в комитете по культуре Евросовета был заслушан доклад о мерах, гарантирующих сохранение своеобразия финно-угорских меньшинств, а Ассамблея разработала резолюцию 1171, касающуюся уральских (т. е. финно-угорских и самодийских) культурных меньшинств, «подверженных вымиранию». России было рекомендовано предпринять меры для сохранения и развития языка и культуры финно-угорских меньшинств, усилить внимание государственных институтов к нуждам этих народов.

В 2001 г. в Эстонии вышел труд «The Red Book of the Peoples of the Russian Empire» («Красная книга народов Российской империи»), где представлены статьи о 86 народах Российской империи и Советского Союза. С первых же слов предисловия становится ясен замысел авторов, ибо здесь говорится о «русском шовинизме», о «плачевном состоянии» многих российских народов, включая народы уральской языковой семьи (финно-угров и самодийцев), что трактуется не иначе как «преступление против человечества». Вообще многие так называемые эксперты вы-

ступают с позиций натуралистов, полагая, что этнические группы сродни вымирающим видам животных и растений.

Затем громко заговорили о «значительном ухудшении» положения финно-угорских народов, и опять же эстонские соседи здесь проявили особое усердие, поскольку их усилиями был представлен в ПАСЕ специальный доклад (Doc. 11087, Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples), автором которого явилась эстонский депутат Европарламента Катрин Сакс, а материалы ей предоставили «эксперты» из «финно-угорских регионов» России, которыми руководил А. Конюхов, занимавший некогда пост заместителя Главы Республики Коми и министра национальной политики Коми. Степень научности самого доклада Сакс не выдерживает никакой критики, а материалы, предоставленные этническими антрепренерами из республик, вообще маловразумительны⁸¹.

Традицию продолжило заявление Президента Эстонии Т. Ильвеса с трибуны ООН (на 69 сессии Генеральной Ассамблеи в 2014 г.), в котором он вновь заявил о бедственном положении российских финно-угров как «коренных народов», в частности воды.

Показательно, что когда министр культуры и образования Эстонии, вернувшись с 10 конгресса финно-угроведов в Йошкар-Оле (2005), заявила о том, что в республике уделяется много внимания развитию марийской культуры, в эстонском парламенте сразу потребовали ее отставки (о российской этнополитике можно было говорить только в критическом тоне, но никак нельзя отмечать успехи).

В рамках финно-угорского сотрудничества Финляндией и Эстонией выделялись деньги на подготовку этнических активистов из числа российских финно-угров, для которых организовывались специальные семинары, целью которых было правовое и политическое просвещение этнических активистов, а также многие другие акции, содержание которых можно трактовать по-разному.

Стоит заметить, что группы студентов, в рамках международного финно-угорского сотрудничества выехавшие на учебу в Эстонию, сформировали тартусское и таллинское земляче-

⁸¹ Тишков, В. А., Шабаетов, Ю. П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 196. – Москва: ИЭА РАН, 2007.

ства, многие из них не вернулись на родину, а свое укоренение на Эстонской земле они осуществляют с помощью последовательной антироссийской пропаганды и соответствующих акций, предпринимаемых названными земляческими объединениями.

Но реальная опасность, по мнению некоторых исследователей, состоит не в разовых акциях небольших и ангажированных групп переселенцев в европейские страны а, прежде всего, в том, что «гипертрофированная этничность меньшинств может политизироваться и мобилизовываться в собственных интересах политиками и идеологами. Тем самым у этничности возникает политическая функция, этнос выходит в политическую плоскость и становится субъектом политики, что, в общем-то не вытекает из самой природы этнического, развертывающегося в сфере культуры...»⁸².

Критическое восприятие деятельности этнонациональных движений финно-угров можно обосновать опасениями экспертов в области этнополитики тем, что она препятствует процессам гражданской интеграции, а потому не случайно, что за последние годы в стране так и не появилось новых, консолидирующих ее народы символов, идей, принципов общероссийского масштаба. Пока пространство нашей огромной страны все еще достаточно «разорвано» в массовом сознании россиян. И эта «разорванность» едва ли не самое важное обстоятельство нашей колоссальной, приобретшей черты общенационального бедствия «неконсолидированности»⁸³. Правда, в последние годы ситуация стала меняться к лучшему, ибо процессы интеграции, формирования политической нации россиян приносят успехи. *Но характер интеграционных процессов, имеющих место в регионах, все еще вызывает обоснованные опасения.* Общенациональные же идеи и символы могут возникнуть лишь на пути широких межрегиональных связей и в немалой степени именно культурных.

Нам представляется, что оценивать культурное сотрудничество между «финно-угорскими регионами», странами и народами надо в контексте современных воззрений на природу на-

⁸² Рыбаков, С. Е. Анатомия этнической деструктивности. Этнический радикализм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2001. – № 4. – С. 7.

⁸³ Рязанцев, А. А., Одинцова А. А. Федеративные проблемы российской государственности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2001. – № 1. – С. 63.

ционализма. Мы согласны с тем, что в каждом национализме в разной степени и в разной форме содержатся как гражданские, так и этнические элементы,⁸⁴ а сам национализм в «финно-угорских регионах России», а равно в сибирских республиках и округах, по Дж. Брейли, более всего подходит по типу к реформаторскому⁸⁵.

Но его реформаторство весьма ограничено тем, что подразумевает лишь перемены на уровне положения отдельных этнических сегментов территориальных сообществ, а не концепции развития таких сообществ в целом. А самое главное, что этнические идеологи не предлагают реальных и взаимоприемлемых для всех заинтересованных сторон путей реформирования федеративных отношений, принципов укрепления гражданской солидарности в мультикультурных сообществах и т. д.

Очевидно, что «финно-угорский мир» не есть некое реальное сообщество, каковым его пытаются представить этнические антрепренеры и некоторые ассоциированные с ними исследователи, этот конструкт есть типичный образец политического мифа. Данный миф может играть созидательную роль, и некоторые интеллектуалы возлагают на него именно такую надежду. Но пока он воспринимается в большей мере как политический инструмент и в этом отношении между всеми задействованными в процесс его конструирования сторонами достигнут негласный консенсус. Основные и наиболее знаковые события, демонстрирующие «реальность» мира, организуются при политической поддержке местных и национальных властей и нередко обретают характер межгосударственных акций. На повседневной жизни людей сотрудничество в рамках «финно-угорского мира» никак не отражается, а потому конструкт не может быть принят и усвоен массовым сознанием.

Этнические активисты, которые занимали радикальные взгляды, теперь являются не только откровенными врагами России, но и воюют с ней. Так, эрзянский националист Болькин (бывший лидер «Фонда спасения эрзянского языка» в Мордовии), который живет ныне на Украине, воюет на стороне ВСУ, возглавляет украинскую организацию Идель-Урал, и, самое

⁸⁴ Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. – Москва: «Праксис», 2004.

⁸⁵ Breuilly, J. Nationalism and the State. – Manchester: Manchester University Press, 1982. – P.11.

показательное – грезит о том, что Россия развалится, что будет огромная по территории Эрзянь Мастор (кроме Республики Мордовии, включает в себя много соседних с ней регионов). Он будет инязором (верховным старейшиной) этого образования, законодательную власть будет осуществлять совет старейшин (очевидно, включающий других мордовских радикальных националистов Мусалёва и Четвергова). Да, и еще он подвергнет люстрации православных священников, полицию, школьных учителей как прислужников путинского режима. Все мордовские этнокультурные организации его осудили, в том числе Фонд спасения эрзянского языка, который сменил название и избавился от радикалов в своих рядах.

К сожалению, многие финские и эстонские серьезные исследователи, которые прежде никогда не занимали антироссийских позиций и имеют солидный авторитет в научной среде, прекратили контакты с российскими коллегами, правда, преимущественно с петербургскими. Контакты с «финно-угорскими регионами» на личностном уровне еще сохраняются, но сугубо формальные. Более того, некоторые авторитетные эстонские исследователи, всегда сторонившиеся политизации своей деятельности, сегодня на Фейсбуке и в Инстаграмме стали проповедовать старую идею врагов России о «вымирании» финно-угорских народов или об их кризисном состоянии.

Вместе с тем, важно заметить, что сформировавшиеся в республиках с финно-угорским населением еще в 1990-е гг. региональные модели этнополитики далеко не во всем отвечали и отвечают политическим интересам российского государства и российского общества в целом, а также и интересам республиканских сообществ и главным образом отражали взгляды и интересы местных элит, в том числе и этнических.

Глобализация, в том числе и культурная, как доминирующая мировая тенденция сегодня рассматриваться уже не может. В экономике усиливается протекционизм и попытки ограничить обмен технологиями, решить проблемы национальных экономик за счет промышленного и технологического потенциала других стран, и одновременно нарастает политическое противостояние между странами Запада и Россией, между странами, сохраняющими приверженность традиционным ценностям (религии, семье, отношениям между полами), и странами, отрицающими их непреходящее значение.

Широкое культурное сотрудничество между государствами-нациями сегодня невозможно не только в силу санкционной политики Запада в отношении России или ряда других стран, но и в силу того, что западные элиты, долго провозглашавшие идеи мультикультурализма и толерантности своими базовыми ценностями, откровенно повернулись в сторону культурного расизма. Запрещать издавать книги с позитивными оценками России и российского общества, как это делается в ФРГ, накладывать официальное вето на исполнение произведений Чайковского и Шостаковича в польских театрах и ставить там пьесы Чехова – это классический культурный расизм, а ущемлять права русскоязычных (и просто выходцев из России) в сфере трудовой деятельности, конфисковывать их имущество, замораживать вклады, всячески третировать, что имеет место во многих «демократических странах» Европы, – это уже обыкновенный расизм, ибо главным основанием для дискриминационных действий является культурная принадлежность объекта дискриминации. Поддержка режима, который делает своими национальными героями нацистских преступников (Бандеру и Шухевича), свидетельствует о том, что дух нацистских расовых законов, а именно «Закона о гражданстве рейха» (Reichsbürgergesetz), «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести» (Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre), теперь присутствует и в действиях западных элит. Эти законы, определявшие статус евреев в Третьем рейхе и защищавшие чистоту крови арийцев (как истинных европейцев), ограничили права огромного и экономически влиятельного этнического меньшинства в экономической, политической и общественной жизни Германии, позволили лишать представителей этого меньшинства собственности и ограничивать их гражданские права. Увы, то же самое происходит в Европе сегодня под прикрытием защиты демократии, а потому если нацистские расовые законы и не являются руководством к действию для западных политиков, то их дух явно просматривается в откровенной русофобии европейских и американских элит (а точнее части этих элит, сохраняющих колониалистское сознание). Впрочем, латышский и эстонский законы о гражданстве явно перекликаются с германским законом 1935 г., а речи и действия некоторых местных политиков пропитаны духом «Закона о гражданстве Рейха», фактически лишившем евреев немецкого гражданства. Отбирать у меньшинств право иметь

свои фамилии (а не переделанные на латышский лад), говорить на родном языке и изучать его в школе – это смесь грубого колониального сознания и колониальных практик XIX в. и рафинированного нацизма середины 1930-х гг. в Германии. Героизация коллаборционистов и нацистов в странах Балтии и свержение памятников борцам с нацизмом никого в ЕС не смущало и балтийским «новобранцам ЕС» только тихо советовали некоторые эксперты изменить отношение к меньшинствам, чего, правда, сделано не было. Как можно не заметить и оправдать то, что современные литовские политики и интеллектуалы прямо оправдывают тех литовцев, кто уничтожил «Литовский Иерусалим» (так до 1941 г. называли Вильнюс, чьими руками уничтожено 200 тыс. литовских евреев, кто перекладывает ответственность с убийц на жертв и сам Музей Холокоста в столице «демократической Литвы», называют «Музеем КГБ», дабы смыть кровь с рук литовских палачей и отрицать необходимость очищения литовского общества, необходимость покаяния за коллективные преступления. Такого покаяния не требуют и у украинских бандеровцев, руками которых уничтожены десятки тысяч евреев Львова, Киева и других городов, которые сожгли белорусское село Хатынь вместе с жителями, которые убили десятки тысяч поляков на Волыне, включая женщин и детей и фотографии малолеток, которых по пять человек «герои Украины» вешали на деревьях, хранятся в архивах и представлены в социальных сетях, а потому доступны для широкой публики, но они оттеснены к «грязным страницам» европейского исторического наследия, которые обычно прячут подальше от глаз западноевропейской общественности и не делают предметом широких общественных обсуждений. Ставить памятники Бандере и Шухевичу и одновременно свергать советские памятники – это символически то же самое, если бы в современной Германии стали свергать памятники реформатору Лютеру и водружать на их место монументы бронзовых статуй Геббельса и Гитлера.

Нельзя строить единое культурное пространство со странами, где конституционный национализм имеет столь агрессивные формы, где дух нацистских расовых законов 1935 г. прямо или косвенно ревитализируется в практических действиях политических элит. Но очевидно, что теперь культурная интеграция должна быть направлена не вовне России, а внутрь ее.

Глава 2. Историческая память и межкультурный диалог: российские практики

Разные территории России имели разную историю: одни обладали сформировавшейся государственностью и утратили ее после вхождения в состав Российского государства, другие находились на стадии формирования раннегосударственных институтов и часть из них добровольно, а часть силой оружия включались в состав единого государства, но большинство народов не имели развитой классовой структуры и их вхождение в состав России оказалось естественным и безболезненным.

Различия в исторических судьбах народов России определили и роль исторической памяти в их современной жизни, в стремительной политизации этничности в 1990-е гг. и продолжают оказывать влияние как на общественные настроения, так и на идейные установки региональных современных политических акторов.

Этничность как политический ресурс, контексты реализации права на самоопределение

В сложной по этническому составу населения стране, разные территории которой населены отличающимися друг от друга по языку и религии группами населения, возникает естественная необходимость учитывать региональные культурные особенности как в сфере культуры, так и в сфере политической организации местных сообществ. Первыми на эту проблему обратили внимание австрийские социал-демократы в начале XX в., что совсем не случайно, поскольку Австро-Венгерская империя (которая как дуалистическая монархия сформировалась после подавления венгерской революции в 1867 г.) являла собой пример государства со сложным этническим составом населения, в котором разные этнические группы все активнее выступали за свое культурное самоопределение. Представители

австрийской социал-демократии Отто Бауэр⁸⁶ и Карл Реннер⁸⁷ выдвинули идею национально-культурной автономии, позволяющую решать проблемы культурного развития меньшинств на экстерриториальной основе. В их трактовке идея культурного самоопределения не требует создания отдельного государства или предоставления широкой территориальной автономии группам меньшинств для удовлетворения их культурных интересов.

Исторический опыт России также показал, что многочисленные этнические группы и культурные анклав, сформировавшиеся на территории обширного государственного образования, могут эффективно взаимодействовать с центральной властью, если в полной мере учитывать хозяйственные особенности культурных групп, сформировавшуюся у них систему самоуправления и нормы обычного права. Жизнь многочисленных этнических меньшинств регулировал с 1822 г. «Устав об управлении инородцев», который представлял меньшинствам хозяйственную правовую, культурную и ограниченную административную автономию, чего было вполне достаточно для удовлетворения интересов местных сообществ. При этом все эти общества рассматривались не как изолированные группы, а как единое сословие (инородцы), т. е. интегрированный в российское общество социальный слой. Принципы «Устава...» лишь в середине XX в. нашли отражение в системе международного права и документах ООН. Кроме того, на территории России с XIX в. существовали и территориальные автономии: Великое княжество Финляндское, обладавшее очень широкой автономией, Царство Польское (позднее – Привислинский край), Хивинское и Бухарское ханства, а также земли казачьих войск со своим порядком управления, сословная автономия распространялась не только на инородцев, но также и на остзейское (немецкое) дворянство Прибалтийского края. При этом принцип культурной автономии меньшинств и историко-культурных регионов, в которых сформировались особый уклад жизни, традиции, порядок самоу-

⁸⁶ Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. – Москва: Праксис, 2002. – С. 52–120.

⁸⁷ Arzoz, X. Karl Renner's theory of national autonomy // Filozofija I Društvo. – 2020. – 31 (3). – Pp. 301–318.

правления последовательно претворялся в жизнь во внутренней политике Государства Российского⁸⁸.

Таким образом имперскую Россию уже в XIX в. можно было считать протифедерацией, **а оснований говорить об колониальном господстве над покоренными народами, нет.** Кроме того, опыт межкультурного взаимодействия предков современных российских народов (о чем будет сказано ниже) сформировал основы для прочного союза российских народов, хотя центробежные тенденции тоже начинали давать о себе знать. Но даже развал Российской империи показал, что почти все новые государства возникли и смогли обрести независимость не самостоятельно, и не в силу мощных национально-освободительных движений, а в силу исторических обстоятельств, разрушительных действий внутренней российской оппозиции в лице большевиков и при поддержке внешних сил, которая стала решающей (германская и турецкая оккупация, поддержка Антанты и др.).

Однако после 1917 г. принципы внутренней политики в России радикально изменились. Большевики, придя к власти, заявили о признании прав народов на самоопределение (вплоть до отделения), о свободе совести. «Декларация прав народов России», в которой содержались эти положения, была принята съездом советов в ноябре 1917 г. Но декларируемая свобода совести обернулась массовыми репрессиями против духовенства (всех конфессий) и государственной политикой атеистического насилия – преследованием верующих и поощрением безбожия. А право на самоопределение осталось декларацией, поскольку ни одна союзная или автономная республика, национальный округ (с 1977 г. – автономный) не были созданы в результате **актов самоопределения**, т. е. референдумов. Исключением явился референдум января 1991 г. о воссоздании Республики Крым (завершающий этап крымского самоопределения – референдум марта 2014 г.).

Но для того, чтобы народы смогли самоопределиваться, необходимо было сформировать территориальные культурные группы в интегрированные культурно-языковые сообщества, объединенные общей идентичностью и имеющих общие культурные и политические институты. Эта задача была решена большеви-

⁸⁸ Омаров, М. А., Шабаев, Ю. П. Политическая история России: памятные даты и события, повлиявшие на формирование общероссийской гражданской идентичности: справочник. – Москва: РГГУ, 2023.

ками, которые создали литературные языки, национальные литературы и литературные традиции, национальную школу и общие культурные институты для большинства народов СССР, осуществляли приоритетное финансирование «национальных территорий» с целью их ускоренного экономического развития. Даже названия многих народов, населяющих сегодня Россию и соседние государства, стали творением большевиков – азербайджанцы (прежде – тюрки/турки, украинцы (прежде – малоросы), коми-пермяки (прежде рассматривавшиеся как группа коми-зырян), алтайцы (искусственно объединенные в единый народ различные группы ойротов), долганы и т. д. Не случайно некоторые западные исследователи называли СССР «империей позитивного действия»⁸⁹. О том, что этнические сообщества как «национальности» и «социалистические нации» есть социальные конструкции, что во время переписи населения 1926 г. многие люди не могли без подсказки дать ответ о своей «национальности». Сам термин «национальность» как синоним более корректного понятия «этническая принадлежность» был введен в культурный и политический лексикон большевиками, как замечено выше. И это не случайно, поскольку они взяли на вооружение доктрину этнического национализма, когда вместо гражданской солидарности основной акцент делался на проявлении лояльности к культурно-языковым сообществам и отождествлению граждан с ними, а не с населением страны в целом.

Доктрина этнического национализма покоилась на двух базовых положениях: каждая этническая группа должна иметь собственную государственность, а административные и этнические границы должны совпадать (в зависимости от численности этнической группы определялась и форма национально-государственного образования), в рамках «собственного» национально-государственного образования культурная группа, давшая ему название, объявлялась «коренной», а все остальное население – «некоренным». «Коренные» получали политические и культурные привилегии, т. е. идея конституционного равенства граждан и политика национально-государственного строительства вступали в противоречие друг с другом, ибо «коренные» превращались в «главный народ» и символического собственни-

⁸⁹ Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

ка территории «национального образования». Конкретным выражением доктрины этнического национализма стала **практика размежевания народов**, к реализации которой большевики приступили практически сразу после захвата власти. Для решения практических вопросов, связанных с размежеванием народов и созданием национально-государственных образований в ноябре 1917 г. был создан Народный комиссариат по делам национальностей, который был расформирован в начале 1923 г., т. е. после создания СССР и практического решения вопроса о **размежевании**. При этом идея создания этнографической карты, т. е. карты расселения народов страны, была выдвинута в 1924 г., а появилась она только в 1930 г.

Таким образом, многие национальности/народы СССР создавались как некие искусственные культурно-языковые конструкторы, а их национально-государственные образования не имели правового фундамента, а их политические и культурные институты созданы советской властью и потому не случайно народы, для которых была создана своя государственность, стали именоваться социалистическими нациями⁹⁰. В последние годы историками и политологами нередко было принято именовать СССР империей, равно как нередко также называют и современные США. И, действительно, при формально федеративном устройстве Советский Союз изначально строился на принципах «социалистического унитаризма»⁹¹, **но «имперский подход», на наш взгляд, слабо обоснован и представляет собой, скорее, дань моде, а не обоснованного политологического анализа.**

Понимая специфический характер процесса национально-государственного строительства в СССР, ее лидеры стремились не только к институционализации, но и к огосударствлению этничности, которая по природе своей является культурным феноменом – это форма культурной солидарности людей. В целях огосударствления этничности, не только вводился маркер «национальность» и осуществлялась его статистическая, т. е. государственная, фиксация, но каждый человек помимо его воли в обязательном порядке «привязывался» к конкретной национальности (т. е. культурно-языковому сообществу). В 1932 г. был введен общегражданский паспорт, и графа «национальность»

⁹⁰ Куличенко, М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. – Москва: Мысль, 1981.

⁹¹ Сталин, И. Организация Российской Федеративной Республике // Соч. Т. 4. – Москва, 1947. – С. 73.

была в нем обязательной для заполнения. Национальность надо было указывать и во всех других официальных документах и анкетах. Была построена не только этническая федерация, но культурная отличительность территорий превратилась в политический ресурс, а личная фиксация культурно-языковых ориентаций стала инструментом для социальной мобильности и политической конкуренции.

Этническая федерация стала бомбой замедленного действия и именно с помощью политизации этничности был развален СССР, произошло резкое обострение межнациональных/межэтнических конфликтов на рубеже 1980–1990-х гг. Важно заметить, что развал СССР был связан с социально-экономическими проблемами и резким снижением уровня жизни населения, но политическим катализатором этого распада стала деятельность националистических движений в Прибалтике, Молдавии, Закавказье и на Украине. При этом **все эти движения имели свои программы, носили массовый характер и поддержку населения, т. е. могли претендовать на то, что они выражают интересы значительных слоев населения. Они имели легитимный юридический статус, поскольку были официально зарегистрированы.** И крайне важно заметить, что процесс распада СССР сопровождался проведением общереспубликанских референдумов в бывших союзных республиках, хотя в ряде случаев формулировка вопросов, связанных с обретением государственного суверенитета, вызывала сомнения, их итоги никто не оспаривал. Конституция СССР предусматривала право выхода республик из состава страны, а потому референдумы были юридически оправданы, а массовая поддержка этих акций делала их и политически корректными, хотя оценка их последствий, конечно, не может быть однозначной и по-разному до сих пор воспринимается бывшими гражданами СССР.

Идея этнического/этнорегионального представительства и ее политическая и правовая ущербность

В 1988–1991 гг., когда начался процесс распада СССР, спровоцированный так называемым «парадом суверенитетов», суть которого состояла в том, что сначала союзные, а затем и автономные республики стали принимать декларации о суверени-

тете, согласно которым их конституции и законы объявлялись приоритетными по отношению к общесоюзной конституции и законодательству. Оценивая этот этап развития страны спустя всего несколько лет после распада, некоторые специалисты сделали вывод, что демонтаж СССР не был неизбежным и явился следствием грубых ошибок политического руководства страны, амбиций региональных лидеров, масштабных процессов политики этничности⁹².

Итогом распада стали выход на политическую арену национальных движений и превращения различных этнонациональных организаций в активных политических акторов как регионального, так и федерального уровней, и их выход на международную арену.

Но политическая слабость и некомпетентность региональных политических элит привела к тому, что этнонациональные организации, их лидеры и идеологи стали претендовать на роль параллельной власти, о чем многие из них открыто заявляли с трибун. При этом ни один из многочисленных этнических съездов не представлял собой собрание делегатов, обладающих правом выражать интересы того или иного этнического сообщества в целом (хотя об этом постоянно заявляли этнические активисты), поскольку прямых выборов на них нигде организовано не было.

Статус параллельной власти этнические организации и съезды (а равно и регионалистские) вполне официально получили в целом ряде национальных республик: в 1992 г. в Коми был принят республиканский закон «О статусе съезда коми народа», предоставлявший ему право законодательной инициативы и подтверждавший, что съезд является представительным органом (позднее опротестован и отменен), в 1999 г. был принят закон «О съезде народа Ингушетии»), в 2003 г. закон «О съезде хакасского народа» и др. *Стоит заметить, что названная практика вела к политической дискредитации законных органов законодательной и представительной власти и подвергала сомнению их статус, была юридически некорректной.*

В начале 2000-х гг. в Государственной Думе даже состоялись слушания (с участием лидеров и активистов Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока)

⁹² Чешко, С. В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. – Москва: ИЭА РАН, 1996.

о возможности формирования парламента коренных малочисленных народов как структуры общенационального парламента.

Крайним выражением идеи этнического представительства стала идея «коллективного политического представительства этносов», практическим выражением которой стала идея о реформировании республиканских парламентав в Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, Карелии. Эта идея дискутировалась на этнических съездах и нашла отражение в резолюциях съездов АФУН (Ассоциации финно-угорских народов России). Согласно названной идее, в республиканских парламентах должны быть созданы две палаты: палата республики и палата коренного народа. Предлагалось, чтобы в палату республики выбирали депутатов все жители республик, обладающие избирательным правом, а в палату коренного народа в Коми могли выбирать только коми, в Марий Эл – только марийцы и т. д. Это означало, что конституционное равенство прав граждан отвергается, поскольку представители «коренных народов» получали бы не один, а два голоса во время общереспубликанских выборов. Но главное, что формирование депутатского корпуса по принципу крови – это расовая идея, но, к сожалению, адекватной оценки со стороны политических элит регионов подобные идеи не получили.

Под влиянием этнического лобби в ряде республик были приняты законы о языках и об образовании, которые давали основания принуждать детей представителей численно доминирующих этнических групп в обязательном порядке изучать языки титульных групп (что противоречило конституционному равенству прав граждан и символически наделяло отдельные группы особым культурным статусом). Это спровоцировало конфликты между этническими группами, которые местные власти старались не замечать.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что в современной России сталкиваются разные идеи и представления, касающиеся реформирования ее политического дизайна. Радикальные идеи со временем уступили место более взвешенным политическим представлениям и большинство политических сил согласилось с тем, что достижение национального согласия есть главный политический приоритет, и именно эта идея должна быть основой политических программ всех политических сил.

Тем не менее этнонациональные организации и объединения были и есть вполне легитимными структурами, отражавшими интересы отдельных групп населения (но далеко не всех представителей того или иного культурно-языкового сообщества), равно как и некоторые общественные регионалистские организации, такие как съезды поморов, казачьи круги или существовавшие прежде межрегиональные объединения – Сибирское соглашение, Большой Урал и т. д.

Таким образом, у различных политических институтов в Российской Федерации как в центре, так и в регионах за последние десятилетия накопился большой опыт дискуссий, касающийся поиска моделей политического представительства разных групп населения, и осмысления проблем национально-государственного строительства, а потому любая политическая сила как внутри страны, так и за ее пределами должна учитывать этот опыт, а равно и опыт исторического развития России. *Насколько он учитывается теми силами, которые извне пытаются ставить вопрос о «новом размежевании» народов (и территорий) России?*

Апофеоз радикального национализма и этнополитического мифотворчества – форум свободных народов

12–14 ноября 2023 г. в Риме и Берлине прошел IX форум свободных народов России, который, конечно, и по числу участников, и по характеру политического представительства (участники представляли некие мифические политические «объединения») со всей очевидностью был не легитимен, но весьма показателен. Его проведение показало, что попытки использовать этничность как инструмент, с помощью которого западные спонсоры хотели бы ослабить Россию, не прекращаются и что политические оппоненты России готовы спонсировать проведение даже самых нелепых антироссийских акций.

Делегатов/участников форума никто не выбирал, а значит они не имели права принимать какие-либо решения, касающиеся реформирования России в целом и отдельных ее регионов в частности.

Даже смысл исходного понятия форума – «свободные народы» – в документах этого собрания не раскрывается, не имеет со-

держательного толкования ни в культурном, ни в политическом, ни в правовом отношениях⁹³.

Но их можно считать наследниками созданного в годы Холодной войны сообщества «порабощенных народов». В 1959 г. в США была создана организация – Национальный комитет порабощенных народов (*National Captive Nations Committee*). Закон об учреждении был единогласно принят Конгрессом и подписан Президентом США и стали раз в год проводить Неделю порабощенных народов и издавать Прокламацию с призывом к их «освобождению», хотя идея комитета и порабощенных народов подвергалась критике со стороны ряда ученых-гуманитариев и в том числе некоторых эмигрантских деятелей в самих США, которые прекрасно понимали, что «порабощенные» народы не делегировали кому-либо право выступать от их имени.

Соединенные Штаты продолжают традицию проведения Недели порабощенных народов, и каждый год выпускают новую версию Прокламации, как правило, *очень далекую от принципов культурного диалога*. Правда, современные прокламации не относятся к конкретным нациям или государствам, но американский стиль глобального мирового цензора в них сохраняется.

Касаясь политического мандата участников вышеназванного форума, стоит задаться вопросами: какие легитимные политические организации они представляют, от имени каких групп населения (этнических, конфессиональных, территориальных, профессиональных и т. д.) выступают, кто уполномочил «делегатов» выступать от имени тех или иных сил или организаций, как делегаты форума намерены отчитываться перед теми интересантами, которые «делегировали» их на форум.

Очевидно, что мандата и каких-либо наказов от населения тех или иных регионов России у делегатов форума не было, а интересы конкретных групп населения регионов России они не выражали, их никто не выбирал, а потому принимать какие-либо решения, касающиеся реформирования России в целом и отдельных ее регионов в частности, они не уполномочены, т. е. это группа политических самозванцев.

Делегаты допустили самозахват политических полномочий, поскольку они выступают как выразители интересов населения разных российских регионов. В этом смысле участни-

⁹³ Форум Свободных Государств ПостРоссии. Free Nations. – URL: <https://t.me/freenationsrussia/5510> (дата обращения: 12.12.2023).

ки форума *представляют собой «небольшевиков»*, которые в ходе переворота (лидер большевиков Ленин использовал именно этот термин, который потом был заменен громким названием «Великая Октябрьская Социалистическая Революция») узурпировали власть и под красивыми лозунгами реформирования общества, борьбы за свободу и самоопределение народов (и населения регионов) фактически узурпируют право определять судьбы народов/населения и осуществлять от имени граждан реформирование России, не получив ни политического мандата, ни правовых полномочий для этого. Подписанный ими документ носит название «декрет», но декрет – это правовой документ, который вправе издавать органы власти и преимущественно власти законодательной, представительной. **В этом смысле форуму надо было сначала обрести именно такой статус, иначе любые документы, рожденные им, будут носить характер не правового документа, а узкогрупповой политической агитки.**

Как небольшие участники форума выступают за революционные потрясения и новую Смуту в России, поскольку выступают за радикальную ломку нынешнего административно-территориального устройства России и в этом смысле прямо копируют политический опыт большевиков.

Право на самоопределение и исторический фундамент «Декрета о новых принципах территориального устройства Построссийских государств»

Система международного права стала формироваться после кровопролитных религиозных войн в Европе и заключения Вестфальского мира. Тогда впервые был сформулирован принцип нерушимости государственных границ и одновременно пришлось признать вступающее в противоречие с указанным принципом право наций на самоопределение, поскольку была признана независимость от испанской короны Нидерландов. Правда, сами государства-нации к тому времени еще не сформировались, как и не сформировались этнические сообщества в современном их понимании – как широкие культурно-языковые сообщества, объединенные культурной солидарностью и общей идентичностью.

Правом на самоопределение обладают лишь политически организованные сообщества. Поэтому население Республики

Крым таким правом обладало и реализовало его, а население Псковской области им не обладает. Этнические сообщества не являются субъектами международного права, а потому в ООН представлены государства-нации, но не народы, рассматриваемые как культурно-языковые сообщества или некие территориальные группы одного народа. Принцип суверенитета, который категорически отрицали участники форума, стал универсальным принципом политической организации в истории человечества. «Суть его состоит в том, что территория планеты поделена между государствами, внутри которых вся полнота власти исходит из одного источника – конституции, монархической традиции, теократии и т. д.»⁹⁴. Принцип этот закреплен в целом ряде международно-правовых документов, но, как уже сказано, не является незыблемым, поскольку в международном праве признается и право наций на самоопределение. Тут надо ответить на вопрос о том, что есть нация. Несмотря на то, что и это понятие может трактоваться по-разному, есть некий консенсус по поводу его понимания, что закреплено в Рекомендациях Парламентской ассамблеи Совета Европы «О понятии нация»⁹⁵. Здесь признается, что нация может восприниматься и как гражданское, и как этнокультурное сообщество, но общее направление ее эволюции – формирование гражданского союза, объединяющего разные культурные элементы. Отмечается, что нация становится субъектом права (международного права) лишь в том случае, если она организуется в качестве международно признанного государства. Хотя нации в историческом и культурном смысле есть воображаемые сообщества⁹⁶, история национальных движений и национально-государственного строительства дает вполне очевидное понимание того, что нации формируются как территориальные политические объединения в процессе осознания своего политического единства и в процессе мощных общественных движений, опирающихся на идею политических территориальных объединений. В этом смысле воспринимать население отдельных административных единиц как нации некорректно ни

⁹⁴ Тишков, В. А., Шабаяев, Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности. – Москва: Изд-во МГУ, 2019. – С. 279.

⁹⁵ Там же. – С. 63.

⁹⁶ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

в историческом, ни в культурном, ни в политическом смысле, не говоря уже о международно-правовом толковании. Население Воронежской, Мурманской, Архангельской, Свердловской, Тюменской областей – это есть жители этих областей, которые вместе с жителями других областей и республик составляют единую российскую нацию и даже опросы начала 2000-х гг. свидетельствовали, что 90 % граждан страны готовы были признать себя именно россиянами⁹⁷. Последующие опросы ВЦИОМ только подтвердили, что эти настроения являются устойчивыми, причем во всех регионах страны, а идея российской гражданской нации получает все более основательную поддержку среди россиян⁹⁸.

Логично возникает и следующий вопрос, который состоит в том, насколько идеи, высказанные на последнем форуме, о разделе Российской Федерации на 34 независимых государства соответствуют идее суверенитета, пониманию нации/государства-нации как политически организованного территориального сообщества, как они исторически обоснованы.

Что же касается исторического обоснования выдвинутых идей реформирования России, то оно или совсем отсутствует, или является исторической спекуляцией, поскольку прямой историко-генетической связи между реалиями средневековых государств и современным политическим устройством государств быть не может. Современное население Псковской области РФ не есть прямые наследники Псковской республики, существовавшей в XV в., как современный юг Италии (Сицилия, Калабрия, Базиликата, Апулия и др.) не является прямым наследником политических традиций Королевства обеих Сицилий или современные жители Генуи и Лигурии не есть продолжатели традиций Генуэзской республики, а жители севера современной Федеративной республики Германии не есть прямые наследники Ганзейского союза городов. И использовать исторические сведения о некогда существовавших территориальных объединениях не имеет смысла для современного реформирования федеративного устройства страны и тем более для ее развала.

⁹⁷ Дробижина, Л. «Уже 90 % жителей России ощущают себя россиянами» // «Известия». – 2 апр. – 2004. – URL: <http://iz.ru/news/288668> (дата обращения: 25.01.2024).

⁹⁸ ВЗГЛЯД/Российскую политическую нацию можно считать сформированной. – URL: <https://vz.ru/society/2017/3/21/862874.html?ysclid=lq970k7e-oc611209501> (дата обращения: 25.01.2024).

Политическая история России «реформаторами» Форума не учитывались, равно как не учитывались историческая память и региональная идентичность. Но они и не рассчитывали на поддержку россиян и жителей отдельных российских регионов, а уповали на внешнюю поддержку, т. е. их замыслы интервенционалистские по своей природе. Причем поддержку сепаратисты ищут уже в ближнем Зарубежье, ибо «в условиях широкого доступа к интернет-коммуникациям (в России и Казахстане – свыше 80 % населения) все большее значение приобретают не государственные и аффилированные с ними СМИ, а частные коммуникационные каналы. Значительная деформация информационной среды происходит из-за исключительного доминирования социальных сетей. Меняется сама психология распространения информации в интернете. Основную роль в информационной среде Казахстана играет институт «блоггинга». Ознакомившись с массивом экспертных материалов, которые касаются вопросов анализа контента региональных электронных СМИ, приходится констатировать, что местные российские СМИ практически не формируют инфоповоды, которые бы влияли на изменение восприятия межэтнических и межгосударственных отношений, оказывали серьезное воздействие на молодежную среду. В Казахстане же, например, в Facebook появилась группа «Қаза станда 5-ба анды аны тау а арнал ан топ» по выявлению сепаратистски настроенных, открыто поддерживающих специальную военную операцию граждан Республики Казахстан. Данная группа администрируется из г. Есик Алматинской области, но пользователи представляют весь Казахстан и даже говорящих по-казахски иностранцев, в том числе из России. К откровенно русофобским относятся обсуждения ряда постов или новости в русскоязычных казахстанских телеграм-каналах «Sputnik-53» (ок. 1 тыс. пользователей), «НEXабар» (более 72 тыс. пользователей), «Миллиард казахстанцев» (1,3 тыс. пользователей). Еще большее их количество в каналах на казахском языке, и особенно в роликах в TikTok и Instagram. Вирусные ролики, искажающие историческую действительность, или откровенно националистического содержания собирают сотни тысяч просмотров, оценок и репостов в короткий срок. Причем один из роликов на русском языке малочисленной, казалось бы, группы «Миллиард казахстанцев» в WhatsApp получил свыше миллиона репостов, в том числе в российском сегменте.

Масса материалов в казахстанском сегменте интернета, просматриваемого в том числе российскими пользователями – это перепосты с переводом на русский и казахский языки роликов украинских официальных властей. Многие ролики носят явный фейковый характер, более того, публикуются кадры российских СМИ с переозвучкой от имени «свидетелей» и комментариями конфронтационного содержания. Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что как национальные, так и региональные казахстанские электронные СМИ, в том числе социальные сети и мессенджеры, направлены на молодежную целевую аудиторию приграничных регионов. Аналогичная ситуация отмечается в российском приграничье. Гораздо большее влияние на восприятие молодого поколения оказывают крупные электронные каналы, среди которых особую роль начинают играть короткие ролики в TikTok и telegram-каналы, особенно комментирование и обсуждение сообщений. Причем для распространения информации чаще всего используются smm-технологии и технологии так называемого партизанского маркетинга. Бизнес-технологии, таким образом, превращаются в действенный инструмент политического влияния...

В странах Европы, в Турции живут и активно действуют в пространстве ютуб и телеграмм-каналов выходцы из некоторых регионов России, имеющие ярко выраженную антироссийскую позицию. Наиболее яркий случай – это активность Руслана Габбасова, который под угрозой ареста уехал из Уфы в Казахстан, а в последнее время, находясь в Литве, ежедневно выпускает несколько роликов, посвященных различным аспектам внутренней жизни Башкортостана и взаимоотношениям России и других стран мира на телеграм-канале «Тот самый башкорт». Именно при его участии в 2022 г. был создан и распространялся в сетях призыв к казахской молодежи, «объединится в единый "Туран" с башкортами, от которых Казахстан искусственно отделен территорией Оренбургской области». Ролики подобного содержания, иногда с тенденциозным толкованием событий в разных регионах России и зоне СВО, ежедневно появляются на десятках каналов этих блоггеров. Таким образом, сложились условия для формирования в информационном пространстве соседних стран регулярно воспроизводимого контента антироссийской направленности, который в силу его доступности для граждан РФ в значительной мере формирует актуальное мировоззрение части мо-

лодых граждан регионов РФ и может нести угрозу внутреннему единству России и общенациональной солидарности»⁹⁹.

«Реформаторы» и их союзники за пределами России выстроили проекты по всему периметру границ России. Так, Мурманскую область предлагается сделать самостоятельным государственным образованием – Лапландией. Но Лапландия – это территории расселения скандинавских саамов (этот топоним сохраняется и ныне). В России саамов называли лопарями и потому на европейском севере существовала Лопская волость, но реформаторы историю России не знают, а потому придумывают некие искусственные территориальные формирования. Саамской/лапландской идентичности как региональной идентичности в Мурманской области нет, если не считать 1,5 тыс. проживающих здесь саамов. То же самое можно сказать о придуманной несколькими сочинителями Ингрии. Ингерманландской идентичности ни в Петербурге, ни в Ленинградской области нет и никогда не было. После того, как южный берег Финского залива после неудачного завершения Ливонской войны оказался под властью Швеции, сюда стали переселяться финны из южной Финляндии, а шведы назвали эту землю, которая называлась Ижорская земля, – Ингерманландией, или Ингрией, но местные финны себя не именовали ингерманландцами. Это позднее для удобства так их называли некоторые этнографы, которые не учитывали самоназвание местных финнов. Другие культурные группы местного населения, в частности такие финно-угорские народы, как водь и ижора, противопоставляли себя местным финнам, поскольку были не лютеранами, а православными. Наиболее общее для всех групп ижор этническое самоназвание – «русские» («venäläiset», «venalaizet», «vellaset») – первоначально представляло собой политоним (социальный маркер, указывавший на пребывание ижор вплоть до XVII в. в составе Русского государства – «Venäjä»), а в XVIII–XIX в. – конфессионим («русские» как носители православной религии, прихожане православной церкви – «venäjän kirkko»). Соседи финны не случайно называли ижору «русскомыслящими»¹⁰⁰.

⁹⁹ Савин, И. С. Информационные факторы формирования представлений общегражданского характера в регионах России (на материалах полевых исследований в сентябре-октябре 2023 г.) // Этнопанорама. – 2023. – № 11. – С. 39–40.

¹⁰⁰ Шабаев, Ю. Ижора // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: этнополитический справочник. – Москва–Берлин: «Директ-Медиа», 2015. – С. 168–170.

Кроме того, в российских регионах нет даже зачатков движений за политическое самоопределение, но движения за культурное самоопределение есть, и они вполне легитимны, но с ними участники форума не связаны за редкими исключениями и даже эрзянское движение в Мордовии и аналогичные движения в других национальных республиках официально отказываются признавать своих прежних, а ныне беглых соратников политическими союзниками. Призыв участников 9 Форума свободных народов Пост-России к развалу или разделу России – это политический экстремизм, поскольку выдвигаемые участниками форума идеи не опираются на идеи толерантности, общественного диалога, плюрализм, общественное мнение и общественную поддержку, на нормы международного права.

Некоторые участники форума открыто призывают к войне с Россией, убийству российских граждан и способствуют формированию этнических воинских формирований, публикуя инструкции, касающиеся того, как стать членами этнических или регионалистских воинских формирований в составе ВСУ, к числу которых относятся: Карельский национальный легион, рота «Башкорт», батальон им. Шейха Мансура, Батальон им. Джохара Дудаева, батальон им. Хамзата Гелаева, батальон им. Имама Шамиля, батальон «Туран», взвод «Ингрия» и др.

На подконтрольных им телеграмм-каналах «Утро Дагестана», «Оплот Ичкерии», «Свободный Кавказ», «БашНацПолит», «Вольный улус», «Етносказ», «Голос Ингрии», «Башкортостан» и др. прямо или косвенно поощряется этнический радикализм, что следует квалифицировать не только как поощрение экстремизма и терроризма под лозунгом «освобождения угнетенных народов», но и как попытку спровоцировать конфликты на этнической почве в России. При этом стоит заметить, что даже сами названия публикаций нацелены на провоцирование этнического противостояния, разжигание межнациональной розни, культивирование радикального этнического национализма¹⁰¹.

Участники форума покушаются на Конституцию и законодательство Российской Федерации, поскольку если в СССР союзные республики, согласно Основному Закону СССР, имели формальное право выхода из состава союзного государства,

¹⁰¹ Вооруженные силы Украины начали контрнаступление, они освобождают оккупированные территории от русских захватчиков. – URL: http://t.me/rota_bashkort/6 (дата обращения: 12.12.2023).

то действующая Конституция РФ право одностороннего выхода из состава Федерации не предусматривает. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Ломка федеративного устройства РФ, которая является основой политической платформы 9 Форума свободных народов Пост-России, должна осуществиться силовым путем, а значит предполагает гражданскую войну и новую Смуту, бра-тоубийственную междоусобицу.

Интерпретации исторического пути Татарстана (суверенный Татарстан в историческом контексте)

Но и в самой России имеют место процессы и события, которые свидетельствуют о том, что процессы гражданской интеграции в стране протекают не без конфликтов.

15 октября 2023 г. в сквере им. Тинчурина в Казани активисты отметили Хэтер көне – День памяти татарского народа. С 1989 г. этот день отмечается регулярно, в 1990-е гг. он собирал до 10 тыс. чел., в 2022 г. – 80, а в 2023 г. татарская этнорадикальная молодежная организация «Азатлык», сделавшая заявку на проведение митинга в мэрию Казани, указала цифру 100 чел., но сообщается, что собралось 300 чел.¹⁰² Духовное управление мусульман Татарстана в 2021 г. учредило «день памяти» в годовщину взятия Казани Иваном Грозным. В этот день духовенство республики призвало поминать павших «батыров татарской нации». При этом в День памяти нередко проводятся и альтернативные мероприятия, связанные с признанием присоединения Казанского ханства к Московскому царству важной исторической датой. Получается, что у разных этнических сегментов татарстанского общества есть своя историческая правда и это касается не только трактовок штурма Казани, но и других важных событий отечественной истории. Но важно не само мероприятие, а общественные настроения. Анализ сетевого пространства Татарстана, где много интернет-страниц, посвященных рассуждениям о татарах как этнонации, показывает, что идея татарской этнонации до сих пор владеет умами многих казанских татар. В республике издаются серии исторических сборников, посвященных золотоордынскому наследию, выходит исторический

¹⁰² В Казани активисты отметили Хэтер көне. – URL: <https://m.business-gazeta.ru/> (дата обращения: 12.12.2023).

журнал «Золотоордынское обозрение», в котором публикуются статьи по истории татар и татарских ханств. Но широкой информационной кампании, показывающей длительный и достаточно показательный путь культурной интеграции татар в российское общество пока, на наш взгляд, нет, хотя она должна сбалансировать региональную политику памяти и исключить войны памяти.

События 15 октября 1552 г. в Татарстане долго и упорно местные радикалы пытались трактовать как «самую трагичную страницу истории татарского народа», а татар представлять как этнонацию, которая существует автономно от проживающих рядом с татарами много веков представителей других народов. Татарскую идентичность в научных изданиях пытались представить как тесное тождество татар с Востоком, их особенность и не интегрированность в общероссийское культурное пространство. Кроме того, татары воспринимались как наследники Великих Степных Империй начиная с империи гуннов в начале IV–V в. н. э. и Тюркского каганата (552–603 гг.) и заканчивая империей Чингисхана и Золотой Ордой.

Золотоордынское наследие с 1990-х гг. стало инструментом этнополитической мобилизации татар, а точнее – той части татарского населения, которая настроена этноцентрично. Людям, ориентированных на культивирование «татарскости», много, хотя радикалов среди них мало. А понимание татарскости вне связи с историей России, а только в связи с историей татар и в контексте исламской традиции есть следствие той политики памяти, которая долгое время проводилась как в Татарстане, так и в России в целом. Хотя с начала XXI в. властями республики официально говорилось о формировании в Татарстане единого гражданского сообщества татарстанцев, сформированного не на этнической или конфессиональной основе, а исключительно на региональной, интеллектуальная элита продолжала искать культурную модель, которая подчеркивала специфику татарского общества и Татарстана как национально-государственного образования. Ее достаточно четко в 1995 г. сформулировал даже не конструктор модели суверенитета татарстана конца XX в. Р. Хакимов¹⁰³, а известный исследователь, академик татарской академии наук Дамир Исхаков: «Геополитические приоритеты

¹⁰³ Хакимов, Р. С. Сумерки империи: к вопросу о нации и государстве. – Казань: Татарск. кн. изд-во, 1993.

Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии. Татарстан нуждается в выходе на мировое сообщество через западную (демократическую) цивилизацию, но при сохранении особого акцента на общетюркские и мусульманские начала своей культуры и идентичности»¹⁰⁴.

Собственно современная татарская интеллигенция во многом повторяет идеи, высказанные еще в конце XIX в. татарским просветителем Ш. Марджани. Многие современные исследователи связывают татарское самосознание с исламом и татарской историей. Отмечается, что татарская культура неотделима от исламских традиций, но культурная эволюция татар гораздо сложнее, о чем говорит опыт истории и традиции многовековых межкультурных контактов татар с соседними народами. Исламская традиция, которую пытаются представить базовой основой татарской культуры и даже «татарской нации», была связана с арабскими письмом и наследием. Современные казанские татары есть органичная часть российской гражданской нации, а современная татарская культура покоится на кириллице и светскости, а также поликультурности Татарстана и совершенно очевидно, что она неотделима от истории России и общероссийского культурного ландшафта. При этом вопрос о культурном единстве татар казанских, сибирских, астраханских остается дискуссионным и это отдельный и сложный вопрос, поскольку споры по поводу «единой татарской нации» (хотя правильнее говорить об этническом сообществе) не утихают.

Сегодня идеи радикального татаризма и пантюркизма перемещаются в интернет-пространство, где они не только транслируются, но и постоянно воспроизводятся. Вот характерный комментарий, помещенный в Сети после очередного Дня памяти в Казани, прошедшего 15 октября 2023 г.: «Все защитники Казани – шахиды, они защищали свою родину, семью и татарскую нацию». *Но, как это ни парадоксально, отмечая Хэтер көне, татарские активисты усиливают раскол среди татар, ибо 1552 г. – это свидетельство того, как татары боролись с татарами и того, что татары еще не являлись консолидированным этническим сообществом с общей идентичностью.*

¹⁰⁴ Исхаков, Д. М. Модель Татарстана: «за и против» // Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т. 2. Современный национализм татар. – Москва: ЦИМО, 1998. – С. 90.

Этот факт надо постоянно подчеркивать властям республики в противовес идеям радикалов.

Стоит заметить, что не только средневековая история, золотоордынское наследие и опыт собственной государственности в форме Казанского ханства и ее утрата являются теми историческими сюжетами, которые современными татарскими интеллектуалами (частью из них) трактуются исключительно в контексте «национальных трагедий». Таковыми являются и важные исторические события относительно недавнего времени, а именно советской эпохи – коллективизация, участие татар в Великой Отечественной войне. Так, к примеру, французская исследовательница Франсуаза Досэ проводила некоторые параллели между лозунгами на Киевском Майдане в 2014 г. и высказываниями московских татарских активистов, созвучных многим идеям, культивируемым в Татарстане. В частности, она заметила: «... Этнопатриотизм иногда питает антироссийские настроения. Одним из примеров могут служить текст и иллюстрации, размещенные накануне 9 мая 2010 г. на сайте *tatarlar.ru*, главным редактором которого был пресс-секретарь РТНКА Тимур Сулейманов. Классический советский плакат "Дошли до Берлина" предстал в слегка измененном виде: вместо традиционной армейской фуражки – тюбетейка, под плакатом – надпись: "Слава татарам-защитникам". Налицо присвоение советских символов Победы. Плакат сопровождался коротким комментарием, который гласил: "На полях сражений Великой Отечественной войны и в сталинском ГУЛАГе весь цвет татарской интеллигенции и большинство татарских мужчин были уничтожены преступным русским коммунистическим режимом и германским фашизмом"»¹⁰⁵.

С позиций необходимости актуализировать процессы гражданской интеграции в России и в самой республике представляется важным и значимым, чтобы в современной политике памяти в Татарстане последовательно указывалось на то, какую роль сыграли татары в формировании Российского государства, отстаивании его суверенитета и государственной целостности. Это, вероятно, следует делать как в форме профессиональных исторических нарративов, так и в исторических реконструк-

¹⁰⁵ Досэ, Ф. Единство или конфликт? Трения между татарскими активистами Москвы // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга 2014. – Москва: ИЭА РАН, 2015. – С. 89.

циях, и в тематических сайтах в интернете, исторических «путешествиях» в виртуальном формате, а еще в монументальной пропаганде. По поводу последней необходимо заметить, что в публичных городских пространствах республики появлялись не только этнические маркеры, но и привлекательные для людей символы единства с Россией, а также памятники, повествующие о многовековом служении казанских татар Государству Российскому. Таковым, например, может быть памятник служилым татарам (как памятник Ингушскому полку – одному из подразделений многонациональной «Дикой дивизии» периода Первой мировой войны в Ингушетии или как многочисленные памятники в честь 220-летия Селенгинского пехотного полка в Бурятии).

Первое достоверное свидетельство участия татарской конницы в походе на Казань – 1522 г., но можно указать и 1487 г., когда войска Ивана III впервые взяли Казань не без помощи своих татарских сторонников, затем – 1559 г., когда татарская конница двинулась в Ливонию, а также 1581 г. (участие казанских татар в походе Ермака), 1612 г. – участие татарской конницы в ополчении Минина и Пожарского, 1812 г. и т. д.

Можно и нужно внедрять и другие формы монументальной пропаганды и актуализации исторической памяти, реализации **политики идентичности** и укрепления общероссийского гражданского единства, но эти меры должны быть последовательными и общественно значимыми.

Идея российской гражданской нации среди этнически ориентированных татар и интеллигенции не очень популярна (равно как и среди других этноориентированных деятелей). На основе рафинированного татаризма и пантюркизма родилась и стала дискутироваться в интернет-пространстве идея создания Идель-Урала – объединения чувашей, татар и башкир (это тюркские народы) и «их» национальных республик, а заодно и республик Марий Эл и Удмуртии (некоторые территории которых некогда входили в состав Золотой Орды). Подобный проект не нов – он уже озвучивался в начале 1920-х гг. Обсуждается и возможность политического единения этого виртуального квазинационального образования с тюрками Центральной Азии и указывается, что единственным препятствием для формирования названного союза является «южный коридор» – Оренбургская область, которая не является национальной республикой, хотя доля тюркского населения в ней весьма значительна.

При этом история татар, как и других народов страны, сложна и многогранна, но очевидно, что она не может быть описана только лишь с помощью алармистских схем.

Дело в том, что процесс интеграции в российское общество начался задолго до 1552 г., имел свои сложности и весьма значимые исторические вехи, которые невозможно оценивать однозначно.

К примеру, как одну из самых трагичных страниц истории татар можно рассматривать не 1552 г., а 1313 г., когда ханский престол занял хан Узбек. При хане Узбеке, когда Золотая Орда достигла вершины своего могущества, религиозная ситуация в ханстве резко изменилась, что, по мнению некоторых современных татарских историков, положило начало ее упадку. Дело в том, что хан Узбек в 1313 г. совершил исламский переворот, объявив ислам единственной государственной религией Орды. Но дело в том, что в своде законов монголов, разработанном при великом Чингиз-хане, – «Великой Ясе» – гарантировалось равенство всех религий.

Спротивление со стороны элиты хан Узбек сломил, убив более 100 чингизидов. Но в ходе исламизации Орды при Узбек-хане многие татары, являвшиеся приверженцами древнейшей религии всех тюрков – тенгрианства или исповедовавшие православие и другие культы, бежали от притеснений в русские княжества. В Москве они принимали православие, со временем переходили на русский язык и, в конце концов, становились русскими.

Московские князья не только принимали на службу представителей знатных татарских родов, но в Москве селились также татарские купцы и ремесленники, поэтому в XIV в. в Замоскворечье возникает Татарская слобода. Татары постепенно становились органичной частью Московского великого княжества и не случайно, что русское конное войско в значительной степени было татарским, а на территории княжества существовало Касимовское ханство (как вассал Москвы), значительная часть населения которого исповедовала ислам, а также сохранялся порядок управления, принятый в Золотой Орде. Ханство, по версии некоторых историков, было пожаловано татарской знати, перешедшей на службу к московскому князю. В Москву из Орды уходили представители многих знатных татарских родов, положившие начало известным дворянским фамилиям.

Среди русских имен татарского происхождения стоит назвать поэта Державина из рода мурз Нарбековых, историка Карамзина – Кара-мурзы, писателя Тургенева – из Тургаевых, а также Аксаковых, Огаревых, Чаадаевых, Кутузовых, Тимерязовых, Бахрушиных и т. д. Русскую культуру невозможно представить без этих татарских (по происхождению) имен.

Татарское наследие в русской истории и культуре огромно и касается не только имен, но и многих политических традиций, элементов народной культуры, а также важных исторических деяний. Московские князья не только принимали на службу представителей знатных татарских родов, но в Москве селились также татарские купцы и ремесленники, поэтому в XIV в. в Замоскворечье возникает Татарская слобода.

Во второй половине XV в. Москва уже перестала быть васалом Золотой Орды, которая в середине этого столетия распалась на целый ряд самостоятельных государственных образований: Казанское, Сибирское, Астраханское, Крымское ханства, Большую и Ногайскую орды. Попытки Казани вернуть вассальную зависимость Москвы обернулись в 1480 г. так называемым «стоянием» на реке Угре, в ходе которого татарское войско так и не решилось дать бой московскому войску, а в 1487 г. Великий князь московский Иван III с помощью своих татарских сторонников взял Казань штурмом и пленил хана Ильхама, но земли ханства не присоединил, поскольку установил с ним союзнические отношения, которые, однако, сохранялись недолго и даже подписание в 1512 г. договора о вечном мире не смогло сделать Казанских ханов верными союзниками или добрыми соседями. В союзе с крымскими татарами войска казанского хана неоднократно совершали набеги на земли, подвластные Москве. Окончательное покорение Казани стало неизбежным.

Рассматривать взятие Казани в 1552 г. как «самую трагическую страницу в истории татарского народа», как это делают некоторые татарские радикалы, – значит грешить против исторической правды. Как уже сказано выше, интеграция татар в состав правящего класса, служилого сословия началась еще задолго до присоединения Казанского ханства и не случайно в подготовке и первого штурма Казани и второй осады в 1552 г. принимали участи татары, а среди воинов Ивана Грозного, осаждавших город, по мнению историков, татар было не меньше, чем среди его защитников. Впрочем, документально зафиксировано,

что татарская конница приняла участие в походе на Казанское ханство еще в 1524 г., а и вскоре после падения Казанского и Астраханского ханств татарская конница в составе московского войска двинулась в Ливонию (1559), а в 1581 г., когда началось окончательное покорение Сибири и Ермак повел свой отряд в поход против Сибирского ханства, казанские татары вместе с коми-зырянами составили костяк «ермаковой царской рати». Вместе с зырянами они принимали участие и во многих последующих сибирских походах, хотя состав этих военных экспедиций постоянно пополнялся новыми союзниками: кодскими хантами, якутами, бурятами, юкагирами, а потому военная, а затем крестьянская колонизация Сибири стала совместным предприятием предков многих российских народов, которые вместе превратили Россию в великую Евразийскую державу.

Реальной силой историческая память и политизированная этничность в сочетании с паннационализмом могут стать лишь при массовой поддержке (чего сегодня нет), обострения социально-экономической ситуации в Татарстане или Башкирии и негласной поддержке идей этнического национализма политическими элитами, но современная ситуация в экономике, социальной сфере и политике достаточно позитивна, хотя «подводные течения» тоже есть. Общероссийская идентичность и гражданская солидарность россиян, формирование единой гражданской нации в России и в Татарстане пропагандируется не очень активно. Вместе с тем, продолжается культивирование идеи конструирования институтов для укрепления экстерриториальной культурной солидарности татар, важнейшим из них является конструкция Тюркского мира.

Политика памяти в других республиках Поволжья с тюркским населением

Историческая память народов, не имевших собственной государственности и писаной истории до начала XX в., нередко базируется **не столько на исторических источниках и писаной истории, сколько на фольклорных текстах и исторических мифах.** Примером тому является целый ряд народов Поволжья.

Башкирские племена, которых было несколько десятков, добровольно вошли в состав России в 1552–1557 гг., позднее получив статус служилого сословия, а территория их расселения

стала иметь кантонное управление. Башкиры принимали участие во многих военных походах России. В «Военной энциклопедии башкир» говорится, что башкиро-мещеряковское войско официально сформировано с 1798 г. как иррегулярное национальное войско. Башкиры и мишари служили на 4 дистанциях Оренбургской линии. Войско подчинялось Оренбургскому военному губернатору и командующему Отдельного Оренбургского корпуса. Командный состав комплектовался из армейских штаб-офицеров, а кантонное (т. е. в местах постоянной дислокации) и походное начальство – уже из башкир и мишарей. На службу призывались мужчины 20–50 лет. Длилась такая служба изначально 6 месяцев. Сами башкиры обеспечивали своих воинов одеждой и лошадьми. Постепенно и частично башкиры и мещеряки начали облагаться денежным сбором взамен несения ими военной службы. При этом численность состава постоянно менялась в сторону увеличения. Так, если в 1850 г. в нем насчитывалось 546 тыс. чел., то через восемь лет – 834 тыс. Тогда башкиры составляли 83 %, мишари – 17 %. В военное время войско выставляло 30 конных полков. С 1855 г. в состав войска включили 266 тыс. тептярей и бобылей.

С момента добровольного присоединения к Русским землям на основании договора и ярлыков с Русским государством башкиры участвовали во всех войнах против внешних врагов России. Это и поход против польских конфедератов в составе ополчения Минина и Пожарского (там был отряд в 1 тыс. конников), и боевые действия при Петре I против шведов, и в Азовской битве против турок, и ряде других кампаний. Особенно они были заметны в кампаниях против Наполеона, в том числе в Отечественной войне 1812 г. и последующих заграничных походах: в 1812 г. – Смоленское сражение, Бородинское, при Мире и Красном, на Березине, под Варшавой, в Битве народов Дрезден-Лейпциг, при Лионе, Бриенне, Фер-Шампенуазе, Франкфурте-на-Майне, Реймсе. Вместе с другими казаками башкиры освобождали Голландию.

Не случайно идеи башкирского этнонационального движения существенно отличаются от идей татарских этнонациональных организаций, а культурное и символическое противостояние с татарскими исследователями и этническими деятелями в Башкирии – один из главных этнополитических раздражителей. Обвинения со стороны татарской элиты в башкиризации татар в Башкирии стали уже традиционными.

Поэтому установка в Башкирии памятника башкирско-мещеряковскому войску как совместному воинству, в состав которого входили предки татар и башкир, можно было бы сделать и актом культурного примирения двух народов, и актом уважения предков, совместно отстаивающих независимость России.

Чуваши так же, как и башкиры, добровольно вошли в состав Московского царства. Это произошло в 1551 г. Однако память об этом событии не очень популярна в кругах национально-го движения чувашей¹⁰⁶.

К примеру, в Чебоксарах огромное количество памятников, включая и помпезный (и дорогой) монумент Мать Чувашия (Берегиня), но памятника вхождению чувашей в состав Российского Государства нет, как и во многих других республиках. В версии сторонников чувашского национализма чувашское национальное движение (чувашский: Чăваш наци юмăхĕ) – это идейное течение, основанное на том, что чувашский народ и составляет нацию, т. е. сообщество граждан Чувашской Республики в их понимании не существует, ибо все ее пространство есть символическая собственность чувашей. Целью чувашского движения есть борьба за равенство чувашей, понимаемая как борьба за их политическое и символическое доминирование. При этом равные права граждан гарантированы Конституцией РФ. Но равноправие и равенство не есть синонимы. Мифического равенства между народами быть не может, поскольку этническая группа, насчитывающая 400 чел., не может конкурировать в культурном отношении с народом в 100 млн чел.

Чувашский национализм 1990-х гг. граничил с сепаратизмом, о чем свидетельствует предложенный Чувашским национальным конгрессом в начале 1990-х гг. проект республиканского закона «О гражданстве»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Уяма, Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей / под ред. К. Мацузато. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003; Хузангай, А. П. Чувашское национальное движение в контексте Урало-Поволжского региона // Чувашское население России. Консолидация. Диаспоризация. Интеграция. Т. 1. Республика и диаспора. – Москва: ЦИМО, 2000.

¹⁰⁷ Резолюция Чувашского национального конгресса «О принципах закона Чувашской Республики «О гражданстве» // Чувашское население России. Т. 1. Население и диаспора / Автор-составитель П. М. Алексеев. – Москва: ЦИМО, 2000. – С. 275–276.

Идейные конструкции, на которые опирался чувашский этнический национализм, описал В. Р. Филиппов¹⁰⁸, но они мало отличаются от идей, проповедовавшихся идеологами этнических движений в других республиках. И в их основе противопоставление этничности гражданству, нивелирование прав человека и противопоставление им как базовой правовой и политической норм – групповых прав, выразителем которых и должны быть этнонациональные организации и их лидеры.

Чувашский национализм, как и многие другие аналогичные течения, во многом базировался на этнических мифах, которые в совокупности и составляют доктрину чувашского национализма. Следует отметить, что чувашский национализм и как политическое движение, и как этнополитическая доктрина опирался и опирается (он полностью не преодолен) на известную традицию. Первое националистическое (т. е. имеющее целью создание национальной государственности) движение чувашей оформилось летом 1917 г. в Казани на конгрессе малых народов Поволжья. И сегодня чувашские националисты во многом ориентируются на Казань и проявляют солидарность со своими татарскими единомышленниками. Не случайно на упомянутых Днях памяти в Казани 15 октября 2023 г. поднимался флаг Чувашии. Результаты переписи 2021 г., показавшей заметное сокращение численности чувашей в РФ, свидетельствуют, что этнический фактор продолжает играть важную роль в современной жизни Чувашии.

Сегодня некоторые историки и особенно толкователи чувашской истории из числа гуманитарной интеллигенции пытаются представить историю чувашей вне общероссийского контекста, хотя открытого этнического национализма в Чувашии не наблюдается. Исторические же мифы опираются на представления о чувашах как о прямых наследниках волжских булгар и Булгарского ханства. Говорится о том, что еще в X в. у предков чувашей существовало свое развитое руническое письмо, хотя памятников этого письма найти не удастся, замечается, что под ударами московских князей чуваша бежали в верховья Волги, что их крещение – трагедия народа. Но при этом не упоминается о союзных отношениях с Москвой, о совместных походах на

¹⁰⁸ Филиппов, В. Р. Чувашия девяностых. Этнополитический очерк. – Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2001.

Казань, об участии чувашей в колонизации Сибири, о роли российских просветителей в формировании современной культуры чувашей, о том, почему крещение было быстрым и безболезненным и т. д.

Уральские народы и современная политика памяти в республиках с финно-угорским населением

Особое этнополитическое значение имеет политика памяти в республиках, где титульными этническими группами являются финно-угорские народы. История уральских языков и народов, как принято считать, насчитывает несколько тысячелетий и процесс формирования современных финских, угорских и самодийских народов был весьма длительным и сложным. Существует ряд археологических культур, которые археологи связывают с уральцами или протоуральским населением. Эти культуры датируются II и началом I тыс. до н. э., но однозначно утверждать, что они напрямую связаны с указанными народами нельзя. Первые письменные сведения об отдельных уральских народах появляются только в I тыс. н. э.

Важнейшей проблемой для изучения эволюции уральских языков и народов являются определение их общей прародины и реконструкция праязыка или языка-основы. Решение этой проблемы остается актуальным и по сей день, и в процессе накопления знаний о культурной эволюции уральских народов выдвигались все новые теории их происхождения и начальных этапов культурной эволюции.

Проблема определения прародины носителей прауральского и прафинно-угорского языков решается с помощью метода «лингвистической палеонтологии». Применение данного метода дает основание полагать, что уральская прародина, скорее всего, находилась в зоне сибирской темнохвойной тайги, а для VI–IV тыс. до н. э. (время зарождения прародины) это означало территорию, расположенную в основном восточнее Урала: между бассейном нижней и средней реки Оби и верхним течением Печоры. На основе лингвистических данных и возникла современная идея о некогда существовавшей и на протяжении тысячелетий сохранявшейся культурной близости финно-угров, об их культурном единстве.

При этом уральские народы сыграли значительную роль в формировании современного культурного облика Российского государства и становлении самой российской государственности, что свидетельствует о том, что славяно-финское единство есть историческая реальность, а финно-угорское (уральское) – это искусственная конструкция, не опирающаяся на широкую общественную поддержку. Согласно сведениям древнейшей российской летописи – «Повести временных лет» – Государство Российское возникло в 862 г., т. е. в том году, когда варяжский князь Рюрик «придоша к словенам» и основал первую столицу древнерусского государства – «срубиша град Ладогу». Князя призвали править на Руси пять племен, среди которых только два были славянскими (словены и кривичи), а три (чудь, весь и меря) – финскими, или, как ныне говорят, финно-угорскими. Таким образом, российская государственность возникла в результате тесного варяжско-славянско-финского культурного взаимодействия. **И превращение этого государства в Киевскую Русь со столицей в Киеве есть опять же заслуга первого поколения россиян – подданных новообразованного государства, исторической основой которого была Северо-Восточная Русь.** 20 лет спустя после призвания князя Рюрика, его преемник князь Олег двинулся со своим войском, состоявшим опять же из варягов, словен, кривичей, мери, чуди и веси, на Киев, где правили тогда варяжские князья Аскольд и Дир, и покорил его, а затем и соседние славянские племена.

Но и в дальнейшем тесное взаимодействие финно-угров с другими народами в деле защиты и расширения государственных границ продолжалось. К примеру, такой важнейший для России исторический факт, как присоединение Сибири и Дальнего Востока также не может рассматриваться вне связи с уральцами, о чем замечено выше, не случайно до сих пор одна из главных улиц «столицы Сибири» носит название Зырянской.

Для отечественной исторической науки важен также и вопрос о роли финно-угорского (но не самодийского) компонента в формировании русской этнической общности, являвшейся основным населением страны, а со второй половины XIX в. объявленной «государственным народом» основой имперской нации. Вопрос о роли уральцев в формировании культурного облика русских являлся предметом долгих и острых научных дискуссий, а в его обсуждении приняли участие многие видные оте-

чественные историки и этнографы. Большая часть историков, в числе которых такие значимые ученые, как Н. М. Карамзин, М. С. Соловьев, С. В. Ешевский, придерживались мнения, что финские племена добровольно и бесконфликтно вошли в состав земель сначала древнерусского государства, а затем Великого Новгорода и Московской Руси и постепенно растворились в среде славянского населения. Об ассимиляции финноязычных обитателей севернорусских областей писали также Д. И. Иловайский, а позднее В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов. Так, С. Ф. Платонов отмечал, что не только мигрировавшие на север русские ассимилировались с местным чудским населением, но и славяне Ростово-Суздальской земли смешались с чудскими племенами, которые оказали значительное влияние на их культурный облик.

В современном историческом знании представление о том, что влияние финноязычных народов на формирование культурного облика русских было значительным, поддерживается большинством ученых-гуманитариев.

Говоря о ранней истории России, надо иметь в виду, что уральские народы изначально являлись частью культурного ландшафта Российского государства и не только приняли самое непосредственное участие в государственном строительстве, но и оказали серьезное влияние на превращение его в евроазиатскую державу. Свидетельством того, что культурный ландшафт страны формировался под влиянием уральцев является тот факт, что на европейском севере РФ и в центре восточноевропейской равнины большая часть топонимов и гидронимов, т. е. названий сел и деревень, лесных угодий, возвышенностей, рек, озер, имеют финское или саамское происхождение.

Следует отметить, что общая история, общее участие в формировании российской государственности, а также активное участие представителей финно-угорских народов России в ополчении Минина и Пожарского, в Отечественной войне 1812 г., в других важных событиях российской истории, не находят сегодня достаточного освещения в региональных вариантах отечественной истории и особенно в культурной пропаганде и историческом просвещении, а потому молодежь в массе своей об этих страницах региональной истории не осведомлена. Но при этом ведется поиск неких исторических фактов (часто мифических), которые должны свидетельствовать об особом историческом пути названных

народов. Наиболее известной исторической спекуляцией такого рода является миф о Биармии – древнем великом государстве финно-угров, предшествовавшем Киевской Руси и разрушенном славянами. Хотя в древнерусских источниках о Биармии вообще нет никаких упоминаний, а отдельные и явно мифологизированные сведения об этой «стране» есть в древнескандинавских сагах, повествующих о походах норвежцев по северным морям¹⁰⁹.

Отрывочные сведения о Великой Биармии (ее еще связывают с Пермью Великой в Прикамье – племенному объединению, вошедшему в состав Новгородских земель) дали основание для исторического мифотворчества. В сагах повествование носит мифологизированный характер и как к историческому источнику к их текстам надо относиться очень осторожно. Но они послужили созданию исторических мифов о финно-уграх в конце XIX столетия.

Дело в том, что для научного поиска XIX в. была характерна романтизация и мистификация исторического прошлого финно-угорских народов. Историки и так называемые «будители» сами «творили» привлекательное для них прошлое. Примером подобного исторического мифотворчества была теория золотого века финно-угорских народов, одним из наиболее ярких приверженцев которой являлся финский историк и фольклорист Д. П. Европеус. В своей работе «Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних жителей» (СПб., 1874) он утверждал, что на севере России от Ледовитого океана до реки Оки жил могущественный и очень многочисленный народ, который им отождествлялся с Великой Пермью, упоминаемой в русских летописях, и Биармией – в некоторых скандинавских сагах. По мнению сторонников теории золотого века, биармийцы принимали участие в походах гуннов, что привело к переселению части биармов к берегам Черного моря. Вымышленная история Биармии получила достаточно широкую известность, в результате чего попала в одно из французских описаний истории России. Однако еще в начале XX в. К. Тиандер в своей статье «О происхождении имени "Пермь", опубликованной в Журнале Министерства просвещения (1901), обоснованно доказал, что для отождествления Перми и Биармии нет никаких оснований,

¹⁰⁹ Джаксон, Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. – Ленинград: Наука, 1988. – С. 58–66.

и таковая гипотеза является историческим мифом и тем не менее в конце XX в. биармийская тема снова всерьез стала обсуждаться некоторыми учеными в национальных республиках¹¹⁰, да и до сих пор не забыта и служит вдохновляющим символом для творчества художников-этнофутуристов и различных культурных презентаций. Когорта не очень добросовестных исследователей, пытавшихся эксплуатировать биармийскую тему, дополняется многочисленными «любителями истории», которые пытаются/пытались представить историческое прошлое уральских народов как извечное противостояние России (русских), с одной стороны, и финно-угров и самодийцев – с другой.

В этом отношении особенно активны были марийские и мордовские (эрзянские) радикалы и их сторонники. Марийскую средневековую историю пытаются представить как время героического сопротивления марийцев русской экспансии, указывая на так называемые черемисские войны, длившиеся с 1552 по 1592 г. Эта страница марийской истории преподносится как освободительная война марийцев, которая позволила им сохранить свою культурную самобытность, включая «этническую религию» – марийское язычество (активисты марийского движения называют марийцев единственным языческим народом Европы, хотя многие из них – православные). При этом забывается тот факт, что черемисские войны представляли собой в основном волнения казанских татар, в которых принимали участие и луговые марийцы (черемисы). В то же время горные марийцы выступали как союзники Московского царства и безоговорочно приняли христианство как религию и активно участвовали в военных походах Русского царства, включая и походы на Казань.

Ни один из финно-угорских народов РФ никогда не имел собственной национальной государственности до 1920 г., а их предки всегда входили в состав более крупных государственных объединений: Древней Руси, Булгарского царства, Золотой Орды, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Российской империи. Такое положение не позволяло сформировать собственную политическую и культурную элиту, ограничивало возможности распоряжения земельными и иными ресурсами, но

¹¹⁰ Арсеньев, Н. М., Доленко, Д. В., Юрченков, В. А. Центр и периферия: история России или множества россиян? // Финно-угорский мир: история и современность. Исторические и педагогические науки. Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. – Саранск: Правительство Респ. Мордовия, Историко-социол. ин-т МГУ им. Н. П. Огарева, 2000. – С.16–24.

создавало условия для усиления культурного влияния на них соседних народов.

Большевики, руководствуясь доктриной этнического национализма, которую они взяли на вооружение как только пришли к власти, создали национально-государственные образования для многих уральских народов: в 1920 г. создана Карельская трудовая коммуна, в 1920 г. образованы Марийская и Удмуртская (Вотская) автономные области, в 1921 г. создана Коми автономная область, в 1925 г. – Коми-Пермяцкий национальный округ, в 1930 г. – Мордовская автономная область, Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий (Таймырский) и Остяко-Вогульский национальные округа. Все названные автономии создавались сверху, директивным путем, но, как было замечено выше, не в результате актов самоопределения, т. е. прямого и непосредственного участия населения в процессе, реализующего свое право на самоопределение путем всенародного референдума. Начальный этап государственного строительства у уральских народов, как и у других народов России, весьма показателен, но советскими историками и местными исследователями, описывавшими его в постсоветскую эпоху, он мифологизирован и романтизирован. Основная претензия к историческим описаниям процессов национально-государственного строительства заключается в том, что в региональной историографии нет глубокого анализа того, как само население будущих автономий относилось к усилиям новых элит форсировать процесс национально-государственного строительства, конструировать и институционализировать этничность. Есть лишь отдельные упоминания в исторической литературе, свидетельствующие о формальном характере контактов между властью и населением при обсуждении вопросов будущего политического устройства этнических территорий. Даже в Беломорской Карелии, где идею автономии отстаивало «Общество беломорских карел» (создано финнами в 1905 г. в Тампере), после большевистского переворота не наблюдалось какого-либо массового движения в поддержку карельской автономии. Но если прежде здесь финские пасторы вели религиозную пропаганду с целью финнизации населения и укрепления позиций лютеранства, то после 1918 г., когда Финляндия обрела независимость (а Советская Россия в январе 1918 г. ее признала), началась военная экспансия со стороны Финляндской республики. Финны полагали, что и их родственники на европейском севере тоже стремятся пойти по пути созда-

ния независимых государств и видели свою миссию в том, чтобы оказать им поддержку на этом пути. В 1918–1920 гг. развернулась борьба за так называемую Восточную Карелию (ее называют первой советско-финской войной), которую финны считали общей прародиной финнов и карел (именно здесь были записаны руны карело-финского эпоса Калевала), а потому воспринимали эту борьбу как священную войну за некое идеальное отечество. «Финская власть не получила доказательств готовности карел присоединиться к Финляндии, однако добровольческий поход в Беломорскую Карелию все же был начат и продолжался с марта по октябрь 1918 года. Читая дневники и воспоминания финских добровольцев, начинаешь понимать, как глубоко проникла идеология национализма в сознание простых финнов. Добровольцы были вдохновлены идеей освобождения из-под русского и большевистского ига своих кровных братьев, соплеменников, сородичей. И полной неожиданностью для них оказалось то обстоятельство, что сородичи в массе своей совсем не были готовы принимать их помощь. Дневники участников похода, рапорты ... проникнуты чувством недоумения и обиды: лишь малая часть местных жителей была готова их поддерживать!»¹¹¹. Не случайно, что борьба за Беломорскую Карелию была проиграна, хотя там недолго и существовало независимое Ухтинское правительство.

Итогом борьбы за Карелию стало подписание в начале 1920 г. Тартуского мирного договора, согласно которому не только устанавливалась граница между большевистской Россией и Финляндией (не удовлетворившая обе стороны), но и гарантировались права карел и финнов-ингерманландцев в России. Но вооруженные столкновения в Карелии продолжались и в 1921–1922 гг. (известные как вторая советско-финская война), а на некоторых территориях вплоть до 1925 г.

В начале 1920-х гг. советская власть приступила к реализации своих планов, связанных с решением проблемы размежевания народов бывшей Российской империи, которые коснулись и европейского севера. Согласно условиям Тартуского договора, территория проживания карел должна была обрести автономный статус и для политических лидеров большевиков имело значение

¹¹¹ Витухновская-Кауппала, М. «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. – 2010. – № 4. – С. 245–282.

не то, нужна ли эта автономия самим карелам, а лишь то, кто будет создавать автономию и какие геополитические цели она призвана решать. Карельская автономия мыслилась как плацдарм для будущей коммунистической экспансии в Скандинавию. Поэтому лидерами Карельской трудовой коммуны, созданной в 1920 г. вполне логично стали не карелы, а финны («красные финны»), которые потерпели поражение в Финляндии, но мечтали о реванше. Не случайно, что само название Трудовой Коммуны (преобразованной уже в 1923 г. в автономную республику) имело на финском языке иную трактовку, нежели на русском: *Karjalan Työväenkommuuni* – Трудовая Коммуна Карелии, что создавало неадекватное представление о ее «карельскости». Показательно и то, что «попытки создания карельской и вепсской письменности "красные" финны признавали шовинистическими, политически неверными и служившими "одурачивания темных масс"¹¹²».

Политические амбиции «красных финнов» были далеки от интересов культурного развития автономии, но, получив во владение некую территорию, они стремились расширить свои властные полномочия и укрепить свой руководящий статус за счет расширения подвластных территорий и превращения автономии в обширную республику с широкими полномочиями. Поэтому они стали вести борьбу за расширение территории автономии, добиваясь включения в ее состав всего Кольского полуострова. Эти притязания не были удовлетворены, но важно обратить внимание не только на территориальные притязания, но и на идейную платформу новых властей Карелии. А их идейной платформой стал финский национализм в той версии, которая поддерживалась «красными финнами» и их лидером – бывшим доцентом Хельсинкского университета Эдвардом Гюллингом, возглавившим Карельскую Трудовую Коммуну и сознательно проводившим линию на «финнизацию» Карелии. Финский историк М. Кангаспуру в этой связи ссылается на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на четвертом съезде Компартии Финляндии, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта сле-

¹¹² Сурво, В., Сурво, А. «Центры» и «периферии» финн(лянд)ского семиозиса // Геокультурное пространство европейского севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. – Архангельск, 2009. – С.179.

дует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма»¹¹³.

Серьезных устремлений в пользу автономии не было ни среди ненцев, проживавших в Архангельской губернии, ни среди коми. На территориях проживания этих народов не возникло даже зародышей национально-освободительных движений, а идеи автономизации были усвоены отдельными представителями местных элит в процессе их большевизации. Но эти идеи понимались поверхностно и никак не в духе революционных идеалов Великой французской революции, а представляли собой либо некие модификации политики имперской России в отношении инородцев, четко оговоренные в «Уставе об управлении инородцев» (1822), либо утопические проекты, никак не связанные со спецификой культурного развития территорий и их историей. Так, в 1927 г. ненецкие активисты обратились во Всероссийский центральный исполнительный комитет с просьбой «скорей выделить самоедам тундру, чтобы они сами в ней распоряжались»¹¹⁴. Призыв «отдайте нам нашу тундру» означал, что ненцы желали только возвращения той ситуации, которая сложилась в Большеземельской и Малоземельской тундрах после принятия «Устава об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии» (1835), предоставлявшего им приоритетные права на распоряжение пастбищами и иными угодьями. Ненцам не только идея автономии была непонятной, но они не принимали и попытки преобразования их устоявшегося образа жизни: «Ясное, а чаще всего смутное представление ненцев о грядущих переменах, по существу революционного характера, побуждало их ради сохранения традиционного образа жизни протестовать против строительства школ, больниц и других учреждений городского типа»¹¹⁵ и при этом даже политические выдвиженцы большевиков в местных органах власти были против приобщения их к европейской бытовой культуре. В Коми, как и в Карелии, местные большевистские выдвиженцы были

¹¹³ Кангаспуру, М. Взлет и падение «красных финнов» // Север. – 1997. – № 11-12. – С. 116.

¹¹⁴ Канев, Ю. В. История Ненецкого края. – Нарьян-Мар, 2005. – С. 85.

¹¹⁵ Коротаяев, В. И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. – Архангельск: Изд-во Поморск. ун-та, 1998.

полны амбиций и их проекты автономной республики строились не на какой-то культурной идее, а на стремлении стать лидерами большого и влиятельного территориального образования. Проект по созданию Зырянской республики предполагал включение в ее состав не только территорий Архангельской и Вологодской губерний, где жили коми-зыряне, но и территории проживания коми-пермяков, а также всего пространства вокруг Нижней Печоры, заселенного русскими и ненцами, архипелага Шпицберген, земель по Нижней Оби, где обитали ненцы, ханты. В основе названных устремлений, **как попытались представить современные коми историки**, лежала историческая концепция «Перми Великой – Биармии»¹¹⁶. Однако постсоветские исследователи оценивали притязания «отцов Коми автономии» с позиций знаний, накопленных к концу XX в., но которых не было в начале века. Творцы автономии, безусловно, не были знакомы с избретенными позднее «концепциями» и не имели перед глазами академической истории коми (которая появились позже). Как и «красные финны», они были националистами и карьерными бюрократами, стремившимися использовать этничность в интересах укрепления и расширения своей личной власти. В политическом плане местные большевики не были заинтересованы в формировании в «своих» регионах интегрированных гражданских сообществ и в этой связи П. Каушпала заметил, что ни в Карелии, ни в Коми не была сформирована типичная для Финляндии интеграционная идея, заключающаяся в том, что финны и шведы представляют собой единый двуязычный народ¹¹⁷. Однако идеи гражданской интеграции и формирования прочных региональных идентичностей даже позднее, после опубликования «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», определявшей гражданскую интеграцию важнейшим направлением национальной политики, не стала ядром региональных моделей этнополитики.

¹¹⁶ Кузиванова, О. Ю., Попов, А. А., Сметанин, А. Ф. В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996.

¹¹⁷ Каушпала, П. Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого Княжества Финляндского) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации: материалы конференции. – Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – С.14–22.

Поскольку творцы северных автономий были националистами, постольку они вели активную работу по «коренизации» автономий. В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т. п.) . Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 года в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался»¹¹⁸. В Коми процесс коренизации не принял таких крайних форм, но она вызывала недовольство некими населения, о чем можно судить по многочисленным публикациям областной газеты «Югд туй» (Светлый путь), издававшейся на русском языке.

Большевики всячески стимулировали политизацию меньшинств, ибо одной из их целей являлось, как уже сказано, размежевание народов бывшей Российской империи, что они и осуществили, превратив страну в этническую федерацию, где этнические и административные границы должны были совпадать. Но процесс политизации меньшинств в Поволжье начался еще до большевистского переворота и важную роль в этом процессе сыграл I съезд малых народностей Поволжья, состоявшийся 15–21 мая 1917 г. в г. Казань, где говорилось о необходимости предоставить автономию и широкое самоуправление малым народам. В июле 1917 г. в Казани состоялся и I Всероссийский съезд мари, в резолюции которого указывалось, что для всех народов нужно создать свою волостную земскую управу, в местностях, населенных марицами, создавать уездные, губернские земские управы и по возможности вести делопроизводство на марицком языке. Состоявшийся в феврале 1918 г. съезд мари поддержал советскую власть и принял решение отменить существующее название народа мари «*черемис*» ввиду его ненационального происхождения и заменить его историческим национальным именем

¹¹⁸ Сурво, А. А. Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. – Сыктывкар: КГПИ, 2009. – С. 126.

«мари». Организационной формой объединения марийских демократических сил стали «марий ушемы» (союзы мари), которые подготовили созыв первого съезда. Правда идеи автономии были весьма расплывчаты.

Идея создания автономии для коми народа возникла в среде революционно настроенных солдат Петроградского гарнизона под влиянием событий 1917 г., ибо революционные идеи и революционное вдохновение подталкивали людей, включившихся в политические процессы, к выдвижению проектов, связанных с радикальной перестройкой прежнего общества, но мало кто из большевистских новобранцев понимал и принимал идеологию марксизма, а еще меньшее число понимало суть революционных идеалов, основанных на лозунге свободы, равенства и братства, т. е. на идее гражданина, и именно отсутствие подобных идей порождало иллюзии о том, что этнические группы есть субъекты политики. Но еще меньше новоявленные политические элиты хотели считаться с мнением простых членов этнических сообществ, воспринимая себя как новую элиту, которая будет просвещать «темные массы».

Несмотря на то, что границы, статусы, официальные языки у национально-государственных образований уральцев неоднократно менялись, неизменным оставались культурные иерархии и идея «коренного народа» как главного народа на данной территории, и эта идея была прочно унаследована постсоветскими политическими элитами республик.

Вместе с тем важно заметить, что сформировавшиеся в республиках с финно-угорским населением еще в 1990-е гг. региональные модели этнополитики далеко не во всем отвечали и отвечают политическим интересам российского государства и российского общества в целом, а также и интересам республиканских сообществ и главным образом отражали взгляды и интересы местных элит, в том числе и этнических.

Наиболее очевидно несоответствие федеральной и региональной этнополитики проявилось при маркировании культурной природы российского общества в целом и республиканских сообществ в частности.

Преамбула в тексте федерального Основного Закона, гласит: «**Мы многонациональный народ Российской Федерации...**» и далее также заявляется, что носителем суверенитета и един-

ственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ¹¹⁹. Если говорить о субъектах РФ, **то практически все они являются** полиэтничными и поликультурными, а в национальных республиках полиэтничность еще более очевидна, хотя в отдельных из них доля титульного населения и составляет значительное большинство населения. Поэтому не случайно, что формулировка, характеризующая многонациональную природу российского общества в целом, присутствует в Конституциях большинства национальных республик. Однако в ряде основных законов национально-государственных образований этот важный тезис никак не артикулирован, а исторически сформировавшаяся полиэтничная природа республиканских сообществ, фактически подвергается сомнению. В карельском Основном Законе, утвержденном только в 2001 г., присутствует странная формулировка, не согласующаяся с культурными и историческими реалиями региона: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов»¹²⁰. Но встает вопрос, а почему ее национальные особенности не определяются проживанием на ее территории финнов, вепсов, русских и почему они, как и другие группы, исключены из процесса нациестроительства? В Конституции Коми заявляется: «Образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа»¹²¹, хотя ряд территорий был заселен ненцами, русскими, обскими уграми раньше, чем там появились коми, а республика есть истари общий дом для всего ее населения, которое тоже законодателями исключено из процесса нациестроительства и не признается носителем права на самоопределение. Более того, формулировка о многонациональном характере республиканского сообщества выкинута из обновленного текста Основного Закона республики (в версии Конституции 1994 г. она была). В Конституции Удмуртии территориальное сообщество

¹¹⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <https://magas-pravo.ru/wp-content/uploads/2023/10/Конституция-Российской-Федерации.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).

¹²⁰ Конституция Республики Карелия. – URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/ (дата обращения: 23.01.2024).

¹²¹ Конституция Республики Коми. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. – С. 6.

делится на удмуртскую нацию и народ Удмуртии, которые как бы противопоставляются друг другу¹²².

Тем не менее и сегодня республиканские территориальные сообщества продолжают разделять на «коренной народ» и «некоренное население» и названные группы символически размещаются не по горизонтали, а по вертикали – вершину социальной пирамиды занимает именно «коренной народ». Логическим развитием этой конструкции стала идея формирования двухпалатных республиканских парламентов, родившаяся в 1990-е гг., согласно логике которой в одну из палат (палату коми, палату мари, палату удмуртов...) могли избираться только представители «коренного народа», т. е. выдвигалась идея формирования парламентов и избрание их депутатов по принципу крови¹²³. Самым ярким свидетельством того, что идеи этнического национализма живы и активно воспроизводятся, а политика идентичности как система последовательных и масштабных мер по формированию единых гражданских сообществ в республиках с финно-угорским населением так и не стала реальной политической практикой, стали события в Удмуртии. На рубеже 1980–1990-х гг. (а равно и ныне) этнически лидеры настойчиво заявляли о необходимости не просто уделять существенное внимание развитию удмуртского языка и расширению сфер его функционирования, но сделать эту работу приоритетной, равно как и придать удмуртскому языку фактически статус не просто государственного языка (соответствующий закон в республике принят в 2001 г.), но сделать его «главным языком», что должно быть обеспечено административными методами за счет введения принудительного характера его изучения всеми жителями Удмуртии, особенно всей молодежью. Подобные требования раздаются со стороны активистов удмуртского движения с начала 1990-х гг., и их позиции не меняются, несмотря на то, что они не пользуются в Удмуртии заметным влиянием среди населения и явно не учитывают меняющихся культурных и этнополитических реальностей как в республике, так и в стране в целом. В октябре 2017 г. Совет

¹²² Конституция Удмуртской Республики. – URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_praivit.php (дата обращения: 23.01.2024).

¹²³ Шабает, Ю. П., Чарина, А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). – Санкт-Петербург: СПб-ГУСЭ, 2010. – С. 123.

старейшин Удмуртской Республики обратился к Главе Удмуртии с наказами, в которых, в частности, говорилось о том, что «удмуртский этнос занесен ЮНЕСКО в список исчезающих народов», хотя названная международная организация опубликовала весьма спорный Атлас языков, в котором удмуртский язык (но не удмуртское этническое сообщество) был отнесен к языкам, находящимся под угрозой¹²⁴. Но поскольку удмурты «исчезают», постольку, по мнению самопровозглашенных старейшин, надо ввести обязательное изучение удмуртского языка во всех школах Удмуртии (и это случилось уже после известного заявления В. Путина в Йошкар-Оле о добровольности изучения языков титульных этнических групп). Насколько это требование отвечало правам человека и, в частности, одному из культурных прав – праву на культурную свободу – этнических антрепренеров не интересовало, поскольку они воспринимали себя как региональных культуртрегеров.

Старейшины потребовали, чтобы представительство удмуртов в органах власти республики было расширено, выступили против того, чтобы высший пост занимали «варяги» и т. д. Власти не намерены были менять свое решение и тогда старейшины обратились с аналогичным письмом в Государственную Думу. Но это был чисто демонстративный шаг, поскольку все понимали, что навязать язык меньшинства большинству не получится. Для этнических антрепренеров из «Удмурт Кенеш», пытавшихся использовать ресурс этничности для избрания активистов движения в республиканский парламент и использовавших с этой целью мобилизацию этнически ориентированной части электората с помощью своей газеты «Герд», языковые требования были лишь инструментом, использовавшимся в политической конкуренции на республиканском уровне¹²⁵. Но для тех представителей национальной интеллигенции, которые считали, что без языка народ погибнет, что наступает время культурного апокалипсиса и нужно срочно и радикально менять ситуацию, восприятие происходящих в этнополитике и культурных ориентациях населения перемен, воспринималось как личная трагедия. Выражением такого рода фрустраций стал акт самосо-

¹²⁴ Moseley, C. (Ed.). Atlas of the World's Languages in Danger. – Paris: UNESCO, 2010.

¹²⁵ Кардинская, С. В. Этничность в идеологических конструкциях удмуртских СМИ // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 55.

ждения, который совершил 10 сентября 2019 г. перед зданием республиканского парламента ученый и бывший руководитель Института человека (существовал в Удмуртском университете в 1990-е гг.) 79-летний активист удмуртского движения Альберт Разин. В своем предсмертном обращении к парламенту он призвал сделать обязательным изучение удмуртского языка в детских садах и начальных классах школ. Разин был в числе основателей удмуртского движения, но затем отошел от активной деятельности и стал искать ресурсы для актуализации этничности и привлечения внимания к языку в язычестве. Он устраивал языческие моления в поддержку удмуртского языка, но культурные ориентации удмуртов, особенно молодежи, не менялись, несмотря на усилия этнических активистов. Об этом можно судить по публикациям самого ученого. Еще в начале 1990-х гг. Разин обвинял удмуртов в так называемом «этническом нигилизме». В частности, он писал: «К сожалению, многие удмурты поражены этническим нигилизмом. Они негативно относятся к культуре своего народа, к родному языку, даже скрывают свою национальность. Эта тенденция усиливается постоянно, с каждым годом растет число удмуртов, считающих родным русский язык»¹²⁶. Философу (кандидату философских наук) даже не приходило в голову, что надо уважать культурный выбор каждого человека и никто не вправе диктовать гражданам, на какие культурные ценности они должны ориентироваться, ибо в числе основополагающих прав человека находятся и культурные права, включая право на свободу культурного выбора, в том числе и выбора языка общения, этнической и религиозной принадлежности, образа жизни. Отрицание гражданских начал, на которых должен строиться республиканский социум в итоге привело его и к личной трагедии.

Впрочем, позицию Разина разделяли и многие этнические активисты не только удмуртского, но и многих других этнических движений, которые считают себя некими моральными цензорами местных сообществ и выступают как культуртрегеры, а их стремление диктовать людям культурные ориентиры, навешивать на несогласных ярлыки девиантов почти не меняется, поскольку местные власти заигрывают с этническими антрепренерами, придерживающихся сомнительных позиций, полагая,

¹²⁶ Разин, А. Удмуртский этнос: проблема формирования патриотизма и интернационализма // Финно-угорские народы и Россия. – Таллинн: Институт Яана Тыниссона, 1994. – С.98.

что тем самым они проявляют лояльность к культуре титульных народов. *На деле же они поддерживают тех, кто выступает принципиальным противником гражданской солидарности россиян, против идеи гражданской российской нации, которая должна строиться снизу, через формирование прочных и солидарных региональных сообществ.*

Фактически многие этнические лидеры противопоставили себя своему же культурно-языковому сообществу. Здесь показательным является устойчивость сформировавшихся этнокультурных взглядов, поскольку опрос, проведенный в регионах РФ по программе Института этнологии и антропологии РАН в октябре 2019 г., как и предшествующие исследования, показал, что несмотря на трагедию в Ижевске, позиции большей части молодежи не меняются: только 15,7 % респондентов (среди которых удмурты составляли более трети) высказались за обязательное изучение удмуртского языка, еще 6,3 % посчитали, что обязательным для изучения он может быть, но только для тех, кто сам является удмуртом, а 62,7 % сказали «нет» и еще 8,7 % выразили категорическое несогласие. Однако разница в позициях удмуртов и доминантных культурных групп по поводу языкового образования (и не только) все еще остается, и она весьма значительна¹²⁷, т. е. среди удмуртской молодежи заметно больше тех, кто выступает за обязательное изучение языка, хотя, конечно, принципиальное одобрение еще не есть собственное желание изучать язык, и реальная языковая ситуация, складывающаяся в республике, доказывает это.

Примерно такая же ситуация наблюдается и в Республике Коми, где этническое движение было крайне значимым политическим игроком в 1990-е гг., но новые лидеры, которые не связаны корнями с республикой (за что их постоянно критикуют местные «нашисты» и замаскировавшиеся этнорадикалы). Пришедший на смену оказавшемуся под следствием Гайзеру (называвшему себя по матери коми, хотя отец у него – немец) С. Гапликов долго не решался отменить обязательное изучение коми языка в школах после того, как В. Путин в Йошкар-Оле сказал о недопустимости принуждать изучать языки административными методами и были внесены изменения в закон «об образовании». Обязаловка вызвала серьезное недовольство русскоязыч-

¹²⁷ Шабаев, Ю. П., Миронова, Н. П. Феномен Удмуртии–2: молодежь vs этнические антрепренеры // Вопросы этнополитики. – 2020. – № 1. – С.109.

ной части населения, от имени которой и в Конституционный суд РК, и в Госсовет, и в администрацию Главы поступали обращения и жалобы, на которые был один ответ – «все правильно». Норму обязательного изучения коми языка стали тихо саботировать в школах северных промышленных городов, а в Коми, как и в Марий Эл и Мордовии, где существовала аналогичная практика, вызрел латентный языковой конфликт между русскоязычной частью населения и этноориентированными представителями титульных этнических групп. Влияние коми движения на настроения в республике явно переоценивалось, поскольку в экспертных советах и при Главе РК, и при министерствах видное место занимали этнические активисты, а не социологи, политологи или правоведы, а при реализации национальной политики ситуация становилась вообще непонятной, поскольку превращение этнических активистов в экспертное сообщество означало, что объекты управления превращаются в субъектов управления, т. е. логика управления грубо нарушалась. В этой ситуации должного контроля за исполнением государственных решений не могло быть. И за спиной меняющихся лидеров оказалось, что решение о свободе выбора при изучении коми языка не выполняется, поскольку в начальных классах он остался обязательным предметом для всех, хотя заставить язык быть уважаемым из-под палки нельзя.

Свидетельств серьезных недочетов в региональной модели этнополитики предостаточно и ярким тому доказательством является республиканская концепция этнокультурного образования этноцентричная по своей сути, не ориентированная на реальное мультикультурное образование и просвещение.

Не случайно в 2015 г., т. е. в тот же год, когда была утверждена республиканская Концепция этнокультурного образования, в интернете на сайте EADaily появилась статья бывшего воркутинца Артура Приймака, которая называлась «Как Республику Коми довели до этнократии»¹²⁸, которая отражает довольно распространенные мнения, сформировавшиеся у представителей русской общины. Не случайно, что население русскоязычного севера республики и прежде, и ныне не очень желало отождествлять себя с ней и находила различные формы культурной оп-

¹²⁸ Приймак, А. Как Республику Коми довели до этнократии. 6 июня 2016.– URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/06/02/artur-priymak-kak-respubliku-komi-doveli-do-etnokratii> (дата обращения: 04.03.2024).

позиции Сыктывкару (не случайно воркутинцы заявляют о себе как о столице Севера или «столице мира»). В 2017 г. проявлением оппозиции комиязычному Сыктывкару стала инициатива проведения референдума о переносе столицы республики из Сыктывкара в Ухту (считающуюся «русским» городом). Раньше символической столицей русскоязычного индустриального севера считалась Воркута, которую еще называли «столицей мира», но царящая в городе разруха уже не позволяет городу претендовать на статус символической или второй столицы республики.

Инициаторы проведения референдума о переносе столицы собрали более 28 тыс. подписей, но республиканский избирком отверг идею референдума, поскольку заявил, что более 10 % подписей недостоверны или вызывают сомнения. Но эти настроения никуда не исчезли, и идея в латентном виде продолжает существовать, поскольку политика гражданской интеграции, политика идентичности в республике доктринально не оформлена, а практика реализации госнацполитики – это последовательная демонстрация культурных границ между группами и культурной отличительности.

Литературный и кинематографический сепаратизм

Одной из форм пропаганды и интерпретации исторического наследия и важным инструментом в реализации политики памяти должно быть литературное творчество, сценическое искусство, кинематография. Но этнический ренессанс 1990-х гг. способствовал не раскрепощенному осмыслению прошлого в национальных республиках, а породил такое явление, как литературный сепаратизм, который выразился в написании различных литературных текстов, пьес и сценариев фильмов, интерпретирующих события прошлого не с позиций беспристрастного анализа важных исторических событий, а как националистических манифестов, трактующих сложные и неоднозначные явления, игнорируя историческую правду в угоду националистическим интерпретациям.

В последние десятилетия в Коми формируется новое явление, идеологически связанное с позициями коми радикалов – **литературный/кинематографический сепаратизм**. Как старшее поколение коми писателей, так и их более молодые последователи бездоказательно настаивали, что в Коми Земле имела место

«насильственная христианизация», которая якобы «оставила в памяти народа неизгладимый след, который является довольно стойким психологическим барьером для осмысления христианского учения в свете духовности»¹²⁹. Некоторые писатели старшего поколения вообще являлись авторами мифа об исторической ошибке коми народа, которой якобы явилось как принятие христианства, так и присоединение края к новгородским, а затем и московским землям, хотя коми народ как целостное культурно-языковое сообщество с общей идентичностью, культурными институтами и ценностями сформировался только в XX столетии. В чем-то сходные литературные явления имеют место и в Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, а также Чувашии, Якутии и ряде других республик. Современные местные литературоведы упиваются описаниями литературных достоинств таких произведений и не видят в их содержании очевидного стремления разжигать межэтническую рознь в регионе.

Здесь следует особо отметить, что в центре острых дискуссий оказываются сценарии фильмов, сделанные на материалах отдельных республик и их титульных народов, а нередко и снятые местными кинематографистами. При этом далеко не всегда сам фильм дает основания для трактовок его содержания, как «националистического повествования», но его восприятие частью зрителей или отдельными критиками порождает не дискуссии, а скандалы.

«Фильм “Айта” режиссера Степана Бурнашева стал одним из самых обсуждаемых и скандальных в российском кинематографе в 2023 году. Картина, основанная на реальных событиях, рассказывает о трагической смерти якутской школьницы, в которой жители деревни обвиняют полицейского и устраивают настоящую травлю. Фильм, который собрал в прокате рекордную сумму для якутского кино, вызвал негативную реакцию у части зрителей, которые увидели в нем пропаганду национализма и разжигание межнациональной розни»¹³⁰.

Другим примером подобного рода может служить фильм, литературной основой для которого послужила книга (ее иногда

¹²⁹ Горинова, Н. В. Творчество коми драматургов на рубеже XX-XXI веков. – Екатеринбург: УрО РАН, 2024. – С. 61.

¹³⁰ Запрет на якутский фильм «Айта»: почему зрители возмутились 2023. – URL: <https://dzen.ru/a/ZWcgJU8zaCDDeekb> (дата обращения: 23.01.2024).

называли «бестселлером») татарской писательницы Гузель Яхиной «Гузель открывает глаза» (2005). Главная героиня восьмисерийного фильма татарка Зулейха – жертва раскулачивания, и фильм, собственно, показывает, что раскулачивание было трагедией для представителей многих народов страны. Однако некоторые критики фильма, и исходя из собственных соображений, представили сериал «Зулейха открывает глаза» как намеренное провоцирование розни между татарами и русскими, а в Татарстане, наоборот, местные интеллектуалы стали называть автора романа «человеком, продавшим свою нацию», а солидные татарские литераторы обвинять ее в том, что «*в произведении нет татарского духа*»¹³¹. Правда, еще раньше татарские культурологи стали писать о том, что «татарам на советском культурном пространстве так и не достался достойный образ»¹³², не сомневаясь, видимо, в том, что каждая этническая группа должна иметь свой кинематографический образ, отличный от образов других двух сотен российских народов. Так кампания литературной критики превратилась в своеобразный семинар по пропаганде нетерпимости, этноцентризму и культурному/литературному сепаратизму.

Сибирь и Алтай в этнополитическом контексте. Ресурсы политизации этничности

Якутия и ее современные этнополитические реалии. Особое место среди Сибирских автономий занимают Республика Саха (Якутия) и ее титульная этническая группа – народ саха (якуты). Якутия – самый большой по площади субъект РФ, а недра Якутии богаты природными ископаемыми. После Сибирского ханства, которое пало под ударами отряда Ермака и последующих экспедиций еще в конце XVI–начале XVII столетий, союз якутских племен был второй значимой силой на пути военной колонизации Сибири. Тем не менее якутские земли успешно покоряли отряды численностью 30–40 чел. В 1637 г. был основан Якутский острог (и появилось Якутское воеводство), ставший важной опорной базой дальнейшей колонизации. Отдельные

¹³¹ Красный призрак. Антисоветская клюква на выброс. Разбор сериала Зулейха открывает глаза. Подведение итогов. 4 февраля 2022. – URL: <https://dzen.ru/a/YfrDjIztqmU6NnMZ> (дата обращения: 23.01.2024).

¹³² Гарифуллин, Р. В новом году новый образ татарина // Коммерсант-власть. – 17 янв. – 2005. – С. 78.

стычки с отрядами промышленников (охотников за пушниной, составлявших, как правило, до половины численности отрядов, двигавшихся в Сибирь) и казаков (т. е. служилых людей) с якутами имели место, но массового характера сопротивление не приобрело и даже востание 1642 г., когда был осажден Якутск, быстро закончилось неудачей из-за разногласий среди самих восставших. Якуты очень быстро усвоили нормы восточно-православной культуры и вскоре стали служить «белому царю» и вместе с русскими отрядами покоряли другие народы Сибири и Дальнего Востока (хотя существуют и некоторые исторические мифы, касающиеся сопротивления якутов в XVII в.). Некоторые западные исследователи, оценивая роль разных народов в колонизации Сибири, называют русских, коми-зырян и якутов тремя имперскими народами, которым принадлежала главная роль в покорении Сибири и Дальнего Востока.

В первые годы XX в. якутские земли активно развивались, в том числе с помощью властей строились школы, больницы и формировался слой новой якутской разночинной интеллигенции. Доля русского населения в это время составляла около 11 %. Культурный прогресс вел и к активизации политического сознания якутов. В годы первой русской революции в 1906 г. у якутов появилась первая национальная организация – «Союз якутов», которая добивалась создания на якутских территориях земского самоуправления. Стоит заметить, что, за исключением Прибалтийского края и Закавказья, а также Польши (Привислинского края) и Великого княжества Финляндского до 1917 г., нигде не возникло до каких-либо форм этнонациональных организаций, кроме Якутии и Карелии. Правда «Союз беломорских карелов» был создан в 1905 г. в финском городе Тампере и на 780 % состоял из финнов. Опыт самоорганизации якутов стал основой и для советского национально-государственного строительства. Якутская автономная советская социалистическая республика была образована в составе РСФСР 27 апреля 1922 г. на территории Якутской области. Правда, несколько десятилетий якуты оставались преимущественно сельским этносом, ситуация начала меняться лишь во второй половине XX в., хотя к тому времени в республике сформировался достаточный слой своей национальной интеллигенции и номенклатуры, которые стали претендовать на лидирующие позиции в республике и не случайно этнополитическая ситуация здесь обострилась еще в послед-

ние годы существования СССР, после выступления якутских студентов в 1986 г. В апреле 1986 г. трехдневные драки русских и якутских подростков спровоцировали массовые выступления якутской молодежи.

События разворачивались следующим образом: 28, 29, 31 марта на катке вблизи Якутского госуниверситета (ЯГУ) и его общежитий по вине толпы русских подростков произошли драки с несколькими студентами и студентками (якутами) университета, одна якутская студентка получила тяжелые травмы. Своевременной и правильной реакции на эти столкновения не последовало, а вечером 1 апреля, после очередного столкновения на катке собралась большая группа студентов. Они стали требовать от прибывшего сюда зам. министра внутренних дел республики т. В. Е. Дедикова наказания зачинщиков драк. Зам. министра заверил собравшихся, что сообщит им о принятых мерах здесь же на следующий день в 19.00 часов. Попытка организовать вечером 2 апреля встречу студентов с представителями МВД в актовом зале ЯГУ не удалась. Собравшаяся в это время около университета большая группа студентов двинулась к центру города. У здания обкома партии толпу, насчитывавшую 250–300 чел., усилиями работников партийных и правоохранительных органов удалось остановить и убедить вернуться к университету. На обратном пути толпа увеличилась до 600–700 чел. Во время движения по городу в толпе раздавались выкрики: «Якутия для якутов, долой русских!», «Разнесем площадь Орджоникидзе!» (здесь находится здание МВД республики) и т. п. На подходе к ЯГУ отделившаяся от основной массы группа в 20–30 чел. избивала мл. лейтенанта милиции Телегина, русского по национальности, допустила другие хулиганские действия. В 21.00 час началось собрание в актовом зале университета, в котором приняли участие студенты ЯГУ, учащиеся других учебных заведений, молодежь города. Президиума или ведущего на собрании не было. Выступили 24 чел., в том числе 12 студентов ЯГУ. Большинство возмущалось бездейтельностью милиции, многие выступления носили весьма радикальный характер. Так, студент V курса сельскохозяйственного факультета ЯГУ В. Гоголев утверждал, что на улицах города русские систематически избивают якутов. Учащийся 9-го класса физматшколы при ЯГУ В. Степанов говорил, что «русские завоевали Якутию и начали уничтожать якутов». Подобные заявления сопровождались гулом одобрения зала. Не по-

лучило поддержки выступление члена комитета комсомола ЯГУ Сергиенко, что нельзя всех русских огульно обвинять в шовинизме. Присутствовавшие в актовом зале секретарь обкома КПСС по идеологии, первый секретарь горкома, первый секретарь райкома партии, другие партийные, комсомольские работники, представители администрации университета не попытались переломить хода собрания, превращавшегося в митинг протеста, проявили малодушие, оказались в роли пассивных наблюдателей¹³³. Но указанные события явились своеобразным продолжением более ранних выражений недовольства, имевших место среди студентов-якутов в 1979 г., причиной которых, как и в 1986 г., стали разные траектории культурной эволюции якутской и русской/русскоязычной молодежи. Одни были выходцами из села и чувствовали себя социальными аутсайдерами, другие – горожанами, получившими более качественное образование в городских школах и имевших лучший стартовый капитал, и эти различия, накладывавшиеся на культурные стереотипы, сформировавшиеся как в якутской, так и в русской среде в условиях отсутствия последовательной политики формирования повседневной толерантности не только создавали культурные барьеры между группами, но и стали почвой для конфликтов.

Память об описанных событиях осталась, но их оценка со стороны русского и якутского населения республики различается. Однако самое главное следствие памяти о тех событиях состоит в том, что с тех пор так и не удалось преодолеть некоторый внутренний раскол в якутском обществе, хотя **процессы культурной интеграции идут, но они не носят целенаправленного характера и не опираются на продуманную политику памяти и тем более политику идентичности, на основе которой должно формироваться интегрированное территориальное сообщество.**

Сегодня в Якутии организация «Ураанхай» проводит регулярные моления в Доме Арчы, цель которых – возрождение традиционных верований саха, т. е. они стремятся вновь обратить якутов в язычество, хотя уже несколько столетий якуты – православные. Сегодня, конечно, речь идет не о возрождении традиционных языческих верований якутов, а о неошаманизме и неоязы-

¹³³ Первые межнациональные столкновения Эпохи Перестройки. Якутск 1986 год/. – URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/825368.html?ysclid=lsrch7un-qo341964587> (дата обращения: 23.01.2024).

честве¹³⁴. Идеологи движения говорят о необходимости поворота на Восток. В основном в деятельности организации принимают участие мужчины, средний возраст которых 28 лет. Подспудно просматривается стремление к этнической монополизации культурного и социального пространства Якутии и проявлением подобных настроений стал, в частности, антимигрантский митинг возле столичного спорткомплекса «Триумф», причиной которого стало недовольство мигрантами-киргизами, которые изнасиловали якутку, а также антимигрантские волнения в начале 2024 г. в столице республики.

В чем состоит инструментальная сила современного сибирского язычества, в частности – якутского? Дело в том, что в язычестве нет признанных канонических священных текстов, а следовательно, четко сформулированного учения¹³⁵. Это означает, что новые религиозные авторитеты могут сами формулировать «священные символы» и нормы поведения последователей неошаманизма, убеждать их следовать тем идеологическим ориентирам, которые новые религиозные деятели и мессии будут формулировать. При этом нет гарантий того, что сформулированные новыми религиозными авторитетами нормы и правила будут отвечать интересам гражданской интеграции, а значит возрастает угроза религиозного сепаратизма, так же как это происходит и с радикальным исламом!!!

Заметим, что события, аналогичные тем, что имели место в Якутске, произошли и в Туве, их организовала организация «Чоннун Олдары» (Сыны народа), но общая ситуация в республике стабильная, поскольку здесь после столкновений 1990-х гг. население стало практически моноэтничным.

Но, возвращаясь к Якутии, стоит заметить, что, пожалуй, особого внимания заслуживают события, имевшие место 26 сентября 2022 г. В этот день в Якутске проводился ритуальный обряд проводов мобилизованных мужчин их матерями и женами, который закончился протестами, как затем было указано телеграм-каналом Ваза. Женщины Якутска вышли на главную городскую площадь, чтобы поддержать мобилизованных и поуча-

¹³⁴ Иванов, А. М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха // Московский комсомолец в Якутии. 25.01–01.02.2001 г. – № 4 (77). – С.11. – URL: <https://textarchive.ru/> (дата обращения 23.01.2024).

¹³⁵ Ivanchenko, Y., Ivanov, A. Dynamics of Communicative Practices in Siberian Neo-Shamanism // Sibirica. – 2023. – Vol. 22. Issue 3. – Pp. 31–39.

ствовать в осуохае – якутском обрядовом танце на возвращение мужей и сыновей живыми. Сначала все было спокойно и в духе якутских традиций: женщины просто водили хороводный танец. Но потом некоторые участницы вдруг начали скандировать антивоенные лозунги и достали плакаты с требованием вернуть их мужчин обратно.

В результате осуохай превратился в акцию протеста против мобилизации, которая к тому времени объединила около 400 чел., многие из которых не предполагали участвовать ни в каких протестных акциях. Хоровод из женщин взял в кольцо полицейских с криками: «Отдайте наших дедушек!»

Власти республики поняли, что использование этнических традиций для демонстрации особости региона может быть использовано как для созидания культурного образа Якутии, так и для дестабилизации этнополитической ситуации в республике. Они решили трансформировать ритуальный обряд и в 2023 г. придали ему новое содержание. В республике был официально установлен официальный праздник – День осуохая. В сентябре 2023 г. в круговом танце, в честь установления в республике Дня осуохая, в г. Якутск приняли участие глава республики Айсен Николаев, народные депутаты Государственного Собрания (Ил Тумэн), члены правительства, горожане и гости столицы. Среди почетных гостей были Герои России Алексей Неустроев, Филипп Евсеев и Александр Колесов.

Принимая во внимание, что в 2022 г. якутский традиционный круговой танец «Осуохай» вошел в 100 лучших шедевров нематериального наследия народов России, Главой Республики Саха (Якутия) поддержана инициатива общественной организации «Якутское республиканское творческое общество «Осуохай» об учреждении Дня осуохая в Республике Саха (Якутия). Его будут отмечать ежегодно 25 мая. Проведение всеобщего республиканского танца олицетворяет единение народов Якутии, имеющих общие культурные корни и историю, позволит каждому жителю нашей республики ощутить значимость праздничной даты.

Известные сказители Валентин Хорунов, Станислав Иванов, Марта Николаева и другие по очереди исполняют песни и регулируют темп движения хоровода, демонстрируя мастерство исполнения, содержательность и богатство текста, диапазон голоса. С каждым новым запевалой круг ширится, подходят но-

вые желающие принять участие в танце. Во время осуохая они традиционно призывают благословение высших сил, народного единения, взаимопомощи.

Как указывает ЯкутИнфо, массовое исполнение традиционного хороводного кругового танца осуохай стало символом сплочения и единения многонационального народа Якутии, торжества светлых начал, мира и добра. Нас объединяют не только территориальные границы, но и надежда, гордость, уважение и вера в развитие нашей многонациональной страны. Наша сила – в единстве народов России.

Как заявляют местные политические лидеры, осуохай пользуется особой любовью у народа, и в последнее время интерес к нему только усиливается (не без поддержки властей). На протяжении длительного исторического периода осуохай сохраняется как один из ведущих, устойчивых и гибких видов художественной деятельности народа саха (якутов) и становится в постсоветском пространстве некой «визитной карточкой» его этнической культуры. В 2012 г. в Якутске жители республики поставили новый мировой рекорд, вошедший в книгу Гиннеса. 15 293 жителя сплотились и станцевали в самом большом осуохае на Ысыахе Туймаады, который был посвящен 380-летию вхождения Якутии в состав России и основанию столицы.

По мнению председателя Национального организационного комитета по подготовке и проведению в Якутии второго Десятилетия Олонхо Александра Жиркова, народу саха через многие века, через все испытания и лишения удалось пронести в первоизданном виде свои исконные обычаи и традиции. Местные власти с гордостью заявляют, что сегодня культура, обычаи и традиции якутского народа выходят на международную арену. В рамках второго Десятилетия Олонхо проводится работа по изучению, популяризации эпического памятника, в том числе перевод этого эпоса на языки народов мира. Реализуются закон о сохранении культурного наследия, подпрограмма по поддержке Олонхо, совершенствуется регламент проведения Ысыаха Олонхо.

«Мировое сообщество признает уникальную культуру Якутии: сегодня об олонхо, осуохае и Ысыахе знают жители не только России, но и других стран мира. Такая авторитетная организация, как ЮНЕСКО, возлагает на нас самих, носителей эпического наследия и языка, большую ответственность. Нам нужно понять это. Мы должны сохранить исконный смысл традиций

народа и передать их последующим поколениям в первозданном виде», – поставил цель первый вице-спикер парламента Якутии Александр Жирков. Михаил Николаев, первый президент Якутии, говорил, что в связи с мировой глобализацией многие народы теряют язык, культуру, обычаи, мировоззрение. И нередко гости Якутии задаются вопросом: «Как ваш немногочисленный народ не сломили суровые условия? Как вы выживаете при столь неразвитой инфраструктуре?». И восхищаются оптимизмом и силой духа нашего народа. А наша сила – в сохранении нашей традиционной культуры, в преемственности нашего осуохая, Ысыаха, олонхо и хомуса. Сегодня настало время взаимодействия со всем миром – надо перенимать передовой опыт по технологии, экономике. И при этом сохранять духовность, традиционную национальную культуру¹³⁶.

Но очевидно, что свою роль в прогрессе якутского общества сыграли и их связи с культурными соседями, особенно с русскими. А реверансы внешних игроков в адрес якутов и Якутских элит не всегда являются искренними. Однако, ориентируясь на них, почти 30 лет особенно широко развивались якутско-японские культурные связи, и в 2015 г. была создана «Ассоциация дружбы и культурного обмена Японии и Республики Саха (Якутия)». Тот факт, что этнографы и лингвисты относят японцев (как и корейцев) к алтайской языковой семье, стал стимулом для поиска общих культурных корней между якутами и японцами, которые на Японском архипелаге являются пришельцами. Еще в 1991 г. лингвист С. А. Старостин написал монографию «Алтайская проблема и происхождение японского языка», в которой обосновывал идею о единых корнях тюрков (прежде всего якутов) и японцев. Якуты, как один из самых восточных тюркских народов, вполне могли претендовать на роль ближайшего родственника японцев. Но помимо языкового родства якутские исследователи усмотрели религиозные параллели между японской религией синто (с 1868 г. – государственная религия Японии) и якутскими языческими верованиями, которые в последние десятилетия активно пытались возродить. В последнее десятилетие очень популярным направлением изучения культурного родства стала

¹³⁶ Массовое исполнение танца осуохай стало символом единения многонационального народа Якутии. – URL: <https://www.sakharparliament.ru/obshchestvo/17461-massovoe-ispolnenie-tantsa-osuokhaj-stalo-simvolom-edineniya-mnogonatsionalnogo-naroda-yakutii?ysclid=lo9n7v71od749608742> (дата обращения: 23.01.2024).

этногенетика и при помощи изучения схожести генов сторонники этого направления пытаются выявить как глубинные корни народов, так и связи между ними, хотя этнические культуры возникли достаточно поздно и культурные традиции с генами не передаются – они есть продукт социального развития. Тем не менее в последнее десятилетие реализовывались различные этногенетические проекты (как правило международные, с участием западных участников), в ходе которых сомнительные идеи этногенетики, в чем-то близкие к расовой теории, активно пропагандировались. Так, новосибирские генетики после исследований, проведенных в Якутии, стали утверждать о родстве якутов и японцев. Вместе со многими другими аналогичными «изысканиями» это способствовало формированию дополнительных культурных барьеров между якутами и их непосредственными культурными соседями.

Стоит констатировать, что, несмотря на активизацию процесса гражданской интеграции в Якутии, якутское общество продолжает оставаться слабо интегрированным и еще одним символическим маркером разделения является то, что Якутск воспринимается не как столица Якутии, а как столица саха (якутов), а русской столицей Якутии в социальных сетях называют город Нерюнгри – который расположен в центре индустриального юга республики, заселенного преимущественно русским населением. В 2020 г. русская община Якутска обратилась с письмом к Президенту РФ, указывая, что русские дети не могут учиться в русских школах и их вынуждают обучаться в школах, где обучение идет на якутском языке, хотя позиции русского языка среди якутов стремительно усиливаются, чему способствуют информатизация социальной сферы, усиливающееся влияние в сфере культурного потребления интернет-ресурсов, распространяемых преимущественно на русском языке, и, конечно, прогрессирующая урбанизация якутского социума.

Но в республике нет продуманной политики памяти и политики интеграции, которые сегодня крайне необходимы. Система образования тоже не способствует политике гражданской интеграции. Так, в **пояснительной записке** к предметному курсу «Культура народов Республики Саха (Якутия)» в русскоязычных школах этой республики указаны цели, по поводу которых мало что можно возразить. В числе таких целей названо «приобщение обучающихся к элементам устного народного творчества, наци-

ональной культуры и искусства якутов, эвенков, эвенков и других коренных народов Якутии», «формирование у школьников интереса и уважения к коренным народам, к их труду, языку и жизни вообще», «укрепление открытых, доброжелательных, дружеских отношений между детьми разных национальностей, преодоление чувств скованности, недопонимания, отчужденности между ними» и, наконец, «воспитание подлинного чувства интернационализма, основанного на знании, понимании и уважении к труду и таланту народа, независимо от его численности».

Но при достаточно хорошо разработанной методике самого этого курса его идеология вызывает серьезные возражения, ибо население республики уже со школьной скамьи начинают делить на «коренное» и «некоренное», и при этом авторы предполагают, что это разделение республиканского сообщества на две разностатусные группы будет способствовать воспитанию уважения к другим народам и укоренению толерантности.

Уже в школе, в том числе в национальной, на уровне предметов происходит разделение местного сообщества на этнические сегменты, ибо в школах преподается отдельный предмет «Якутская культура» и отдельный предмет «Русская национальная культура», но даже в 11 классе в методических разработках указанного курса нет никаких упоминаний про гражданскую культуру, про концепт российской нации и межкультурную интеграцию, которая является важной чертой развития Якутии с XVII в., а потому не случайно некоторые западные исследователи называют и якутов, и русских «имперскими народами», которые совместно покоряли Сибирь.

А если говорить о традиционной культуре и ее значении в современной жизни Якутии, то надо обязательно подчеркивать, что она есть элемент культурного наследия, о котором надо помнить, но, за счет которого не следует стремиться к архаизации современной жизни. Современные городские якуты, за исключением фенотипа, мало чем отличаются от представителей всех других народов, проживающих в республике, они привыкли жить в условиях информационного общества, где межкультурное взаимодействие является нормой. Но о том, что здесь сформировалась некая гражданская территориальная общность, ничего не говорится в предлагаемых разработках по этнокультурному образованию, равно как и о российской гражданской

нации, укрепление которой является одной из главных целей в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации».

Примеров того, что в школьных курсах, ориентированных на этнокультурное образование, есть очевидные перекосы, которые не ведут к формированию у учащихся реальной этнокультурной компетентности, а также представляют неполную картину регионального и общероссийского культурного ландшафта достаточно много.

В этой связи следует еще раз отметить, что школа есть один из важнейших институтов социализации и она должна воспитывать гражданина своей страны, прививать ему гражданское самосознание.

Поэтому программы и курсы этнокультурного образования целесообразно и назвать по-иному, и скорректировать их содержание таким образом, чтобы они давали представление не только о культурном многообразии, но и о **культурном единстве**, чтобы знания о народах были сбалансированы, и чтобы в данном курсе очевидно присутствовала **ориентация на общегражданскую идеологию**.

Республика Бурятия. В соседней с Якутией Республике Бурятия нет очевидного противостояния русских и бурят, хотя первоначально процесс вхождения бурятских племен в состав централизованного русского государства был достаточно противоречив, но в конечном итоге сложился тесный союз между казаками и бурятами и межкультурное взаимодействие приняло позитивный характер, что сохраняется и ныне.

Предполагаемые предки бурят начали осваивать земли в районе Байкала начиная с VI в. В это время они находились в составе различных кочевых государств. К моменту создания Монгольской империи территория вокруг Байкала уже имела единое название Баргуджин-Токум, а основная часть его населения имела общий надплеменной этноним баргуты.

В начале XIII в. Баргуджин-Токум был включен в состав монгольского государства. После распада Монгольской империи баргуты, которые в ойратских источниках уже называются баргу-бурятами, участвовали в создании Ойратского ханства. Во второй половине XV в. они переселились в Южную Монголию, где вошли в состав юншиэбуского тумена монголов. В начале XVI в. юншиэбуский тумен распался или же был разделён на не-

сколько частей. Вероятно, во второй половине XVI в. баргу-буряты начали переселяться в северо-западном направлении, вернувшись к началу XVII в. на историческую родину. Примерно в это же время Русское государство начало завоевание бурятской земли, которое проходило не без сложностей, но в целом буряты мирно покорились русской короне, поскольку царская власть стала эффективным защитником бурят от набегов монголов.

До начала XX в. различные группы бурятов исповедовали разные религии. Забайкальские (восточные) буряты исповедовали тибето-монгольский буддизм, а в бурятском Гусиноозерском дацане была размещена резиденция пандита хамбо-ламы – одного из высших иерархов в буддизме, считавшегося живым буддой. Западные или предбайкальские буряты исповедовали православие, а также среди них был распространен шаманизм. Приверженцами шаманизма отмечались и среди других групп бурят.

Традиционным занятием бурят было кочевое скотоводство.

Формированию единого этнического самосознания способствовали преобразования, которые имели место при советской власти. Для бурятов, как и для ненцев, были созданы три национально-государственных образования: 27 апреля 1921 г. в Восточном Забайкалье в составе ДВР была создана Бурят-Монгольская автономная область, 30 мая 1923 г. образована Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика, 7 июля 1958 г. Бурят-Монгольская АССР переименована в Бурятскую АССР, а в марте 1992 г. Верховный Совет Бурятской ССР принял закон о переименовании Бурятской ССР в Республику Бурятия. В 1930 г. созданы Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский национальные округа (упразднены в 2008 г.). Но при этом буряты рассматривались как единый народ. Социалистические преобразования привели к унификации образа жизни, борьба с религией – к практически полному искоренению традиций шаманизма и массовому отказу от традиций буддизма, который стал возрождаться только в 1946 г., а также других религиозных конфессий. В результате процессов национально-культурного строительства происходило формирование значительного слоя бурятской интеллигенции, кадры которой, причислявшие себя к западным бурятам, направлялись к восточным – и наоборот. Все это ускорило культурную интеграцию бурят и унификацию их образа жизни и идейных позиций. Поэтому не случайно, что в постсоветский период у всех групп

бурят доминирующей религиозной традицией стал буддизм (шаманизм возродился лишь отчасти). В 1992 г., в столице республики началась подготовка к строительству одного из самых больших буддистских храмов, а Далай-Лама XIV заложил бумбэ (священный сосуд), в основание будущей 21-метровой статуи Будды. В 2011 г. из 188 зарегистрированных религиозных организаций Бурятии 57 были буддийскими. Но православие также не теряет свои позиции, и в столице Бурятии построен один из самых больших в Сибири кафедральных соборов.

Сегодня 66 % населения Республики Бурятия составляют русские, 30 % – буряты. При этом большинство бурят сегодня русскоязычны, и пользуются русским языком во всех сферах коммуникаций. Не случайно в Атласе языков, изданном ЮНЕСКО в 2002 г., бурятский язык указан как подверженный вымиранию. Учреждение в 2007 г. Дня бурятского языка никак не меняет языковую ситуацию, ибо ориентации на русский язык приобрели устойчивый характер. Бурятия в 2014 г. стала первой национальной республикой, где было законодательно закреплено, что изучение бурятского языка, который является государственным языком республики, не является обязательным. При этом была принята государственная программа поддержки бурятского языка.

В Бурятии существует собственное этнонациональное движение, которое имеет достаточно глубокие исторические корни. Формироваться оно стало в годы первой русской революции. В апреле 1905 г. в Чите состоялся съезд бурят Забайкальской области, выступивший с идеей восстановления институтов родового управления (степных дум), упраздненных несколькими годами ранее. В противовес этой позиции общебурятский съезд Иркутской губернии (август 1905 г.) выдвинул проект создания органов земского самоуправления по типу русских земств. Тем самым была создана почва для последующего национально-государственного строительства, которое носило уже иное идейное содержание.

На закате перестройки произошло возрождение одной из традиционных форм Бурятского национального движения – общебурятских съездов. В феврале 1991 г. в Улан-Удэ состоялся I Всебурятский съезд. Основными направлениями его работы стало обсуждение вопросов политического и национально-куль-

турного развития Бурятии. По инициативе делегатов учреждена Всебурятская ассоциация развития культуры.

Формирование современной бурятской государственности в составе России способствовало возникновению новых общественных объединений этнического толка. В 1992 г. организовано Движение национального единства «Нэгэдэн», ставшее одной из ведущих общественно-политических организаций Бурятии. В конце 1992 г. по ее инициативе произошло объединение «Нэгэдэн» и ряда других политических организаций в блок «Народное согласие», члены которого разработали программу по комплексному восстановлению политических, гражданских и культурных прав бурятского народа. Но в целом позиции бурятского движения так же слабы, как и позиции бурятского языка.

Пожалуй, единственным раздражителем является ситуация, связанная с попытками политической и интеллектуальной элиты бурятов «этнизировать городское пространство» Улан-Удэ, превратить его в коллективную собственность бурятского этноса. Столица Республики Бурятия в прошлом – это сугубо русский город Верхнеудинск.

Хакасия в этнополитическом поиске. Во многом схожая с Бурятией ситуация наблюдается и в Хакасии. В формировании хакасов участвовали тюркские (енисейские кыргызы), кетские (арины, коты и др.) и самдийские (маторы, камасинцы и др.) этнические группы. Во времена позднего средневековья племенные группы Хакаско-Минусинской котловины образовали этнополитическое объединение Хонгорай (Хоорай), состоявшее из четырех княжеств-улусов: Алтысарайского, Исарского, Алтырско-го и Тубинского. В 1667 г. Хоорай стал вассалом Джунгарского ханства, куда в 1703 г. откочевала большая часть его населения. В 1727 г. территория Хонгорая становится частью Российской империи. В русских документах Хакасию называли «Кыргызская земля». В 1926 г. в Хакасии проживало 88,9 тыс. чел., из них половина (44,2 тыс. чел.) была представлена хакасами. Сегодня абсолютное большинство жителей региона определяют себя как русские, их 356 325 чел., или 82,1 % от всего населения. Численность хакасов составляет 55 144 чел. (12,7 %).

При создании Хакаского округа в нем насчитывалось 677 населенных пунктов, в том числе 421 хакаский улус. Многие из них имели многовековую историю: 2 улуса возникли еще в XV в., 2 – в XVI в., 22 – в XVII в., 58 – в XVIII в. В советские годы сплош-

ная коллективизация, борьба с неперспективными деревнями и усиление урбанизационных процессов привели к многократному сокращению числа национальных селений, что нашло отражение как в исторической памяти хакасов, так и в идейных позициях этнонациональных организаций.

В истории хакасов особое место занимают съезды хакасов, на первом из которых, состоявшемся в марте 1917 г. (первоначально как инородческий съезд), было принято решение назвать население Южной Сибири хакасами. Всего в 1917–1918 гг. состоялось восемь съездов, на которых были утверждены «Положение о Хакасском степном управлении», «Положение о суде хакасов», создана Степная Дума, неоднократно обсуждался вопрос об участии хакасов в Добровольческой армии.

В марте 1919 г. Степная Дума была распущена, а 24 ноября 1923 г. постановлением ВЦИК был образован Хакасский уезд с центром в селе Усть-Абаканское, преобразованном в 1931 г. в город Абакан (уезд преобразован в автономную область в 1930 г.).

В 1990 г. вновь стали проводиться хакасские съезды. Первый съезд состоялся 10 августа 1990 г. в Абакане. Съезд принял резолюцию «О преобразовании Хакасской автономной области в Хакасскую АССР». 3 июля 1991 г. указом Президента РФ Хакасская автономная область преобразована в Хакасскую АССР и выведена из состава Красноярского края. Второй внеочередной съезд состоялся в декабре 1990 г. и принял «Декларацию о праве собственности хакасского народа на землю и ее богатства». На IV съезде создан исполнительный орган этнонационального движения – Чон Чобі (Народный Совет). На IX съезде (декабрь 2001 г.) учреждено республиканское общественное движение «Съезд (Чыылыг) хакасского движения» (в 2003 г. указом главы республики утвержден республиканский закон «О съезде (чыылыг) хакасского народа»), **который фактически предоставлял Съезду хакасов права параллельного политического представительства.** На X съезде создан Совет старейшин, как исполнительный орган съездов.

Но помимо съездов в политической и культурной жизни республики заметную роль играют некоторые другие хакасские организации. В их числе наиболее заметную роль играют «Хакасское региональное общественное движение родов хакасского народа» с его исполнительным органом «Совет старейшин родов хакасского народа». Другими заметными организациями яв-

ляются лига хакасских женщин «Алтынай» и «Союз женщин Хакасии». По этническому составу первые две из них чисто хакасские, третья – преимущественно хакасская. Эти организации регулярно поднимают вопросы о положении хакасского народа, о проблемах развития хакасского языка и благодаря их лоббистским усилиям удалось ликвидировать в школах дефицит учебников по хакасскому языку, активизировать усилия властей по пропаганде культурного наследия хакасов.

В наиболее концентрированном виде требования хакасских политиков представлены в программе и заявлениях «Хакасского регионального общественного движения родов хакасского народа». Так, в его уставе сказано, что «главными целями движения является борьба за повышение уровня жизни народа и защита интересов коренного этноса». Кроме того, одной из важных задач Совета старейшин является упорядочение структуры и уточнение задач всего родового движения. В настоящее время оно делится на три уровня. Первый – это рода, т. е. объединения родственников, по признаку общего предка, второй – районные Советы старейшин, и третий – республиканский Совет старейшин. Каждый уровень родового движения является самостоятельным, независимым от других объединением, имеет определенный круг задач, но цель у всех одна – это обеспечение воспитания хакасов в традициях их предков. Всего на территории Хакасии насчитывается триста родов, объединяющих тысячи семей (фамилий).

В свое время общественный резонанс получил X съезд хакасского народа, созданный 28 февраля 2003 г. по инициативе ряда хакасских общественных объединений и республиканских творческих организаций. Главным на повестке дня был вопрос о современном состоянии хакасского народа. На съезде обсуждались проблемы безработицы, алкоголизации, деградации, разрушения традиционного уклада жизни хакасов. Примечательно, что Правительство Республики Хакасия по обращению X съезда хакасского народа и, «учитывая, что на состояние республики существенное влияние оказывает социальное самочувствие хакасского населения, которое преимущественно проживает в сельской местности и в значительной мере испытывает на себе все тяготы проводимых реформ, приняло постановление «О реализации предложений X съезда хакасского народа» (№ 164)¹³⁷.

¹³⁷ «О реализации предложений X съезда хакасского народа» (№ 164). – URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).

Однако влияние этнических хакаских организаций в республике (особенно среди молодых хакасов-горожан) ограничено, ибо молодое поколение ориентировано на русскую урбанизированную культуру. Между тем, доля горожан среди хакасов республики приблизилась к 40 % и продолжает расти.

Республика Алтай. Сходная с Хакасией ситуация наблюдается и в Республике Алтай. *До 1917 г. алтайцев не считали единым народом.* И сегодня эта этническая группа четко делится на северных и южных алтайцев, отличающихся своими культурными особенностями и языком, хотя эти различия и не очень существенны.

Выделяются две этнографические группы южных и северных алтайцев. Южные алтайцы (*алтай-кижи*, в переводе *алтайский человек*), или собственно **алтайцы**, говорящие на южноалтайском языке (до 1948 г. он назывался ойротским). Проживают в бассейне р. Катунь. В состав группы нередко включают телеутов (проживают в Кемеровской области) и теленгитов (телесов) (в районе и к югу от Телецкого озера), которые по переписи 2002 г. учитывались как отдельные народы. Этнографы относят южноалтайский язык в состав кыргызско-кыпчакской группы тюркских языков. Северные алтайцы говорят на североалтайском языке. Выделяются кумандинцы, челканцы и тубалары, которые по переписи 2002 г. учитывались как отдельные народы. Некоторые лингвисты включают североалтайский язык в состав североалтайской группы тюркских языков алтайской языковой семьи. По другой классификации оба алтайских языка относятся к хакаской группе тюркских языков.

Формирование этнического сообщества, как полагают этнографы, началось еще в IV в., а значительную роль в культурной консолидации различных групп алтайцев играли раннегосударственные объединения в виде Тюркского, Уйгурского и Киргизского каганатов, а также контакты с монголо-ойротскими племенами.

Под влиянием колонизации Алтая русскими переселенцами, которая началась в XVIII в., существенно изменился образ жизни местных кочевых сообществ, многие из которых перешли к оседлости, восприняли культурные традиции пришельцев. В 1828 г. открывается православная Алтайская духовная миссия. Активно и успешно осуществляется их христианизация, хотя элементы шаманизма с элементами анимизма, тотемизма,

веры в духов-хозяев различных мест (ээзи) и родовых божеств сохранились. С 1830-х гг. начинается внедряться школьное обучение алтайцев и создается алфавит.

В 1922 г. на Алтае была образована Алтайская автономная область, которая до 1948 г. именовалась Ойротской. В 1991 г. она была преобразована в Горно-Алтайскую Республику, а в 1992 г. – Республику Алтай. Согласно данным переписи 2010 г., русские составляют 56,6 % населения республики, алтайцы – 33,9 %, и интересно заметить, что, в отличие от других автономий, соотношение между этими этническими группами практически не изменилось с 1920-х гг., т. е. со времени создания автономии.

На рубеже 1980–1990-х гг. под воздействием процессов демократизации общественно-политической жизни в регионе возрождение традиционных алтайских родовых подразделений, т. е. института зайсаната. Реанимация института зайсанов (родовых старейшин) стала одной из предпосылок выделения Горного Алтая из Алтайского края, хотя на деле это, скорее, была местная форма архаизации общественной жизни.

Свидетельством тому стало и то, что формирование современной алтайской государственности в составе России происходило на фоне формирования новых общественных объединений этноконфессионального толка. Так, к примеру, в начале 1990-х гг. стали вновь возникать бурханистские религиозные общины. В 1991 г. организована община «Ак-Бухарн», деятельность которой, как было заявлено, направлена на возрождение национально-религиозной идентичности алтайцев. К числу светских организаций относятся национально-культурные объединения «Жерил-Берлик», «Тодош», «Ак-Санаа», «Эне-Алтай», призывавшие к этнической консолидации алтайцев, к экономическому и культурному возрождению Горного Алтая.

Одной из форм Алтайского национального движения являлось движение за самоорганизацию малых народов Горного Алтая. В 1990-е гг. учреждены Ассоциация малых народов Горного Алтая и Ассоциация северных этносов. В основе их политической платформы лежала идея о создании национально-культурной автономии в районах компактного проживания малочисленных алтайских народностей. Общественная организация «Энее Байат» выступала за образование телеутской национальной республики как формы духовно-культурного возрождения данной

этнической группы. На деле же происходило разрушение все еще очень непрочной общей алтайской идентичности.

В начале XXI в. Алтайское этнонациональное движение продолжило играть значительную роль в общественно-политической жизни Горного Алтая, и особое место в его деятельности занимали усилия, направленные на противодействие инициативе по включению Республики Алтай в состав Алтайского края, хотя экономика Горного Алтая была весьма слабо развита, не обеспечивала удовлетворение социальных потребностей населения региона.

Определенное влияние на позиции этнонациональных организаций оказывают пантюркские идеи, концепция алтайской цивилизации и алтайского происхождения тюрков, имеющая на сегодня значительное количество как противников, так и сторонников, ибо альтернативные теории тоже не имеют достаточной доказательной базы. Уже многие поколения исследователей называют Алтай прародиной тюркских языков, и не случайно тюркские и монгольские языки объединены в общую семью, которую называют алтайской, хотя есть мнение, что монгольские языки ближе к самодийским, а не к алтайским. Идея единого тюркского пространства отталкивается от сведений, содержащих в китайских исторических хрониках. В них указывается, что первое упоминание слова «тюрк» относится к 551–552 гг. н. э. Современные историки, особенно из государств Центральной Азии, полагают, что огромную роль в формировании единого культурного пространства тюрков, сохраняющегося и по сей день, сыграло появление Великой Степи-Евразии – «Турана». Но идеи алтаизма и пантюркизма все же достаточно слабо представлены в идеологии этнических организаций алтайцев. Их больше заботит сохранение местной культурной специфики, которую они тесно связывают с культурной архаикой, причем пытаются «приватизировать» местную историю, определяя все культурное наследие региона как сугубо алтайское.

Самое мощное этнокультурное движение – это родовое движение алтайцев, у которого много общего с аналогичным движением у хакасов. Однако это движение имеет влияние лишь среди южных алтайцев, а в группе более модернизированных северных алтайцев оно не получило распространения. Тем не менее именно у данного движения есть потенциал для этнической мобилизации, о чем можно судить по скандалу с найденной археолога-

ми мумией алтайской принцессы Укока, возраст которой более 2500 лет. Алтайские радикалы считали ее «первопредком» алтайцев, хотя таковой она никак не могла быть, и воспрепятствовали ее вывозу из республики.

Сегодня этнические организации и движения на Алтае, выступающие как оппозиция или критикующие власть не консолидированы, нет единой организации. В общественной жизни, по сравнению с прошлым 2022 г., недовольства, протесты в связи СВО не столь активны. Может, только в мессенджерах пересылаются тексты и видео, призывающие остановить военные действия или наполненные ожиданием, когда закончится конфликт. Явных этнических радикалов в регионе нет. 22 октября 2023 г. прошел «Молебен за мир», организованный религиозными активистами-алтайцами, известными как «Каракольская группа», состоящая из жителей сел Онгудайского и Усть-Канского районов. Эта организация по решению Горно-Алтайского суда была включена в реестр экстремистских. Они имеют не большое влияние на местное население.

Другое общественное движение «Алтай Курултай» под руководством В. Д. Кудирмекова, в настоящее время не проявляет активности, но в 2022 г. в период частичной мобилизации они выступали за то, чтобы ограничить/прекратить призыв мужчин из алтайцев и коренных народов РФ. На проявления недовольства накладывают отпечаток и сложная социально-экономическая ситуация в Республике Алтай и рост цен.

Сибирское движение. Из сибирских этнополитических движений можно выделить региональное сибирское движение, позиции которого наиболее сильны в Новосибирске, Томске и Иркутске и которое пытается развивать идеи сибирского областничества, родившиеся еще в первой половине XIX в. Областники ратовали за автономию Сибири и укрепление особой сибирской идентичности¹³⁸. Некоторые сторонники этого движения в научных кругах заявляют, что сибиряков надо рассматривать как отдельное этническое сообщество, и во время переписей населения в сибирских регионах часть людей действительно указывает в графе «Национальность» этноним «Сибиряк». Но это движение организационно не оформлено, не имеет единой идеологической основы и носит сугубо виртуальный характер.

¹³⁸ Шабаев, Ю. П., Омаров, М. А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. – Москва: РГГУ, 2021.

Говоря о сибирском движении и попытках маркировать территориальный определитель «Сибиряк» как этноним, т. е. как название культурно-языкового/этнического сообщества, следует упомянуть еще о двух группах – Казаках и поморах. Казачье территориальное самоуправление и формирование казачьих войск на Днепре и Дону началось в XVI столетии. Окончательно и юридически статус земель казачьих войск в Российской империи был закреплён в XIX в. и тогда принадлежность к казакам рассматривалась как принадлежность к особому служилому сословию и, действительно, в состав казачьих войск входили не только великороссы, но и башкиры, якуты, киргизы и др. В постсоветской России казаков стали воспринимать как этническую группу, преимущественно русского происхождения, а в отношении казачьего движения был принят ряд протекционистских мер.

Малые народы Сибири и Дальнего Востока. Историческое мифотворчество

Ороки как этнографическая сенсация. Надо также обратить внимание и на малые народы Сибири и особенно Дальнего Востока, положение которых нередко становится предметом различных политических спекуляций. А участие лидеров этнических организаций (возникших в большинстве своем в 1990-е гг.) в различных международных мероприятиях, спонсируемых западными и международными фондами, нередко не только актуализирует дискуссии о положении тех или иных этнических групп но и превращает их в форму конфронтации внутри территориальных сообществ. К примеру, первый опыт участия активистов ненецкой организации «Ясавей» (НАО) в работе Форума коренных народов мира, созданного при ООН, привел к тому, что европейские ненцы, а точнее отдельные этнические активисты, «заразились» этническим национализмом и стали преподносить себя как представителей «главного народа» в округе, хотя они появились на европейском севере примерно 800–1000 лет назад, перейдя Полярный Урал. На этой основе родилась идея квотирования мест в окружном парламенте, которую в 2005 г. заблокировало само население Ненецкого автономного округа¹³⁹. Примерно также

¹³⁹ Шабаев, Ю. П., Чарина, А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.

реагировали на то, что они становятся участниками неких международных институций и отдельные представители других этнических организаций, выступавших от имени малых народов России. Уровень их правовой, этнополитической и этнокультурной подготовки был невысок, но амбиций было много, хотя, надо признать, что многие этнические активисты выносили в сферу публичных дискуссий действительно острые вопросы, касающиеся сохранения среды обитания и образа жизни малых народов.

Свою роль играют и зарубежные исследователи, которые нередко выступают культуртрегеры или проводники идей по преобразованию этнокультурного и этнополитического ландшафта России, в том числе и ее малых народов.

Показательна ситуация с ороками Сахалина и с айнами, которая отражает сложный характер этнокультурных и этнополитических процессов на дальнем Востоке и влияние на них внешних факторов.

В 1990-е гг. в России повсеместно имела место политизация этничности, а этнические организации становились активными участниками политических процессов на региональном уровне. Там, где это не получалось осуществить, этничность становилась формой своеобразного культурного манифеста, с помощью которого новоявленные лидеры этнических групп (или самопровозглашенные) стали пытаться всеми способами доказать не только и не просто культурное отличие своих групп, но и их не интегрированность в российский социум. Одним из таких примеров являются ороки Сахалина. В 1990-е гг. народы Дальнего Востока привлекли к себе внимание не только российских исследователей, но и зарубежных, у которых появилась возможность заниматься полевыми исследованиями на российской территории. В частности, заметную активность стали проявлять японские исследователи, в особенности ученые Центра славянских исследований в Саппоро, но не только они. Один из таких исследователей предположил, что «истинное» название народа ороков, проживающих ныне на Сахалине, но пришедших с материка, должно быть иным. Сначала он предложил название уильта, а затем уйлъта. По его мнению, ороки – это название, данное культурно-языковой группе русскими, но не самоназвание, хотя еще в средневековых китайских хрониках присутствовало это название народа. Новое имя для народа ороков сначала ак-

тивно поддержала местная учительница, сама принадлежащая к названной этнической группе и посчитавшая, что дистанцироваться от русских и русского влияния (пусть и с помощью культурного мифа) будет весьма полезно с помощью нового этнонима. Она проявила бурную деятельность и смогла «заразить» своими идеями, подсказанными ей исследователем из соседней Японии, и московских исследователей, которые представили новое самоназвание как этнографическую сенсацию и постарались ее раскрутить. Однако дальневосточный исследователь А. Старцев убедительно доказал, что этноним (самоназвание народа) ороки есть именно самоназвание и есть серьезные доказательства в пользу такого толкования¹⁴⁰. Перепись 2002 г. показала, что большинство ороков продолжают себя называть, как и прежде. Но признать ошибку, а особенно то, что солидные исследователи весьма некритично восприняли идеи заезжего культуртрегера, никто не хотел, поэтому новый этноним уйльта продолжает существовать, хотя в материалах переписи населения 2020 г. он уже значится в скобках – ороки (уйльта). Сказать точно, в какой мере ороки восприняли новое самоназвание и насколько сильно влияние в их среде местных лидеров или внешних культуртрегеров сказать сложно, поскольку для этого необходимы полевые исследования ученых Дальневосточного центра, причем это можно сказать по поводу изучения этнокультурной ситуации у многих малых народов Дальнего Востока, поскольку необходимо оценивать изменения этой ситуации в режиме мониторинга, дабы не допускать и ее искажений, и спекуляций западных «экспертов» на теме этнических меньшинств.

Айны в этнополитическом дискурсе. Сегодня актуальной является тема изучения дальневосточных айнов. Дело в том, что айны – это коренное население Японских островов, вплоть до XVI в. оказывавшие сопротивление японской экспансии, а затем, так же как и японские корейцы, оказались в положении дискриминируемого этнического меньшинства. Только в XX в. они смогли начать процесс своей самоорганизации, но реально положение айнов в Японии стало меняться совсем недавно. В апреле 2007 г. открылся Центр исследований айнов и коренных народов – совмещенное научно-образовательное подразде-

¹⁴⁰ Шабаев, Ю. П. Рецензия на книгу А. Ф. Старцева «Ороки – орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина» // Россия и АТР. – 2016. – № 4. – С. 83–86.

ление Университета Хоккайдо, а в 2008 г. они получили статус коренного народа.

В России айны тоже являются старожильческим населением обширных территорий – Камчатки, Сахалина, Курильских островов, низовьев Амура. В последние годы, когда активно дискутировались претензии Японии на спорные «северные территории», т. е. на несколько южных островов Курильской гряды, в РФ предлагались различные варианты ответов на японские территориальные претензии, в числе которых были и предложения с использованием культурных ресурсов, т. е. так называемой «мягкой силы». В частности, предлагалось признать айнов коренным малочисленным народом РФ¹⁴¹ и, видимо, это соответственно предполагает объявление южных островов Курильской гряды территорией традиционного природопользования айнов. Такой вариант имел бы политический эффект при наличии нескольких условий, а именно: зафиксированного и компактного расселения айнов на Южных Курилах, а также айнских этнических организаций, выступающих за принятие подобных решений, последовательных мер региональных властей по поддержке названной этнической группы. Но ни одного из названных условий нет сегодня в наличии. Как считается, айны переселились на Сахалин, Камчатку и Курилы с Хоккайдо, и их контакты с русскими начались еще в XVIII столетии и поначалу носили конфликтный характер.

В 1979 г. айнов признали исчезнувшей этнической группой и для этого были основания, поскольку ни царское правительство не стремилось активно поддерживать айнов, которые традиционно были на стороне России во время конфликтов с Японией, ни советские власти не оказывали им поддержки, рассматривали как проводников японского влияния. Айнам нередко приходилось скрывать свою этническую принадлежность, а из районов компактного проживания они были выселены что привело к их растворению в окружающей культурной среде. Не случайно, что в справочнике «Народы России», изданном в 1994 г., нет статьи «Айны», а в историко-этнографическом справочнике «Народы

¹⁴¹ Горян, Э. В., Нетрусов, Ю. Ю. Признание Россией айну коренным малочисленным народом как фактор решения территориального спора с Японией // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 135–149.

мира», опубликованном в 1988 г., говорится, что айны – это «народ в Японии»¹⁴².

Но перепись 2010 г. неожиданно показала, что айнская идентичность не исчезла и айны на дальнем Востоке еще есть. Было зафиксировано более 200 чел., назвавших себя айнами. Однако перепись 2020 г. айнов не обнаружила, хотя, скорее всего, еще остаются те, кто считает себя таковыми, но они не были учтены в силу недостаточно хорошо организованной переписи. Многие эксперты согласны с тем, что в числе недостатков переписной кампании следует назвать недоучет населения, а точнее – не полный учет численности этнических групп. В силу названных причин использовать «айнский фактор» в геополитике сегодня не представляется возможным, хотя ряд наблюдений показывает, что айнский этнический компонент не исчез. А поэтому вполне возможна этнокультурная самоорганизация остающихся айнов или тех, кто готов признать себя таковыми в память о предках.

Но при этом, действительно, важно иметь в виду, что историческая судьба айнов на дальневосточных территориях России и Северных Курил имеет значение в контексте анализа преобладающей в Японии точки зрения на территориальный спор с Россией. Согласно этой точке зрения, острова, на которые претендует Япония, являются «исконными территориями» страны, а айны в этом контексте именуется «японскими айнами». Указание на якобы очевидную связь коренного населения Курил (включая айнов) с Японией в данном случае должна подтверждать правомерность претензий японцев на Шикотан, Кунашир, Итуруп и Хабомаи. Однако только и именно в XX в. формируются современные представления о культуре айнов как органичной части культурного ландшафта Японии. Причем эти представления были сформированы самими айнскими активистами и некоторыми интеллектуалами, не являющимися этническими айнами, но придерживающимися доминирующей в Японии позиции по территориальному спору с Россией. В интернет-ресурсах можно найти описание истории заселения о. Шумшу, который демонстрирует очевидное «противоречие между транслируемой внутри Японии идеей об исключительно мирной колонизации и постепенному присоединению Курильских островов на правах

¹⁴² Айны острова Шумшу в контексте спора о Северных территориях между Россией и Японией. – URL: <https://work.vk.com/@ndkjapan-ainy-ostrova-shumshu-v-kontekste-sporya-o-severnyh-territoriy> (дата обращения: 23.12.2023).

полноценных японских территорий, и айнской точкой зрения, согласно которой, во-первых, долгое время часть островов воспринималась внутри Японии как колонии, во-вторых, далеко не всегда политика Японии имела мирный характер и согласовывалась с интересами населения островов. Судьба обрусевшего населения Шумшу как нельзя плохо вписывается в ирредентистский нарратив Японии».

Сегодня, видимо, назрела необходимость написания академического труда «Российские айны», а равно и необходимость более пристального изучения положения малых народов Дальнего Востока, особенно в контексте изучения этнополитических процессов в регионе, что крайне важно. Следует изучить темы, касающиеся проблем выделения территорий традиционного природопользования, выделения квот на вылов рыбы, которые давно превратились в крайне коррумпированную сферу регионального политического и культурного менеджмента и оказались вне сферы внимания исследователей в силу понятных причин. Надо не только ориентировать исследователей дальневосточного центра РАН на изучение указанных проблем и тематических направлений, но и обеспечить приоритетное финансирование подобного рода исследований, а также, на наш взгляд, необходимо форсировать принятие федерального закона «Об этнологической экспертизе», который уже давно обсуждается экспертами, но так и не дошел до обсуждения законодателями, и соответствующего нормативного акта.

Статус «коренного народа» как инструмент современной внешней политики России. Немного о «Русском Севере»

В связи с вышесказанным стоит обратить внимание и на ситуацию с поморами, которых этнографы издавна считали особой этнографической группой русского народа, причем это единственная группа русских, основу традиционного хозяйства которых составлял морской промысел, в суровых северных морях. Общий географический термин «Поморье» появляется в новгородской купчей грамоте 1459 г., а название «поморцы» – в Новгородской четвертной летописи 1526 г., но поморы, как этнографическая группа русских (не случайно до 1917 г. их называли «русские поморы»), оформилась только к XVIII в. Поморы освоили обширные пространства северных морей, ими был

открыт архипелаг Шпицберген (получивший от них название Грумант) – ныне это территория Норвегии, переданная ей Лигой наций в 1920 г. с условием, что хозяйственную деятельность здесь могут вести и другие северные страны. Поморы первыми стали осваивать Западную Сибирь (еще до похода Ермака) и не случайно, что крестьянская колонизация Сибири начиналась с переселения на сибирские земли поморов и коми-зырян, культура которых уже была адаптирована к суровым северным условиям жизни. Почти каждый помор знал наизусть поморские лоции, а общий морской опыт был обобщен в «Книге мореходной»¹⁴³, ставшей памятником общерусской и даже североευропейской морской культуры (ее давно пора объявить памятником нематериального мирового наследия через ЮНЕСКО). В советские годы память о поморах находилась в забвении, но во время Всероссийской переписи населения 2002 г. 6,5 тыс. архангелогородцев указали в графе «национальность» в переписных листах как *поморы*. Начался активный процесс самоорганизации поморского движения – были созданы поморские организации в Архангельске, НАО и на Кольском полуострове (пос. Умба). Состоялось четыре съезда поморов, которые, в отличие от множества других этнических съездов, финансировались самими участниками (помимо последнего), началась активная пропаганда поморских традиций, первоначально поддерживаемая и региональными властями.

Отдельные лидеры движения поморов, настаивали, что их субстратную основу составляют финно-угры, а поморы – это не русские. Впоследствии от этой идеи отказались. Но в принципе лидеры поморского движения верно заявляли о культурной самобытности поморов и необходимости придать им статус «коренного малочисленного народа», включив в Единый перечень таких народов, утвержденный Правительством РФ в 2000 г. и заметно пополнившийся с тех пор.

Основания для подобных требований были достаточно весомы (но не все эксперты их поддерживали), поскольку в Единый перечень уже были внесены камчадалы, а эта группа считается этнографической группой русского народа (возникла в результате тесного взаимодействия между русскими переселенцами и ительменами), а, кроме того, поморы желали сохра-

¹⁴³ Шабаев, Ю. П. Поморы // Народы севера России: обычаи, традиции, культура: справочник; под ред.: проф. А. П. Садохина и Ю.П. Шабаева. – Москва: Кнорус, 2017. – С. 471–478.

нить и развивать свои традиционные промыслы – зверобойный и рыболовный, а приверженность промысловой деятельности есть важнейшее требование, ориентируясь на которое государство присваивает этнической группе статус «коренного малочисленного народа» (при этом далеко не все группы, внесенные в Единый перечень, отвечают этому требованию).

Одной из основных причин, которые побудили лидеров поморского движения требовать представления поморам статуса коренного малочисленного народа, стало «наступление» на их хозяйственные интересы. Поморы в Мезенском районе Архангельской области вынуждены были отказаться от ведения оленеводства и под административным давлением передали свои пастбищные угодья ненцам из НАО, у которых есть льготы (они освобождены от налогов, и поэтому у них оленеводство рентабельно, у поморов оно таковым не было). Еще одним ударом по традиционному хозяйству поморов стал запрет на промысел гренландского тюленя, а точнее их детенышей – бельков, введенный в 2009 г., к которому присоединилась и Россия. Зверобойный промысел был важной статьёй доходов для жителей многих оставшихся деревень, расположенных по берегам Белого моря и являющихся форпостом России на этой территории, **имеющей статус пограничной зоны**. Запреты на вылов рыбы, зверобойку, ограничение охоты, превращение оленеводства в нерентабельный бизнес привели к гибели многих деревень по берегам северных морей, что является гуманитарной трагедией, поскольку обширные территории Севера оказываются незаселенными. Дальнейшее **ОПУСТЫНИВАНИЕ** побережья Белого и Баренцева морей не в интересах страны, ибо тогда пустынные берега недруги России могут объявить ничейной землей – *terra nullius*. Этот термин, имеющий латинское происхождение, давно используется в западной политике и политологических построениях. Он пришел в современный политологический словарь из римского права и переводится как «**ничья (ничейная) земля**». Термин используется в международном праве для обозначения территории, не находящейся под суверенитетом какого-либо государства или тех земель, от суверенитета над которыми государство отказалось, а также и в том случае, если его суверенитет над определенной территорией, принадлежащей одному государству, оспаривается другими. С XVIII и до начала XX в. названная концепция играла большое значение в европейской колониальной политике,

так как *terra nullius* объявлялась земля с малочисленным населением или населенная аборигенами, которая не принадлежала какой-либо державе. Это означало, что ее могла завоевать и колонизировать любая европейская держава. Именно с оглядкой на эту концепцию Российская империя уступила в 1867 г. Аляску Соединенным Штатам Америки, а норвежцы в 1908 г. объявили ничейной землей архипелаг Новая Земля.

Современное опустынивание берегов арктических морей и постепенное умирание старинных селений по берегам Белого и Баренцева морей может трактоваться недругами России как неспособность государства осваивать и окультуривать северные территории, что в условиях усиливающейся конкуренции за арктические территории и их ресурсы может ослабить позиции России в спорах по поводу принадлежности тех или иных арктических территорий и обосновании прав на прибрежный шельф. Более того, указанную ситуацию могут использовать как геополитический инструмент, с помощью которого можно пытаться ограничивать суверенитет государства над определенными территориями по причине того, что оно не в состоянии освоить и окультурить какие-то свои периферийные территории.

Поэтому поморские деревни надо срочно возрождать как оплот российского влияния, как демонстрацию флага, как подтверждение того, что данная территория является издавна окультуренной и безусловно принадлежит России, как и все берега арктических морей!!! Не случайно Гринпис профинансировал проведение актов в поддержку запрета промысла гренландского тюленя, на чем держалось традиционное хозяйство поморских деревень на берегах арктических морей. Запрет зверобойки (и ограничение рыболовства) лишал жителей поморских деревень доходов и создавал ситуацию, способствующую умиранию этих поселений, что крайне выгодно для сторонников концепции *terra nullius* на Западе.

При этом жителей Фарерских островов, или гренландских – инуитов/эскимосов никто не лишал прав на промысел гренландского тюленя. Известная латышская певица Лайма Вайкуле и музыкальный критик Артемий Троицкий, вместе с рядом других звезд эстрады, приезжали в 2008 г. Архангельск, где зафрахтовали два вертолета и облетели часть берега Белого моря, а затем провели пресс-конференцию, на которой факти-

чески обвинили поморов в варварстве¹⁴⁴. Позднее к усилиям западных культуртрегеров и их российских единомышленников присоединились архангелогородские ответственные лица и некоторые амбициозные местные исследователи, мечтавшие о саморекламе. Их усилиями фактически было разгромлено поморское движение. Национально-культурная автономия поморов Архангельской области объявила о прекращении работы офиса организации. Причиной стало то, что у НКА нет возможности платить аренду по ставке для коммерческих структур. По переписи 2022 г. зафиксировано более 2200 чел., причисляющих себя к поморам, но архангельские эксперты полагают, что таковых намного больше, а если учесть людей с двойной идентичностью (помор и русский, русский и помор и др.), то таковых, как показывает опыт антропологических исследований, будет достаточно много. *Таким образом символический «крестовый поход» против Русского Севера оказался успешным: были созданы условия для быстрой деградации сельской поселенческой сети по берегам северных морей, с одной стороны, и разгромлены институты, способствовавшие поморской консолидации и сохранению поморской идентичности, защищавшие интересы исконного населения исторической провинции. По сути дела, местные власти и вовлеченные в названный процесс лица выступили как пятая колонна и агенты влияния западных интересантов, проявив полное пренебрежение к интересам Российского государства, хотя и выступали как «истинные патриоты» и защитники государственных интересов. При этом, никто даже не заметил (или не захотел замечать) той разрушительной работы, которая велась в Архангельске, а предупреждения экспертов-этнополитологов игнорировались.*

Здесь полезно сослаться на исторический опыт. Так, правительство Российской империи сразу же после того, как вынуждено было продать Аляску Соединенным Штатам Америки в 1868 г. приняло специальную программу заселения и колонизации Кольского полуострова, а позднее и Новой Земли, поскольку эти территории могли восприниматься сторонними наблюдателями, как неосвоенные. Исходя из этих соображений

¹⁴⁴ «Дубиной по голове»: как 10 лет назад Вайкуле и Троицкий бились в Архангельске за бельков. Об этом сообщает «Рамблер». – URL: https://news.rambler.ru/other/39363584/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 22.01.2024).

и оценивая опасности, исходящие из-за пределов России на рубеже XIX и XX вв., губернатор Архангельской губернии Александр Платонович Энгельгардт в 1898 г. издал путевые заметки о своих поездках по губернии, в которых всю территорию от границы с Финляндией и до Полярного Урала намеренно назвал «Русским Севером» (хотя здесь почти вся топонимика уральская), завершив тем самым прежние усилия историков, этнографов, фольклористов и писателей представить регион как «ядро России» и «культурную кладовую русского народа», а в 1908 г. не без его трудов (он к тому времени уже не был губернатором) было создано Архангельское общество изучения Русского Севера, начавшее выпускать лучшее в империи периодическое краеведческое издание – труды Общества. В самом же Архангельске стали проводиться выставки «Русский Север». Это были этнополитические инструменты, с помощью которых региональные власти пытались ограничить проникновение на Север конкурентов в лице лютеранских миссионеров, норвежских зверобоев, европейских предпринимателей. Но главным смыслом этих акций была символическая интеграция земель Европейского Севера в общее культурное пространство страны.

Сегодня именно поморское движение может и должно стать важным и очень выгодным инструментом российских властей в геополитическом противостоянии, которое обостряется в Арктике. На наш взгляд, в государственных интересах России надо поддерживать поморские организации, провести очередной съезд поморов, включить поморов в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ, отменить постановление о запрете промысла гренландского тюленя для поморов, предоставить им квоты на вылов рыбы в северных морях с тем, чтобы возродить рыболовный и зверобойный промыслы и дать стимулы для развития традиционного рыбного промысла, на котором ранее держалось благополучие местного населения. Помимо этого, на основании Федерального закона «О территориях традиционного природопользования» объявить Баренцево, Белое и Карское моря территориями традиционного природопользования поморов. В летние месяцы, особенно когда страны НАТО намереваются проводить здесь учения, устраивать поморские морские фестивали. Поморский ход – путешествие на кочах и шняках (их современных копиях) к Шпицбергену и другие подобные мероприятия, чтобы маркировать северные моря как территории,

исторически привязанные к России, и как зоны, где один из коренных народов имеет приоритетное право устраивать свои мероприятия.

Северокавказский регион: историческая память и современные этнополитические коллизии

Традиционно особое внимание российские и зарубежные эксперты обращают на ситуацию, которая имеет место на Северном Кавказе. Этнокультурная палитра региона крайне сложна: здесь проживают и народы алтайской языковой семьи – калмыки, балкарцы, карачаевцы; и кавказской – чеченцы, ингуши, аварцы, даргинцы, лезгины, ларцы, табасаранцы, рутульцы, агулы и др., а также поздние переселенцы в регион, представленные русскими и представителями других индоевропейских народов. В религиозном отношении доминирующей группой являются мусульмане суннитского толка, но достаточно велико количество приверженцев других конфессий: православия, буддизма, иудаизма. Опыт исторического взаимодействия народов региона и их опыт отношений с Государством Российским весьма неоднозначны и у каждого народа он свой, включая достаточно сложные и проблемные этапы этого взаимодействия. Историческое наследие и факты истории используются и интерпретируются политическими элитами и несистемными политическими «игроками» по-разному. А общее историческое наследие в целях этнополитической мобилизации порой пытались приватизировать отдельные этнополитические акторы. Так, Республика Осетия фактически явочным порядком объявила себя единственным «наследником» древних аланов, хотя союз аланов состоял из многих северокавказских племен, включая как предков осетин, так и предков карачаевцев и многих других народов Северного Кавказа, да и сама прямая связь осетин с аланами – вопрос дискуссионный. Естественно, что инструменты исторической памяти являются важным «оружием» как в земельных спорах, весьма острых в регионе, так и в претензиях на некое культурное лидерство, основанное на этноцентристском понимании культурных процессов или их «историко-генетической» трактовке (хотя культура с генами не наследуется). Так, претензии кабардинцев на лидерство и отдельную государственность поддерживались этнополитическим движением Адыге Хасе и Конгрессом кабар-

динского народа на том основании, что Кабарда и кабардинцы (*адыгэ*) некогда доминировали на Северном Кавказе и имели свою государственность.

В этнополитической истории Северного Кавказа существенно важное значение имели процессы, имевшие место в VIII в. В международной политике того времени основным игроком на данном геополитическом пространстве, наряду с Ираном и Османской империей, становилась Российская империя. *Основными событиями, значительно изменившими расклад политических центров силы в названную эпоху, стали каспийский поход Петра I, жестокие действия персидского правителя Надир-шаха на Кавказе в ходе завоевательного похода, начавшегося в 1739 г., закончившиеся поражением и бегством персидских войск из южного Дагестана в 1743 г., а также русско-турецкие войны, результатом которых стало укрепление позиций Российской империи в регионе. Это укрепление сопровождалось строительством южных крепостей и оборонительных линий. Кавказ становился объектом постоянного политического интереса России, а процесс его интеграции в состав Российского государства превратился в последовательную и долговременную политику, носившую сложный и часто конфликтный характер, что дает повод для того, чтобы использовать историческую память как инструмент формирования альтернативных версий истории, отвечающих интересам различных этнополитических течений и для развязывания войн памяти*¹⁴⁵.

Помимо политических усилий, имевших своей целью наладить отношения с местными правителями, началась системная работа по укреплению южной границы империи. Важными направлениями этой работы были не только постройка крепостей и создание оборонительных линий, но и поддержка казачества, крестьянская колонизация. Россия начала укреплять южные рубежи страны, и с этой целью началось последовательное формирование Кавказской укрепленной линии и кавказского линейного казачества.

¹⁴⁵ Ланда, Л. С., Яблоков, И. А. Транзит символов в конспирологическом дискурсе постсоветской России: миф о Хазарском каганате и межэтнические отношения на Северном Кавказе // Символическая политика: сб. науч. тр. / ред. О.Ю. Малинова. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. – Москва: ИНИОН, 2014; Шнирельман, В. А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии современной России // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 4.

Стратегическое расположение Кавказа во многом предопределило этот регион как арену военного соперничества великих держав и многовекового противостояния с Османской империей.

«Важной вехой в этом противостоянии стала Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и заключение Кючук-Кайнарджинского мирного договора, в результате чего Россия упрочила свое положение на Кавказе. В этот период были заключены локальные соглашения о покровительстве народам Ингушетии (1770 г.), Осетии (1774 г.) и Чечни (1781 г.). Принципы взаимоотношений российских властей с чеченскими обществами были оформлены специальной грамотой, представителями российской стороны в двухсторонних отношениях были определены кизлярский комендант и командиры кордонов Кавказской линии».¹⁴⁶

Другим важным следствием русско-турецкой войны 1768–1774 гг. стало подписание Русско-крымского договора между Россией и ставшим независимым от Турции крымским ханом Сахиб-Гиреем II, по условиям которого Кабарда переходила в подданство России. После того, как пользовавшийся российским покровительством хан Крыма Шагин-Гирей отрекся от престола, Екатерина II 8 апреля 1783 г. обнародовала Манифест «О принятии полуострова Крымского, полуострова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу».

Установление протектората Российской империи над Картли-Кахетинским царством в 1783 г. стало следствием военных и дипломатических успехов России на Северном Кавказе, что спровоцировало новый виток борьбы за влияние на Кавказе между Персией, Османской империей и Россией. Очередная русско-турецкая война 1787–1791 гг. завершилась поражением Османской империи и потерей ею своего последнего оплота на северном берегу Черного моря – крепости Анапы. В этой войне на стороне России выступили кабардинские и осетинские отряды. В первые десятилетия XIX в. произошло еще одно важное событие. В октябре 1813 г. был подписан Гюлистанский мирный договор (с. Гюлистан, Карабах) между Россией и Персией, завершивший русско-персидскую войну 1804–1813 гг. По этому договору к Российской империи отходили Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское

¹⁴⁶ Хлынина, Т. П., Кринко, Е. Ф., Урушадзе, А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. – С. 32.

и Талышское ханства, а также Дагестан, Грузия, Мингрелия, Имеретия, Гурия и Абхазия. Не менее впечатляющими оказались дипломатические достижения России. После окончания русско-персидской (1804–1813) и русско-турецкой (1806–1812) войн, Турция и Иран подписали мирные договоры с Россией, по которым Турция отказывалась от притязаний на Кавказ, а Персия – от притязаний на Дагестан, Грузию и Азербайджан. Таким образом было окончательно закреплено господство России на всем Кавказе и ее суверенитет над данным регионом.

Тем не менее ни Иран, ни Османская империя не хотели примириться со столь болезненными потерями и вынашивая планы по отторжению Кавказа от России. В этих планах они находили поддержку у Англии и Франции, которые пытались утвердиться в ближневосточном регионе, используя в своих далеко идущих планах османского султана и иранского шаха. Однако к прямому столкновению с Россией до середины столетия названные страны были не готовы. Но они старались использовать внутренние трудности Российской империи в своих интересах и одной из них стала Кавказская война. Побудительными причинами этого конфликта стало не столкновение разных конфессиональных сообществ, а более глубокие противоречия.

В первую очередь Кавказская война была спровоцирована усилившимся давлением Российского государства на местные горские сообщества и стремлением последних сохранить свою культурную и хозяйственную автономию. Однако специфика горских сообществ была несовместима с политикой централизованного государства. К числу обычных практик, на которые опиралась экономика и политика местных сообществ, относились набеги горцев на соседние территории (вновь давшие о себе знать во время существования Республики Ичкерии, т. е. в 1990-е гг.), работорговля. А строительство военных укреплений на территориях, которые горцы считали своими родовыми угодьями, введение новых налогов, раздача плодородных земель на Кубани казачеству, привлечение местного населения на строительство дорог – только усилили недовольство. Второй причиной стало распространение в среде горского населения, значительная часть которого сохраняла еще приверженность старым языческим верованиям, нового течения – мюридизма – и укоренение в их среде к началу XIX в. ислама.

Ислам в той воинствующей форме, в которой он укоренился на Северном Кавказе, привел к формированию культурного барьера между местным населением и Российским государством, которое не хотело теперь подчиняться «неверным» (*хотя борьба горцев с нашествием Надир-Шаха была примером отчаянного сопротивления единоверцам*). С другой стороны, ислам, *воспринимаемый как идеология*, сплотил местные сообщества и местные элиты. Появление же в среде новой элиты яркого и талантливое руководителя Шамиля позволило окончательно сплотить горцев и создать теократическое государство – имамат на территории Чечни и Дагестана, ставший оплотом горского сопротивления. Конечно, свою роль сыграли и внешние силы, особенно поддержка горцев со стороны Османской империи и Великобритании.

Присоединение закавказских территорий к России и начавшаяся затем Большая Кавказская война (1817–1864) под предводительством имама Дагестана и Чечни Шамиля изменили характер местных элит, а русская колонизация северокавказских территорий привела к определенной трансформации и модернизации местных сообществ в направлении последовательного формирования новых внутрикавказских культурных и административных границ, которых прежде не было.

В ходе затяжной Кавказской войны весь регион превратился в средоточие многочисленных и трудноразрешимых военных, политических и экономических проблем. В этой ситуации крайне актуальной стала проблема выработки форм и методов управления столь сложным краем, отличавшимся этническим и религиозным многообразием.

После визита императора России Николая I на Кавказ, состоявшегося в 1837 г. (после Петра Великого это был второй визит российского самодержца в регион), было решено сосредоточить всю полноту власти и управления в одних руках, создав для этого новые ведомства. Для реализации этой управленческой модели был учрежден институт наместника региона, назначение которого на должность происходило по личному выбору императора. Система управления регионом была двухуровневой. В 1844 г. появился первый кавказский наместник со штаб-квартирой в Тифлисе, а в 1845 г. был создан Кавказский комитет в Санкт-Петербурге. Первым кавказским наместником

стал граф М. С. Воронцов. В состав Кавказского наместничества вошли российские владения на Северном Кавказе, в Закавказье, Ставропольской губернии и на Кавказской линии.

«Что касается полномочий кавказского наместника, то он был наделен высшей военной и гражданской властью в регионе. Например, мог, исходя из местной специфики и особенностей обычаев и традиций, принимать законы, отличающиеся от общих законов Российской империи. Но это еще не все. Согласно российской политической иерархии, кавказский наместник имел министерский статус. При решении вопросов, выходящих за пределы его ответственности и компетенций, наместник обращался в Кавказский комитет, а в вопросах военного и внешнеполитического характера Кавказский наместник имел право обращаться лично к императору»¹⁴⁷.

Сформированная на Кавказе система правления и делегирования полномочий в некоторых своих чертах напоминает современный институт полномочного представителя Президента России в федеральном округе, в нашем случае – Северокавказском. Тем не менее, если продолжить аналогию с современным институтом президентского полпредства, то функции и полномочия Кавказского комитета существенно отличались от функций и полномочий нынешнего института полпредства в федеральных округах РФ. Кавказский комитет получал ежегодные отчеты о положении дел в регионе от кавказского наместника, здесь же формировался весь бюджет Кавказской области и Закавказского края и определялись его приоритетные статьи. Наконец, в ведении комитета были и все вопросы народного образования, здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства, организации торговли и транспорта на Кавказе. Отметим, что данные усилия и последующий процесс советского нациестроительства привели к превращению территориальных групп в этнические сообщества и формированию современного этнокультурного ландшафта Северного Кавказа¹⁴⁸. Для последнего характерно сложное переплетение этнических, территориальных, конфессиональных отношений.

¹⁴⁷ Шабаев, Ю. П., Омаров, М. А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. – Москва: РГГУ, 2021. – С.162.

¹⁴⁸ Цудиев, А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – Москва: Европа, 2006.

Конечно, память о Кавказской войне сохраняется у местного населения, но, во-первых, в этой памяти должны быть учтены не только драматические страницы взаимоотношений народов региона с Россией, но и позитивный опыт, включая многочисленные попытки горских сообществ заручиться поддержкой Российской империи, и такой частный, но знаковый документ, как завещание имама Шамиля, в котором он призывал своих сыновей верно служить государю и Государству Российскому, хотя оба сына (не считая рано умершего Джамаллуддина, крестившегося и получившего чин офицера русской армии) сделали свой выбор самостоятельно – один служил Турции, другой – России. Во-вторых, надо иметь в виду, что все современные республиканские социумы и сами этнические сообщества есть социальные конструкты, которые никогда прежде не существовали и их создание стало результатом советского национально-государственного строительства. Поэтому полной актуализации исторической памяти и ее политической мобилизации добиться трудно. Поэтому не случайно попытка в 1919 г. создать Северо-Кавказский эмират не увенчалась успехом, как и создание в 1920 г. Горской АССР, объединившей все народы Северного Кавказа. Местные интересы и местные элиты оказались сильнее интеграционных проектов. Столь же декоративными оказались и современные попытки этнополитической интеграции и мобилизации. Первый съезд горских народов Кавказа, состоявшийся в 1989 г., казалось, положил начало новой эпохе в этнополитическом строительстве в регионе, поскольку создал Ассамблею горских народов Кавказа, которая сразу же поддержала абхазскую сторону в разгоревшемся абхазо-грузинском конфликте, но это было лишь формальное единство. Создание на IV съезде народов Кавказа в 1992 г. Конфедерации народов Кавказа не привело к усилению интеграционных процессов, а разгорающиеся конфликты, особенно в Чечне и Осетии, окончательно похоронили горское единство, и Конгресс довольно быстро полностью утратил свое политическое влияние и сегодня используется отдельными радикалами как политическое прикрытие для проповедей сепаратистских идей и радикальных исламистских.

Историческая память у народов Северного Кавказа многомерна и поэтому манифестация ею в целях провоцирования конфликтов возможна, но здесь есть свои ограничения. Эти ограничения связаны с тем, что у каждого народа есть сегодня своя

версия прошлого, которая в той или иной мере укоренилась в сознании населения. К примеру, калмыки, как уже сказано выше, вошли в состав Российского государства добровольно в XVII в., ираноязычные жители Северной Осетии присягнули на верность российскому императору в 1774 г., а история отношений с другими народами также не исчерпывается противостоянием с «неверными». Определенное влияние на общественные настроения имеют и итоги национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. Границы между республиками не опирались на четкое определение этнических территорий отдельных народов, что было на Кавказе весьма важно, поскольку земельные споры издавна были причиной возникновения конфликтных ситуаций. Впрочем, логика советского национально-государственного строительства опиралась не на культурные реалии, а на политическую идеологию и целесообразность. Директивно были объединены неродственные в лингвистическом плане народы (кабардинцы и балкарцы, карачаевцы и черкесы); часть территории с проживанием осетин оказалась в Грузии, часть территории, населенная аварцами и лезгинами, оказалась в Азербайджане. Русское население насильственно включалось в новые автономные образования. Казачество не получило территориальной автономии, а было подвергнуто репрессиям с изъятием их земель. Часть народов (абазины, шапсуги, кумыки, ногайцы) не получили автономии, но, пожалуй, самым болезненным историческим опытом для кавказских народов **явились депортации 1943–1944 гг.** После реабилитации в 1957 г. автономии депортированных народов восстанавливались, однако не в прежних границах. Произошел обмен территориями и населением между Грузией, Ставрополем, Дагестаном, Чечней, Ингушетией, Северной Осетией. Кабардинская АССР преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР, создана объединенная Карачаево-Черкесская АССР.

Но в общественном мнении депортированных народов долгое время было распространено убеждение о неполной территориальной реабилитации, что в постсоветскую эпоху спровоцировало этнотерриториальные проблемы и конфликты.

Советская модернизация кардинально изменила регион. Процессы секуляризации и публичного забвения религиозных традиций привели к тому, что за несколько десятилетий местные сообщества по своему характеру превратились в светские

и в значительной мере урбанизированные и европеизированные, а религиозные представления поддерживались лишь силой традиции. Изменилась социальная структура кавказских сообществ за годы советского строительства, вырос уровень образования, а территориальные социумы стали полиэтничными и поликонфессиональными. Впрочем, необходимо заметить, что и в досоветскую эпоху культурный ландшафт Северного Кавказа был весьма сложным. Помимо горских культурных групп, традиционно исповедовавших ислам, в регионе проживало значительное количество христиан/православных, к которым относились не только терское и кубанское казачество, но и большая часть осетин. Калмыки являлись единственным народом Европы, исповедовавшим буддизм, а в городах формировались поликультурные и поликонфессиональные сообщества, где соседствовали представители большого количества этнических групп и конфессий. Урбанизация региона началась в XIX–XX вв. и сопровождалась активным притоком иноэтничных мигрантов, особенно русского населения, но также и представителей других национальностей.

Казалось, что советская модернизация навсегда изменила облик местных сообществ, но крах Советского Союза, переход к рыночной экономике и конкурентной политической системе способствовали возрождению влияния местных территориальных групп – джамаатов, а «этнический ренессанс» 1990-х гг. привел к религиозному возрождению и стремительному росту влияния исламских институтов. Этот процесс сопровождался целым рядом острых конфликтов, в числе которых, в первую очередь, две чеченские войны, требующие особого внимания, поскольку они стали коллективной травмой как для чеченского, так и для российского общества в целом. Причины этого конфликта, конечно, являлись предметом анализа серьезных исследователей¹⁴⁹, но он, так же как и другие аналогичные этнополитические явления, включая осетино-ингушские столкновения из-за Пригородного района Осетии, дагестано-чеченское вооруженное противостояние в 1999 г. или кабардино-балкарское противостояние 1992 г. из-за статуса кабардинских и балкарских территорий в составе

¹⁴⁹ Тишков, В. А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. – Москва: Наука, 2003.

республики, хотя и стали объектами пристального изучения¹⁵⁰, требуют дальнейшего осмысления и, безусловно, их последствия должны приниматься во внимание при построении региональных моделей этнополитики. Не меньшее внимание должно быть обращено и на факторы, способствующие сохранению внутренней напряженности в северокавказских регионах¹⁵¹.

Конфликты и рост исламского радикализма привели к массовому оттоку русского населения из северокавказских республик и представителей многих других этнических групп. Сегодня Ингушетия и Чеченская республика превратились, по сути, в этнически однородные территории, поскольку доля иноэтничного населения, проживающего на их территориях, мала и продолжает сокращаться.

Исламское возрождение конца XX столетия способствовало формированию совершенно иного культурного ландшафта региона и появлению новой политической повестки для региональных властей – необходимости борьбы с религиозным экстремизмом и радикальным исламом. Данные события способствовали тому, что Северный Кавказ в сознании российских обывателей и оценках экспертов стал восприниматься как самый проблемный регион РФ.

Если на рубеже 1980–1990-х гг. эксперты начали говорить об «этническом ренессансе», «взрыве этничности», то на Северном Кавказе подлинно взрывной характер приобрела исламизация всех сторон жизни региональных сообществ, которая резко изменила образ жизни населения, систему ценностей, региональную политику и создала условия для культурной гомогенизации республиканских сообществ. В условиях роста влияния религии и исламского духовенства светская власть для того, чтобы быть легитимной, не только должна была проявлять лояльность по отношению к верующим и религиозным авторитетам, но ей необходимо добиваться поддержки этих самых ав-

¹⁵⁰ Гончаров, Р. И. Процесс дезэскалации региональных межэтнических конфликтов на Северном Кавказе (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Краснодар, 2009; Соколов, Д. В., Стародубовская, И. В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – Москва: ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2015.

¹⁵¹ Фролов, М. Г. Терроризм в Северо-Кавказском федеральном округе: криминологическая характеристика и детерминанты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2017. – № 4. – С. 110–116.

торитетов. Возникла и стала обостряться конкуренция между старым духовенством и новыми религиозными деятелями, которые получили религиозное образование в медресе и исламских университетах Ближнего Востока. Особенно показательно то, что молодежь в республиках Северного Кавказа в подавляющем большинстве восприняла идеи ислама и считает себя истинными мусульманами. При этом важен не сам факт обращения к религии, а то, что многие молодые люди симпатизируют радикальным исламистам. «Молодежь из национальных республик еще с конца 1980-х гг. бесконтрольно выезжала за рубеж, попадая там под влияние религиозных экстремистов и спецслужб. Назад возвращались (и до сих пор возвращаются) идеологи и пропагандисты ваххабизма, будущие руководители и участники бандформирований»¹⁵². Именно из числа тех, кто получил религиозное образование на Ближнем Востоке, сформировался новый корпус исламских проповедников, который не только конфликтовал со старым духовенством, но и пользовался активной поддержкой молодежи. Более того, именно эти проповедники начали борьбу за право духовной власти над умами представителей различных социальных групп населения в северокавказских республиках, но в первую очередь молодежи. И в этой борьбе перевес оказался на их стороне – для многих молодых людей имамы мечетей, получивших образование за рубежом, являются единственными и непререкаемыми авторитетами, указаниям и проповедям которых они верят беспрекословно. Политики и светские лидеры, родители, ученые, деятели культуры не могут конкурировать с религиозными авторитетами по степени влияния на умы молодых мусульман, хотя расширяющееся информационное пространство и активный межкультурный диалог могут и должны служить инструментами, с помощью которых религиозные и гражданские представления молодежи будут сбалансированы. При этом и в Поволжье, и на Кавказе «все сильнее ощущается влияние относительно нового (для России) течения в исламе – салафизма (известного как неоваххабизм). Салафитские имамы, алимы все активнее вторгаются в личностное пространство

¹⁵² Иванников, И. А. Национальный вопрос на Северном Кавказе в начале XXI века: проблемы оптимизации // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: сборник тезисов и выступлений на Международной научно-практической конференции 29–30 сентября 2006 г. – Ростов-на-Дону–Горячий ключ: Изд-во СКАГС, 2006. – С. 44.

простых людей – обывателей, «захватывают» умы. Салафитские религиозные деятели наделяются в глазах своих ближайших сподвижников выдающимися, нередко харизматическими качествами, создают собственные общины на религиозной основе (джамааты). Эти общины отличаются высоким уровнем организованности и сплоченности»¹⁵³. Религиозные лидеры имеют своих учеников-мюридов в правоохранительных органах, диктуют местным сообществам нормы поведения и образ жизни, иногда отрицая традиции светской жизни (хотя Россия, по Конституции, является светским государством), принципы толерантности и права человека, включая право на культурную свободу.

Но эксперты обращают внимание на то, что вне поля влияния и внимания местных и федеральных властей оказались религиозные учебные заведения, которые играют важную роль в образовательных процессах на Северном Кавказе. Они указывают, что «было бы уместно разработать и реализовать систему мер, направленных на совершенствование учебного процесса в религиозных учебных заведениях <...>, обеспечить строгое соответствие учебных программ государственным образовательным стандартам, чтобы исключить возможность привлечения к образовательному процессу радикально настроенных преподавателей. Исламские университеты должны стать координирующими центрами исламского религиозного образования»¹⁵⁴.

Человек на Северном Кавказе к началу XXI в. стал не вправе выбирать себе сам ни внешний облик, ни нормы повседневной жизни – он становится заложником религиозных норм и традиций (а точнее, их толкований местными религиозными авторитетами) и диктата культурных/конфессиональных групп (хотя не везде ситуация так однозначна). Доминирующим вектором развития дагестанского, ингушского и других северокавказских обществ становится их архаизация. Например, на людей, приходящих загорать на махачкалинские пляжи, неоднократно совершались нападения, женщин, одетых не по шариату, в Чечне

¹⁵³ Зинев, С. Н. Детерминанты конфликтогенности: личный фактор // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Сборник тезисов и выступлений на международной научно-практической конференции 29–30 сентября 2006 г. – Ростов-на-Дону–Горячий ключ: Изд-во СКАГС, 2006. – С. 61.

¹⁵⁴ Абакаров, Р. И., Адиев, А. З. Республика Дагестан // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / под ред.: В. Тишкова и В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 237.

и Дагестане обливали краской, ларьки и магазины торговцев алкоголем поджигали, хотя в последние годы эти крайние проявления культурной нетерпимости практически прекратились и надо признать, что местные сообщества становятся более терпимыми и открытыми. Но тем не менее поощряется исламская женская мода, возрождается исламский банкинг, запрещены игорные дома и сауны, наложен негласный запрет на выступления ряда эстрадных артистов.

Хотя муллы и имамы в предыдущие годы все активнее вмешивались в дела местных администраций, время показало, что религиозные авторитеты были не в силах решить острые проблемы региона как на местном, так и региональном уровнях, а именно: безработицу, малоземелье, коррупцию в местных органах власти, снижение уровня бедности, повышения доходов населения. Острый характер местных проблем, медленные темпы обновления региональных сообществ вынуждают молодежь массово покидать свои родные места и перебираться в более благополучные регионы, где принципиально иная культурная среда, которая прямо или косвенно оказывает влияние на их жизненные позиции. Со своей стороны федеральные власти предпринимают усилия с целью ускорить социально-экономическое развитие северокавказских регионов, интегрировать их производственные мощности в широкие кооперационные связи, вовлечь местный бизнес в крупные проекты, изменить саму структуру региональных производственных комплексов.

Оказалось, что светская власть имеет достаточно ресурсов для влияния на ситуацию в регионе и последовательной стабилизации социально-экономической ситуации, изменения вектора общественных настроений.

Тем не менее Северокавказский регион не стал еще зоной стабильности и в целом остается проблемным регионом.

Но при этом практика региональной государственной национальной политики на Северном Кавказе не является сугубо специфической. *Здесь стоит особо отметить, что идеологически ситуация в республиках Поволжья, Европейского Севера и Сибири во многом сходна с методами реализации государственной национальной политики в республиках Северного Кавказа, где исследователями фиксируется очевидная конкуренция между этничностью и гражданством и если в документах, определяющих политику идентичности, соотношение общерос-*

сийских и этнокультурных компонентов сбалансировано, то в реальных практиках реализации этой политики во всех пяти северокавказских республиках (по мнению экспертов) наблюдается очевидный приоритет этнокультурной идентичности¹⁵⁵, а говоря иными словами – крен в сторону этнического национализма.

Исследователи вполне обоснованно выражают опасения по поводу того, что практики гражданской интеграции в республиканских социумах, пропаганда единства российской нации и сам процесс нациестроительства в регионах Северного Кавказа носят односторонний характер: «На уровне субъектов федерации СКФО сохраняется убежденность, что главной целью национальной политики в регионе должна стать не гражданская интеграция, а развитие этнокультурного многообразия. Могут возникать сложности в укреплении единого многонационального государства и обеспечении этнополитической стабильности. В современных условиях в дихотомии общероссийского и этнического необходимо сделать выраженный акцент на укрепление общероссийской идентичности. Это тем более важно, что как минимум четверть века после распада СССР приоритетным в регионе было этнокультурное развитие, в результате чего этничность "пронизала" все сферы общественной жизни, заняла в жизни регионального социума непропорционально большое для современных обществ место»¹⁵⁶.

О слабой интегрированности населения северокавказских республик в российскую политическую нацию, приоритете региональной и конфессиональной идентичности над общероссийской свидетельствуют и другие исследования, результаты которых фиксируют существенные политические риски, до сих пор имеющие место в указанных регионах¹⁵⁷.

Причем стоит заметить, что еще десять лет назад, т. е. в 2014 г., когда был проведен опрос студенческой молодежи в Приволжском, Южном и Северо-Кавказском федеральных

¹⁵⁵ Авксентьев, В., Аксюмов, Б., Гриценко, Г., Иванова, С., Шульга, М. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18, № 1.

¹⁵⁶ Там же. – С. 76–77.

¹⁵⁷ Адиев, А. З., Байжанова, Э. К., Щербина, Е. А. Российская гражданская нация // Гуманитарий юга России. – 2022. – Т. 11 (53), № 1. – С.119–132.

округах и Москве, было выявлено, что «среди северокавказской молодежи популярность гражданской идентичности ("мы – граждане России", 39 %) практически равна этническому и профессиональному самоопределению. Более чем в других регионах, среди молодежи Северного Кавказа популярна идея солидарности с людьми тех же традиций и обычаев (22 против 13 % в Москве), и одновременно меньше всего солидарность с носителями русской культуры (4 % против 19 % в соседнем ЮФО)»¹⁵⁸.

Прямым доказательством существующих рисков стали события в Дагестане, а точнее – террористические акты, совершенные в Махачкале и Дербенте 23 июня 2004 г. Нападение на церковь Покрова Пресвятой Богородицы и убийство священника, поджог синагоги Келе-Нумаз и планировавшееся нападение на шиитскую мечеть говорит о том, что воинствующий исламский фундаментализм глубоко пустил корни в Дагестане, а его сторонники выступают против межнационального и особенно межконфессионального мира в республике, причем имеют достаточно ресурсов для организации подрывной деятельности. Правда, эти же события показали, что в Дагестане есть силы, способные противостоять террористам.

Тем не менее приходится признать, что в Дагестане, где много веков в своих храмах спокойно молились мусульмане, христиане и иудеи, главный удар воинствующего подполья сегодня направлен против межконфессионального согласия, поскольку этническое многообразие региона есть настолько очевидная данность (исторически здесь сформировались и совместно проживают несколько десятков культурно-языковых сообществ и групп), а потому покушаться на него бесперспективно.

Но важно также и то, что теракты и некоторые другие события, показали недостаточную эффективность как региональной политики памяти, так и слабость республиканской модели политики идентичности. А исторический фундамент для построения как доктринальных основ политики памяти и политики идентичности, так и практик их внедрения в публичное пространство республики, здесь весьма основателен, поскольку Дербент – один из самых древних городов России и два тысячелетия развивался как культурный перекресток Кавказа, при

¹⁵⁸ Концепция воспитания гражданской идентичности российской молодежи / кол. авторов; под ред.: В. А. Тишков, А. Я. Данилюк. – Пермь: ИЭА РАН, 2015. – С. 12.

этом впервые в состав России он вошел еще в 1722 г. (окончательно – в 1806 г.), Махачкала же вообще возникла как русское укрепленное поселение в 1844 г., а потому и соответственно называлось – Петровское укрепление, а с 1857 г. стало именоваться городом Петровск (считается, что здесь был разбит лагерь во время персидского похода Петра Первого). Вместе с тем, нужно более активно выстраивать не только политику идентичности за счет усиления в ней гражданских начал, но и более эффективно использовать ресурс этнокультурного наследия и региональных культурных традиций. 25 июня, спустя два дня после нападений на православные церкви, синагоги и полицейских в Махачкале и Дербенте, глава Дагестана Сергей Меликов выступил против никаба с точки зрения безопасности, но не согласился с теми, кто считает, что его ношение является проявлением радикального ислама. 3 июля временный запрет был введен. При этом стоит заметить, что во всех странах Центральной Азии существуют запреты и ограничения на ношения хиджаба и никаба. Более того, даже ношение хиджаба, т. е. платка, закрывающего голову мусульманских женщин, во многих исламских странах не является ни обязательным, ни традиционным, а в арабских странах только в Саудовской Аравии есть строгие правила ношения одежды мусульманами (и не мусульманами). Важно заметить, что названные правила действуют только там, где в основе конституционного строя и системы законодательства лежат шариатские предписания, т. е. в государствах официально объявившими себя исламскими государствами (Иран, Афганистан, Саудовская Аравия). Но при этом даже там раздаются громкие голоса протеста против навязывания норм мусульманского дресс-кода для женщин. В Иране, к примеру, женщинам даже удалось добиться негласного смягчения требований к их внешнему облику, удаления с улиц городов постов полиции нравов, надзиравших за соблюдением шариатских требований к женской одежде, а затем и упразднения самой этой полиции. В странах Магриба нет традиции ношения хиджаба и никаба, хотя в последнее время хиджаб стал более популярен. Для российских мусульман ношение хиджаба, а тем более никаба никогда не было традиционным. И в костюме аварцев, и в общедагестанском, общекавказском типах традиционной одежды не требовалось закрывать лицо женщин. Аварские женщины носили чохто (чепец), или капюшон

с мешком для кос¹⁵⁹. Похожим на головные уборы кавказских женщин был и головной убор татарских женщин (казанских татар). Попытка исказить традицию и объявить никаб и хиджаб **непременным атрибутом одежды российских мусульман есть стремление «арабизировать» Северный Кавказ, сформировать новые культурные границы между его населением и населением России, подорвать цивилизационный код мусульман Северного Кавказа (и Поволжья), а в политическом плане – это попытка начать эрозию конституционного строя северокавказских республик, их светского характера, а в перспективе и раскатать цивилизационные основы российского общества в целом.**

В том, что между ношением хиджаба/никаба и идейными позициями человека существует прямая связь, убеждает и скандальный случай в школе № 33 г. Нальчика, где на торжественном собрании в честь выпускников мамы в хиджабах не встали во время исполнения гимна России, хотя почти весь зал слушал гимн стоя¹⁶⁰.

Не случайно, что в целом ряде стран Европы на общегосударственном уровне существуют запреты на ношение никаба, хиджаба и паранджи в публичных местах, что объясняется как борьбой за права женщин, так и угрозой терроризма (паранджу и хиджаб активно использовали террористы не только в Европе, но и странах Азии, Африки). Однако схожие ограничения введены (или их пытаются ввести) во всех странах Центральной Азии, где полностью преобладает мусульманское население и где уже убедились, что под исламскими лозунгами и религиозными символами может успешно формироваться антигосударственная фронда. При этом стоит заметить, что особенно жестко и последовательно против ношения и хиджаба, и никаба выступают власти Узбекистана.

Первыми опасность символической оппозиции гражданскому обществу, которое пытаются продемонстрировать с помощью хиджаба, заметили французские интеллектуалы, которые стали обращать на это явление внимание с конца 1980-х гг., что позд-

¹⁵⁹ Исмаммагомедов, А. И., Сергеева, Г. А. Аварцы // Народы и религии мира: энциклопедия/гл. ред. В. А. Тишков. – Москва: Большая российская энциклопедия, 1998. – С.22

¹⁶⁰ Скандал на выпускном в Нальчике. Кто отказался встать во время гимна в России. – URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/skandal-na-vypusknom-v-nalchike/?ysclid=lycpn7rd1f735737152> (дата обращения: 15.05. 2024).

нее вылилось в острую общенациональную дискуссию. Именно по этой причине во Франции в 2000 г. от имени пяти мусульманских объединений, пяти региональных мечетей и десяти известных в стране исламских деятелей была подписана «Декларация о принципах отправления мусульманского культа во Франции», провозгласившая лояльность основным республиканским принципам, являющихся основой французского общества со времен Великой французской революции 1789 г., а также соблюдение прав человека, равенства между полами, свободы убеждений¹⁶¹.

А в 2004 г. во Французской республике принят так называемый «Закон о платках» (*“La loi sur le voile”*), который запрещал ношение хиджаба, еврейской кипы и больших нательных христианских крестов в государственных школах. Примеру Франции последовали и еще четыре страны ЕС и Швейцария (другие ввели локальные ограничения), а в марте 2017 г. Европейский суд юстиции в Люксембурге подтвердил право работодателей вводить правила, запрещающие служащим носить на работе хиджабы и другие «видимые символы религиозной принадлежности».

Обобщая все вышесказанное, необходимо заметить, что в российских регионах, как правило, нет доктринально оформленной ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ и ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ, а политические практики пока недостаточно эффективны в деле укрепления общероссийского единства. Это единство пытаются строить, опираясь на культурные традиции титульных этнических групп (как в Якутии), что не может дать желаемого результата. Нужна активная разработка новых гражданских ритуалов и символов, с помощью которых история станет зримой, выйдет на улицу (как это произошло с народной инициативой «Бессмертный полк») и станет вовлекать широкие массы людей в познание прошлого (которое в большинстве своем люди знают плохо, как выяснилось в ходе исследований). Через визуализацию истории и выхода исторических личностей, исторических событий в публичное пространство, через сопричастность широких масс населения к эмоционально насыщенным публичным акциям можно и нужно формировать понимание того, что все россияне есть единое сообщество, ставшее таковым еще на заре российской государственности, о чем будет сказано в последующих главах.

¹⁶¹ Филиппова, Е. Территории идентичности в современной Франции. – Москва: ИЭА РАН, 2010. – С. 146–147.

Глава 3. Политические/этнополитические взгляды периферийной молодежи как рефлексия опыта российской интеграции

Масштабные и порой драматичные процессы последних лет, последствия которых коснулись так или иначе большинства стран мира, не могли не сказаться на общественных настроениях, в том числе и на настроениях российской молодежи, особенно периферийной. О них достаточно очевидно свидетельствуют результаты массового опроса студентов, осуществленного в 2022 г., на которые мы опираемся в своих умозаключениях. Очевидно, что пандемия коронавируса, специальная военная операция на Украине объективно создали условия, когда степень тревожности в обществе возросла, а проблемы личного карьерного роста и семейного планирования усложнились.

Однако, помимо общего социально-политического фона, на формирование общественных настроений оказывают заметное влияние и локальные проблемы, особенно те из них, которые создают угрозы для благополучия местных сообществ и вызывают фрустрации как на уровне индивидуальных настроений, так и на уровне коллективных ожиданий и тревог.

Стоит заметить, что проблемы, с которыми сталкиваются сегодня местные и региональные сообщества и их члены, очень разные: для одних – это личная неустроенность и отсутствие перспектив решить проблемы материального обеспечения и семейного благополучия в местах постоянного проживания, для других – низкий уровень развития социальной инфраструктуры в его городе, поселке, селе, для третьих – это положение той этнической группы (ее языка и культуры), к которой человек себя относит, для четвертых – отсутствие перспектив карьерного роста и необходимой среды для приложения способностей и профессиональных навыков и т. д. Конечно, как показали предыдущие исследования, одной из самых ключевых проблем являются низкие доходы населения на российской периферии, невысокие темпы модернизации производственной и социальной сферы,

что порождает неудовлетворенность уровнем материального благополучия граждан, критические оценки состояния социального сервиса и особенно медицинского обслуживания населения, порождает недовольство имеющим место дефицитом качественных и современных рабочих мест, наличие которых в принципе могло бы решить многие местные проблемы. *Заметим, что дефицит высококачественных рабочих мест, низкие темпы промышленной и социальной модернизации, отсутствие масштабных инноваций резко ограничивают на российской периферии пространство для социальной мобильности молодежи и представителей креативного класса, вынуждают их искать сферу приложения своих компетенций за пределами периферийных регионов.*

Кроме того, уровень и темпы развития здравоохранения и социального сервиса в целом явно отстают от нынешних потребностей людей, а также не способствуют реализации их семейных планов. В некоторых регионах и особенно на селе состояние рынка труда, социального сервиса и медицины вообще не выдерживает критики. Местный бизнес, несмотря на имеющиеся официальные программы поддержки, на деле испытывает сложности с кредитованием, но особенно с организацией производств, логистикой, сбытом продукции и не случайно почти повсеместно в последние годы наблюдается тенденция к сокращению численности и доли в региональном ВРП малых и средних предприятий частного сектора, хотя Приволжский федеральный округ находится на втором месте после Центрального по численности предприятий МСБ. Но важна не численность, а условия ведения бизнеса, динамика и характер его развития, т. е. благоприятная бизнес-среда, которая есть далеко не везде, несмотря на последовательную поддержку со стороны государства малых и средних предпринимателей.

Имея представления о социально-экономических процессах, происходящих в регионах, которые были выбраны для проведения исследования, мы тем не менее не могли обойти вниманием эти процессы и продолжали их исследовать в режиме мониторинга, хотя для нас была важна прежде всего общая направленность этих процессов. В ходе исследований мы, естественно, вынуждены обращать внимание на экономическую, социальную и политическую конкретику. Но в любом случае указанные процессы являются базовой основой для обобщений, связанных

с анализом этнополитической проблематики, которые мы делаем, привлекая материалы как собственных исследований, так и сходных экспериментальных проектов, обобщая результаты многолетних исследований, проводившихся в разных регионах страны и прежде всего в тех, где мы сами осуществляли исследования. Логика нашего подхода становится очевидной из приведенного ниже описания социально-экономической динамики, характерной для развития большинства периферийных регионов РФ.

Проблемы регионального развития и их влияние на социальные процессы

Наше внимание сосредоточено на ситуации, которая складывается на европейском севере РФ и в регионах Поволжья. Здесь в каждом случае есть своя специфика, но вместе с тем существует комплекс проблем, которые носят не локальный, а общий характер. И на них необходимо обратить внимание в первую очередь.

Смена общественного строя и переход к рыночным отношениям разрушили экономическую основу индустриальных городов и поселков (горнопромышленных и лесных) Европейского Севера и практически всех аграрных предприятий, созданных в годы существования СССР, потому что в советские годы местные предприятия были нацелены не на организацию рентабельного производства, а на увеличение добычи стратегически значимого сырья, а также на производство потребительской продукции, основанное на экстенсивных методах ведения хозяйствования.

Многие шахты, рудники, предприятия стали глубоко убыточными и закрылись после краха советской экономической модели, а вместе с ними были ликвидированы и связанные с ними поселки. Сегодня, к примеру, в Воркуте из 11 шахт осталось только четыре, и всего три поселка (раньше при каждой шахте и крупном предприятии был свой поселок). Население современной Воркуты (вместе с поселками), по официальным данным (которые неточны), составляет лишь 45 тыс. чел. (оценка на 2024 г., т. е. по сравнению с 1989 г. оно сократилось вчетверо). В городе тысячи пустующих квартир и не случайно у самих нынешних воркутинцев в большинстве своем сложился единый образ города – «умирающий город». Данный маркер присутствовал в отве-

тах многих воркутинцев, которые мы получили в ходе структурированных интервью в 2017 г. Закрыты не только большинство шахт и обогатительных фабрик, но и многие другие предприятия, а потому воркутинская периферия, как и во многих других городах Севера, превращена в «ржавый пояс». Собственники крупных предприятий, таких как Фосагро, Норникель, Северсталь, не всегда являются представителями социально ответственного бизнеса и не вкладывают необходимых средств в модернизацию производств, социальное развитие городов и поселков, где размещаются их производственные активы, а пытаются ограничивать рост заработных плат за счет активного привлечения гастарбайтеров и иных схем, что ведет к росту скрытого недовольства и стимулирует деградацию северных городов, отток населения за пределы региона.

Прежняя позитивная идентичность, характерная для жителей многих некогда процветавших северных городов, во многих случаях утрачена и вместо позитивной идентичности, имевшей место, к примеру, у населения Воркуты и воспринимавшейся в 1960–1970-е гг. как процветающий шахтерский город, у воркутинцев теперь преобладает негативная идентичность, восприятие себя как «заложников умирающего города». Маркер «умирающий город» не есть какое-то локальное явление – он стал уже неким культурным клише, присутствующим в различных интернет-ресурсах, где есть целые тематические подборки: «Города-призраки Мурманской области», «Мертвые города на Кольском полуострове», «Умирающая Карелия: заброшенные заводы и поселки в объективе фотокамеры», «Вымирание малых городов Карелии: причины и следствия», «Архангельск. Умирающий край лесорубов».

Но более показательны сами письма горожан, опубликованные в Сети. Изучение подобных свидетельств теперь принято не очень корректно называть «методом цифрового следа» (хотя многие следы/сайты уничтожаются или быстро перестают существовать). Мы же полагаем, что здесь важно иметь в виду то, что подобные материалы есть прямые, неспровоцированные **авторские свидетельства**, ориентированные на оценку различных социальных и культурных явлений.

Многочисленные свидетельства о жизни в современной Воркуте можно найти на различных интернет-ресурсах. Сошлемся на типичный по содержанию материал из Яндекса, раз-

мещенный на популярной платформе Дзен: «Воркута, которую строили сталинские ээки и куда потом ехали за хорошими заработками со всего СССР, умирает. Жилье в городе и соседних поселках стоит так дешево, а коммуналка так дорого, что проще подарить квартиру кому-нибудь, чем найти покупателя. У муниципалитета скопилось около 5 тысяч пустующих квартир. Ежегодно отсюда уезжают по 2000 человек, еще 800 умирают, не дождавись эвакуации "на материк"»¹⁶².

В марте 2021 г. учительница из пос. Амдерма, который в советские годы процветал и его называли «Воротами в Арктику», воспользовавшись школьным компьютером, выложила в Сети «Письмо к Путину», процитированное агентством «Эхо Севера»: «Пишу с поселка Амдерма, НАО, который находится на Крайнем Севере у Карского моря. Несмотря на то, что посёлок находится в живописном месте, зрелище здесь не очень приятное. Кругом заброшенные, ветхие дома, некоторые вот-вот обрушатся. У берега много мусора бытового и габаритного железа. Хорошие люди здесь живут, но не везёт им с избранными главами, которые работают только в своё благо. А точнее не работают, а делают вид, что работают, и набивают карманы.

Народ не слышат и слышать не хотят. На каждое обращение дают обещания и решать их даже не собираются. Приехала на север подзаработать на квартиру, но все заработанные деньги уходят на еду и оплату некачественных ЖКУ. В магазинах очень большие наценки, много просрочки. ЖКУ оставляют желать лучшего.

Качество воды очень плохое, с песком, фильтры быстро выходят из строя. У многих поэтому проблемы с почками. Часто промерзает вода, канализация в домах. Все старое. Трубы проржавевшие. Если менять, то капитально, от и до, везде, но какой смысл, если дома с высоким процентом износа? Многие в аварийном состоянии. Порой ночами спать невозможно. Стоит ужасный треск в стенах и хлопки на потолке, обои в углах комнат рвутся на глазах из-за разрывов стен. Квартиры холодные. Крысы. В некоторых клопы да тараканы...»¹⁶³.

¹⁶² Деминтиевский, И. Что не так с Воркутой? Люди стараются любой ценой покинуть этот город. – URL: <https://dzen.ru/a/YMMG9aNjnEBDoFV1> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁶³ На столе у Путина / ИА «Эхо Севера». – URL: <https://www.echosevera.ru/2021/03/02/603df198eac912c14110d3a3.html> (дата обращения: 01.02.2024).

В некогда процветавших индустриальных городах и поселках Европейского Севера достаточно много визуальных свидетельств их упадка и существуют свои «ржавые пояса». В Кировске на Кольском полуострове местный архитектурный шедевр – железнодорожный вокзал – превратился в руины, а в районе Кукисвумчорр улицы сталинских домов стоят в запустении. В Мончегорске также закрыто много предприятий, успешно работавших в советские годы: обувная фабрика, пивзавод, хлебозавод, молочный завод, завод колбасных изделий. На территории вокруг главного предприятия – комбината «Североникель» – множество заброшенных зданий и сооружений, недавно закрыт еще и металлургический цех. По периферии города встречаются и заброшенные жилые здания. Свой «ржавый пояс» есть сегодня во многих промышленных городах Российского севера, за исключением нескольких процветающих нефтяных городов Тюменского севера. Однако даже в тех городах нефтяников и газовиков, где социально-экономическая ситуация благоприятна, уровень заработной платы в основных отраслях региональной экономики высок, социокультурные процессы не вызывают большого оптимизма, так как здесь высока миграционная подвижность населения, а проблема устойчивого развития городов не решена, свидетельством чему является тот факт, что значительная часть молодежи даже в благополучных северных городах стремится покинуть их после окончания школы, что, в частности, показали доклады и дискуссии, имевшие место на международной научно-практической конференции «Ямальские гуманитарные чтения. Человек в Арктике», состоявшейся в Салехарде 16–17 декабря 2021 г.

В пос. Никель закрылись и рудник, и металлургический завод, а в г. Ковдор одно из двух градообразующих предприятий, занимавшихся горными работами, в 2012 г. обанкротилось и прекратило существование, а в самом городе – сложная социальная ситуация, поскольку Ковдорский ГОК, чтобы не повышать заработную плату постоянным работникам стал нанимать вахтовиков. То же самое можно сказать и о Кировске, куда «ФосАгро» привлекает гастарбайтеров из Белоруссии и Казахстана. В Воркуте в последние несколько лет наблюдается приток горняков из Украины (с шахт Донбасса) и Киргизии, что провоцирует недовольство местных шахтеров, поскольку объединение «Воркутауголь» получило возможность не повышать заработную плату

горнякам. Более того, меняется и этнокультурный состав населения. В Воркуте, по словам местного муфтия Махмуда Магомедова, до четверти жителей – приезжие мусульмане, и именно они, по его мнению, могут спасти город от полной деградации¹⁶⁴.

В Карелии утрачивает значение столица Беломоро-Балтийского канала г. Беломорск (основан в 1419 г.), где, собственно, и начинается этот канал, являвшийся первой крупной советской стройкой (хотя недавно появились некоторые обнадёживающие признаки его возможного оживления). Здесь прекратил существование траловый флот и закрылся местный порт, и город теперь выполняет лишь административные функции как центр района. В Архангельской области примерно аналогичная ситуация в одном из старых ее городов – Мезени, где практически нет производств, а некогда процветавшее за счет рыбной ловли и «зверобойки» население лишено возможностей заниматься традиционными промыслами. Да и столица Архангельской области, претендующая на роль центра освоения Российской Арктики, из-за многочисленных социальных проблем и самого культурного ландшафта города маркируется горожанами с помощью его современного фольклорного наименования: «Город доски, трески и тоски». Само это название символично и говорит о проблемном характере городского развития, а потому не случайно, что многие жители покидают город. Впрочем, имевшие место прежде «столичные амбиции» ряда крупных северных городов, на наш взгляд, утрачивают актуальность в силу многочисленных местных проблем и этот символический ресурс все больше монополизирует Мурманск, где прекратилось падение численности населения и появились новые перспективы из-за строительства верфи в Белокаменке и нового угольного порта. Появились вполне осязаемые перспективы развития и у Архангельска, где планируется сформировать некий производственный кластер – архангельскую агломерацию. Но население, как правило, достаточно плохо осведомлено о перспективах развития своих территорий, о чем свидетельствуют результаты многолетних социологических исследований.

¹⁶⁴ Шабаев, Ю., Жеребцов, И., Лабунова, О. Антропология заполярного города: идентичность, ментальная карта и меняющиеся образы Воркуты // Антропология города. Вып. 2. Северный город: Культурное пространство и идентичности в арктических и субарктических городах. – Москва–Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. – С. 43.

В 2010 г. мы провели опрос жителей трех региональных центров европейского севера – Мурманска, Архангельска и Сыктывкара. По результатам этого опроса, выяснилось, что 51,4 % молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет намереваются покинуть города, где они выросли¹⁶⁵. Динамика сокращения населения северных городов и поселков свидетельствует о том, что миграционные настроения молодежи, которые были зафиксированы в конце первого десятилетия XXI в., реализовались на практике (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения городов и поселков Арктической зоны и Субарктики (по данным переписей населения и текущей статистики)

Типы городских поселений	Год высшей численности	Численность населения, тыс. чел	Численность населения в 2021 г., тыс. чел.	% к высшей численности
г. Мурманск	1991	473 000	307 723	65,1
пос. Умба	1989	8309	4387	52,8
г. Мончегорск	1989	68 652	40 675	59,2
г. Кировск	1967	46 000	25 655	55,8
г. Кандалакша	1992	54 200	29 750	54,9
г. Беломорск	1989	19 000	9036	47,6
г. Архангельск	1992	415 921	348 716	83,8
г. Мезень	1989	5100	3161	62,0
пос. Амдерма	1989	5495	300	5,4
г. Воркута	1989	216 176	70 594	32,7
г. Инта	1992	60 700	23 701	39,0
г. Нарьян-Мар	2020	25151	23 399	93,0

В табл. 1 намеренно представлены разные типы городских поселений: региональные центры, промышленные города и поселки, возникшие в эпоху «социалистической индустриализации», исторические города. Ситуация в других городах (за редкими исключениями) во многом такая же, о чем свидетельствуют материалы переписей населения, показывающие высокие темпы сокращения населения в регионах европейского севера. Так, в Карелии в 2021 г. численность населения составила лишь 67,4 % от численности, зафиксированной в переписи 1989 г.,

¹⁶⁵ Шабанов Ю. П. Климатное пространство. Северо-Запад // Авторская коллекция «Социальные перемены». – Москва: РГГУ, 2011. – С. 483.

в Мурманской области – 57,3; в Коми – 58,5; в Архангельской области – 65; в НАО – 75,5; в Вологодской области – 84,4 %. При этом городское население на европейском севере сокращается в последние годы более активно нежели сельское, а основным мотивом оттока населения является то, что по совокупности экономических показателей (доходы и расходы семей, порядок цен, закредитованность населения и т. д.) среднестатистический житель европейского севера оказывается менее обеспеченным нежели среднестатистический россиянин¹⁶⁶. Для сравнения заметим, что численность населения Псковской области в 2021 г. составила 73,3 % от уровня 1989 г., а в Новгородской – 77,5. Здесь очевиден отток в Санкт-Петербург и Ленинградскую область, ибо за указанный период численность населения Северной столицы возросла на 580 тыс. чел., а Ленинградской области – на 200 тыс. Но сюда же направляются потоки мигрантов и из других регионов СЗФО, а отчасти и многих других российских регионов. Впрочем, из регионов массового исхода населения потоки мигрантов только отчасти направляются в Ленинградскую область и Санкт-Петербург, ибо достаточно много людей уезжают в центральные области (Белгородскую и Ростовскую области, Краснодарский и Ставропольский края область и, конечно, в Москву), где зарплата существенно выше, чем в других регионах, а меры социальной поддержки населения совершенно не сравнимы с тем, что имеет место быть на периферии. Падение численности населения регионов СЗФО связано и с естественной убылью, которая увеличивается, а в условиях пандемии коронавируса значительно выросла. Состояние здоровья населения во многих регионах также вызывает опасения, но очевидно, что общественное здоровье зависит как от качества предоставляемых медицинских услуг, так и от уровня благосостояния населения.

Доля молодежи сокращается довольно быстрыми темпами в большинстве регионов, но особенно существенно на европейском севере РФ. Этот процесс охватил всю страну: «Сейчас молодые люди в возрасте 20–29 лет составляют всего 10,5 % населения РФ, тогда как в 2010 году их насчитали 16,9 %. При этом доля россиян в возрасте 30–39 лет со времени предыдущей переписи увеличилась с 14,8 % до 16,8 %.

¹⁶⁶ Шабаев, Ю. П., Подоплекин, А. О. Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ // ПОЛИТЭКС. – 2017. – № 1. – С. 103–122.

Заметно снизилась численность населения трудоспособного возраста – с 66,6 % до 59,4 %. Причем статистику "испортила" именно молодежь: в группе 15–34 года показатель ухудшился на 6,5 %, тогда как в группе 35–60 лет – всего на 0,6 %. В 2021 году количество молодых людей трудоспособного возраста составило всего 24 % против 30,5 % в 2010 году»¹⁶⁷.

По регионам демографическая ситуация европейского севера и Поволжья во многом сходная и неблагоприятная. Так, в Карелии доля молодежи в последние десятилетия стабильно сокращалась и в 2022 г. молодые люди в возрасте 15–29 лет составляли 14,8 % населения республики¹⁶⁸. В Архангельской области отток молодежи также стабилен и имеет тенденцию к увеличению, особенно возрастая в начале лета, когда старшеклассники заканчивают школу. Специалисты предрекают региону в ближайшее время острый кадровый голод, а такая отрасль, как сельское хозяйство здесь вообще может перестать существовать или основываться на нескольких крупных предприятиях в зоне влияния крупных городов¹⁶⁹. Аналогичная ситуация и в Республике Коми. В Удмуртии «с 2005 по 2019 г. доля молодежи сократилась с 27,4 % до 18,8 % (14–30 лет). Количество браков сократилось за этот же период с 13,1 до 8,5 тыс., при этом количество разводов выросло до 5,3 тыс. Снизилось желание молодежи иметь двух и более детей на 10 % с 2011 года»¹⁷⁰. В Мордовии в 2020 г. молодежь в возрасте 14–29 лет составляла 17 % населения, при этом республика относится к аграрным регионам, где сельское население в указанном году составляло 36 %¹⁷¹, а на селе, как

¹⁶⁷ Возрастные изменения: подведены предварительные итоги переписи населения. – URL: <https://profile.ru/society/vozzrastnye-izmeneniya-podvedeny-predvaritelnye-itogi-perepisi-naseleniya-1093871/?ysclid=lafawpk> (дата обращения: 21.12.2023).

¹⁶⁸ Республика Карелия в цифрах 2022. Краткий статистический сборник. Официальное издание. – Петрозаводск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиястат), 2022. – С. 21.

¹⁶⁹ Некрасова, Н. А. Молодежная миграция в Архангельской области: оценка перспектив ее влияния на экономику // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2020. – № 1. – URL: [cyberleninka. Ru](http://cyberleninka.ru) (дата обращения: 21.12.2023).

¹⁷⁰ Гаврилов, М. А. Обзор проблематики молодежной политики в Удмуртской Республике. – URL: https://an.yandex.ru/count/WRmejI_zO0e1bGq011XaJMnnLPfcs0K02W8ndJ5nOm00000ukDmCXfFtvZMxPk (дата обращения: 12.12.2023).

¹⁷¹ Мордовия: Стат. ежегодник. Официальное издание. – Саранск: Мордовиястат,

правило, уровень деторождений на одну роженицу существенно выше, нежели в городе. Но при этом все названные республики отличаются высокими темпами миграционной убыли населения в последние 30 лет, в результате чего население быстро стареет и не случайно, к примеру, средний возраст жителей Мордовии достиг в 2020 г. 48,6 лет. Пандемия коронавируса привела к заметному сокращению доли пожилых людей, поскольку это группа населения оказалась самой уязвимой, и, соответственно, доля молодежи в регионах несколько возросла после 2020 г., но общие демографические тенденции остались неизменными, в ближайшие годы стоит ожидать прогрессирующего старения населения в регионах европейского севера и ряде регионов Поволжья, а также и во многих других периферийных регионах страны.

Наиболее сложное положение в аграрной сфере региональной экономики сегодня имеет место на европейском севере РФ, о чем отчасти сказано выше. Но для иллюстрации ситуации сошлемся на данные по Республике Коми, АО и Карелии. Коми за счет собственного производства обеспечивает себя мясом на 38 %, молоком – на 26, яйцами – на 50, картофелем – на 94 и овощами – на 35 %. «У сельского хозяйства в Коми есть четыре основные проблемы. Одна из них – низкая доходность предприятий. Так, без господдержки убыточность производства молока в Коми будет равна 17 %. Вторая проблема – недостаток связей между сельхозпроизводителями и переработчиками, третья – удаленность производств от крупных рынков сбыта, которая усугубляется отсутствием круглогодичных дорог и сезонной распутицей. Основная же проблема – недостаток кадров»¹⁷².

Формальный подход, который демонстрируют региональные чиновники по отношению к развитию местных аграрных комплексов и в особенности поддержки фермерства, привел несколько лет назад к «восстанию» архангельских фермеров против действий местного министра сельского хозяйства Бажановой¹⁷³. Острый конфликт, возникший в отношениях между фермерами и местным минсельхозом, свидетельствует о том, что системной

2021. – С. 51–55.

¹⁷² В Коми доработают концепцию развития агропромышленного комплекса. – URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/151655/> (дата обращения: 12.12.2023).

¹⁷³ Пошла вон. Фермеры Архангельской области восстали против министра АПК Бажановой. – URL: <https://www.echosevera.ru/2021/07/06/60e41ce5eac912fb6ehttp://682d13.html?ysclid=latv2> (дата обращения: 30.01.2024).

и глубоко продуманной работы по развитию регионального АПК в АО не ведется.

Наиболее показательна ситуация в агрокомплексе Карелии, но аналогичные явления имеют место во многих регионах СЗФО. В республике падает уровень производства местных продуктов – в частности, молока, масла, хлеба, колбасных изделий и рыбных консервов<...> снижение составило почти 11 %. Данный вывод содержится в Предварительных итогах социально-экономического развития республики в январе – августе 2021 года... В правительстве указали и причину падения: Такая ситуация обусловлена в основном высокой конкуренцией со стороны более дешевой продукции, завозимой из других регионов, а также снижением потребительского спроса на продукцию местных производителей.

Однако к чему сваливать все на якобы упавший спрос со стороны покупателей, когда местные производители вообще с трудом пробиваются на прилавки федеральных торговых сетей, не могут купить в Карелии сырье для своего производства и сталкиваются с искусственным взвинчиванием цен на него? К этому добавляется еще одно важное обстоятельство, ударившее по производству местных продуктов в республике, – разрушительная политика регионального Минсельхоза, которую начал проводить после своего прихода в Карелию в 2017 г. министр Владимир Лабинов.

Не секрет, что карельские совхозы и фермы, которые дают сырье для изготовления молочных продуктов, много лет получали из республиканского бюджета субсидии на производство сырого молока и другие цели. Это было хорошей поддержкой для хозяйств и позволяло им держаться на плаву, несмотря на рост цен на корма, горючее, электроэнергию и т. п. В Карелии менялись губернаторы и министры, но эта политика сохранялась, независимо от того, государственные ли это совхозы или частные.

Однако в 2019 г. новый министр Владимир Лабинов объявил, что больше не будет давать деньги совхозам «на проедание» и субсидии впредь достанутся только тем, кто работает над развитием. В результате этого решения львиная часть дотаций на производство молока стала перераспределяться в пользу двух малоэффективных государственных совхозов – «Ведлозерского» и «Толвуйского», которые теперь получают ежегодно десятки

и сотни миллионов рублей. Лишившиеся же поддержки частные хозяйства столкнулись с крупными неприятностями.

Первой жертвой решения министра Лабинова стал совхоз «Маяк» в Прионежье...

Не менее болезненно перенесли удар Минсельхоза ООО «Янишполе» и ЗАО «Эссойла» – первое из них сократило поголовье крупного рогатого скота вчетверо, второе – вдвое... Хотя, несмотря на все удары, надои в «Эссойле» остаются выше, чем в совхозе «Ведлозерский», который просто заваливают деньгами... По результатам 2020 г. Карелиястат зафиксировал сокращение в республике всех видов скота, отметив, что темпы снижения увеличились по сравнению с предшествовавшим годом. Если за 2019 год поголовье КРС упало на 4 %, то за 2020 – уже на 10,4 %. При этом поголовье коров уменьшилось за 2019 год на 1,1 %, а в 2020 – уже на 8,7 %. Еще более удручающая картина складывается в свиноводстве. После того, как Владимир Лабинов отказал в помощи свинокомплексу «Кондопожский» и в 2018 г. это предприятие прекратило работу, оставшееся в Карелии мизерное поголовье свиней продолжает снижаться ускоренными темпами. За 2020 год оно, к примеру, упало еще на 38,2 % ...

Обвал в сельском хозяйстве продолжился и в следующем году. «На 1 сентября 2021 г., по оперативным расчетам Карелиястата, поголовье КРС, по сравнению с 1 сентября 2020 г. упало на 11 %, а поголовье свиней сократилось на 14,3 %»¹⁷⁴. В первой половине 2023 г. объем производства сельскохозяйственной продукции в республике по отношению к аналогичному периоду предшествующего года составил 94,2 %¹⁷⁵, а по итогам года оно сократилось на 0,7 %, хотя другие показатели социально-экономического развития выросли, хотя и не значительно¹⁷⁶. И при этом объемы финансирования аграрного сектора возросли весьма ощутимо, но эффекта, как и прежде, нет.

¹⁷⁴ По чьей вине в Карелии разоряются совхозы и падает производство местной продукции? – URL: <https://gubdaily.ru/article/respublika/po-chej-vine-v-karelii-razoryayutsya-sovhozy-i-padaet-proizvodstvo-mestnoj-produkcii/> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁷⁵ Социально-экономическое положение Республики Карелия за январь-июль 2023 года. Доклад/ – URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1707915561&tld=ru&lang=ru&name=0208407\(2\)](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1707915561&tld=ru&lang=ru&name=0208407(2)) (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁷⁶ Большинство экономических показателей Карелии выросло в 2023 году. – URL: <https://karelia.news/news/10111827/bolshinstvo-yeconomicheskikh-pokazateley-karelii-vyroslo-v-2023-godu/> (дата обращения: 01.02.2024).

Вместе с тем, и в Карелии, и в других регионах есть отдельные и весьма показательные позитивные примеры развития аграрного производства: так, три четверти форели производится в России в водоемах Карелии, и ее производство за последние годы выросло втрое. Тем не менее повсеместно значительные площади земельных угодий ежегодно выбывают из оборота, а удачные примеры развития остаются единичными, не оказывая влияния на общее состояние аграрной экономики, что в свою очередь продолжает выталкивать население и в первую очередь молодежь из села.

Между тем северное село является той средой, где полноценно функционирует карельский, ненецкий, коми языки, где сохраняется традиционный образ жизни и традиционная система хозяйствования (семейное и усадебное хозяйства), которая в условиях практически полного разрушения советской модели организации аграрного производства вновь стала играть существенную роль. Важно заметить, что коми, ненцы, а равно удмурты, марийцы, мордва, алтайцы, якуты, хакасы и многие другие этнические сообщества остаются преимущественно аграрными сообществами и потому сохранение их культурной самобытности тесно связано как с развитием региональных аграрных комплексов, так и развитием и социальной модернизацией сельской поселенческой сети. При этом традиционная система сельского расселения и укоренившиеся веками способы хозяйствования на селе есть основа так называемой этноэкономики¹⁷⁷, без развития которой часто невозможно решить острые проблемы развития этнических сообществ, для многих из которых в последние десятилетия все очевиднее становятся процессы деградации их основной среды обитания – сельской поселенческой сети, и связанной с этим процессом усиленной миграции молодежи в города, где в условиях доминирования иноэтнической среды и русского языка происходят естественные процессы аккультурации и ассимиляции, утрата прежней этнической идентичности.

Но, возвращаясь к проблемам европейского севера, за-

¹⁷⁷ Ахметов, В. Я., Бердникова, Г. И., Салихова, З. М. Этноэкономика и ее роль в устойчивом развитии сельских территорий России // Экономика сельского хозяйства России. – 2012. – № 2. – С. 80–81.

метим, что валовой региональный продукт на душу населения в Мурманской области, Карелии и Коми (не говоря уже о НАО, который является лидером по этому показателю в стране в целом) заметно превышают аналогичный показатель в Псковской и Новгородской областях, также входящих в СЗФО. Показатели средней начисленной заработной платы также значительно выше, чем в большинстве регионов РФ, но на реальных доходах населения это сказывается не очень заметно, что и порождает массовую и устойчивую миграцию населения за пределы указанных регионов. Однако, если в НАО ВРП в 2020 г. составил 7530,5 тыс. руб. на душу населения, а в Псковской области – 314 тыс. (разница – в 24 раза), то в том же году ВРП на душу населения в Коми был равен 873,2 тыс. руб., в Мурманской области – 828,4, в Вологодской – 509,9, в Карелии – 527,8 тыс. руб.¹⁷⁸, т. е. подобные экономические показатели не позволяют обеспечить существенный рост доходов основной части населения регионов европейского севера. *При этом показательно, что при ежегодном росте общего показателя ВРП его величина в пересчете на душу населения в некоторых регионах не растет, а даже падает.* Если в целом экономика РФ, по данным статистики, за последние 20 лет выросла более, чем вдвое (в среднем реальный рост экономики за 1999–2018 гг. составил 223,1 %), то по разным регионам различия будут довольно весомыми. К примеру, в Дагестане экономика выросла в пять раз, а в Республике Коми – только на 29,2 %, что является наихудшим показателем по сравнению с другими республиками с финно-угорским населением¹⁷⁹, но этот рост следует признать условным, ибо никакого реального прогресса не было. И, более того, даже абсолютные показатели в расчете на душу населения стали сокращаться в последние годы, хотя отток населения был очень значительным, и с 1989 г. численность населения РК сократилась на 35 %, т. е. создавались условия для его чисто условного роста. Но даже этого не произошло. При ежегодном значительном сокращении числа жителей в расчете на душу населения с 2010 по 2018 г. ВРП Коми сократился на

¹⁷⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Статистический сборник. – Москва: Росстат, 2021. – С.18. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0937/biblio01.php> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁷⁹ Регионы России: лидеры и аутсайдеры по экономическому росту за последние 20 лет. – URL: https://dzen.ru/a/X0n_wKHugTghTOнB (дата обращения: 04.02.2024).

1,2 %. За первую половину 2021 г. вместо восстановления экономики после кризиса наблюдалось весьма ощутимое падение, в 2022 г. это падение продолжилось, хотя и было вызвано объективными причинами, но 2023 год принес изменения к лучшему в ряде регионов: очень существенный рост производства наблюдался в Удмуртии, Чувашии, Марий Эл, Мордовии. При этом стоит заметить, что основной объем прироста давали старые промышленные центры, где возрождались закрытые производства, открывались новые цеха, резко росли объемы производства в обрабатывающей промышленности в связи с активной политикой импортозамещения, возрастало и производство оборонной продукции. Но в малых городах, поселках и селах **экономическая ситуация практически не менялась**. Не менялась она и в регионах, где промышленный потенциал недостаточно развит. Самая объективная причина сложной социально-экономической ситуации в целом ряде других регионов состоит в том, что здесь нет инвестиций в основной капитал. Но инвестиций нет потому, что нет стимулов для роста экономики и социальной сферы. **Проблема стимулирования экономического роста в периферийных регионах становится важнейшей экономической и значимой политической проблемой.**

В большом количестве регионов нет заметного роста ни рабочих мест, ни бизнеса, хотя в 2022–2023 гг. картина значительно изменилась. Наоборот, в предыдущие годы наблюдался процесс сокращения рабочих мест и субъектов малого и среднего бизнеса, а в ряде случаев прекращают работу и крупные предприятия – шахты, рудники, обогатительные фабрики, металлургические и металлообрабатывающие предприятия. Так, с 2009 по 2019 г. число рабочих мест в Республике Коми сократилось на 114,8 тыс. (-8,5 %) и Коми вошла в число самых худших регионов по числу созданных рабочих мест¹⁸⁰, но эта группа субъектов достаточно представительна, причем в нее входят многие регионы СЗФО, за исключением Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которые вместе с Москвой и Московской областью являются лидерами по числу созданных рабочих мест.

Но в Архангельской области за указанный период потеряно

¹⁸⁰ Топ-25 худших регионов РФ по числу созданных рабочих мест/ – URL: <http://www.zen.yandex.ru/media/zavodfoto/top25-hudshih> (дата обращения: 01.02.2024).

почти 87 тыс. рабочих мест (-14,4 %), в Карелии – более 48 тыс. (-19,5 %), в Мурманской области число рабочих мест сократилось на 790 тыс. (-15,1), в Вологодской – более 74 тыс. рабочих мест утрачено за указанный период (-11,9 %). В Приволжском округе очевидный прогресс есть в Татарстане, но Башкортостан, Ульяновская, Самарская, Кировская области теряют их, а равно и Мордовия, где сокращено более 64 тыс. рабочих мест (-15 %) ¹⁸¹. Процесс импортозамещения, конечно, ведет к росту рабочих мест и объемов производства, но не везде это очевидно и в наибольшей мере выигрывают индустриально развитые регионы, где велика доля ВПК и обрабатывающих производств. Регионы с аграрной и сырьевой экономикой не получают достаточных стимулов для развития, как и прежде.

Хозяйственные комплексы многих республик и областей, особенно на Севере, имеют отсталую структуру экономики, изношенные основные фонды, транспортная и социальная инфраструктуры развиты в них недостаточно и требуют дополнительных инвестиций, что никак не стимулирует инвестиции в промышленность, за исключением нефтедобычи и транспортировки газа. Модернизация промышленности и социального сервиса идет очень вяло, условий и стимулов для развития малого и среднего предпринимательства также недостаточно или предлагаемые меры поддержки оказываются неэффективными, а потому, к примеру, только с начала 2021 г. в Республике Коми около тысячи предпринимателей свернули свой бизнес ¹⁸². Но и в последующие два года ситуация принципиально не улучшилась. С начала 2023 г. было зарегистрировано 2,7 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса (сколько из них реально начали свою деятельность неясно), но в то же время прекратили деятельность 2097 предприятий. На 1 октября в республике насчитывалось 12 627 юрлиц, что на 186 меньше, чем было в начале года. По итогам предыдущего года предприятий малого и среднего бизнеса в Коми стало меньше на 526 ¹⁸³.

Активное сокращение субъектом малого и среднего биз-

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² С начала года в Коми закрыли бизнес почти тысяча предпринимателей. – URL: // <https://www.bnkomu.ru/data/news/131676/> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁸³ Свыше 2 тысяч предприятий малого и среднего бизнеса закрыли в Коми с начала года. – URL: <https://siktivkar.bezformata.com/listnews/predpriyatiy-malogo-i-srednego-biznesa/123806259/> (дата обращения: 01.02.2024).

неса наблюдается и в Архангельской и Вологодской областях, Карелии, да и в РФ в целом, где количество предпринимателей с 2019 по 2021 год значительно сократилось (на 457 тыс.)¹⁸⁴.

Таблица 2

Совокупный реальный экономический рост по республикам и областям, где проводился опрос, за 1999–2021 гг.

Регионы	Экономический рост за 1999–2018 гг., %	ВРП на душу населения в постоянных ценах 2018 г., руб.	
		2010 г.	2018 г.
Республика Карелия	157,89	405 773	451 437
Республика Коми	129,21	806 324	796 761
Республика Марий Эл	206,73	200 537	260 846
Республика Мордовия	264,11	203 351	284 010
Удмуртская Республика	173,04	358 314	417 899
Архангельская область	278,95	302 801	753 081

Источники: данные текущей статистики; Регионы России. Стат. сб. 2000; Регионы России. Стат. сб. – Москва: Росстат, 2021.

В 2022 г. указанная тенденция не была преодолена и сокращение субъектов МСБ имело место в 29 регионах, на Северо-Западе наибольшее снижение активности в сфере малого и среднего предпринимательства имело место в 2022 г. в Вологодской области и Республике Коми.

Вышеприведенные данные является свидетельством глубокой экономической стагнации в регионах европейского севера и в значительной части субъектов СЗФО и Приволжского федерального округа. К тому же динамика экономического роста в указанных регионах очень скромная (табл. 2), и этот рост можно считать условным, ибо в значительной мере он обеспечен не экономическим ростом, а инфляцией. По идее можно сказать, что почти все регионы СЗФО и многие субъекты Приволжского округа столкнулись как с кризисом устойчивого роста, так и кризисом инновационного и стратегического развития, ибо ясных, детально проработанных и последовательно и активно реализуемых стратегий социально-экономического развития у большинства регионов нет. Есть только формальные документы, не обеспечивающие ни долгосрочным планированием, ни уровнем

проработки стратегических решений, ни волей местных властей к их последовательной и неуклонной реализации. Население это прекрасно понимает и поэтому достаточно критически относится к деятельности местных властей, направленной на развитие подведомственных им регионов, что уже неоднократно было зафиксировано во время предыдущих массовых опросов населения.

И пока не удастся обеспечить должную динамику роста экономики, заметных улучшений в жизни населения не будет. В 2020 г. только в четырех регионах СЗФО доля населения с доходами ниже прожиточного минимума была ниже среднероссийского показателя (12,1 %). Наивысшая она в Псковской области (16,2 %), но и в таких ресурсно обеспеченных и индустриально развитых регионах, как Карелия и Коми «показатель бедности» превышает среднероссийский и составляет соответственно 15,1 и 15,3 % (наибольший уровень бедности в регионах ПФО был зафиксирован в Марий Эл – 19,2 %, Мордовии – 17,6, Чувашии – 16,8 %) ¹⁸⁵.

Низкие доходы населения, высокий уровень бедности и социальная неустроенность вкупе с отсутствием реальных перспектив для роста благосостояния, социальной мобильности и регионального процветания в целом, будут и далее выталкивать население за пределы периферийных регионов, и в первую очередь молодежь, что неизбежно ухудшит демографическое качество населения и усилит социальные риски, ибо наиболее деятельная и здоровая часть населения активно покидает европейский север, а это влечет за собой возникновение или усиление многих местных проблем и, прежде всего, кадровое обеспечение регионального развития.

Дополнительной проблемой стал тот факт, что нигде на севере, а особенно в национальных республиках и округах (а равно и во многих других регионах, включая регионы Приволжского федерального округа) не было создано эффективных и продуманных программ социального развития, нацеленных на формирование прочных территориальных сообществ, объединенных узами социальной солидарности. А в этнических автономиях этнополитика понималась властями, как последовательная и всемерная поддержка культурного разнообразия, но не как политика гражданской интеграции, в результате чего

¹⁸⁵ Регионы России. – С. 240–241.

здесь сформировались разделенные сообщества, а в сознании местного населения прочно укоренились как интолерантные настроения, так и символические иерархии (деление региональных сообществ на «главный» народ – «коренной народ», и «некоренное население»)¹⁸⁶. Не случайно, что и во время опросов 2010 г. и 2019–2020 гг. только чуть более 30 % респондентов отмечали, что в регионах их проживания сложились сплоченные территориальные сообщества, объединенные общими интересами и традициями. Местный патриотизм, особенно у молодежи, выражен слабо и потому она, что в Мурманске, что в Норильске в большинстве своем не намерена связывать свою судьбу с местом рождения¹⁸⁷. *А проблема укоренения населения как не ставилась в качестве актуальной задачи социального развития северных территорий в советские годы, так и не ставится ныне.*

Во многом сходные процессы мы можем наблюдать и в Поволжье. Здесь есть только два региона, где отмечен рост численности населения: в Татарстане в 2021 г. население, по сравнению с 1989 г., составило 110,1 %, а в Башкортостане – 101,2 %. В Приволжском федеральном округе во всех остальных субъектах отмечено заметное падение численности населения, включая и индустриально развитые регионы: в Удмуртии в 2021 г. численность населения составила 90,2 % от уровня 1989 г., в Марий Эл – 90,3, в Самарской области – 97,2, в Саратовской – 89,1, Нижегородской – 85,5, Пермской – 83,6, Чувашии – 88,8, Оренбургской – 89,3, Ульяновской области – 85,4, Пензенской – 84,1, Мордовии – 81,3 и Кировской области – 73,8 %. При этом стоит заметить, что в Кировской области (Вятской губернии) первой всеобщей переписью населения Российской империи было зафиксировано более 3 млн жителей. С тех пор население стабильно и постоянно сокращается, а из хозяйственного оборота изымается все больше аграрных угодий. В Поволжье имеют место значительные внутренние миграционные потоки, ибо из депрессивных малых городов и сел население мигрирует в крупные города с их развитой инфраструктурой и развитым рынком труда.

¹⁸⁶ Шабаев, Ю. П. Управление культурным многообразием России: опыт национальных республик. – Москва: Изд-во РГГУ, 2019.

¹⁸⁷ Магомедов, А. Полярные города в зеркале зарубежного североведения: вызов для отечественной социально-гуманитарной науки // Антропология города. Вып. 2. Северный город: Культурное пространство и идентичность в арктических и субарктических городах. – Москва–Сыктывкар: Изд-во РГГУ, 2020. – С. 174–195.

Внешняя миграция в основном обусловлена экономическими причинами и стремлением к социальной мобильности. Из Татарстана и Башкортостана многие выезжают в ЯНАО и ХМАО для работы на нефтепромыслах и газовых месторождениях с целью обеспечить более высокий уровень доходов для семьи, а амбициозная молодежь едет в Москву. Чувашские строители работают во многих российских регионах, ибо в республике наблюдается дефицит качественных рабочих мест, как и в ряде других регионов округа. Как и в регионах СЗФО, в которых проводились предыдущие опросы, результаты анкетирования в республиках Поволжья в 2021 г. (Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Башкортостане, Чувашии) показали, что **значительная часть молодежи здесь устойчиво ориентирована на выезд за пределы своих регионов и один из главных мотивов миграции – невозможность реализовать себя в местах прежнего проживания, т. е. ограничения для карьерного роста, дефицит инновационных и хорошо оплачиваемых рабочих мест** ¹⁸⁸.

Таблица 3

Численность населения региональных центров между переписями населения 1989 и 2021 гг.

Город	1989 г.	2021 г.	В % к 1989 г.
Ижевск	635 109	646 468	101,7
Йошкар-Ола	241 601	276 155	114,3
Казань	1 094 378	1 249 861	114,2
Киров	509 370	493 691	96,9
Н. Новгород	1 438 133	1 249 861	86,9
Оренбург	546 501	564 443	103,2
Пермь	1 090 944	1 034 002	94,7
Самара	1 254 460	1 249 861	99,6
Саранск	312 128	317 432	101,7
Саратов	904 643	844 858	93,4
Ульяновск	625 155	617 352	98,7
Уфа	1 082 052	1 125 933	104,1
Чебоксары	419 592	497 920	118,7
Пенза	542 612	516 450	95,2

Источник: материалы переписей населения 1989 и 2021 гг.

¹⁸⁸ Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: коллективный анализ динамики численности и этнокультурной структуры населения. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2022.

городов Поволжья – региональных центров и центров сосредоточения промышленного потенциала (табл. 3) не только региона, но и страны в целом – показывает, что в половине из них имеет место сокращение населения, хотя и менее значительное, чем по региону в целом. *Рост наблюдается в региональных центрах Приволжского федерального округа наблюдается только в столицах республик, особенно в Казани, Йошкар-Оле и Чебоксарах, т. е. именно столицы национальных республик притягивают население в большей мере, чем крупные промышленные города, что отчасти связано с тем, что представители этнических меньшинств видят для себя наиболее лучшие перспективы для карьерного и жизненного процветания именно в «своих» столицах, где они могут использовать ресурс этничности, который за пределами этих столиц не играет никакой роли.* Подобная ситуация свидетельствует о том, что в республиках (даже экономически неразвитых) есть потенциал для аккумуляции внутренних миграционных потоков, хотя он ограничен, о чем свидетельствует трудовая миграция из всех регионов Поволжья и многих других регионов. При этом важно заметить, что заметное сокращение численности населения имеет место в городах-миллионниках с развитой инфраструктурой и рынком труда, что, с одной стороны, свидетельствует о набирающих темпы процессах депопуляции, а с другой – о недостаточных темпах социально-экономического развития, недостаточном инновационном потенциале этих городов и необходимости поиска новых стимулов для ускорения их социально-экономического развития. Отдельные точки роста есть везде, но Иннополис есть только в Татарстане, а мощного инновационного обновления производственной сферы и сферы социального сервиса (особенно здравоохранения) не наблюдается.

Об экономическом прогрессе регионов Приволжского федерального округа в первую очередь можно судить по объему ВРП на душу населения в 2020 г. Самый высокий показатель в Татарстане – 716, 7. тыс. руб., на втором месте промышленный Пермский край – 573,8 тыс. руб. В числе лидеров также Оренбургская область (564,9 тыс. руб.), Самарская (530,6), Нижегородская (505,5), Башкортостан (480,4) и Удмуртия (480,4). Остальные существенно отстают по этому показателю: в Пензенской области он равен 342,2 тыс. руб. на душу населения, в Ульяновской –

340 тыс., в Саратовской – 333,9 тыс. руб. А очевидными аутсайдерами являются четыре региона: Мордовия – 332,1 тыс. руб. на душу населения; Марий Эл – 300,1; Кировская область – 292,1 и Чувашия – 278,3 тыс. руб. на душу населения¹⁸⁹. Для субрегиона, в котором сосредоточена значительная часть индустриального потенциала страны и много крупных городов, где давно сложились свои инженерные школы, глубокие производственные традиции, действуют крупные производственные площадки, особенно в сфере обрабатывающих производств, указанные показатели ВРП не являются впечатляющими и не могут обеспечить должного уровня поступления налогов в региональные бюджеты, что, безусловно, сказывается как на развитии социальной сферы, так и на общем благосостоянии населения. Конечно, играют свою роль и имеющиеся диспропорции в межбюджетных отношениях¹⁹⁰, но все же главную роль играет стабильный и высокий экономический рост, повышение эффективности производства и рост производительности труда, развитие социальной сферы.

В этой связи не вызывает удивления тот факт, что только в четырех регионах из 14 доля населения с доходами ниже прожиточного минимума ниже среднероссийского показателя. При этом уровень бедности в шести регионах можно считать очень высоким, а в трех – критическим. В Ульяновской области доля лиц, находящихся за чертой бедности в 2020 г. составил 15,0 %, Саратовской – 14,8, Кировской – 14,1 %. В то же время, как уже указывалось выше, в Марий Эл он равен 19,5 %, Мордовии – 17,6, Чувашии – 16,8 %¹⁹¹. Не совсем ясно, как уровень бедности может снижаться в условиях экономических сложностей, пандемии, ибо в 2019 г. в Марий Эл он равнялся 20,2 %, в Мордовии – 18,0, в Чувашии – 17,4 %. Но погрешности учета здесь не имеют принципиального значения, ибо важен сам факт того, что указанные регионы уже многие годы находятся в сложной социальной ситуации, которая, безусловно, сказывается на общественных настроениях, и не случайно критика в адрес местных властей со стороны этнических организаций и движений здесь звучит по-

¹⁸⁹ Регионы России. – С. 458–459.

¹⁹⁰ Шабаев, Ю. П., Омаров, М. А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. – Москва: Изд-во РГГУ, 2021.

¹⁹¹ Регионы России. – С. 240–241.

стоянно. А доля расходов на питание практически во всех регионах округа в 2012–2019 гг. увеличилась, что свидетельствует об общем снижении уровня благосостояния населения¹⁹².

Приволжский округ – это, конечно, мощная промышленная площадка, но одновременно почти все ее регионы имеют солидную базу для развития аграрного производства (на что указывают и эксперты), а Чувашия, Марий Эл, Мордовия являются вообще преимущественно аграрными регионами, но с хорошим потенциалом роста аграрного производства. Нынешние власти РМЭ уделяют много внимания развитию АПК и реализуют комплекс мер его поддержки. Впрочем, и в предшествующие годы здесь было сделано много для его развития: построены новые современные аграрные предприятия, освоены новые производственные ниши, но тем не менее с 2002 по 2021 г. доля продукции АПК в валовом региональном продукте сократилась с 21 до 18 %, что связано с тем, что малые и средние аграрные предприятия получают недостаточную поддержку, а работа по развитию регионального аграрного комплекса не носит системного и социально ориентированного характера, т. е. не направлена на создание не отдельных очагов, а целых зон процветания и комплексного развития как производственной, так и социальной сферы села. Более сложная ситуация в АПК в Кировской области и Пермском крае, Ульяновской и Самарской областях, где из-за слабой динамики социального и производственного обновления села деградация аграрных поселений активно продолжается. Здесь, как и во многих регионах СЗФО, во многих аграрных предприятиях крайне изношенные основные фонды, идет активное сокращение машинно-тракторного парка, низка производительность труда и культура производства.

Очевидно, что сложная социально-экономическая ситуация и высокий уровень бедности не могут обеспечить тот уровень достатка, который считает для себя приемлемым современная периферийная молодежь. Не случайно во время предыдущих опросов самой большой проблемой молодые люди называли недостаточный уровень материального обеспечения. Но самое важное, что в бедных регионах процессы гражданской интеграции затруднены в силу того, что сами эти регионы воспринимаются

¹⁹² Иваненко, И. С. Оценка продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа // Проблемы развития территории. – 2021. – Т.25, № 3. – С. 105.

людьми как непрестижная периферия.

Говоря о регионах Приволжского округа, следует заметить, что почти все регионы округа, за исключением Татарстана, нельзя считать успешными в полной мере, ибо территории благополучия здесь имеют очаговый характер и к ним можно отнести предприятия стратегического значения и их трудовые коллективы. Для укрепления региональной стабильности необходимо всячески стимулировать региональный экономический рост и добиваться существенного расширения зон процветания. **Нужно дать новые мощные стимулы для экономического роста и всячески его поддерживать.**

При этом, как отмечают социологи, большая часть современной молодежи готова и желает делать собственный бизнес¹⁹³, она инициативна, креативна, вовлечена в современные технологии и информационные пространства, не обременена стереотипами и именно из нее необходимо формировать новую бизнес-элиту, ибо, как замечают многие эксперты, качество бизнеса в России до сих пор находится на невысоком уровне, равно как и качество регионального управления. У молодежи, как правило, нет средств для запуска своих бизнес-проектов, а дешевые (льготные) и длинные кредиты получить она не может, организационная поддержка молодежных инициатив минимальна, поскольку на нее как на потенциальную бизнес-элиту местные власти смотрят с подозрением, хотя и в целом поддержка бизнеса на местном и региональном уровнях является очень слабой и плохо организованной, поэтому не случайно, что количество малых предприятий и индивидуальных предпринимателей не растет, как это сегодня жизненно необходимо, а снижается. **Пока в большинстве своем периферийная молодежь не может реализовать себя в сфере бизнеса.**

В предыдущих исследованиях мы отмечали, что проведенные опросы в ряде регионов европейского севера и Поволжья показали достаточно низкий уровень социального оптимизма, который наблюдается у студенческой молодежи. Об этом же сви-

¹⁹³ Иноземцева, А. В. Отношение студенчества к предпринимательству: оценка, готовность, прогнозы // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 2. – С. 256–262; Гарькин, И. Н., Медведева, Л. М., Назарова, О. М. Отношение студентов к предпринимательству: результаты социологического исследования // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социология. – 2017. – № 2. – С. 107–110.

детельствуют и другие исследования¹⁹⁴. Безусловно, подобная ситуация обусловлена той сложной социально-экономической ситуацией, складывающейся в большинстве периферийных регионов и даже тех, где общая ситуация является более благоприятной, чем в целом по федеральному округу или стране. Причем неудовлетворенность ситуацией может носить разный характер и принимать разные формы, включая крайне радикальные. Так, самосожжение в сентябре 2019 г. перед зданием удмуртского парламента в Ижевске активиста Альберта Разина было связано со специфическим пониманием природы региональных сообществ в национальных республиках, где до сих пор этнические активисты делят эти сообщества на «коренной народ» и «некоренное население», и символический статус коренного народа в их понимании далек от принципа конституционного равенства граждан, поскольку титульные этнические сообщества воспринимаются этническими антрепренерами как **«главные народы»**. *Старые идеи о приоритете представителей «коренных народов» снова пытаются реанимировать и актуализировать, что прямо противоречит нормам Конституции РФ.* Как известно, с начала 1990-х гг. этнические активисты говорят о том, что представители «коренных народов» (титульных этнических групп) должны в «своих» республиках доминировать и политически и культурно, независимо от их доли в составе населения республик. Эти позиции не получают официальной поддержки, но и не осуждаются в должной мере, им не противопоставляется активное гражданское строительство в республиках и реальное укрепление гражданской солидарности, о чем ярче всего свидетельствует упоминавшийся выше акт самосожжения А. Разина, а особенно его послание республиканскому парламентам, равно как и его публикации начала 1990-х гг.¹⁹⁵.

Конечно, студенты, скорее всего, переоценивают потенциал «сепаратистов», но и опросы предыдущих лет показывали, что очень значительная доля молодых людей в российских республиках полагает, что межнациональные конфликты в их

¹⁹⁴ Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: коллективная монография / под ред.: А. Е. Загребина, В. С. Воронцова. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2022.

¹⁹⁵ Разин, А. Удмуртский этнос: проблема формирования патриотизма и интернационализма // Финно-угорские народы и Россия. – Таллинн: Институт Яана Тыниссона, 1993. – С. 98–104.

регионах вполне возможны.

Но вместе с этническим радикализмом все чаще дает о себе знать и обычный экстремизм. Там же, в Ижевске, в начале 26 сентября в школе № 88 бывший ученик школы Артем Казанцев ворвался в свою школу в одежде с нацистской символикой и расстрелял учеников и учителей (погибли 17 чел.), причем мотивы его поступка до сих пор не вполне ясны, но очевидно, что состояние фрустраций для периферийной молодежи не есть нечто немотивированное, хотя крайние ее формы, выливающиеся в массовое насилие, не являются пока обычным явлением, хотя и наблюдаются все чаще, и ссылки на психическое здоровье насильников вряд ли могут объяснить увеличивающиеся случаи насилия. Те или иные формы насилия в отношении сверстников или людей более старшего возраста случаются регулярно, причем насильники нередко пытаются делать их публичным достоянием, выкладывая видеозаписи в Сеть.

По поводу Сети и сетевого поведения можно констатировать одно – это сегодня не только важнейшие информационные ресурсы для современной периферийной молодежи, как показало наше исследование 2021 г.¹⁹⁶ и другие исследовательские проекты¹⁹⁷. При этом Сеть и сетевые ресурсы являются инструментом консолидации и мобилизации молодежи, формируют в значительной мере их отношение к происходящим событиям и оказывают влияние на систему ценностей и установок.

Еще одним фактором, который определенным образом влияет на настроения молодежи – это ее политическая включенность. **А политика есть и должна быть одной из форм самореализации периферийной молодежи.** Распространенный в кругах старых элит тезис об аполитичности современной молодежи на деле оказывается неверным. Молодежь живо интересуется событиями в стране и мире, на различных сайтах и блогах активно дискутируются политические события и процессы, часть молодых людей имеет четкие политические пристрастия, хотя при этом радикальные идеи не имеют широкой поддержки в мо-

¹⁹⁶ Влияние интернет-ресурсов и региональных реалий на сетевое поведение, национальную идентичность и гражданские позиции периферийной российской молодежи: коллективная монография / отв. редактор М. А. Омаров. – Москва: РГГУ, 2022.

¹⁹⁷ Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности: коллект. моногр. / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

лодежной среде. Но реальное участие региональной молодежи в политической деятельности, действительно, крайне невелико. Структуры, созданные для реализации молодежной политики в регионах, действуют неэффективно, а институты, призванные вовлекать активную молодежь в политическую деятельность, являются сугубо декоративными и не «подключены» к формированию стратегий регионального развития и реальной политике.

Так практически повсеместно созданы молодежные парламенты, которые по идее не только призваны готовить будущих политических лидеров, но и реально участвовать в местных политических процессах. Однако, как показали результаты предыдущего опроса, образованная молодежь (студенты) в подавляющем большинстве не знает о существовании подобных институтов и практически никто не может сказать, чем они в реальности занимаются. Они не превратились не только в значимых региональных политических акторов, но практически отсутствуют на местной политической сцене, выполняя сугубо декоративную роль. Никто не знает, как формируются эти институты и чем, собственно, они занимаются.

Между тем, молодежные парламенты вполне могут играть позитивную и заметную роль в региональной политической жизни. Необходимо превратить процесс избрания членов таких парламентов в реальный электоральный процесс, широко рекламируемый и освещаемый, сделать выборы частью «молодежной тусовки», молодежной активности с использованием флэш-монов и других подобных популярных акций среди молодежи. Следует наделить подобные парламенты правом законодательной инициативы, проводить совместные в «большими парламентами» заседания при обсуждении важнейших проблем регионального развития и, безусловно, возложить на молодежные парламенты обязанность формировать свои модели регионального развития, которые надо также широко освещать и обсуждать, хотя их принятие в качестве стратегических документов, конечно, не гарантировано, но гарантировано то, что активная молодежь будет вовлечена в процессы стратегического планирования развития регионов. Это особенно важно, поскольку все предыдущие опросы показывали, что ни население в целом, ни молодежь не имеют представления о будущем своих регионов, о стратегиях их развития, о стратегических планах региональных властей.

Названные меры особенно важны и актуальны в связи с тем, что вполне очевидно сегодня встает проблема обновления и омоложения региональных политических элит, равно как и элит в целом. *О формировании новой политической и патриотической элиты страны говорит и Президент, указывая на необходимость инкорпорации в нее участников СВО*¹⁹⁸.

Принципиальный вопрос заключается в том, входят ли названные выше сложные проблемы в перечень актуальных задач институтов, ответственных за реализацию молодежной политики в РФ, в целом и в политические задачи региональных властей. Ответ на этот вопрос дает, в частности, сообщение агентства Бизнес-новости Коми: «Павел Красноруцкий 10 ноября встречался с главой Коми Владимиром Уйбой. Обсуждали вопросы сотрудничества и реализацию в регионе молодежной политики. Опыт и наработки Российского союза молодежи хотят использовать для проведения Года молодежи в 2023 году, сообщила пресс-служба главы Коми.

В беседе с БНК 11 ноября на гала-концерте "Универвидения", которое поддерживает РСМ, Павел Красноруцкий подробнее рассказал об инициативах, которые можно будет реализовывать в Коми: "Мы говорили о том, что региону необходимы всероссийские, статусные проекты, чтобы поднимать престиж, имидж у самой молодежи, проживающей на территории республики. Для того чтобы молодежь была вовлечена в подготовительные процессы и таким образом сплачивалась вокруг общей идеи, общих задач".

В частности, по словам Павла Красноруцкого, договорились, что проведут отдельную встречу с организаторами "Универвидения" и отделением союза, где участники смогут высказать свои инициативы, рассказать об идеях мероприятий в Коми.

К тому же есть предложение провести окружной форум для председателей студенческих советов колледжей в Воркуте. Планируется усилить работу по вовлечению молодежи из малых городов и поселков в рамках проекта "Пространство развития", чтобы юноши и девушки на местах могли формировать команды и решать проблемы своих населенных пунктов»¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Путин призвал формировать российскую элиту из участников СВО. – URL: <https://ria.ru/20240126/putin-1923780838.html?ysclid=lsrqwx1ymr44439312> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁹⁹ Российский союз молодежи: «Коми необходимы статусные проекты для подъема

Престиж и имидж молодежи, конечно, важны, но их нельзя и невозможно формировать за счет громких и пафосных акций, которые никак не затрагивают базовые потребности молодежи, не связаны с их жизненными планами и актуальными проблемами. Кроме того, престижу молодежи ничего не угрожает, ибо большинство родителей верят в своих детей и уверены, что они найдут себя в будущей самостоятельной жизни. В государственной молодежной политике и на федеральном, и на и региональном уровнях, на наш взгляд, надо по-иному расставлять оценки, что показывают результаты как нынешнего, так и предыдущих исследований.

Молодежная политика, с одной стороны, вне сомнения, воспринимается и на федеральном, и на региональном уровнях как актуальная политическая стратегия, требующая активного участия властей всех уровней. Но, на наш взгляд, политики не учитывают в должной мере сложных региональных проблем, и предлагаемые ими меры часто не строятся на прагматичном подходе: социальной инженерии, эффективном политическом менеджменте, решении стратегических задач регионального и федерального значения, о чем, собственно, и свидетельствует вышеприведенный материал.

Система ценностей современной периферийной молодежи

Принципиальный вопрос, который следует осветить при анализе системы ценностей современной периферийной российской молодежи, состоит в том, насколько она привержена традиционным российским ценностям, в какой мере сохраняется преемственность культурного позиционирования и существует ли конфликт между поколениями.

Оценивать позиции молодежи, видимо, целесообразно начать с оценки ближайших жизненных целей, которые ставят перед собой молодые люди, являющиеся студентами. Если использовать рейтинговый принцип распределения, то среди этих целей вполне закономерно оказываются те, что связаны с решением проблемы материальной обеспеченности (31,4 %). Это, видимо, обусловлено тем, что современные молодые люди

«престижа молодежи». – URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/151250/> (дата обращения: 03.02.2024).

считают, что для создания семьи и успешной семейной жизни необходимо начинать с создания прочного материального фундамента семейного благополучия (табл. 4). Второе место в числе приоритетных целей также естественно занимает успешное завершение учебы в вузе (28,3 %), что означает, что многие современные молодые люди выстраивают свои жизненные стратегии по принципу последовательности решения наиболее значимых проблем, связанных с «обустройством своего жизненного пути». И все же соображения материального благополучия и личной трудовой востребованности являются «основным стержнем», вокруг которого строятся жизненные стратегии современной периферийной молодежи, ибо третьим по значимости для респондентов пунктом стал вариант «зарабатывать деньги, делать карьеру, остальное – потом». Его отметили 15,5 % опрошенных, а это значит, что половина молодежи нацелена на обеспечение материального достатка и активный карьерный рост, поскольку 2,7 % заявили о желании после завершения учебы делать свой бизнес, а 1,3 % хотели бы заняться политикой (хотя в политику обычно приходят позже, а не сразу после студенческой скамьи). **Ближайшие жизненные цели периферийной молодежи рациональны и носят вполне определенный характер**, причем это относится к подавляющему большинству респондентов, поскольку только 5,7 % из опрошенных молодых людей заявили, что еще не определились со своими жизненными планами (скорее всего, это студенты первых курсов) (табл. 4).

Таблица 4

Наиболее значимые ближайшие цели периферийной молодежи

Наименование позиции	% указавших
Закончить учебу, остальное – потом	28,3
Зарабатывать деньги, делать карьеру, остальное – потом	15,5
Работать и хорошо зарабатывать, чтобы купить жилье и создать семью	31,4
Жить в свое удовольствие, ни о чем не думая	4,9
Рискнуть и создать свой бизнес	2,7
Заняться политикой	1,3
Заняться творчеством, культурными проектами	3,4
Я еще не определился (-ась) со своими жизненными планами	5,7

Другое	-
Затрудняюсь ответить	2,3

Очевидно, что активная трудовая деятельность есть основа жизнедеятельности общества в целом и отдельных его членов – в частности и по этому поводу мыслителями разных времен написано огромное множество сочинений. Но, кроме того, труд вместе с семьей есть одна из традиционных ценностей российского общества. Показательно, что самая значительная доля молодых людей (42,9 %), отвечая на вопрос об отношении к труду, выбрали вариант ответа «труд – это возможность самореализации, раскрытия моих талантов и способностей», а еще 15 % полагают, что труд есть работа на благо общества и 9,2 % считают труд жизненной необходимостью и неотъемлемой частью образа жизни современного человека. Более 23 % считают труд способом зарабатывания жизни и это, конечно, упрощенный, но вполне прагматичный подход. И только 5 % респондентов в совокупности определили труд как неприятную повинность, с которой необходимо считаться (табл. 5). Иными словами, трудовая деятельность в системе ценностей современной периферийной молодежи находится в числе их основных приоритетов.

Таблица 5

Отношение молодежи к трудовой деятельности

Наименование позиции	% указавших
Способ заработать	23,3
Образ жизни, необходимость, ибо я человек деятельный	9,2
Это вынужденная необходимость или даже наказание, но без него нет средств на удовольствия	4,4
Труд – это возможность самореализации, раскрытия моих талантов и способностей	42,9
Это работа на благо общества, производство необходимых людям услуг, продуктов, знаний	15,0
Помеха тусовкам и развлечениям, это не главное в жизни	0,6
Другое	-
Затрудняюсь ответить	3,3

Но помимо сугубо символического отношения к трудовой деятельности важно оценить, какие критерии определяют сегодня реальный, а скорее – потенциальный подход к выбору рабочих мест и сферы приложения труда.

И здесь есть очень показательный момент, а именно: при все значимости материального достатка и достаточно высоком уровне прагматизма студенческой молодежи самая большая доля респондентов при выборе рабочих мест собирается ориентироваться не на уровень заработной платы, а на возможности карьерного роста (40,7 %). Это говорит о высоком уровне запросов, здоровой амбициозности, с одной стороны, и о высоких требованиях, предъявляемых к работодателям (или являющихся личностным ориентиром для поведения на рынке труда, оценки предлагаемых вакансий), – с другой. В том же ряду находится и второй по значимости критерий при выборе рабочего места и трудового коллектива – «интересное содержание работы, современное оборудование, комфортные рабочие места и атмосфера»: 30,3 % респондентов заявили «Я в любом случае выбрал бы место работы, где есть современные, хорошо оборудованные рабочие места и сама работа интересна». Размер зарплаты является решающим критерием при выборе работы только для 16,6 % опрошенных студентов (табл. 6).

Но если ориентироваться на указанные критерии, которыми будут руководствоваться молодые люди, когда выйдут на рынок труда, то закономерно задаться вопросом: может ли периферийная молодежь получить желаемые ею рабочие места в своих городах и регионах?

Ответ очевиден: нет! Только очень небольшая часть сможет реализовать себя в местах прежнего проживания в нынешних условиях, а потому перед молодыми людьми будет стоять выбор: либо мириться с тем, что есть на рынке труда, либо уезжать за пределы регионов с тем, чтобы иметь возможность реализовать себя. Очень значительная доля молодых людей, как показали наши исследования, делает второй выбор.

Таблица 6

Наиболее значимые критерии при выборе работы

Наименование позиции	% указавших
----------------------	-------------

Размер зарплаты. Я в любом случае выбрал(-а) бы то место работы, где больше платят	16,6
Перспективы карьерного роста и развития как профессионала/специалиста. Я в любом случае выбрал(-а) бы место работы, где есть возможность для профессионального и карьерного роста	40,7
Интересное содержание работы, современное оборудование, комфортные рабочие места и атмосфера, независимо от размера зарплаты. Я в любом случае выбрал(-а) бы место работы, где есть современные, хорошо оборудованные рабочие места и сама работа интересна	30,3
Пока я молодой(-ая), я больше хотел(-а) бы тусоваться и развлекаться, а не заниматься поисками рабочего места	0,6
Я хотел(-а) бы найти место работы, где не надо сильно напрягаться, но где есть относительно приемлемый заработок	5,7
Мне все равно	-
Другой вариант	-
Затрудняюсь ответить	3,5

Важно заметить, что значимость семьи для современной молодежи остается высокой и подавляющее большинство студентов уже на студенческой скамье задумываются о ее создании. При этом важно заметить, что опросы молодежи, проведенные ЦИМО Института этнологии и антропологии в середине 1990-х гг., т. е. в пореформенной России, переживавшей глубокие социальные и политические трансформации и коррозию прежних ценностей, показывали практически такое же отношение к семье, как и у нынешней молодежи²⁰⁰, **что говорит как о преемственности поколений, так и о стабильности базовых ценностей российского общества.** Современные молодые люди очень высоко оценивают значимость семьи: 70,4 % респондентов указали, что «семья – это основа всего», а 14,7 % считают, что «семья нужна для удовлетворения первичных потребностей человека», что в принципе синонимично первой формулировке. Вместе с тем, 4,4 % респондентов полагают, что человек может существовать и без семьи, и социальная практика подтверждает подобный вывод. А 3,9 % заявили, что «семья и семейные отно-

²⁰⁰ Губогло, М. Н. Идентификация идентичностей. Этносоциологические очерки. – Москва: Наука, 2003.

шения становятся все менее привлекательными» (табл. 7). **Но абсолютно доминирующей является позиция безоговорочного признания ценности семьи для отдельного человека.** И в этой связи, конечно, существенно значимым индикатором становится вопрос, а собираются ли молодые люди, высоко оценивающие значимость института семьи, сами создавать собственные семьи?

Таблица 7

Значимость семьи для периферийной молодежи

Наименование позиции	% указавших
Семья – это основа всего, без поддержки семьи (родителей, родственников) жить сложно	70,4
Семья нужна для удовлетворения первичных потребностей человека (в общении, во взаимопомощи, продолжении рода, любви и т. д.)	14,7
Я думаю, что человек вполне может прожить и без семьи	4,4
Сегодня семья и семейные отношения становятся все менее привлекательными	3,9
Другое	1,8
Затрудняюсь ответить	3,3

По поводу создания собственной семьи планы большей части периферийной студенческой молодежи вполне конкретны, ибо 69,5 % опрошенных заявили, что собираются создавать собственные семьи, 16,3 % еще не думали об этом, что тоже объяснимо и только 5,0 % заявили, что не собираются создавать семью, 8,0 % затруднились с ответом (табл. 8).

Таблица 8

Планы молодежи по созданию собственных семей

Наименование позиции	% указавших
Собираюсь создать свою семью	69,5
Я об этом еще не думал(-а)	16,3
Нет, не собираюсь создавать семью	5,0
Другое	1,2
Затрудняюсь ответить	8,0

Столь же определенными являются и планы завести в своих будущих семьях детей, поскольку большинство опрошенных (64,4 %) однозначно заявили, что детей заведет, 14,5 % об этом

еще не думали, 11,5 % затруднились с ответом, а 8,2 % заявили о своем нежелании иметь детей (табл. 9).

Таблица 9

Планы молодежи по поводу будущего рождения детей

Наименование позиции	% указавших
Да, собираюсь иметь детей	64,4
Я об этом еще не думал(-а)	14,5
Не собираюсь иметь детей	8,2
Другое	1,4
Затрудняюсь ответить	11,5

Очевидно, что труд, причем труд созидательный и осмысленный, а также семья и семейные отношения, а равно и дети в семье есть важные ценности и ориентиры для выстраивания жизненных стратегий современной периферийной студенческой молодежи. Но в системе традиционных ценностей российского общества находится также и религия, а точнее религии, которые исповедуют различные народы и сами граждане и которые носят определение «традиционные религии России». Мы не пытались и не имели права вторгаться в сложный характер отношений между молодыми людьми и религией, поскольку эти отношения носят характер личного осознанного выбора, связаны со свободой совести и культурными правами человека, в частности его правом на культурную отличительность и культурную свободу. Но выяснить роль религии в жизни молодежи в самом общем виде было допустимо, а потому в анкету, на основании которой проводился опрос, мы включили соответствующий вопрос. Выбор вариантов ответа на указанный вопрос показал сложный характер религиозных предпочтений молодых людей: только 5 % респондентов назвали себя истинно верующими людьми, но такая самооценка своих отношений с религией не есть показатель значимости религии в жизни молодежи, поскольку она, пожалуй, характеризует только интенсивность посещения храмов и исполнения религиозных обрядов, включая различные ограничения, которые имеются в разных культурах. Атеистом назвали себя 27,4 % респондентов, а самая большая доля опрошенных (46,9 %) указали, что считают себя верующими людьми, хотя редко посещают храмы и не исполняют религиозных обрядов, 17,4 % затруднились определить свои отношения с религи-

ей и богом (табл. 10). Это, кстати говоря, обычная практика для молодежи многих стран мира. **Суммируя ответы респондентов, мы все же можем сказать о значительной роли религии в жизни современной российской студенческой молодежи, которая проживает в периферийных регионах.**

Таблица 10

Какую роль в Вашей жизни играет религия?

Наименование позиции	% указавших
Я истинно верующий(-ая) и регулярно посещаю храмы	5,0
Я считаю себя верующим человеком, но не исполняю религиозные обряды и редко посещаю (не посещаю) храмы	46,9
Я считаю себя атеистом	27,4
Другое	3,3
Затрудняюсь ответить	17,4

Существует некий стереотип восприятия современных межполовых отношений в эпоху цифровой цивилизации и глобальных информационных рынков, который сводится к тому, что здесь основное место занимает секс, но не теплые личностные отношения между мужчиной и женщиной. В этой связи вопрос о роли любви оказался весьма показательным, а точнее – ответы молодежи на этот вопрос и выбранные ими варианты ответов. Оказалось, что только 6,9 % наших респондентов, которые в большинстве своем демонстрировали довольно рациональный подход к построению жизненных стратегий, не верят в любовь; 40,5 % выбрали вариант ответа: «Это то, без чего жить нельзя», а 28,0 % заявили, что еще не нашли своего избранника или избранницу, что в принципе также означает, что им необходим любящий партнер, еще для 19,7 % опрошенных этот вопрос оказался сложным, и они не смогли дать на него ответ (табл. 11).

Таблица 11

Какую роль в Вашей жизни играет любовь

Наименование позиции	% % указавших
Я не верю в любовь	6,9
Я еще не нашел(-ла) своего избранника(-цу), но мне хотелось бы страстной любви	28,0
Это то, без чего нельзя жить	40,5
Другое	4,9
Затрудняюсь ответить	19,7

Термин «тусовка» для молодежи нескольких постсоветских поколений означает активное проведение досуга в кругу своих друзей и знакомых, а порой просто сверстников.

Сегодня, правда, молодежный сленг серьезно обогатился и изменился, но активная досуговая жизнь не потеряла своего значения. Досуг и развлечения (молодежные игры) издавна играли важную роль в жизни молодежи, поскольку они не только обогащали жизнь и делали ее более интересной, способствовали общению, но в процессе досугового общения будущие брачные партнеры находили друг друга и готовились к совместной семейной жизни. Эта функция досуговых мероприятий никуда не исчезла, хотя он и стал более разнообразен. В молодежных тусовках формируется стиль жизни, укрепляется молодежная солидарность, формируются группы по интересам и группы друзей, создаются межполовые партнерские союзы, а нередко и будущие семьи.

Не случайно, что 70,1 % респондентов заметили, что досуг есть «важная, но не главная часть моей сегодняшней жизни», а для 14,8 % досуг вообще является крайне значимым и занимает большую часть бюджета времени молодых людей (табл. 12).

Таблица 12

Роль в жизни молодежи досуга и развлечений, включая интернет-игры и другие формы сетевого самовыражения

Наименование позиции	% указавших
Это значительная часть моей сегодняшней жизни, которой я посвящаю много времени	14,8
Это то, что я больше всего ценю и чему посвящаю большую часть времени	6,6
Это важная, но не главная часть моей сегодняшней жизни	70,1
Другое	1,7

Затрудняюсь ответить	6,8
----------------------	-----

Не менее значимо для молодежи и общение с друзьями, о чем заявили 74,3 % опрошенных, а еще 14,4 % указали, что общение с друзьями для них важно, но не является главным смыслом жизни, а 5,9 % вообще указали, что больше ценят одиночество (табл. 13).

Таблица 13

Роль в жизни молодежи друзей, товарищей

Наименование позиции	% указавших
Общение с друзьями и товарищами для меня очень важно	74,3
У меня есть друзья, но общение с ними для меня не главное	14,4
Я больше ценю одиночество и стараюсь ни от кого не зависеть	5,9
Другое	1,6
Затрудняюсь ответить	3,8

Принципиально важно, помимо всего прочего, определить степень удовлетворенности молодых людей своей сегодняшней жизнью, поскольку трудностей разного плана в ней хватает, о чем отчасти говорилось выше. И тут мы сталкиваемся с первым молодежным парадоксом. Предыдущие исследования указывали на низкую степень социального оптимизма у региональной молодежи в целом и наличие довольно значительных групп молодежи, которые с тревогой смотрят в будущее, а также как предыдущие, так и нынешние исследования свидетельствуют, что значительная часть региональной молодежи не хочет связывать свою жизнь с регионом проживания и намеревается его покинуть. Но тем не менее 16,7 % респондентов заявили, что полностью удовлетворены своей сегодняшней жизнью, а 63,2 % «в основном удовлетворены» (табл. 14). Такого рода ответы связаны, вероятно, не с тем, что происходит за пределами вузов и студенческих коллективов, а с самой атмосферой вузов и характером повседневной жизни студенческих коллективов.

Таблица 14

Насколько Вы удовлетворены тем, как в настоящее время складывается Ваша жизнь?

Наименование позиции	% указавших
Полностью удовлетворен(-а)	16,7
В основном удовлетворен(-а)	63,2
В основном не удовлетворен(-а)	12,2
Абсолютно не удовлетворен(-а)	3,0
Затрудняюсь ответить	5,9

Вышеприведенные соображения подтверждаются ответами на следующий вопрос, связанный с тем, с каким настроением студенты вузов смотрят в будущее. С надеждой и оптимизмом смотрят в будущее 46,4 % респондентов. Доля внушительная, но это все же меньшинство. Спокойно, но без особых надежд смотрят в будущее 32,3 % опрошенных, но эту позицию нельзя расценивать как оптимистическую – это режим осторожного ожидания будущей жизни. А 13,3 % заявили, что смотрят в будущее с тревогой и неуверенностью, а 2,7 – вообще со страхом и отчаянием (5,3 % затруднились с ответом) (табл.15). Таким образом, наши прежние заключения, сделанные на основе проведенных опросов и касающиеся того, что уровень социального оптимизма у периферийной молодежи низок, получили очередное подтверждение. **Более того дефицит социального оптимизма периферийной молодежи становится, вероятно, устойчивым явлением.**

Таблица 15
С каким настроением Вы смотрите в будущее?

Наименование позиции	% указавших
С надеждой и оптимизмом	46,4
Спокойно, но без особых надежд и иллюзий	32,3
С тревогой и неуверенностью	13,3
Со страхом и отчаянием	2,7
Затрудняюсь ответить	5,3

От оценки своего личного будущего логично перейти к тому, как наши респонденты оценивают будущее российского народа в целом, что особенно важно в свете различных потрясений, с ко-

торыми страна и весь мир столкнулись в последние годы (пандемия, экономический кризис, СВО на Украине, противостояние с коллективным Западом). Сразу заметим, что доля сторонников позитивных моделей развития существенно превышает долю скептиков. Так, 20,5 % респондентов выбрали вариант «народ станет более единым и сплоченным, национальное самосознание россиян укрепится», а еще 27,3 % выбрали вариант ответа «жизнь станет сложнее и возможны временные трудности, но мы преодолеем все сложности и станем богаче и сильнее», а 9,5 % не думают, что возможны существенные изменения в жизни россиян. Однако 9,2 % респондентов полагают, что возможны раскол в российском обществе и рост сепаратистских настроений. И стоит заметить, что подобные опасения и взгляды имеют под собой основания, поскольку западные пропагандисты активно стали обсуждать тему раздела (распада) России по этническим границам (о чем подробно сказано выше), а ресурс этничности, пожалуй, сегодня является единственным ресурсом, который можно использовать для попыток расколоть Россию изнутри, и не случайно многие региональные этнические активисты окопались на Западе, получают целевые гранты и создали объединение (Свободная Россия), целью которого становятся смена политического режима и фрагментация общего политического пространства страны. Еще 13,5 % полагают, что в будущем Россию ждут серьезные экономические и социальные сложности – рост безработицы и обнищание населения, а 18,1 % затруднились с ответом (табл. 16), что вполне объяснимо в такой сложной ситуации, ибо даже многие профессиональные эксперты не берутся делать долгосрочные прогнозы по поводу развития страны, хотя перспективы развития четко определены в Послании Президента РФ Федеральному Собранию, озвученном 29 февраля 2024 г.²⁰¹

Таблица 16

Какое будущее Вы видите для российского народа в свете тех изменений, которые имеют место в России и мире?

²⁰¹ Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 03.03.2024).

Наименование позиции	% указавших
Народ станет более единым и сплоченным, национальное самосознание россиян укрепится	20,5
Жизнь станет сложнее и возможны временные трудности, но мы преодолеем все сложности и станем богаче и сильнее	27,3
Не думаю, что возможны какие-то существенные изменения в будущем и положение российского народа вряд ли изменится	9,5
Раскол внутри народа усилится и возможен рост сепаратистских настроений из-за сложностей в России и мире	9,2
Экономические и социальные сложности приведут к росту безработицы и обнищанию значительной части населения	13,5
Другое	1,9
Затрудняюсь ответить	18,1

Еще одной важной позицией является оценка периферийной молодежью достижений и недостатков страны, которые они считают очевидными (табл. 17, 18). Среди достижений примерно треть опрошенных выбрали различные варианты ответов, которые определяют рыночную сущность современной российской экономической модели, хотя наши западные оппоненты теперь пытаются отрицать рыночный статус экономики РФ, а наибольшая доля – 19,4 % – выбрали вариант ответа «изобилие товаров и услуг», что очевидно связано с рыночной экономикой, но говорит о том, что так называемое «потребительское счастье как личное счастье»²⁰² занимает сегодня важное место в системе социальных приоритетов россиян в целом и молодежи в частности. Заметим, что весьма заметная доля респондентов (8,5 %) отметили в качестве позитива «свободное развитие национальных культур», а 7,2 % – свободу слова, 6,7 % – информатизацию и цифровизацию социального пространства. Остальные варианты ответов получили незначительную поддержку со стороны респондентов и вряд ли являются актуальными.

Таблица 17

Какие явления в жизни современной России Вы считаете ее достижениями и оцениваете положительно?

²⁰² Яцино, М. Культура индивидуализма. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – С. 29.

Наименование позиции	% указавших
Изобилие товаров и услуг	19,4
Конкурентный выбор политических лидеров	4,4
Свободная купля-продажа земли	6,5
Частная собственность	11,8
Частное предпринимательство и возможность личного обогащения	11,5
Свобода слова	7,2
Свободное развитие национальных культур	8,5
Информатизация и цифровизация социального пространства	6,7
Провозглашение приоритета прав личности	1,5
Развитие промышленности и сельского хозяйства	3,3
Укрепление суверенитета государства	1,4
Другое	-
Затрудняюсь ответить	16,3

Таблица 18

Какие явления в жизни современной России Вы считаете ее недостатками и оцениваете отрицательно?

Наименование позиции	% указавших
Ситуацию на рынке труда, опасность потерять работу или не найти достойное рабочее место	35,7
Состояние медицинского обслуживания, обеспечение лекарственными препаратами	24,6
Состояние дел в промышленности и сельском хозяйстве	2,1
Высокие цены на продукты и товары первой необходимости	9,0
Коррупция, произвол чиновников	14,7
Преступность, неуверенность в своей безопасности	1,4
Отсутствие порядка, бездействие властей	0,6
Неисполнение законов, правовой беспредел	0,5
Неуверенность в завтрашнем дне, невозможность планировать свою жизнь	0,4
Наркомания	0,7
Межнациональные отношения	1,0
Другое	1,0
Затрудняюсь ответить	-

Но в связи с вышесказанным встает закономерный во-

прос: а какие недостатки видит периферийная молодежь в развитии страны? И здесь, как оказалось, все вполне закономерно и только иллюстрирует те опасения, которые были высказаны нами в первом разделе. Так, 35,7 % (это наивысший показатель) указали на ситуацию на рынке труда, а 24,6 % – на состояние медицинского обслуживания, которое в регионах, а особенно в сельской местности, действительно, часто не соответствует современному уровню развития медицины и потребностям населения (во многих сельских ФАПах нет фельдшеров, хорошего оборудования и достаточного набора лекарств, многие из них нуждаются в ремонте). На третьем месте среди недостатков – коррупция и произвол чиновников (14,7 %), на четвертом – высокие цены на продукты и товары и это, действительно, те проблемы, которые в наибольшей мере тревожат население и о которых нередко говорят политики различного уровня. Все другие сложные проблемы, с которыми сталкивается российское общество пока не стали значимыми раздражителями для периферийной молодежи.

Но, безусловно, наряду с проблемами страны в целом, важно определить, что в наибольшей мере не устраивает молодежь, если речь заходит о регионе их нынешнего проживания. И здесь на первом месте та же проблема, которая была указана в числе недостатков современной России – ситуация на рынке труда. Только эта проблема еще более актуализирована, поскольку на нее указали 40,2 % респондентов. На втором месте в числе негативных явлений указано также состояние медицинского обслуживания – 26,1 %, а далее порядок «значимых негативов» несколько поменялся, поскольку на третьем месте высокие цены на продукты и товары первой необходимости – 9,0 %, а на четвертом, причем со значительным отставанием от того показателя, который имел место применительно к стране в целом, указаны коррупция и произвол чиновников (хотя коррупционные скандалы во многих регионах, где проводилось исследование, были громкими и касались губернаторов регионов) – 3,8 %. Но здесь была велика доля тех, кто затруднился с ответом – 11,7 % (табл. 19), что отчасти связано, видимо, с тем, что молодежь не очень интересуется жизнью своих регионов, ибо значительная ее часть не связывает свое будущее с нынешним местом проживания. Только 30,8 % собираются оставаться в регионах, а 46,6 % (табл. 20) с той или иной мерой уверенности говорят, что поки-

нут его (22,5 % затруднились с ответом) и это один из самых «тревожных звонков» для региональных властей и институтов, занятых формированием и реализацией молодежной политики в регионах.

Таблица 19

Какие явления в жизни Вашего региона Вас особенно беспокоят, чем Вы больше всего не удовлетворены?

Наименование позиции	% указавших
Ситуация на рынке труда, опасность потерять работу для членов семьи или не найти достойное рабочее место после завершения учебы	40,2
Состояние медицинского обслуживания, обеспечение лекарственными препаратами	26,1
Состояние дел в промышленности и сельском хозяйстве региона	3,0
Высокие цены на продукты и товары первой необходимости в магазинах	9,0
Коррупция, произвол чиновников	3,8
Преступность, неуверенность в своей безопасности	1,4
Отсутствие порядка, бездействие властей	1,6
Неисполнение законов, правовой беспредел	0,3
Неуверенность в завтрашнем дне, невозможность планировать свою жизнь	0,7
Наркомания	0,5
Межнациональные отношения	0,1
Другое	-
Затрудняюсь ответить	11,7

Таблица 20

Связываете ли Вы свое будущее с будущим Вашего региона?

Наименование позиции	% указавших
Да, безусловно, я хотел(-а) бы здесь жить и работать	30,8
Скорее всего, нет, ибо я собираюсь реализовывать свои жизненные планы в более динамично развивающихся городах и регионах	36,7
Нет, безусловно, ибо здесь я не вижу никаких перспектив для себя	9,9
Затрудняюсь ответить	22,5

При этом региональный патриотизм среди молодежи тоже не на высоте, поскольку менее половины молодых людей (45,8 %) назвали себя патриотами своего региона, 33,7 % готовы считать себя патриотом «только отчасти», а 9,0 % отказываются считать себя местным патриотом (табл. 21). Подобные настроения фиксируются нами в регионах уже давно и связаны они с тем, что последовательной политики гражданского интеграции в регионах не проводится и почти нигде нет продуманных стратегий укрепления гражданского согласия, а в республиках многие годы все усилия властей сводились к маркированию различий между этническими группами населения регионов, разделению населения по принципу «коренной-некоренной», да и ныне в политической лексике многих губернаторов отсутствуют термины «российская гражданская нация», «общероссийская идентичность», «российское единство», «гражданское согласие» и их спичрайтеры очень плохо разбираются в этнополитической сфере и не знакомы с сущностью социальной инженерии.

Таблица 21

Считаете ли Вы себя патриотом своего региона?

Наименование позиции	% указавших
Да, считаю	45,8
Только отчасти	33,7
Нет, не считаю	9,0
Затрудняюсь ответить	11,8

От региональных и российских проблем вполне уместно перейти к пониманию того, как молодежь оценивает глобальные процессы. И здесь необходимо отметить, что большая часть опрошенных (44,5 %) считает, что современный мир стал менее безопасным, хотя 20,4 % придерживаются обратного мнения, а 16,5 % полагают, что все осталось без изменений, ибо, видимо, ориентируются на то, что конфликтов в мире всегда хватало, а 18,6 % затруднились с ответом (табл. 22).

Таблица 22

Как Вы полагаете, современный мир стал более или менее безопасным?

Наименование позиции	% указавших
Стал более безопасным	20,4
Остался без изменений	16,5
Стал менее безопасным	44,5
Затрудняюсь ответить	18,6

В начале 1990-х гг. при проведении опросов молодежь нередко спрашивали о том, должна ли Россия использовать опыт Запада. Мы решили повторить этот вопрос в нынешних условиях, поскольку ответы на него достаточно показательны. В 1990-е гг. уровень лояльности к опыту Запада среди молодежи был довольно высок, хотя большинство склонялось к тому, что России нужен свой путь развития. Ныне ситуация иная, ибо только 9,8 % молодых людей, опрошенных нами, заявили, что России надо быстрее и шире использовать опыт Запада, 46,3 % полагают, что можно заимствовать только то, что подходит России, 22,0 % вообще отрицают всякие заимствования, а 21,9 % в нынешних условиях затруднились с ответом (табл. 23).

Таблица 23

Россия должна использовать опыт Запада или искать собственный путь развития?

Наименование позиции	% указавших
Да, Россия должна быстрее и шире использовать опыт Запада	9,8
Россия должна взять у Запада только то, что ей подходит	46,3
Нет, Россия должна иметь свой собственный путь развития	22,0
Затрудняюсь ответить	21,9

Начиная с 2004 г. (выступление в Чебоксарах) Президент В. В. Путин говорит о необходимости формирования российской гражданской нации, общероссийской идентичности, укреплении гражданской солидарности россиян. В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», принятой в 2012 г., процессу нациестроительства уделено приоритетное внимание.

В этой связи мы посчитали целесообразным спросить студентов о том, как они понимают статус гражданина, ибо в этом

вопросе какого-то консенсуса в российском обществе, на наш взгляд, пока нет. Большинство студентов (57,6 %) верно понимают, что понятие «гражданин» в первую очередь касается правового статуса жителя того или иного государства и значительная их часть верно понимает политическую сущность взаимодействия гражданина и государства, полагая, что они должны быть партнерами (табл. 24).

Таблица 24

Как Вы понимаете смысл понятия «гражданин»?

Наименование позиции	% указавших
Гражданин – это правовой статус человека, имеющего определенный круг обязанностей и прав в данном государстве	57,6
Гражданин и государство – равные партнеры, которые в равной мере несут ответственность за жизнь страны и ее людей	22,3
Гражданин – это житель того государства, которое выдало ему паспорт	5,8
Гражданин – это член гражданской нации	0,5
Гражданин – это патриот своей страны, человек, готовый жертвовать собой ради ее блага	3,9
Гражданин – это общественный активист	-
Гражданин – это антипод обывателя	-
Другое	-

Надо отметить, что современные молодые люди слабо подвержены влияниям извне, ибо **значимыми другими** для них являются прежде всего родители и родственники (45,0 %), на чье мнение они ориентируются, а также они сами, поскольку собственное мнение и собственные суждения являются наиболее значимыми (24,3 %). Но для 9,8 % важны мнения их друзей, а для 3,7 % – преподавателей (табл. 25). Это свидетельствует, что родные и родственное окружение по-прежнему в России являются важнейшим элементом в социальном окружении молодежи, с одной стороны, а с другой – многие молодые люди склонны к принятию самостоятельных решений и суждений.

Таблица 25

Мнения каких людей являются для Вас наиболее значимыми, с чьими суждениями и советами Вы готовы считаться?

Наименование позиции	% указавших
Мнения и советы моих друзей	9,8
Мнения и советы одноклассников/ однокурсников	-
Мнения и советы преподавателей	3,7
Мнения и советы официальных лиц, политиков	1,0
Мнения и советы родителей, родственников	45,0
Мнения и советы уважаемых мной блогеров	0,9
Мнения и советы журналистов, СМИ	1,0
Мнения и советы других людей (кого)	1,0
Ориентируюсь только на свое собственное мнение	24,3
Другое	2,7
Затрудняюсь ответить	10,6

Начиная с 2021 г. в вопросах молодежи присутствовал блок вопросов, связанных с доверием молодежи к политическим и государственным институтам. Во время предыдущих двух сезонов молодые люди демонстрировали низкую степень доверия как к федеральным, так и региональным политическим институтам. Однако уровень доверия к Российской армии, правоохранительным органам и судебной системе был высок и таким же остается ныне. В прошлогоднем опросе в ряде случаев наблюдалось значительное падение доверия к губернаторам и местным органам власти, что неудивительно в связи с той сложной социально-экономической ситуацией в российских регионах, о которой сказано выше.

Но главное, что зафиксировал опрос 2022 г. – это резкий рост доверия к политическим институтам как федерального, так и регионального уровней (табл. 26), причем стоит заметить, что во всех шести регионах, где проводилось исследование, ситуация практически идентична (см. региональные отчеты). Везде доверие к политическим институтам заметно выросло.

Таблица 26

Насколько Вы доверяете нижеперечисленным государственным или политическим институтам?

В какой мере Вы доверяете следующим гос. институтам	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Полностью не доверяю	Затрудняюсь ответить
Президенту России	27,2	30,4	9,8	11,3	19,8
Правительству России	18,0	32,7	15,8	11,3	21,1
Главе региона	17,9	37,2	13,8	8,1	21,8
Органам местного самоуправления	15,5	34,2	16,4	10,3	22,8
Государственной Думе РФ	15,8	31	16,9	12,8	22,7
Полиции, органам внутренних дел	21,5	35,1	13,4	9,6	19,2
Российской армии	25,3	26,9	12,1	14,7	

На наш взгляд, **рост доверия есть очевидное свидетельство консолидации всего российского общества в условиях СВО и беспрецедентного внешнего давления со стороны коллективного Запада на Россию. Периферийная молодежь России проявляет высокий уровень солидарности со своим народом и политическими лидерами. Одной из форм демонстрации гражданской солидарности стал и резкий рост доверия к политическим лидерам, включая и региональных лидеров.** При этом население видит те многочисленные проблемы, которые наблюдаются в экономическом и социальном развитии регионов, большинство не понимает, какими путями и методами будут решаться эти проблемы, какое будущее ждет местные сообщества. Значительная часть молодежи не видит для себя возможностей самореализации в местах нынешнего проживания и ориентирована на выезд за пределы регионов. *Но все эти проблемы отодвинуты на задний план перед лицом внешней угрозы государству и российскому обществу.* Общество очевидно консолидируется, и пока внешняя угроза не станет слабеть, местные проблемы не будут актуализироваться. Но они никуда не исчезнут. В связи с этим мы можем говорить, что молодежь выдала кредит доверия региональным политическим лидерам и институтам и готова проявлять лояль-

ность к местным элитам, хотя, конечно, есть отдельные радикалы, убежденные в том, что в новых условиях они могут реализовать свои радикальные идеи более успешно. Но в целом мы наблюдаем весьма позитивные изменения, которые одновременно требуют, чтобы региональные элиты шли навстречу молодежи, осуществляли активную и эффективную молодежную политику и отказывались от сугубо декоративных акций и практик.

Россия со времен СССР является этнической федерацией и этничность – это важнейший элемент ее культурного и политического ландшафта. Более того, этничность, которая по своей сути является сугубо культурным феноменом, много десятилетий пытаются политизировать и превратить в политический ресурс. На отдельных этапах развития государства, особенно в переломные эпохи, это нередко удавалось. Более того, те внешние акторы, символом веры для которых является не только ослабление, но и развал России; уповают на то, что ресурс политизированной этничности можно будет задействовать в целях демонтажа Государства Российского и разрушения единства российского общества. С этой целью намереваются использовать этнические границы как основу для формирования множества новых «независимых» государственных образований, сформированных по этническому принципу. За пределами России этнические радикалы объединяются при поддержке западных спонсоров для того, чтобы эффективнее оказывать воздействия на настроения внутри российского общества, а особенно – в национальных республиках. Названные усилия – это сигнал, показывающий необходимость укрепления единства российского общества с использованием как политических, так и культурных инструментов, формирующих прочный фундамент российской идентичности.

В этой связи важно обратить внимание, как в системе взглядов современной периферийной молодежи оценивается этничность. Примордиально (натурфилософское) отношение к этничности («дана от бога») продемонстрировали только 5,5 % респондентов. Для большинства респондентов этническая принадлежность есть форма демонстрации преемственности поколений, актуальности исторической памяти, ибо 47,7 % отметили вариант ответа: «Благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории», – а 11,5 % особый акцент сделали на инструментальном значении этничности, на ее способности объединять людей (на это, кстати,

уповают и этнические радикалы) – «национальность – это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей». В принципе уже в ходе исследований 1990-х гг. было отмечено, что этничность для молодежи, особенно городской, утрачивает значение важного социального и культурного индикатора и потому 7,3 % заявили, что понятие «национальность» устарело, а 3,5 % указали на свободу выбора национальности (этнической принадлежности). При этом 2,5 % опрошенных вообще посчитали разделение людей по этническому признаку способом разделения людей. Очень значительная доля респондентов затруднилась определить свое отношение к этничности – 15,3 % (табл. 27), поэтому не случайно, что во время переписей населения значительные доли опрошиваемых не указывают свою этническую принадлежность.

Таблица 27

Как Вы оцениваете значение национальной/этнической принадлежности человека?

Наименование позиции	% указавших
Национальность дана человеку от природы или от бога и менять ее нельзя	5,5
Благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории	47,7
Каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью	5,5
Национальность – это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей	11,5
Не только в будущем, но уже сейчас понятие национальности в значительной мере устарело	7,3
Человек вправе сам выбирать себе национальность	3,7
Национальность – это то, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу	2,5
Другое	1,0
Затрудняюсь ответить	15,3

С принятием «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» в 2012 г. и наращиванием усилий по пропаганде идеи российской гражданской нации, общероссийской идентичности и гражданской солидарности россиян, прежняя практика реализации государственной национальной политики, когда в регионах основное внимание уделяли

демонстрации культурных отличий и культурных границ между этническими группами, стала постепенно сворачиваться, активизации усилий, направленных на укрепления основ российской гражданской нации и актуализацию общероссийской идентичности, значение этничности будет меняться, хотя для молодежи уже сегодня на первом месте находится общероссийская гражданская идентичность, как показали исследования. Тем не менее в регионах механизмы гражданской интеграции все еще работают плохо. По мере повышения эффективности этих механизмов и роста понимания сущности гражданской нации у региональных элит (его до сих пор во многих случаях нет), единство россиян должно еще более укрепиться. В нынешних сложных условиях укрепление гражданского единства есть важная политическая задача, а потому практики этнополитики, которые тормозят этот процесс, необходимо исключать из общественной и политической жизни регионов.

Особенно сложно процессы гражданской консолидации идут в регионах Северного Кавказа, что связано с тем, что примордиалистское понимание этничности, которое доминирует в представлениях этнических активистов и региональных этнических элит в республиках с финно-угорским населением²⁰³, глубоко укоренилось и в общественно-политических настроениях северокавказского населения, включая и региональные элиты. «Приверженность этничности большей части населения региона характерна для домодерных обществ. Сформировавшая у населения региона общероссийская государственная идентичность основывается на факте гражданства, а не на восприятии жителей страны как сограждан, как народа. Формирование российской гражданской и цивилизационной идентичности остается в стадии постановки задач. Доминирующее в северокавказском научном дискурсе примордиалистское понимание этничности пронизывает культурную жизнь и культурную политику региона. Этничность сохраняется в качестве ключевой категории в построении социальной картины мира.

Такое восприятие этничности является основным вызовом формированию интегративных социокультурных идентич-

²⁰³ Шабаев, Ю. П., Садохина, А. П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. – Москва: Директ-Медиа, 2014.

ностей, политической модернизации²⁰⁴, а также формированию гражданской нации в северокавказском регионе.

Несмотря на снижение этнополитической напряженности, этничность остается главной линией социального раскола и системообразующим фактором регионального политического процесса. Этничность на Северном Кавказе остается политизированной, и признаков ее деполитизации нет»²⁰⁵.

Осложняет социальную ситуацию на Северном Кавказе и создает риски для межгрупповых, межконфессиональных и межэтнических отношений общая социально-экономическая ситуация, которая имеет место в северокавказских республиках, остающаяся крайне сложной. Так уровень официально фиксируемой бедности, т.е. доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума в указанных республиках является самой высокой в стране (вместе с Тувой). По данным на 2020 г., в Ингушетии доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума составляет 30 % населения, в Кабардино-Балкарии – 24,2 % (в Туве этот показатель был равен 34 %).

Все республики остаются глубоко дотационными и доля собственных доходов в формировании их бюджетов очень невелика, а главное не растет. Это связано с имеющими место многочисленными экономическими диспропорциями, для устранения которых началась реализация Государственной программы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» до 2025 г.

Значимость этничности как социального регулятора, имеющего важное значение в жизни региональных сообществ, сформировавшихся в указанном регионе²⁰⁶, отмечалось исследовате-

²⁰⁴ Апажева, С. С., Унежев, К. Х., Зумакулов, Б. М., Мамсиров, А. Х. Современная молодежь Северного Кавказа: проблема выбора между традицией и новациями // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – 2017. – Выпуск 4 (209). – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1713549131&tld=ru&lang=ru&name=32-42.pdf&text=Северный%20Кавказ%20> (дата обращения: 20.04.2024).

²⁰⁵ Авксентьев, В. А. Этничность в современном общественно-политическом и научно-экспертном дискурсе на Северном Кавказе // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г., г. Симферополь. В 2-х т. Т. 1 / под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021 – С. 12.

²⁰⁶ Две республики Северного Кавказа оказались в тройке беднейших в России. – URL: https://stav.aif.ru/society/person/dve_respubliki_severnogo_kavkaza_okazalis_v_troyke_bedneyshih_v_rossii?ysclid=lv7o582fo244516252 (дата

лями неоднократно, Так исследования ВЦИОМ, проведенные в 2015 г., показали устойчивость традиционной системы общественных связей, в числе которых как джамаатская, так и родственная взаимопомощь и патронаж (значимость поддержки влиятельных родственников и знакомств для реализации жизненных планов). Но эта система отношений начинает критически восприниматься молодежью республик Северного Кавказа, ибо является, по их мнению, препятствием для достижения личного успеха. Тем не менее, если в отдельных республиках наблюдается снижение важности данного фактора для получения привлекательного места работы (в Чеченской Республике показатель за последние 4 года снизился с 63 до 52 %, в Карачаево-Черкессии – с 61 до 53 %, в Дагестане – с 66 до 59 %), то в Ингушетии и Кабардино-Балкарии наблюдается обратная тенденция. Добавим, однако, что в этих республиках родственные связи часто используются для того, чтобы молодежь смогла покинуть их и найти себе привлекательную работу за пределами региона, особенно в Москве и Московской области.

Вышеприведенные данные следующим образом прокомментировала директор специальных программ Управления социально-политических исследований ВЦИОМ Елена Михайлова: «Стремление молодежи Северного Кавказа к активному участию в процессах преобразования окружающей действительности формирует потребность в создании эффективных механизмов вовлечения молодых людей в социально-значимую деятельность. Анализ опыта реализации ряда программ в регионах свидетельствует о высокой готовности молодежи к участию в благотворительной, волонтерской деятельности. Такие традиционные этнические ценности как почитание старших, помощь близким и т.п. изначально формируют установки на позитивное отношение к участию в подобных формах социальной активности»²⁰⁷.

Процессы урбанизации и глобализации, помноженные на

обращения: 20.04.2024).

²⁰⁷ Молодежь Северного Кавказа: традиции и современность. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-severnogo-kavkaza-tradiczii-i-sovremennost?ysclid=lv6ywxnqfm343520292> (дата обращения: 20.04.2024).

модернизационные изменения, приводят к изменениям в системе ценностных ориентаций северокавказской молодежи, но, с другой стороны, они же порождают культурные конфликты, которые преимущественно приобретают межпоколенный характер, но несут в себе и потенциальные риски усиления межгрупповых противоречий. В 2023 г. в регионах Северного Кавказа было проведено исследование, целью которого являлось определение рисков, связанных с определением потенциала конфликтности в молодежной среде, особенно в контексте межэтнического взаимодействия²⁰⁸.

«Важным фактором при оценке состояния межнациональных отношений в регионе является представление респондентов о степени значимости проблемы в общении и взаимодействии людей разных национальностей в их регионе (республике). Абсолютное большинство (77,3 %) не считают, что эта проблема является существенной (ответы: «этой проблемы не существует» – 30,8 % и «это незначительная проблема» – 46,5 %). Лишь 11,9 % указали, что это серьезная проблема. Нет значительных различий в ответах по этнической и конфессиональной принадлежности респондентов»²⁰⁹.

Далее авторы указанного исследования останавливаются на причинах, порождающих межгрупповую и межэтническую конфликтность в регионах Северного Кавказа. Как и в других случаях они разные, но здесь есть своя специфика, хотя характер конфликтности существенно меняется. «Особое внимание в исследовании уделялось определению причин межнациональной напряженности в регионе. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Что, на Ваш взгляд, являются основными причинами межнациональной напряженности на Северном Кавказе?» и выбрать из предложенных не более 3-х причин. Большинство опрошенных выделяли социокультурные причины: неприятие культуры и ценностей других народов (51,2 %), а также враждебность и предубеждение к другим народам (50,3 %). Гораздо меньшее значение было уделено этнополитическим причи-

²⁰⁸ Авдеев, Е. А., Ворбьев, С. М. Межнациональные отношения на Северном Кавказе в представлениях молодежи: этнополитическая стабильность и социокультурные риски // Россия в новых измерениях: единство и многообразие Материалы Всероссийской научно-практической конференции Москва, 30 октября 2023 г. – Москва: РГГУ, 2024.

²⁰⁹ Там же. – С. 10.

нам: радикальный национализм (29 %), территориальные конфликты и земельные споры (26,8), социальное и экономическое неравенство, носящее этнический характер (21,6), последствия нестабильности и вооруженных конфликтов постсоветского периода (18,6 %). В сравнении с представителями северокавказских народов русские по национальности респонденты в большей степени сделали акцент на социокультурных причинах (неприятие культуры и ценностей других народов, враждебность и предубеждение к другим народам). Территориальные конфликты и земельные споры в качестве причины напряженности выделяют респонденты из числа народов Северного Кавказа (32,7 %). Для русских это менее значимая причина (21,9 %). Что косвенно свидетельствует о большей важности для северокавказских народов «земли предков». На сегодняшний день территориальные претензии, несмотря на внешнюю стабилизацию, сохраняют конфликтогенный потенциал. Нет больших различий между группами респондентов в оценках значимости таких причин, как социальное и экономическое неравенство, носящее этнический характер, последствия нестабильности и вооруженных конфликтов постсоветского периода... Можно утверждать, если в 1990-е гг. и начале 2000-х гг. основными причинами межнациональной напряженности были социально-политические и этнополитические, то на сегодняшний день формируется тенденция к перетеканию «поля конфликтности» из этнополитической в социокультурную сферу»²¹⁰.

Стоит заметить, что борьба за традиции и за приверженность традициям на Северном Кавказе носит явно политизированный характер, поскольку с помощью идеи приверженности традициям местные политические и этнические элиты стремятся сохранить свои позиции в системе политической власти и в социальной иерархии.

Какие выводы мы можем сделать из анализа вышеприведенных материалов?

Во-первых, происходит очевидная консолидация российского общества вокруг политических и государственных институтов как федерального, так и регионального уровней, причем позиции и настроения периферийной молодежи, которые мы зафиксировали в ходе реализации данного и предшествующих

²¹⁰ Там же. – С. 11.

исследовательских процессов, это очевидно подтверждают. Анализ молодежных настроений подтверждает тот факт, что за последние десятилетия удалось добиться стабилизации социальной и культурной среды, осуществить укрепление гражданской солидарности россиян, включая различные социальные слои, этнические и региональные сообщества. Более того, это доказывает, что исторически сложившееся единство россиян, гражданская сущность российского единства достаточно сильны и являются важным фактором стабильности государства и общества. Но этнические элиты в республиках до сих пор не усвоили и приняли идей гражданского единства и прямо или косвенно противопоставляют гражданство и этничность, способствуют консервации внутренних границ в местных социумах, используя местные традиции как инструмент в политической конкуренции и консервации выстроенных социальных и культурных иерархий. Местные власти под лозунгом сохранения культурного многообразия России проявляют лояльность к этническим националистам и их идеям, что создает угрозу как единству региональных сообществ, так и общенациональному единству.

Во-вторых, периферийная российская молодежь привержена традиционным ценностям, и эта приверженность выражена вполне очевидно. Труд, семья, религия, друзья, преемственность поколений в числе приоритетов у молодых людей. Российское общество очевидно консолидируется вокруг преемственности традиционных ценностей и их востребованности всеми социальными и возрастными группами населения.

Однако наличие названных доминант в социальном и политическом развитии российского общества не исключает социальных и политических рисков, которые необходимо учитывать при планировании и реализации как молодежной политики, так и региональных стратегий социально-экономического развития.

Самая главная проблема образованной и креативной периферийной молодежи – ее неудовлетворенность теми перспективами, которые открываются перед ней, когда она выходит на региональные рынки труда.

Следующий комплекс проблем возникает, когда создаются молодые семьи и начинают рождаться дети.

Для решения указанных проблем в регионах как правило

не хватает ресурсов, а меры государственной поддержки молодежи и молодых семей надо расширять и корректировать, при этом отдавая приоритет в решении проблем созданию условий для наиболее полного использования молодежной активности, ее образовательного и креативного потенциала, а также ее демографического потенциала.

Как показано выше, социально-экономическая ситуация во многих регионах СЗФО и Приволжского округа является проблемной: целый ряд регионов переживают многолетнюю экономическую стагнацию, их производственные комплексы и социальная сфера (особенно медицина и школьное образование) требуют радикального обновления и переустройства в соответствии с потребностями времени, а собственных финансовых ресурсов недостаточно, поддержка федерального центра распределяется между регионами непропорционально. Это приводит к массовому оттоку молодежи из многих регионов страны, хотя именно молодежь должна стать главным актором преобразований и региональных трансформаций.

Глава 4. Полиэтничность как фактор исторического развития России. Современная российская модель выстраивания межнациональных отношений и ее историческая обусловленность

Российское государство изначально было полиэтничным и строилось на двух базовых принципах – **поликультурности** и **соборности**. В 862 г. пять племен в результате совместной договоренности и согласования своих интересов друг с другом пригласили варяжского князя Рюрика «с Русью» (т. е. с дружиной), как гласит «Повесть временных лет», править ими. Указанное событие считается началом российской государственности. Из пяти племен только два были славянскими (словены и кривичи), а три финскими (чуть, весь и меря), а славяно-варяжско-финское взаимодействие к тому времени уже имело прочные корни, о чем свидетельствуют археологические материалы и тот факт, что путь «из варяг в греки» формировался примерно в то же время, что и российская государственность. Тот факт, что государственность сформировалась на Новгородской земле был связан как с торговым значением этой территории, так и уровнем ее развития. Варяги называли северо-западные земли, заселенные славянами и финскими племенами, «Гардарикой» – страной городов, и не случайно Рюрик «срубиша град Ладогу» (т. е. основал первую столицу Государства Российского) именно на этой территории. Столица была основана в Старой Ладоге совсем не случайно, поскольку это поселение являлось одним из старейших городов России и возникло оно, судя по данным археологии, на рубеже VII–VIII вв., хотя первое письменное упоминание о ней относится к середине восьмого столетия (Киев возник позже). В 882 г. преемник Рюрика, Олег Вещий, с воинством, состоявшим из варягов, словен, мери, кривичей, веси, чуди захватил Киев и сделал его столицей своего государства, именно поэтому начальный период существования Государства Российского еще называют Киевской Русью.

Соборный характер возникновения Российского Государства проявлялся и в дальнейшем. Так, после Смутного времени, конец которому положило многокультурное народное ополчение под руководством Минина и Пожарского (памятник которым стоит на Красной площади в Москве), был проведен Земский Собор 1613 г., собравший представителей разных городов и земель (представителей разных сословий), совместным решением которых на престол был возведен народный царь – Михаил Романов.

С XVIII в. правители Руси венчались не на царство, а, вступая на престол, присягали «народу российскому». Формирование прочных основ государственной национальной политики началось в XVI в., когда в состав государства вошли Казанское и Астраханское ханства и началось освоение Сибири. В XVIII в. были созданы правовые и научные основы для окончательного оформления такой политики: был издан указ Екатерины Великой об основах веротерпимости, в 1799 г. появилось Полное описание народов Российской империи, написанное академиком Иоганом Готтлибом Георги, а в 1822 г. принят указ «Об управлении инородцев», заложивший прочные правовые основы государственной национальной политики (этнополитики), сложилась имперская модель этой политики, *причем это произошло раньше, чем в других сложных по составу населения странах*. Имперскую модель сменила советская модель, принципиально отличная от предыдущей, а ее – постсоветская, которая, в отличие от советской, не отвергла опыт предыдущих поколений, а ориентировалась на исторически сформировавшееся единство российских народов и культурный код страны, сложившийся еще на заре российской государственности.

Современное население России, включая молодежь, во многом ориентировано на традиционные ценности и для них историческая память и традиции российской государственности весьма значимы, о чем свидетельствуют результаты массового опроса студентов, проведенного в апреле-мае 2023 г. в семи регионах страны: Республике Карелия, Архангельской области, Республике Коми, Республике Марий Эл, Республике Мордовия, Республике Алтай, Республике Саха (Якутия).

Политика Памяти и политика идентичности. Исторические основы общероссийского единства

История является не только формой коллективной памяти, научной дисциплиной, но и важным инструментом, помогающим реализовывать внутреннюю политику любого государства, поскольку помогает ответить на важные вопросы, на основе которых формируется общенациональное самосознание: откуда мы, кто мы, когда и почему возникла наша страна, как она боролась за свое существование. Главной политической миссией исторического образования и просвещения является формирование и обоснование объединительного мифа, повествующего о глубоких исторических корнях общенационального единства и исторической преемственности гражданского единства. История важна не только для того, чтобы граждане ясно понимали и осознавали свое происхождение и свою неотъемлемую связь с многочисленными поколениями предков и на этой основе формировалась общая гражданская идентичность, она вполне успешно решает задачи текущего политического момента, т. е. помогает реализовывать идейные установки находящихся у власти политических сил. В связи с очевидной политической функцией истории во многих странах осуществляется специальная ПОЛИТИКА ПАМЯТИ, отвечающая интересам и целям доминирующих политических сил и поддерживающих их слоев населения. Для реализации политики памяти создаются специальные институты. В Польше – это Институт национальной памяти, главной целью которого является декоммунизация польского общества и выдвижение обвинений в адрес коммунистического режима в самой Польше и бывшем СССР. Аналогичный Институт на Украине (УИМП), созданный в 2006 г., был призван создать отдельную историю Украины и украинцев и обосновать глубокие традиции украинской государственности, которая не должна быть связана с Россией. В Латвии – Центр общественной памяти призван обоснованно отвергнуть все русское в латышской истории и культуре. В России в ноябре 2023 г. указом Президента учрежден Национальный центр исторической памяти, но его цель не ревизия истории в угоду политической конъюнктуре, а сохранение исторической памяти²¹¹. Для того, чтобы историческое об-

²¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической

разование отвечало общественным и государственным потребностям, в ряде стран образовательная практика строится на основе официально утвержденного ИСТОРИЧЕСКОГО КАНОНА, суть которого состоит определении необходимого минимума исторических знаний у учащихся и содержания предмета истории²¹².

В современной России нет специального института, который бы отвечал за реализацию политики памяти, что, однако, не мешает превращать историческое знание в важное направление общественных инициатив (хотя качество исторического образования и исторического просвещения нуждается в совершенствовании). Среди таких инициатив многочисленные поисковые отряды, занимающиеся поиском останков российских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, и их захоронением (при поддержке региональных властей), деятельность которых активно освещается в СМИ; многочисленные клубы исторических реконструкций (например, клуб «Лейб-Гвардии Преображенский полк, 1709»), популяризирующие различные эпизоды отечественной истории путем воссоздания как визуальных образов людей определенной эпохи, так и реконструкции конкретных событий истории (например, сражение при Бородине в 1812 г.). И, конечно, широчайшую общественную поддержку получила народная инициатива под названием «Бессмертный полк». Существуют также большое количество программ по военно-патриотическому воспитанию молодежи, но, к сожалению, они не опираются на широкую пропаганду богатого исторического прошлого страны, а очень часто эксплуатируют практику простой героизации событий ВОВ (часто не в самой удачной форме), оставляя вне поля зрения еще 1100 лет истории Государства Российского. К примеру, давно пора организовать широкий и активно освещаемый СМИ исторический фестиваль, посвященный основанию российской государственности. Центром такого фестиваля должна стать Старая Ладога. Не менее значимо и важно создать некий ритуальный комплекс, связанный с формированием народного ополчения Минина и Пожарского, окончанием Смуты и избранием «народного царя» Михаила Романова, а цен-

памяти при Президенте Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020022?ysclid=lsyrawnc9x164921220> (дата обращения: 04.02.2024).

²¹² Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2019. – № 4 (40). – С. 62–71.

тром празднований, исторических реконструкций и различных театрализованных действий в этом случае надо сделать Нижний Новгород.

При этом запрос на актуализацию исторической памяти есть как у всего российского общества, так и у молодежи. Здесь мы можем сослаться на результаты массового опроса, который был проведен в апреле-мае 2017 г. в ряде регионов РФ, в том числе в республиках Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии. В каждом регионе опрошено не менее 30 экспертов, 150 учащихся 8–11 классов городских и сельских школ, 150 родителей учеников в городах и селах республик и по 150 студентов вузов. Программа и инструментарий исследования разработаны Институтом этнологии и антропологии РАН.

Чувство гордости за Россию, по мнению экспертов, формируют как естественные науки (2,8 баллов в Коми, 3,5 – в Удмуртии, 4,2 – в Марий Эл, 4,3 – в Мордовии), так и история, краеведение, естествознание (3,9 баллов в Коми, 4,2 – в Удмуртии, 4,5 – в Марий Эл, 5,0 – в Мордовии), языки и литература (3,3 баллов в Коми, 4,1 – в Удмуртии, 4,6 – в Марий Эл, 4,6 – в Мордовии). Примерно то же самое было сказано о роли названных предметов в формировании чувства патриотизма (**и здесь очевидный «лидер» история – 3,9 балла в Коми, 4,2 – в Удмуртии, 4,6 – в Марий Эл, 5,0 – в Мордовии**). Но, пожалуй, наиболее показательны ответы на вопрос, **в какой мере практика преподавания тех или иных предметов в конкретном учебном заведении способствует формированию общероссийской идентичности**. Большинство экспертов в республиках заявили о том, что такую задачу в учебных заведениях решают (а точнее – призваны решать) **история, география, краеведение, а также языки и литература**, т. е. школа, по их мнению, объективно ориентирована, прежде всего, на пропаганду общероссийских ценностей.

Необходимо особо подчеркнуть, что все группы опрошенных очевидно выделяют значимость истории в системе этнокультурного и гражданского (патриотического) воспитания. И это не случайно, ибо воспитание историей – давний и значимый инструмент в «багаже» социальной инженерии, но при этом ради укрепления устоев гражданской солидарности, понимания общей исторической судьбы народов России очень важно не допустить фрагментацию национальной версии истории под напором региональных исторических концепций. Между тем,

именно так порой и происходит в странах, где сформировались сложносоставные сообщества. То же самое мы можем наблюдать, анализируя тексты региональных школьных учебников истории, где встречаются попытки противопоставить исторические судьбы разных российских народов друг другу, которые просматриваются в трактовке различных исторических сюжетов местной истории²¹³.

Крайне важно заметить, что **представители учащейся молодежи, участвующие в опросе, продемонстрировали приоритет не региональной, а гражданско-государственной идентичности:** подавляющее большинство предпочитают, чтобы в повседневной жизни окружающие воспринимали их в первую очередь как граждан России: до 87 % в Марий Эл, более 89 – в Коми, 81 в Удмуртии и 80 % в Мордовии (примерно такие же данные были получены и при опросе в областях).

Опрос, результаты которого мы анализируем, показал давно известный факт: уровень исторического знания даже у выпускников школ является крайне низким (опрашивались студенты, т. е. недавние школьники, с одной стороны, и слушатели университетских курсов истории – с другой). Это свидетельствует о том, что необходимо повысить качество исторического образования, для чего, вероятно, надо существенно менять методики и формы постижения исторического знания, уделяя значительное внимание сочинениям на исторические темы, урокам-дискуссиям и т. д. С другой стороны, респонденты показали невысокое знание важнейших событий отечественной истории, оказавших серьезное внимание на формирование единства российских народов, общероссийской идентичности, культурного кода россиян. И в учебниках истории, и в практиках исторического образования этой стороне учебного курса истории уделяется явно недостаточно внимания, хотя школа с помощью истории и ряда других дисциплин должна формировать не только минимальный

²¹³ Гришкина, М. В. История Удмуртии: учебник для общеобразовательных учреждений. 7 класс. – Ижевск: Удмуртия, 2007; История и культура мордовского края в XVII–XVIII веках: учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений / Э. Д. Богатырев [и др.]; под ред. Н. М. Арсентьева. – Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007; Надькин, Т. Д., Солдаткин, А. П., Щербакова, Т. И. История и культура Мордовского края в XX веке: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений / под ред. Н. М. Арсентьева. – Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2008.

уровень знаний (и готовить учеников к сдаче ЕГЭ), но и воспитывать Гражданина.

В системе политики памяти, воспитания патриотизма, гражданской солидарности и формирования общероссийской гражданской идентичности (являющейся основой российской гражданской нации), безусловно, помимо собственно исторического знания, важное место должно занимать и этнокультурное образование, поскольку в стране проживает около 200 этнических групп, которые сформировались как культурно-языковые сообщества именно на этой территории. Более того, как замечено выше, страна изначально была поликультурной и российское единство есть исторически сформировавшийся союз разных народов, поскольку предки современных россиян, относящих себя к разным национальностям/этническим группам на протяжении многих веков совместно созидали Российское Государство как великую евроазиатскую державу, а ее независимость также отстаивалась усилиями представителей разных народов на протяжении всей истории страны.

В ряде республик приняты специальные программы этнокультурного образования, практически во всех разработаны те или иные учебно-методические комплексы, нацеленные на изучение этнокультурных знаний в школах. Можно сказать, что *создан базовый каркас для этнокультурного образования и просвещения*, что очень необходимо для поликультурной страны, в которой издавна проживают около двух сотен народов. Но анализ названных концепций и учебно-методических комплексов показывает, что во многих случаях необходима их **ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ**. Акцент в таких программах и разработках должен быть смещен в сторону демонстрации и прочного усвоения как учащимися, так и населением в целом **исторически сформировавшейся поликультурности России**, на показ исторической обусловленности российского единства.

Вторая, но равнозначная первой, задача состоит в показе культурной мозаики конкретного региона. К сожалению, во многих региональных разработках вольно или невольно присутствует этноцентризм, поскольку их авторы полагают, что важно в первую очередь дать учащимся и населению знания о культурных традициях народов, чьим именем названа та или иная республика или округ. В этом случае теряется баланс представлений о культурных ландшафтах регионов и страны в целом,

утрачивается просветительская сущность подобной формы образования, поскольку вместо демонстрации исторически сложившегося единства российских народов демонстрируется культурная избирательность, вступающая в противоречие с официально озвученными целями государственной национальной политики.

Ряд экспертов рассматривают подобный перекокс в образовательных программах как очевидный социальный риск и даже отмечают, что он дает основания говорить о гиперэтнизации. В этом есть определенная логика, учитывая роль политизированной этнической идентичности и особенности процесса этнополитической мобилизации²¹⁴. По мнению видного российского исследователя В. Авксентьева²¹⁵, «гиперэтнизация», «гиперэтничность» – это процесс и состояние социума, в которых этнические составляющие становятся определяющими в социальной и культурной политике, восприятии социальных проблем. В этом контексте необходимо **укрепить общероссийскую направленность региональной политики идентичности**, что должно найти отражение в доктринальных документах, касающихся государственной национальной политики всех субъектов Федерации, а равно и в учебных курсах отечественной истории и обществознания.

Следует несколько подробнее остановиться на понятии «этнокультурное образование». Принятый в 2012 г. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» **содержит исчерпывающий перечень понятий, касающихся отечественной системы образования**. В числе базовых понятий термин «этнокультурное образование» отсутствует. Однако статья 6 указанного закона, касающаяся полномочий органов власти субъектов РФ в сфере организации образовательных процессов, подтверждает право республиканских институтов учитывать этнокультурные особенности при формировании учебных программ. На этом основании в Коми (2015) и Карелии (2017) были утверждены республиканские Концепции развития этнокультурного образования. В других республиках с финно-угорским населением в многочис-

²¹⁴ Ачкасов, В. А., Абалян, А. И., Андреев, А. А., Никифоров, А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст. – Санкт-Петербург: Изд-во РГХА, 2021.

²¹⁵ Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В., Гриценко, Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74–97.

ленных публикациях местных специалистов также постоянно дискутируется идея этнокультурного образования, а конкретные школьные программы ориентируют педагогов на распространение среди учащихся этнокультурных знаний (что в принципе верно), причем основное внимание уделяется познанию этнических культур титульных групп, и именно эти темы наиболее разработаны и широко используются в практике преподавания, что нарушает сбалансированный подход в образовательных практиках и косвенно ставит под сомнение конституционный принцип равенства граждан, поскольку об этнических традициях других старожильческих групп населения (и культурной мозаике регионов в целом) говорится, как правило, лишь вскользь. Примером может служить хотя бы разработанная Марийским институтом образования программа для 1–11 классов «Культура народов Республики Марий Эл».

В этой связи мы принимаем термин «этнокультурное образование» не как легитимный, а как условный. При этом он, конечно же, является отражением уже сформировавшихся образовательных практик и идей.

Но первое, что необходимо сказать в связи с обсуждением идеи этнокультурного образования – это не только некорректность самого термина этнокультурное образование, а его смысловое содержание, которое как бы априори нацеливает педагогов на узкоэтнический подход, в то время как в интересах государства необходимо отходить от подобной трактовки. С этой целью следует широко использовать термин **«мультикультурное образование»**, что для многонациональной страны является естественным, ибо очевидно, что указанный термин предполагает широкое знакомство учащихся как с культурным многообразием каждого конкретного региона, так и культурным многообразием страны в целом, причем последнее должно стать обязательным требованием для всех программ в области гуманитарных и социальных наук. Следует не только избегать узкоэтнического образовательного подхода, но необходимо создавать учебную базу для широкого знакомства учащихся с культурным многообразием республик или областей в целом.

Применительно к проблеме развития мультикультурного/этнокультурного образования следует учесть некоторые опасения экспертов, связанные с тем, что стремление федеральных ве-

домств к унификации образовательных стандартов и требований, к усилению в гуманитарных дисциплинах их общегражданской направленности не должно ограничивать свободу творчества и свободу выбора региональных моделей отдельных предметов и дисциплин. «Следует признать, что для отстаивания своих позиций госорганы в сфере образования и администрации образовательных учреждений часто используют административный ресурс. Однако, отстаивая общие стандарты и одерживая верх над поборниками этнокультурной специфики, представители власти и администраций на самом деле не решают, а загоняют вглубь существующие проблемы. Судя по всему, в работе по обеспечению единых стандартов в содержании и уровне образования назрела корректива в пользу идеи, *что признанное государством разнообразие в образовательной сфере и есть то самое единое пространство, что в большей степени подходит для российской действительности, федеративного устройства страны и не позволяет нелегитимные импровизации в образовательной сфере.*

К теме дискриминации из-за культурных различий относится и *проблема ограниченных возможностей получения образования детьми мигрантов и детьми отдельных национальностей*, в частности цыган – неприятие их в те или иные школы, формирование под тем или иным предлогом отдельных классов, создание атмосферы нетерпимости в учебной среде и со стороны родителей школьников. Как показывают исследования, не разрабатываются и не распространяются методические материалы, в которых школьным учителям и вузовским преподавателям разъяснялись бы правовые нормы российского законодательства по недопущению дискриминации на почве культурных различий»²¹⁶.

При этом стоит иметь в виду и обязательно учитывать в образовательных практиках то обстоятельство, что проблема дискриминации может касаться не только этнических меньшинств, но и доминантных групп населения регионов. Ориентация некоторых региональных моделей этнокультурного образования на наиболее полное изучение культурных традиций титульных этнических групп и недостаточное внимание к культуре русско-

²¹⁶ Тишков, В. А., Степанов, В. В. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах России // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / под ред.: В. Тишкова и В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 5.

го населения или иноэтничного населения республик в целом (нередко являющимся большинством населения) есть типичный пример такой формы дискриминации в сфере образования, который не только противоречит принципу поликультурности России, но и нарушает конституционную норму, обеспечивающую равенство прав граждан страны²¹⁷.

Наш опрос (как и ряд предыдущих исследовательских проектов) показал, что социальный запрос на мультикультурное образование у молодежи есть, да и принципиальные положения «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» нацеливают государственные институты в регионах именно на это.

Нормы и культурные ценности в системе межкультурной коммуникации

Ценности, на которые ориентируется то или иное общество (нередко именуемые традиционными ценностями), являются продуктом длительного исторического развития, с одной стороны, и формой негласного соглашения членов сообщества принимать их в качестве регулирующих норм поведения – с другой.

Часть этих ценностей закреплена в формальных актах – законах, распоряжениях. Другая часть определяется религиозными канонами. Третья представляет собой некий опыт совместной жизни представителей разных культурных и религиозных сообществ, который формирует систему повседневного взаимодействия носителей разных культур в сложносоставных сообществах, обеспечивающую их бесконфликтное сосуществование.

В XX столетии нормы бесконфликтного повседневного общения представителей разных культур были облечены в форму неких принципов человеческого общения, светских по своему содержанию. Для их закрепления ООН принял ряд международных норм, направленных на предупреждение преступлений против человечности – геноцида, расизма, ущемления прав меньшинств. В 1995 г. ЮНЕСКО утвердила «Декларацию принципов

²¹⁷ Конституция Российской Федерации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=ltclo8wvjr425064525> (дата обращения: 04.03.2024).

толерантности»²¹⁸, направленную на «сохранение нравственной солидарности» людей.

Система ценностей общества формируется в процессе аккумуляирования социального опыта многих поколений, а потому она имеет относительно устойчивый характер. Именно поэтому они несут название «традиционные ценности». Однако данное понятие достаточно неопределенно, ибо нет застывших и неизменных культур и незыблемых ценностей – и то, и другое меняются во времени, хотя перемены не всегда очевидны. Но, когда мы говорим «нормы христианской морали», «нормы ислама» или «общечеловеческие ценности», мы в принципе понимаем, о чем идет речь.

Социальное регулирование, а тем более социальное управление, могут быть успешными только тогда, когда важные и значимые понятия имеют достаточно ясное толкование и однозначно понимаются как субъектами, так и объектами управления. В первую очередь это касается содержания понятия «традиция». В академическом словаре русского языка это понятие определяется следующим образом: «исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы»²¹⁹. Отсюда становится понятным, что традиционные ценности определяются культурным и историческим наследием народа, которое сохраняет свою актуальность из поколения в поколение.

Когда мы говорим об этнокультурном многообразии населения страны, то подразумеваем локальные и территориальные особенности населения, базирующиеся на трех культурных основаниях: *особенностях хозяйственного уклада и связанных с ним традиций, языковых отличиях, а также религии.*

Долгое время основу культурного своеобразия народов формировала система традиционного хозяйства. Земледельческие народы, хозяйство которых основывалось на пашенном земледелии, огородничестве и стойловом содержании домашнего скота, свой образ жизни и обряды связывали с важными собы-

²¹⁸ Декларация принципов толерантности Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО От 16 ноября 1995 года. – URL: https://shkola9novoaltajsk-r22.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/2223/dok/Deklaratsiya_printsipov_tolerantnosti.pdf (дата обращения: 04.02.2024).

²¹⁹ Словарь русского языка. Т. 4. С-Я. Изд. второе, испр. и доп. / под. ред.: А. П. Евгеньева и Е. А. Разуминкова. – Москва: Изд-во «Русский язык», 1984. – С. 396.

тиями хозяйственного цикла (начало и окончание пахоты и посева, окончание сбора урожая, завершение сенокоса и т. д.). Так, праздник первой борозды был знаковым событием у многих земледельческих народов России. А, к примеру, у северных кочевников-оленьеводов образ жизни и обряды привязывались к двум важнейшим событиям в хозяйственной жизни: перекочевка оленьих стад с летних на зимние пастбища и обратно. Перекочевка на летние пастбища, которые, как правило, были ближе к арктическим морям, где летом ветры отгоняли от оленей кровососущих насекомых, начиналась сразу же после вороньего праздника «Варнэ яля» (ненец.) отмечавшегося в первой половине апреля как праздник прихода весны.

Земельные, пастбищные, охотничьи, рыболовные угодья всегда охранялись обычным правом, маркировались специальными метками и имели особую ценность, что нашло отражение в указах и распоряжениях сначала царской, а затем и имперской России. Наиболее важным документом, подтверждавшим право пользования земельными угодьями, на которых различные малые народы веками вели хозяйственную деятельность, явился «Устав об управлении инородцев», принятый указом императора Александра I в 1822 г. Историческое значение названного документа состоит в том, что он законодательно закрепил культурную автономию меньшинств, т. е. принцип, который многие столетия постепенно становился основанием цивилизационного кода России. При этом *автономия сочеталась с лояльностью всех подданных государству и согласием между культурными элитами*²²⁰.

Если в имперской России уделялось большое внимание сохранению хозяйственной специфики подвластных народов, то большевики после 1917 г. приступили к «социалистическому наступлению на тундру и тайгу», коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, что на деле означало радикальное переустройство хозяйственной жизни всех народов СССР, *ломку устоявшегося образа жизни населения и маркирование вековых традиций как культурной архаики*. Традиционное хозяйство было разрушено и средства производства обобществлены, а все, кто занимался земледелием, овцеводством, оленеводством, морским зверобойным и рыболовным

²²⁰ Омаров, М. А., Шабаев, Ю. П. Политическая история России: Памятные даты и события, повлиявшие на формирование общероссийской гражданской идентичности: справочник. – Москва: РГГУ, 2023.

промыслами, охотой, насильно сгонялись в коллективные хозяйства, а кочевники переводились на оседлость. Однако северное оленеводство, к примеру, всегда строилось на родовой основе, и не все группы северных кочевников можно было реально заставить жить в поселках и быть членами кооперативов. Поэтому все советские годы, наряду с коллективными хозяйствами, продолжали сохраняться и отдельные роды, которые только формально числились членами кооперативов или не числились вовсе, поскольку организовать эффективный контроль за кочевниками в тундре было сложно. Собственно, то же самое можно сказать и об овцеводстве в отдаленных горных районах Северного Кавказа.

В Российской Федерации в **2001 г.** был принят **федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»**, который по своей идее призван охранять систему традиционного хозяйства и территории, где ведется традиционная хозяйственная деятельность от вторжения на них добывающих компаний, промышленных предприятий. Более того в РФ законодательно закреплена и родовая форма организации хозяйственной жизни.

Особенности хозяйственной жизни того или иного народа во многом формируют не только материальный быт (одежду, пищу, жилище и т. д.), но и оказывают влияние на этническое самосознание, систему представлений и язык, который является носителем культуры.

Несмотря на то, что русский язык объявлен государственным языком Российской Федерации и уже много столетий играет интегрирующую роль в государстве, выступая в качестве языка межнационального общения, языка образования и культуры, *страна всегда была многоязычной, ибо на ее обширной территории проживало множество народов, говоривших на языках разных языковых семей*: индоевропейской, кавказской, алтайской, уральской и ряда других менее многочисленных. Некоторые из этих языков имели свою письменность, другие пользовались арабской или иной графикой для написания письменных источников, а значительная часть языков, особенно у малочисленных народов, своей письменности не имела. И хотя в XX столетии для многих народов была создана письменность и стали развиваться их литературные языки, роль русского языка не изменилась.

Более того, эта роль стала только возрастать, поскольку русский был и остается не только языком науки, образования и межнационального общения, но и языком городской жизни. Большинство народов страны до середины XX в. оставались сугубо аграрными сообществами, и основная их часть жила в сельских поселениях.

Со второй половины XX в. ситуация радикально меняется, ибо начинается массовый отток населения из сел, деревень, аулов в города и городские поселки. Но если сельские поселения были преимущественно моноэтническими, и в них люди говорили на языках своих предков, то в городе совместно проживали и трудились представители разных народов, для которых естественным языком общения был русский язык, воспринимавшийся мигрантами из села как неотъемлемый атрибут городской культуры. Поэтому многие городские коми, карелы, удмурты, буряты, калмыки уже во втором поколении полностью переходят на русский язык во всех сферах общения. При этом они реализуют свои культурные права, которые являются органической частью прав человека вообще – право на культурную свободу, т. е. на свободный выбор культурных ценностей, включая язык общения и образования.

Однако именно положение языков становится нередко предметом острых общественных дискуссий в регионах, поскольку принято считать, что язык и этничность связаны неразрывно, а многие этнические активисты к тому же полагают, что человек, принадлежащий по признаку крови к определенной этнической группе (народу как культурно-языковому сообществу), просто обязан знать язык этого народа, как язык предков.

Этнокультурное многообразие страны требует не только официальной поддержки и признания, но диктует определенные нормы межкультурного взаимодействия, включая языковое поведение. Более того, именно языковое поведение в первую очередь обращает на себя внимание в поликультурной среде. *А поскольку язык воспринимается многими активистами этнонациональных организаций и экспертами на местах как основа культурного многообразия и главный маркер культурной отличительности (что не совсем верно)*, постольку надо обратить внимание не столько на языковое многообразие, сколько на языковое поведение носителей разных культур в полиэтничной среде, т. е. там, где они постоянно сталкиваются с людьми дру-

гих национальностей/этнических групп, а именно: на производстве, в офисах, в учебных заведениях, в дружеских компаниях.

Самое важное замечание касается того, что *отношение к языковому многообразию и языковому плюрализму надо формировать через нормы права, причем в первую очередь через понимание принципов прав человека*, к которым относятся и культурные права, такие как *право на культурные отличия* и *право на культурную свободу*, не совсем четко прописанные в российском законодательстве и нечасто упоминаемые экспертами, включая и правоведов.

Для многих этнических активистов и особенно радикалов характерна позиция, согласно которой язык титульных этнических групп (т. е. народов, именем которых названы республики и автономные округа) должен быть обязательным для изучения всеми учащимися средних учебных заведений, а сфера его применения должна быть максимально расширена, хотя нормирование многих языков не завершено, а их лексика недостаточно развита (не хватает научной, общественно-политической, правовой лексики).

Они уповают на то, что государство должно заставить изучать языки силой принуждения. Такая позиция связана с тем, что они воспринимают себя как *моральных цензоров* не только для собственного народа, но и для всего республиканского сообщества в целом, и полагают, что могут диктовать нормы культурного поведения и культурного потребления всем жителям Удмуртии. С другой стороны, игнорирование интересов других этнических групп связано с распространенным в среде этнических националистов восприятием республик как коллективной собственности только одного народа, который с подачи большевиков еще в 1920-е гг. стали именовать «коренным». Коренной народ представляется как «главный народ», а потому его культурные ценности, включая язык, по идее ряда экспертов и этнических активистов могут навязываться всем остальным этническим группам населения, независимо от их желания. Но такая трактовка (часто представленная в замаскированной форме) полностью несовместима с принципами права, ибо она отвергает право, как таковое и в первую очередь принцип конституционного равенства прав граждан.

Но правовая аргументация очень непопулярна у активистов этнических организаций, и, чтобы обосновать расовую по своей сути идею культурных иерархий, согласно которой «ко-

ренные народы» представляются как избранные культурные группы, находящиеся на особом положении в составе республиканских социумов, они противопоставляют права человека групповым правам (которые они называют главными) или неким «специальным правам» этнических сообществ (которые не рассматриваются как субъекты права в международном правовом пространстве). Развивая данные позиции, они проповедуют в различных вариантах диктат группы над личностью. Право, чтобы быть правом, должно быть универсальным (т. е. единым для всех), и никаких исключений из него быть не должно.

Необходимо активно и доходчиво объяснять людям, что всяческие этнические иерархии и особые права культурных групп – это путь к расизму, сторонники названных идей намеренно провоцируют межэтнические конфликты, а заблуждения на этой почве могут оканчиваться трагически.

*Конечно, и властям, и общественным активистам необходимо поддерживать языковой плюрализм, а многоязычие на улице, в торговых центрах должно восприниматься как норма в государстве, где совместно проживают представители двух сотен народов. Более того, языковой плюрализм должен стать нормой жизни и восприниматься всеми, как совершенно естественное явление, хотя сегодня еще не все готовы признать это, поскольку **культура толерантности у современной молодежи пока является недостаточно развитой, ибо меньшая часть респондентов готова соседствовать с представителями культурно и социально отличных групп.***

В этой связи важно иметь в виду, что как представители языкового большинства, так и представители языковых меньшинств не имеют ясного представления о культуре языкового поведения, которое должно быть нормой в многоязычной и поликультурной среде. **Эти нормы пока еще плохо пропагандируются.** То же самое можно сказать и о пропаганде норм жизни в поликультурной среде, хотя есть уже отработанные методики воспитания норм повседневной толерантности – так называемые культурные ассимиляторы, которые детально разработаны не только в западной, но и отечественной науке и адаптированы к российскому культурному ландшафту²²¹.

²²¹ Лебедева, Н. М., Лунева, О. В., Стефаненко, Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников: учебное пособие для студентов психологических специальностей. – Москва, 2004; Лебедева, Н. М., Лунева, О. В., Стефанен-

Гражданская интеграция. Принципы формирования основ российской гражданской нации

В середине 2000-х гг. стало ясно, что российская этнополитика нуждается в серьезном реформировании. И политическая практика все очевиднее доказывала, что этнополитика не может быть отдана на откуп какой-то отдельной группе чиновников, даже весьма квалифицированных. Стало ясно, что суть этнополитики должна состоять в последовательном укреплении государственного единства, формировании гражданской нации россиян и общероссийской гражданской идентичности, координации усилий государственных органов при решении экономических, социальных и культурных проблем этнических меньшинств, в организации их диалога с властью, в позитивном межобщинном диалоге, согласовании действий всех заинтересованных сторон при решении проблем культурного развития республик и округов, гармонизации межэтнических отношений и урегулировании этнополитических и этнических конфликтов и противоречий. Осознание этого факта привело к тому, что в 2012 г. был создан Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, в состав которого вошли как видные специалисты в области изучения этнополитики, так и представители общественных движений, основных конфессий, журналисты. Тем самым было продемонстрировано, что этнополитика должна представлять собой синтез усилий различных государственных ведомств и общественников в деле реализации общей цели построения стабильного и интегрированного гражданского общества.

Значимость координации между различными государственными институтами при проведении государственной национальной политики (этнополитики) была особо подчеркнута в утвержденной В. В. Путиным 19 декабря 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Необходимость координации еще более очевидна в связи с тем, что данный документ не является лишь декларацией намерений, а построен как некое руководство

ко, Т. Г., Мартынова, М. Ю. Межкультурный диалог: тренинг этнокультурной компетентности. – Москва, 2003; Межкультурная компетентность педагога в поликультурном образовательном пространстве: научно-методические материалы / под ред.: О. Е. Хухлаева, М. Ю. Чибисовой. – Санкт-Петербург, 2008.

к действию по следующей схеме: оценка проблемных ситуаций – постановка политических целей и задач – определение механизмов реализации сформулированных целей.

Вторым важным изменением в российской этнополитике стал тот факт, что политическое руководство России не только признало политическое значение такого социального конструкта, как нация, но и активно пропагандирует идею российской нации. В 2004 г. на встрече в г. Казань по вопросам международных и межконфессиональных отношений В. В. Путин впервые заявил, что есть все основания «говорить о российском народе как о единой нации» и необходимости укреплять исторически сложившееся национальное единство россиян. В 2008 г. Д. А. Медведев сказал похожие слова, подтвердив тем самым линию высшего руководства страны на формирование общероссийской национальной идентичности.

Оценка политического значения концепта нации происходила одновременно с признанием принципиальной роли этнополитики во внутреннем развитии страны. Во время президентской кампании 2012 г. основной кандидат в президенты страны В. В. Путин уже в первой программной статье изложил свое видение вопроса, ибо, по его мнению, «для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»²²². Одним из самых важных положений статьи Путина была оценка праздника 4 ноября – Дня народного единства. Этот день есть праздник победы «над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации»²²³.

Принципиально важным является то, что такой весомый политический документ, как «Стратегия...», принятая в первый год нового президентского срока В. В. Путина, имеет ясную и однозначную общегражданскую направленность. Важнейшим ее положением является нацеленность на «укрепление гражданского самосознания и духовного единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации)». «Российская нация» и «многонациональный народ Российской Федера-

²²² Путин Владимир. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 23 янв. – 2012.

²²³ Там же.

ции» рассматриваются в названном документе как синонимы, что демонстрирует намерение властей не противопоставлять этничность согражданству, а добиваться того, **чтобы «политика согражданства» сопровождалась сохранением культурного многообразия страны, а гражданская российская идентичность не противопоставлялась этнической (культурной) идентичности, а сосуществовала вместе с ней.**

Для реализации идеи гражданской интеграции предусматривается разработать целый комплекс мер, причем отмечено, что важную роль в процессе укрепления единства российской нации будут играть такие институты, как армия, школа, учреждения культуры, а деятельность по укреплению «государственного единства» и «единства народа» должна быть межотраслевой и стать общей заботой всех структур власти.

Важной частью этнополитики становится не только формирование российской гражданской идентичности и оптимизация межобщинных отношений, но и профилактика межнациональной напряженности через формирование системы мониторинга, борьба с различными проявлениями межэтнической вражды и экстремизма, а также «гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений»²²⁴.

В числе важнейших целей этнополитики обозначены также сохранение этнокультурного многообразия России и обеспечение успешной социальной и культурной адаптации мигрантов. Этнополитика приобрела не только вполне ясные цели, но идейную определенность, ибо российские лидеры однозначно заявили, что российская этнополитика должна приобрести сбалансированный характер и избавиться от тех дисбалансов, которые имели в ней место прежде.

Одна из первоочередных задач интеграционной политики – формирование культурного образа российской нации, превращение политической идеи в зримые и привлекательные «продукты», являющиеся результатом художественного и научного творчества. Очевидно, что этот образ будет складываться из некой мозаики идей, значений, исторических фактов, которая в общем виде будет представлять достаточно определенное понятие **«МЫ – РОССИЯНЕ».**

²²⁴ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 04.02.2024).

Отсюда вытекает задача усиления гражданских начал в школьном воспитании, ибо школа есть один из важнейших институтов социализации личности. У учащихся и молодежи в целом необходимо воспитывать понимание того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и поликонфессиональное сообщество, а также формировать, как сказано в «Стратегии...», «общероссийское гражданское самосознание». *Гражданское самосознание* важно не само по себе, ибо оно является непременным атрибутом любой гражданской нации, а гражданин всегда должен быть готов к *гражданским действиям*, которые направлены на защиту общественных интересов.

«Стратегия...» есть политический документ, в котором излагаются политико-правовые подходы, на которые необходимо ориентироваться в практике реализации государственной национальной политики, определяются цели и задачи политики в сфере государственного регулирования межэтнических отношений и отношений между государством и культурными сообществами. Но чтобы обеспечить эффективную реализацию целей и задач, изложенных в названном документе, необходимо соответствующее кадровое обеспечение государственной национальной политики. Это в свою очередь требует расширение подготовки и переподготовки преподавателей и государственных служащих в плане их этнологического и этнополитического просвещения, а также широкой просветительской работы среди населения, особенно среди молодежи.

Как нередко говорится нынче, Россия – это нация наций, и суть современной национальной политики становится двуединой: с одной стороны (и в первую очередь!), это обеспечение государственного единства, а также национальных интересов российского народа внутри страны и Российского государства – на международной арене, в том числе и через национальные проекты, модернизационное развитие экономики, систему национального образования. С другой стороны, актуальной задачей является сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных этнических групп и конфессий. Одно совсем не исключает другое, а, наоборот, возможно только в сложном единстве и при эффективном, демократическом управлении.

Важным и принципиальным итогом нашего исследовательского проекта является то, что мы можем утверждать, что

идея нации принята большей частью российской периферийной молодежи и молодежь поддерживает активный процесс нациестроительства, формирования российской гражданской нации.

Молодежь о государственной национальной политике РФ и культурных основах российского общества

Опрос, проведенный в семи регионах страны, включая «самый русский регион» – Архангельскую область (98 % населения называют себя русскими), и самые разные республики (и в географическом плане, и в плане социально-экономического развития, и в культурном отношении), показал, что общая стратегия, направленная на укрепление гражданской интеграции, формирование прочной общероссийской идентичности и российской гражданской нации, имеет прочную основу и социальную перспективу, поскольку опирается на достаточно ясно выраженное стремление молодого поколения ориентироваться на исторически сформировавшийся культурный код российского общества, на традиционные ценности и стремление сохранять свои исторические корни и общую историческую память россиян.

Важно заметить, что три четверти опрошенных являются уроженцами тех мест, где проводился опрос (табл. 28), что весьма характерно для периферийной России и что отличает жителей регионов от российских граждан, проживающих в московской и петербургской агломерациях, а равно и во всех 16 городах-миллионниках страны.

Таблица 28

Как давно Вы живете в данном городе и регионе?

*Выберите один вариант ответа*²²⁵

Наименование позиции	% указавших
Мои родители родом из этого региона, и я тоже родился(-ась) в данном регионе	71,4 %
Я родился(-ась) в другом регионе России и приехал(-а) сюда для учебы	17,8
Другое	3,5
Я родился(-ась) в другом регионе России, а потом моя семья переехала сюда жить	7,3

²²⁵ В названии таблиц сохранены формулировки, приведенные в анкете с тем, чтобы было ясно, что не во всех случаях сумма ответов респондентов должна равняться 100 %.

Поскольку подавляющее большинство опрошенных молодых людей – это местные уроженцы, постольку очевидно, что они имеют достаточно широкие и прочные родственные связи в своих регионах. При этом более половины молодых респондентов заявили, что родственные связи составляют для них главный круг общения, а еще треть (табл. 29) указала на их важное значение. Такая ситуация создает основу для успешной трансляции культурных традиций от поколения к поколению и прочной связи поколений, т. е. говорить о «конфликте поколений» на российской периферии нет оснований, ибо сами социальные реалии, имеющие место в регионах России, способствуют сохранению межпоколенных связей.

Таблица 29

Насколько важно для Вас общение с родственниками (в первую очередь, родителями, бабушками и дедушками, братьями и сестрами), обсуждение с ними важных семейных дел и событий, происходящих в Вашем городе и регионе, стране и мире? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Это основной (главный) круг моего общения по всем вопросам	52,0
Важное место, но не самое значимое	33,9
Общение с родственниками, их новости и суждения обо всем для меня малозначимы, общаюсь гораздо реже, чем с друзьями и однокурсниками	8,9
Другое	2,6
Мой основной круг общения – это прежде всего друзья, сокурсники и т. п., с родственниками стараюсь не общаться	2,6

Весьма показательно, что уровень знания родословной у значительной части респондентов можно считать вполне приемлемым, хотя он чаще всего ограничивается тремя поколениями. Не знают ничего о своих бабушках и дедушках только 1,1 % респондентов (табл. 30), причем это, скорее всего, связано с особенностями истории семьи (ранней смертью старших членов семьи, детдомовским детством родителей и т. д.). Но пятая часть респондентов знает своих родственников до четвертого-пятого поколений и далее, что является очень высоким показателем.

В РФ в целом он будет ниже, поскольку на Алтае, где весьма сильно так называемое родовое движение алтайцев, и в Якутии знание родословной у молодежи очень хорошее. То же самое можно сказать про сельскую молодежь Коми (и представителей разных групп коми, и представителей русского старожильческого населения), про выходцев из сел Архангельской области и вообще про сельскую молодежь. У горожан уровень знания родословной, как правило ниже, хотя в последние годы изучение семейной родословной приобретает все большие масштабы и становится некой модой, о чем свидетельствуют и результаты описываемого опроса (табл. 31). **Надо в этой связи ориентировать уроки краеведения, истории, литературы на демонстрацию этой родословной и желательно в школьных сочинениях.**

Таблица 30

*Насколько хорошо Вы знаете свою родословную по отцовской и материнской линиям, до какого колена помните и знаете родственников, их биографии?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Не со всеми своими бабушками и дедушками лично общаюсь/общался(-ась), знаю биографии не всех	32,6
Лично общаюсь/общался(-ась) со всеми бабушками и дедушками, знаю их биографии	26,0
Знаю биографии всех своих бабушек и дедушек, но не с каждым(-ой) из них общался лично (или ни с кем)	13,8
Знаю биографии всех или некоторых моих прямых предков до четвертого колена (прабабушки и прадедушки)	15,4
Биографии и имена не всех своих бабушек и дедушек мне известны, лично ни с кем из них не общался	5,0
Имею сведения о моих прямых предках до пятого колена	3,3
Вообще не имею сведений ни об одном из своих дедушек или бабушек	1,1
Знаю моих прямых предков до шестого (седьмого) колена и ранее	2,6
Другое	0,2

Таблица 31

Пытались ли Вы составлять свою родословную или собирать сведения о ней? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Не думал(-а) об этом, но, возможно, когда-нибудь займусь	36,7
Да, я уже составлял(-а) родословную и продолжу эту работу	39,2
Нет, не составлял(-а)	24,1

Выше уже было сказано об изначальной поликультурности российского общества и Российского Государства. Эта поликультурность отражается как в культурном ландшафте страны, так и в характере межкультурных коммуникаций как на групповом, так и на личностном уровнях. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные опроса, поскольку **32,7 % респондентов указали, что среди их родственников были или есть представители разных народов страны** (табл. 32). И очень важно, что еще 60 % опрошенных молодых людей указали, что хотя и не знают о наличии в своей ближней и дальней родне представителей иных народов, но считают, что такая ситуация является нормальной для многонациональной страны и только около 2 % опрошенных высказались за то, чтобы все их родственники были одной с ними веры и национальности. В более мягкой форме такой позиции придерживается еще 4,3 %, что в сумме тоже достаточно заметная величина, свидетельствующая о наличии неких интолерантных настроений в культурных позициях ряда молодых людей, что не является неожиданным, ибо другие опросы, тематика которых была несколько иной также выявляют сравнительно высокий уровень интолерантных настроений среди молодежи, хотя доминирующей позицией является та или иная степень повседневной толерантности.

Выше уже была отмечена значимость истории для формирования общественных настроений, для укрепления гражданского единства жителей страны, ибо история формирует и пропагандирует так называемый «объединительный миф», т. е. общность исторических судеб граждан государства, показывает на исторических примерах, как формировалось единство страны, как отстаивалась государственная независимость, как раз-

ные регионы и народы страны принимали участие в процессе формирования территории государства и строительстве государственных институтов.

Таблица 32

*Были ли среди Ваших прямых предков и (или) ближайших родственников представители национальностей (и вероисповеданий), отличающихся от Вашей или Ваших родителей, и как Вы лично к этому относитесь?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Да, были и есть, отношения с ними вполне нормальные и ситуация, когда в одной родне (семье) есть представители разных народов и (или) носители разных религиозных традиций вполне естественна для многонациональной страны	32,7
Не знаю о наличии таких родственников, но считаю вполне нормальным, когда отдельные члены семьи представляют разные национальности и (или) исповедуют разные религии	35,0
Таких родственников точно нет, но считаю это нормальным, когда в родне есть представители разных народов и (или) разных религий	23,0
Точно нет и не было таких, и я бы все же предпочел(-ла), чтобы мои родственники были одной со мной веры и одной национальности	4,3
Другое	1,9
Не знаю о наличии таких, но я категорически не желаю, чтобы среди них были представители другой веры и (или) национальности	1,8
Да, были и есть такие родственники, но я бы все-таки предпочел(-ла), чтобы мои родственники были одной со мной веры и одной национальности	1,3

Формы исторической памяти могут быть различными. Как подчеркивает О. Леонтьева, «в сфере внимания специалистов по исторической памяти находятся "коммуникативная память", охватывающая воспоминания трех-четырех живущих ныне поколений, – и "культурная память", соединяющая современность с давним прошлым; память "мягкая" (личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях) – и память "жесткая" (закрепленная в форме разнообразных "мест памяти", музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат,

мемориалов и церемониалов); обыденные представления о прошлом – и эволюция профессиональных, научных практик исторического описания»²²⁶.

Однако при всем различии форм исторической памяти очевидно, что память эта начинается с отдельной личности и ее окружения, т. е. это чаще всего **семейная память**, связанная с памятью о поколениях предков, с которыми человек связан кровно-родственными связями.

В этой связи важно знать, как задокументирована эта память, сколько семей имеют те или иные формы семейных архивов (или сколько респондентов желают их иметь).

Как свидетельствуют данные опроса (табл. 33) пятая часть молодых людей заявила, что в их семьях имеются достаточно полные семейные архивы, содержащие документы, фотографии, награды, дневники и прочие свидетельства прошлого, более 10 % имеют некоторые элементы задокументированной семейной памяти, а 7,8 % молодых людей заявили о желании создать свой собственный архив (с возрастом эта доля может возрасти).

Таблица 33

*Семейные истории – это часть истории Вашего региона. Есть ли у Вас семейный архив, где хранятся документы, государственные награды, дневники, фотографии с указанием события и времени его фотофиксации, газетные статьи, в которых упоминаются Ваши родственники по отцовской и материнской линиям?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Есть только семейные фотоальбомы и кое-какие документы	51,2
Есть все из вышеперечисленного	20,9
Нет, ничего нет, но я собираюсь создавать свой архив	9,8
Ничего нет и не вижу смысла в собирании семейных архивов	9,5
Раньше был семейный архив, но потом мы его утратили	5,7
Другое	2,9

Возвращаясь к вопросу о поликультурности страны и ее населения стоит заметить, что многие исследователи говорят ныне о падении значимости семейных архивов и традиционных маркеров, о том,

что для современной молодежи этническая принадлежность не актуальная, что межэтнические отношения в стране полностью стабилизировались и риска межэтнических конфликтов в ней больше нет. Все эти утверждения неверны, ибо этничность никуда не исчезает, этнические предрассудки и предубеждения сохраняются, как и интолерантные настроения (о чем сказано выше), а значительная часть молодежи (до половины респондентов), казалось бы, в спокойных и бесконфликтных регионах заявляет о том, что считает вполне возможными межэтнические столкновения и конфликты в регионах своего проживания. В этой связи понятно, почему этнокультурное окружение молодых людей достаточно определено маркировано, поскольку подавляющее большинство респондентов заявили, что знают об этнической принадлежности своих сокурсников или большинства из них (табл. 34). То же самое можно сказать и о дружеском окружении молодых людей: только 11,9 % респондентов не знают об этнической принадлежности своих друзей. И важно еще то, что дружеское окружение у подавляющего большинства студентов является полиэтничным, ибо 76 % респондентов заявили, что среди их друзей есть представители разных национальностей (табл. 35).

Таблица 34

Знаете ли Вы к каким национальностям принадлежат Ваши сокурсники? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Знаю, но не обо всех	47,1
Знаю	37,6
Нет, не знаю	14,4
Другое	0,9

Таблица 35

Есть ли среди Ваших друзей люди разных национальностей? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Да	76,0
Нет	11,6
Я не знаю, к какой национальности принадлежат мои друзья. Это не имеет значения	11,9
Другое	0,5

Важной стороной исторической памяти является поклонение могилам предков – это своеобразный ритуал, связывающий поколения, который освещен тысячелетней исторической традицией практически всех народов. Только 4,2 % наших респондентов заявили, что не считают посещение могил предков «бессмысленной традицией» (табл. 36), а подавляющее большинство придает означенному ритуалу важное значение и около двух третей респондентов делают это регулярно или не очень.

Таблица 36

Считаете ли Вы могилы Ваших предков тем, что эмоционально связывает Вас с малой родиной или территорией проживания, посещаете ли Вы их? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Такую связь ощущаю, но посещать могилы предков САМОСТОЯТЕЛЬНО удастся лишь от случая к случаю, когда есть возможность	28,0
Да, считаю, но посещаю их обычно вместе с родственниками и по их инициативе, для них это обязательный ритуал	22,1
Да, считаю, и могилы предков посещаю САМ – целенаправленно и регулярно	16,0
Посещаю крайне редко (или не помню точно, когда был последний раз), не считаю посещение могил предков чем-то важным, это просто традиция старшего поколения	9,8
Да, считаю, и чтить память предков – это важно, но возможности навещать их могилы не имею (они в другом поселении, регионе или стране)	10,8
Такой связи не ощущаю, могилы предков не навещаю, это бессмысленная традиция	4,2
У нас не принято посещать могилы, но память о предках для меня важна, и она есть часть моей связи с малой родиной	5,3
Другое	3,8

Символическая связь человека с родиной (большой или малой) не ограничивается почитанием «отеческих гробов» и родственными связями. Важнейшее символическое значение здесь

имеет «чувство родины», т. е. восприятие той или иной территории именно Родиной, точнее – малой родиной (61,4 %). Более утилитарная символическая связь с родиной как с местом рождения и привычной культурной средой, «где есть друзья и знакомые», заметно уступает по значимости первому маркеру (37,4 %). Но важно, что вторым по значимости вариантом символической связи названа не только территория, но и местное сообщество – «это земля, природа и люди, которые сформировали меня как личность» (55,0 %), а на четвертом месте по значимости был указан **вариант с этническим подтекстом**, т. е. значимость исторической связи молодого человека со своими предками и этническим сообществом, к которому принадлежали многие поколения предков – 24,1 % (табл. 37). На пятом месте респонденты поставили вариант с сугубо социальным контекстом, а именно: «Это место, где я надеюсь реализовать себя и создать семью» (16,2 %). Но еще одним значимым вариантом была указана позиция, которая имеет четкую этническую маркировку: «Это люди моей национальности, традиции и образ жизни которых мне ближе всего» (13,6 %). Только 5,0 % респондентов указали, что их ничего не связывает с землей, где они живут. Это означает, что большинство молодых людей, проживающих в самых разных российских регионах, ощущают сильную символическую связь с местом своего проживания, со своей малой родиной и данный факт есть свидетельство того, что у региональных властей есть важный символический ресурс, который можно и нужно использовать для стабилизации ситуации в регионах, хотя очевидно, что для молодежи важны не только символические связи с территорией, но и реальные возможности для самореализации на данной территории, которые, как правило, оказываются недостаточными для того, чтобы креативная молодежь закреплялась в периферийных регионах и не стремилась выехать из них. Уровень миграционных настроений среди молодежи на периферии весьма высок²²⁷.

Таблица 37

Помимо могил предков и родственных связей, что еще связывает Вас с этой землей?

²²⁷ Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски: кол. авторов / под ред. М. А. Омарова. – Москва: РГГУ, 2021.

Выберите не более трех вариантов ответа

Наименование позиции	% указавших
Это место моего рождения, моя малая родина	61,4
Это место моего рождения, моя привычная среда, где есть друзья и знакомые	37,4
Это земля, природа и люди, которые сформировали меня как личность	55,0
Это место, где жили многие поколения моих предков, и я связан с ней через историю моего народа	24,1
Это место, где я надеюсь реализовать себя и создать семью	16,2
Это люди моей национальности, традиции и образ жизни которых мне ближе всего	13,6
Меня ничего не связывает с этой землей и людьми, которые на ней живут	5,0
Другое	2,4

Как о значимости символической связи с территорией, так и о значимости истории свидетельствует высокий уровень интереса к местной истории среди молодежи (табл. 38): о своем интересе к ней заявили две трети респондентов (хотя, как реализуется этот интерес, выявить трудно). Но этот интерес очевиден, поскольку фильмы на исторические темы привлекают подавляющее большинство молодых людей (табл. 39).

Таблица 38

Интересуетесь ли Вы историей своего города, республики и места рождения? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Да	73,4
Нет	26,6

Таблица 39

Смотрите ли Вы кинофильмы и сериалы об отечественной истории? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
От случая к случаю, специально такие фильмы или сериалы не ищу	54,6
Да, регулярно, и я интересуюсь этим жанром	21,9
Только в случае, если они зрелищные и с интересным сюжетом, сама историческая канва мне неинтересна	10,1

Нет, такой жанр мне неинтересен в любом случае	11,4
Другое	2,0

В системе политики памяти важное место занимают памятные даты и официальные праздники, среди которых для молодежи наиболее значимым является День Победы (его отметили 73,6 %). Вторыми по значимости были названы религиозные праздники – 58,2 % (Рождество, Пасха, Курбан-Байрам и т. д.), третьим – День защитника Отечества, четвертым – День России (29,0 %), затем День Весны и Труда (31,2 %) и День народного единства (17,9 %) (табл. 40). По поводу Дня России и Дня народного единства как официальных праздников до сих пор раздается много критических голосов, но, как оказалось, они занимают достаточно значимое место в системе праздничных дат молодежи.

Таблица 40

Какие из памятных дней или праздников, связанных с историей и культурой, Вы считаете своими и РЕГУЛЯРНО особо отмечаете по своему желанию?

Укажите все праздники, которые Вы регулярно отмечаете

Наименование позиции	% указавших
День Победы	73,6
Главные религиозные праздники (Рождество, Пасха, Курбан-Байрам и т.д.)	58,2
День города	39,0
День защитника Отечества	46,9
День России	29,0
День республики/области	17,0
День Весны и Труда	31,2
День народного единства	17,9
Другое	8,9

В системе гуманитарного и исторического знания особое место занимают этническая история и этнокультурные знания, о чем сказано выше. Как оказалось, музейные экспозиции на данные темы вызывают интерес у подавляющего большинства молодых людей (табл. 41).

Таблица 41

*Считаете ли Вы, что музеи, где собраны экспозиции, рассказывающие о культуре Вашего народа и культуре других народов региона, являются важными символами и способствуют укреплению исторической памяти народа?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Да	83,8
Не уверен (-а)	12,9
Нет	2,4
Другое (что именно)	0,9

Практически такой же интерес вызывают у молодежи и различные места памяти, которые являются важным звеном в политике памяти (табл. 42).

Таблица 42

*Считаете ли Вы, что различные места памяти (памятники павшим воинам, святые родники и святые места, священные рощи, родовые аласы, етехи и другие места поклонения) являются важными объектами коллективной памяти?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Да	84,4
Не уверен (-а)	11,1
Нет	3,1
Другое	1,4

Что касается активной познавательной деятельности и, в частности, посещения музеев, то больше половины респондентов посещают их редко, что соответствует и общей практике россиян, но при этом треть респондентов заявили, что посещают музеи, и они имеют для них «важное культурно значение» (табл. 43), только 9,6 % указали, что практически не посещают музеи.

Таблица 43

*Посещаете ли музеи и значимы ли они для Вас лично?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Посещаю очень редко, но думаю, что такие объекты важны не для меня лично, а для населения нашего региона	57,1
Да посещаю и они для меня имеют важное культурное значение	31,4
Практически не посещаю и для меня названные объекты не очень интересны и значимы	9,6
Другое	1,9

В такой же степени, как и музеи, респонденты посещают места памяти (монастыри, святые родники, рощи, часовни, родовые аласы, етехи, стойбища, архитектурные и природные памятники) – о своем посещении этих мест заявили 30,6 % респондентов (табл. 44).

Таблица 44

*Посещаете ли Вы места памяти (монастыри, святые родники, рощи, часовни, родовые аласы, етехи, стойбища, архитектурные и природные памятники), которые имеют важное культурное значение для жителей Вашего региона?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Нет, не посещаю	33,8
Есть желание, но нет времени и возможностей	33,3
Да, посещаю	30,6
Другое	2,3

Для корректировки политики памяти исторического образования важное значение имеет позиция молодых людей по поводу той формы, в какой должна преподаваться история, поскольку именно они являются главными потребителями исторических знаний и самой важной целевой аудиторией. На первом месте по значимости оказался вариант ответа: «Как общая история всех народов, которые исторически связаны с территорией нашего региона и как неотъемлемая часть истории всей страны», – 41,8 % ответов, а 27,0 % выбрали вариант: «Как общая история всех народов, которые исторически связаны с территорией нашего региона» (табл. 45). *По сути дела, это ясно сформулированный социальный заказ молодежи, адресованный*

системе образования и, как отмечено выше, сегодня в регионах есть проблемы с реализацией этого заказа!

Таблица 45

В какой форме должна представляться в учебниках история Вашего региона? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Как общая история всех народов, которые исторически связаны с территорией нашего региона и как неотъемлемая часть истории всей страны	41,8
Как общая история всех народов, которые исторически связаны с территорией нашего региона	27,0
Как история ее главного народа, который здесь живет много столетий	22,2
Не знаю, я местной историей не интересуюсь	7,3
Другой ответ	1,7

Тем не менее важно заметить, что 22,2 % указали вариант: «Как история ее главного народа, который здесь живет много столетий». Тот факт, что пятая часть респондентов избрали этноцентристский вариант формирования регионального исторического дискурса, есть свидетельство значимости этноцентристских толкований прошлого, и одновременно он фиксирует, что образовательные практики все еще слабо ориентированы на пропаганду и показ истории формирования российского единства, демонстрацию общих героев и общих деяний предков современных народов (культурно-языковых сообществ), а многие учащиеся находятся в плену узкоэтнических сценариев прошлого. Более того, очевидно, что система образования пока слабо восприняла важные положения «Стратегии государственной национальной политики РФ», однозначно ориентирующей государственные институты на формирование общероссийской идентичности и строгое соблюдение баланса интересов разных этнических сообществ, населяющих Россию. Возможно, именно по вышеуказанной причине 7,3 % респондентов указали, что местная история им не интересна, хотя среди объяснительных моделей отсутствия интереса к местной истории у молодых людей доминирует ссылка на иные интересы (21,1 %), но на втором месте находятся варианты, которые можно трактовать как претензии к качеству программ по местной истории (табл. 46).

Таблица 46

Для тех, кто не интересуется. По какой причине Вам не интересна история места проживания или малой родины? Выберите не более двух вариантов ответа

Наименование позиции	% указавших
Просто у меня другие увлечения	21,1
Ни в школе, ни в СМИ нет увлекательных повествований о местной истории	8,9
У нас больше говорят о политике или экономике и нет широкой пропаганды исторического наследия, поэтому любовь к истории у многих отсутствует	11,4
Другое	15,1
Я не собираюсь связывать свою судьбу с этим городом, регионом и намерен(-а) уехать	8,8
Нет качественных интернет-ресурсов об истории моего края, а печатные тексты и телевизионные передачи являются нудными и малоинтересными	9,4
Не считаю это актуальным и важным	6,1

Конечно, качество уроков истории играет важнейшую роль как в образовательном плане, так и воспитательном, особенно в процессе формирования гражданского самосознания у учащихся, постижения ими культурного кода россиян, укоренения в их представлениях понимания исторической обусловленности поликультурности российского общества. В этом плане весьма важна оценка качества исторического образования, которую дали опрошенные нами студенты периферийных вузов, еще относительно недавно постигавшие основы исторических знаний в школе, а во время опроса знакомились с гуманитарными и социальными науками в вузах. Конечно, в разных школах, как и в разных вузах, качество исторического образования разное, но интегрированная оценка позволяет определить общее состояние исторического образования в периферийных регионах РФ. Очевидно, что оно нуждается в совершенствовании, поскольку высокую оценку дали ему только треть опрошенных (табл. 47). При этом стоит еще раз заметить, что молодежь придает крайне важное значение как историческому знанию, так и исторической памяти, а для политических менеджеров также понятно, что и то, и другое являются важнейшими инструментами в деле формирования и укрепления общероссийской идентичности, сохране-

ния преемственности поколений, цементирувания гражданской солидарности россиян.

Таблица 47

*Как бы Вы оценили качество уроков истории в той школе, которую Вы заканчивали?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Среднее	51,5
Высокое	33,5
Низкое	13,3
Другое	1,7

Что касается региональной истории и ее роли в формировании прочных региональных сообществ, то ее качественное преподавание считает важным весьма значительная часть респондентов, но большинство отмечают, что решение этой задачи должно быть комплексным, и роль истории в этом деле не является решающей (табл. 48).

Таблица 48

*Как Вы полагаете, общая история края и ее широкая пропаганда, качественное и увлекательное описание роли разных народов, проживавших на ее территории, будут полезными для укрепления единства граждан Вашего региона?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Думаю, что да, но полагаю, что нужны и другие инструменты укрепления солидарности граждан региона	43,0
Думаю, что да	36,1
Сомневаюсь в полезности и эффективности воспитания гражданской солидарности с помощью исторического наследия региона	9,4
Думаю, что нет и полагаю, что единство должно формироваться с помощью других мер	10,3
Думаю, что нет	1,2
Другое	-

В плане понимания роли тех или иных культурных позиций для конструирования практики реализации государствен-

ной национальной политики и пропаганды общероссийской идентичности, разработки мер, направленных на ее укрепление, важно понимать, как воспринимает современная молодежь свою связь с культурно-языковыми сообществами (национальностями), с которыми она склонна отождествлять себя. Наибольшая часть опрошенных нами студентов вузов склонна рассматривать этнические (национальные) сообщества как расширенную семью (43,8 %), вторым по значимости вариантом был указан следующий: «С моим народом меня связывает и история, и язык, и культурные традиции, и место проживания» (35,4 %), на третьем месте оказался вариант: «С моим народом меня больше связывает не история, а общий язык и культура» (28,5 %). При этом этническая идентичность и этническое самосознание, которые сегодня играют большую роль, чем язык и этнические традиции, указали 19,1 % респондентов. Стоит заметить, что 12,2 % респондентов вообще заявили, что для них этническая принадлежность не является актуальной, поскольку они считают себя в первую очередь россиянами, а не членами каких-либо культурно-языковых групп – это весьма заметная доля респондентов (табл. 49). Только 2,2 % респондентов заявили, что их ничто не связывает с собственным народом, а 11,5 % считают, что связь ограничивается только местом проживания.

Таблица 49

*Что связывает Вас с собственным народом?
Выберите не более двух вариантов ответа*

Наименование позиции	% указавших
С моим народом меня больше связывает не история, а общий язык и культура	28,5
Думаю, что народ/национальность – это расширенная семья и потому память об истории народа также укрепляет его единство	43,8
С моим народом меня связывает и история, и язык, и культурные традиции, и место проживания	35,4
С моим народом меня связывает культурная солидарность и общее самосознание (идентичность)	19,1
С моим народом меня связывает только место проживания	11,5

Моя национальная принадлежность для меня не является актуальной, поскольку я считаю себя в первую очередь гражданином России	12,2
Затрудняюсь ответить	3,8
С моим народом меня ничего не связывает	2,2
Другое	1,1

Весьма важное значение имеет определение влияния культурных стереотипов и политически некорректных установок на этнокультурные и этнополитические позиции современной молодежи. В числе таких стереотипов и установок главное место имеет система этнополитической иерархии, утвердившаяся в СССР на начальном этапе формирования советской этнополитики, когда главной этнополитической проблемой была названа необходимость размежевания народов и создания этнических автономий в самых различных формах. Для решения названной проблемы была взята на вооружение доктрина этнического национализма, базировавшаяся на двух ключевых идеях: 1) этнические и административные границы должны совпадать, и каждая этническая группа должна иметь ту или иную форму национальной государственности или культурной автономии, 2) в рамках своей автономии этническая группа, чьим именем она названа, объявлялась «коренным народом», а все остальные граждане – «некоренным населением». Представители коренного народа имели право на политические и иные преференции.

Элементы указанной доктрины есть в программных документах многих этнических организаций, но настораживает то, что в речах многих региональных политиков и в практике реализации региональных моделей госнацполитики также вполне очевидно можно выявить ее наследие, хотя в РФ сформирована вполне продуманная доктринальная основа национальной политики, опирающаяся на идею согражданства. Но поскольку и лидеры этнических организаций, и речи региональных политиков, и практики региональной этнополитики, и многие публикации в региональных СМИ грешат «политическим атавизмом», т. е. опираются на далеко не бесспорные положения так называемой «ленинской национальной политики» (опиравшейся на доктрину этнического национализма), постольку в массовых представлениях очень сильны те или иные положения указанной

доктрины. Так, 20,1 % респондентов просто согласны с тем, что в «республике (области) люди, которые принадлежат к титульной национальности (именем которой названа республика) или которые являются исконным населением области, должны обладать некоторыми привилегиями на рынке труда (в отличие от мигрантов), а также в политической и культурной сферах», а 16,6 % полностью согласны с этой этноцентристской идеей. Но 20,1 % не согласны с вышеназванной идеей, 26,4 % полностью не согласны с ней (табл. 50). Опираясь на подобные результаты опроса, мы можем утверждать, что идея конституционного равенства граждан (зафиксированная в Основном Законе РФ) еще не укоренилась в массовом сознании россиян, в том числе и в сознании молодежи, но в этом повинны и региональные политики, и СМИ, и система образования, которые пока не ориентированы на то, чтобы последовательно воспитывать у молодого поколения гражданское самосознание.

Таблица 50

*Согласны ли Вы с тем, что в Вашей республике (области) люди, которые принадлежат к титульной национальности (именем которой названа республика) или которые являются исконным населением области, должны обладать некоторыми привилегиями на рынке труда (в отличие от мигрантов), а также в политической и культурной сферах?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Скорее согласен (-на)	20,1
Скорее не согласен (-на)	20,1
Полностью не согласен (-на)	26,6
Затрудняюсь ответить	16,6
Полностью согласен (-на)	16,6

При этом в этнополитических позициях молодежи (впрочем, как и населения в целом) присутствует некий идейный и правовой парадокс. С одной стороны, значительная часть молодых людей готова признать символические преференции для отдельных этнических групп, с другой – подавляющее большинство – 70,9 % (табл. 51) – хотели бы, чтобы окружающие воспринимали их в повседневной жизни как граждан России, а все граждане равны между собой и обладают равными правами, т. е.

преференции по этническому признаку противоречат самой идее гражданства. Только 4,4 % молодых людей желают, чтобы окружающие воспринимали их как представителей определенной этнической группы/национальности. Это, конечно, есть следствие того, что идеи гражданской солидарности и единой гражданской российской нации стали внедряться в массовое сознание относительно недавно и еще не вполне укоренились в общественных настроениях, а с другой – это есть свидетельство определенных недоработок в практиках региональной государственной национальной политики.

Таблица 51

Как вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Как гражданина страны	70,9
Затрудняюсь ответить	12,1
Как жителя определенного региона	7,1
Другое	5,4
Как представителя отдельной национальности	4,5

Опрос 2023 г. (как и ряд предыдущих исследований) выявил очевидный дефицит регионального патриотизма и политики региональной гражданской интеграции. Единство с жителями своего региона «в определенной мере» ощущают только 49,1 % опрошенных молодых людей, а 22,5 % заявили, что совсем его не ощущают, в «полной мере» ощущают это единство только четверть респондентов (табл. 52).

Таблица 52

Ощущаете ли Вы единство со всеми жителями Вашей республики или области (независимо от их национальной принадлежности), которые составляют региональное сообщество? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Ощущаю в определенной мере	49,1
Совсем не ощущаю	22,5
Да, ощущаю в полной мере	25,0
Другое	3,4

Если оценивать иерархию тождеств/социальных идентичностей на региональном уровне, то практически половина респондентов считает равнозначными гражданскую и этническую идентичности, 14,4 % отдают предпочтение общерегиональной идентичности, а 15,0 % – этнической (табл. 53).

Таблица 53

Что для Вас сегодня более актуально – связь с представителями собственного народа/национальности (этнической группы) или связь с жителями республики/области в целом? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
И то, и другое одинаково значимо	58,8
Связь с жителями республики или области в целом	18,4
Связь с представителями собственного народа	16,0
Другое	6,8

Конечно, говоря о системе этнополитических представлений молодежи нельзя не обратить внимание на оценку состояния межэтнических отношений в тех регионах, в которых проживают молодые люди. Вариации здесь небольшие, хотя и в культурном, и в географическом отношении, и по уровню социально-экономического развития регионы, в которых проводилось исследование, очень разные. Только 2,8 % респондентов по всем семи регионам в целом считают, что отношения между представителями разных этнических групп в их регионах «очень напряженные», 7,6 % выбрали вариант: «Могли бы быть лучше», – а 28,1 %: «Бывает по-разному». Все три указанных варианта в сумме условно можно объединить в одну группу – группу тревожности. И эта группа оказывается в целом весьма значительной, что необходимо учитывать региональным политическим менеджерам. При этом стоит заметить, что и целый ряд предыдущих исследований показал, что довольно значительная часть молодежи не слишком оптимистически оценивает характер межэтнических отношений в регионах и считает, что потенциальная опасность межэтнических отношений существует. Хотя в целом преобладают достаточно оптимистичные оценки (табл. 54).

Таблица 54

Как Вы в целом оцениваете состояние отношений между людьми разных национальностей, сложившееся в Вашем регионе? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Нормальные	35,8
Бывает по-разному	28,1
Отношения очень хорошие	22,1
Могли бы быть лучше	7,6
Затрудняюсь ответить	3,6
Считаю, что отношения очень напряженные	2,8

Но на конкретный вопрос, касающийся потенциальной угрозы внутренних конфликтов в регионе, 40,5 % респондентов ответили отрицательно, 29,4 % – положительно и 29,8 % затруднились с ответом (табл. 55). С одной стороны, это свидетельствует о стабильной ситуации в регионах, а с другой о том, что опасения по поводу возможных внутренних конфликтов регионов есть у значительной части молодых людей. Это говорит о необходимости активной региональной политики интеграции и о необходимости активнее решать региональные социальные, культурные и экономические проблемы, т. е. молодежь негласно формулирует определенный социальный заказ для региональных властей.

Таблица 55

Как Вы думаете, существует ли потенциальная угроза внутренних конфликтов в Вашем регионе между разными национальными группами? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Нет	40,6
Затрудняюсь ответить	29,8
Да	29,6

Показательны также и те угрозы, которые, по мнению респондентов, могут спровоцировать конфликты. Среди них преобладают экономические и социальные проблемы, но важно заметить, что 29,9 % в рейтинге конфликтогенных факторов на втором месте находятся культурные и этнополитические пробле-

мы, в частности «активная пропаганда культурных различий между национальностями» (29,9 %), разная степень политического представительства национальностей в региональных органах власти» (22,1), «недостаточное внимание к развитию культур отдельных национальностей» (24,1), «ущемление интересов и достоинства русских» (17,4) и «действия активистов этнических организаций и движений» (15,4 %) (табл. 56). Спектр конфликтогенных факторов, имеющих существенный «вес» в восприятии потенциальных угроз молодежи, достаточно широк, но очевидно, что все они требуют пристального внимания региональных властей.

Таблица 56

*Если Вы считаете, что конфликты возможны,
то что может их спровоцировать?
Выберите НЕСКОЛЬКО вариантов ответа*

Наименование позиции	% указавших
Снижение доходов населения и рост безработицы	34,2
Существенные различия в доходах и уровне жизни разных национальных групп населения	29,9
Активная пропаганда культурных различий между национальностями и забвение общей истории российских народов	29,9
Разная степень политического представительства национальностей в региональных органах власти	22,1
Недостаточное внимание к развитию культуры отдельных национальностей	24,1
Общее ухудшение социально-экономической ситуации в регионе	25,0
Влияние внешних сил, стремящихся к развалу России	17,8
Ущемление интересов и достоинства русских	17,4
Действия активистов этнических движений и организаций	15,4
Конкуренция между политическими лидерами, принадлежащими к разным национальностям	10,7
Другое	15,2

Следующий вопрос, а точнее ответы на него, должны были показать уровень толерантности региональной образованной мо-

лодежи. И можно констатировать, что он остается недостаточно высоким (о чем свидетельствует и целый ряд других исследований), поскольку только 44,6 % респондентов указали, что для них не существует социальных, религиозных или этнических групп, которые они не хотели бы видеть своими соседями (табл. 57). Это, конечно, не агрессивное неприятие ДРУГИХ (культуры и иных), но важный индикатор, показывающий, что необходимо более активно и последовательно воспитывать у молодых людей культуру толерантности, ибо живут они в сложном сообществе, где культурная и социальная неоднородность является нормой, а не наоборот.

Таблица 57

*Представителей каких социальных, религиозных или национальных групп населения Вы не хотели бы видеть своими ближайшими соседями?
Можно выбрать НЕСКОЛЬКО вариантов ответа*

Наименование позиции	% указавших
Таких групп нет	44,6
Гомосексуалистов	26,8
Цыган	30,4
Безработных	14,8
Мусульман	10,0
Украинцев	11,3
Мигрантов из стран Средней Азии	14,0
Лиц творческих профессий: художников, актеров	9,1
Кавказцев	11,4
Евреев	7,2
Христиан	3,5
Предпринимателей	6,5
Других	3,2

Следующий вопрос имел значимое инструментально значение, поскольку касался того, кто несет ответственность и играет существенную роль в формировании культуры толерантности в обществе. И здесь большая часть респондентов заняла рациональную и верную позицию. Так как 41,6 % избрали вариант ответа: «Сами люди, в сложных сообществах они должны быть толерантны, а толерантность должна воспитываться с детства» (табл. 58). Очевидно, что и каждый отдельный человек, и обще-

ство в целом, и семья как социальный институт играют важное значение в воспитании культуры толерантности, но при этом свою роль должны играть и система образования, и социальная реклама, и СМИ, и власти всех уровней. На особую роль региональных и федеральных властей, а также политических партий в сумме указали больше респондентов, чем на общество, но очевидно, что эффективная модель воспитания культуры толерантности может быть создана и реализована только совместными усилиями общественных организаций и движений и властей всех уровней.

Таблица 58

Кто, на Ваш взгляд, в первую очередь должен нести ответственность за формирование и укрепление единства граждан в регионах РФ? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Сами люди, в сложных сообществах они должны быть толерантны, а толерантность должна воспитываться с детства	41,6
Региональные власти, политические партии и общественные организации	17,9
Региональные власти	13,4
Региональные и федеральные власти в равной мере	13,4
Федеральные власти, которые должны отслеживать развитие ситуации в регионах	8,7
Другое	4,6

Не менее значим вопрос, касающийся местного патриотизма, ибо в РФ власти всех уровней уделяют важное и постоянное внимание этому вопросу и существует много мероприятий как на федеральном, так и на региональном уровнях, нацеленных на воспитание патриотизма у российской молодежи. Однако формальные мероприятия патриотического толка это одно, но патриотизм можно оценить не по отчетам различных ведомств, а только по самооценке молодых людей. С одной стороны, эта самооценка вселяет оптимизм, поскольку 45,4 % без всяких оговорок считают себя местными патриотами, а еще 31,5 % – «с оговорками» (которые могут быть разными, ибо понимание патриотизма, как и многих других жизненных позиций, достаточно субъективно).

Но, важно заметить, что 12,4 % сомневаются в том, что они являются патриотами, а 7,1 % ответили, что не считают себя таковыми (табл. 59). В сумме это почти пятая часть респондентов и значит, что современные региональные модели патриотического воспитания молодежи не являются достаточно эффективными и требуют совершенствования.

Таблица 59

*Считаете ли Вы себя патриотом своего региона?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Да, безусловно	45,4
Считаю, но с оговорками	31,5
Сомневаюсь в этом	12,4
Не считаю	7,1
Другое	3,3

В противовес местному патриотизму патриотизм общероссийский выражен у молодежи (важно уточнить – у молодежи региональной) более очевидно, так как более половины респондентов, безусловно, считают себя патриотами страны – 53,4 %, а еще четверть – с оговорками. Вместе с тем, 3,4 % заявили, что не считают себя патриотами, а еще 8,4 % считают страну проживания Родиной, но не считают себя патриотами (табл. 60). Здесь тоже стоит заметить, что есть необходимость совершенствовать систему патриотического воспитания и делать ее более эффективной, гибкой.

Таблица 60

*Считаете ли Вы себя патриотом России?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Да, безусловно	53,4
Считаю, но с оговорками	25,1
Сомневаюсь в этом	6,4
Не считаю, но считаю Россию Родиной	8,4
Не считаю	3,4
Другое	3,0

Проблема укрепления единства российской гражданской нации, формирования общероссийской идентичности является одной из ключевых задач, продекларированных в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации». И здесь важно обратить внимание на то, какие инструменты, события, институты, с точки зрения молодежи, играют существенную роль в укреплении государственного единства. 55,3 % респондентов заявили, что сближает россиян: «Общая история и общая борьба наших предков за свободу и независимость страны», – а 58,5 % – любовь к Родине и патриотизм, еще 46,0 % указали на «многовековые культурные связи между народами страны» и 38,1 % – на «общие идеалы и традиции» (табл. 61), но именно здесь есть проблемы, особенно в имеющих место федеральных и региональных образовательных программах, о чем отчасти уже было сказано выше.

Таблица 61

*Что, на Ваш взгляд, сближает всех граждан страны
и делает из них единую нацию?
Выберите НЕСКОЛЬКО вариантов ответа*

Наименование позиции	% указавших
Общая история и общая борьба наших предков за свободу и независимость страны	55,3
Любовь к общей Родине, патриотизм	58,5
Многовековые культурные связи между народами страны	46,0
Общие идеалы и традиции	38,1
Гражданское единство	27,9
Гордость за страну, которая принадлежит к великим державам	26,7
Межнациональное согласие, традиции совместной жизни разных народов	27,0
Совместные усилия предков многих российских народов по превращению страны в евроазиатскую державу	16,4
Политическое единство	15,7
Другое	4,5

В противовес инструментам интеграции стоит обратить внимание и на те явления, которые в понимании современной

региональной молодежи способствуют не единению российских граждан, а «работают» на дезинтеграцию российского общества. С большим отрывом от всех других явлений таковым была указана: «Слишком большая разница в качестве и уровне жизни (доходах граждан) между регионами страны», – так ответили 60,0 % респондентов, в этом же ряду находится и проблема недостаточной поддержки со стороны федерального центра местных бюджетов – на это указали 24,3 % опрошенных, а 26,5 % – на слабую вовлеченность региональных политиков в решение как местных, так и федеральных проблем. В числе объективных препятствий назван сложный этнический и религиозный состав населения – 23,6 %, и сформировавшийся характер федеральных отношений, в числе которых «слишком большая зависимость от федерального центра» – 19,8 %, а 21,7 % видят проблемы в недостаточном уровне межрегиональных связей и слабой связанности территорий страны, о чем говорят и многие специалисты – 21,7 %. Озадачивает молодежь и деятельность этнических и религиозных радикалов – 18,8 % (табл. 62).

Заметим, что молодежь отметила многие из тех проблем, которые активно дискутируются и российскими политиками, и экспертным сообществом страны.

Таблица 62

*Что, на Ваш взгляд, сегодня разъединяет граждан страны и препятствует укреплению национального единства россиян?
Выберите не более трех вариантов ответа*

Наименование позиции	% указавших
Слишком большая разница в качестве и уровне жизни (доходах граждан) между регионами страны	60,0
Слабая включенность местных политиков в решение региональных и общегосударственных проблем	26,5
Недостаточная поддержка со стороны федерального центра местных бюджетов	24,3
Сложный национальный и религиозный состав населения	23,6
Слишком большая зависимость регионов от федерального центра	19,8
Слишком слабые связи между регионами России (транспортные, экономические, политические, культурные)	21,7

Деятельность этнических и религиозных радикалов	18,8
Сепаратистские настроения и движения в отдельных регионах	14,7
Затрудняюсь ответить	13
Другое	2,5

В политическом плане крайне важно определить, как молодежь воспринимает идею российской гражданской нации. И это восприятие показывает, что самая большая группа респондентов полностью поддерживает ее – 34,1 %, а еще четверть (25,3 %) поддерживают, но отмечают, что не совсем понимают ее, еще 7,8 % отчасти поддерживают эту идею, поскольку заявляют, что для них важнее другие формы солидарности (этническая, гражданская), хотя идея нации не противоречит и не вступает в конфликт с иными солидарностями, а вполне успешно может сосуществовать вместе с ними. Столь высокая степень поддержки идеи нации свидетельствует о том, что главная цель «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» получает весомую поддержку среди молодежи.

Вместе с тем, 3,9 % молодых людей выступают полностью против идеи нации, 19,5 % затруднились с ответом, 7,7 % сомневаются в том, что в России можно построить гражданскую нацию (табл. 63). И поскольку даже не все сторонники идеи нации полностью ее понимают, постольку очевидно, что система образования плохо работает на то, чтобы она стала понятна населению, равно как и политическая пропаганда, социальная реклама и СМИ. А значит, необходимо качественно совершенствовать и систему образования (особенно преподавание гуманитарных и социальных предметов), и систему политической пропаганды.

Таблица 63

Как Вы в целом относитесь к идее российской нации, т. е. к тому, что жителей страны должна объединять в первую очередь гражданская солидарность и патриотизм? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Я идею поддерживаю, но не совсем ее понимаю	25,3
Я полностью поддерживаю эту идею	34,1

Затрудняюсь ответить	19,5
Я сомневаюсь в том, что в России можно построить гражданскую нацию	7,7
Я лишь отчасти поддерживаю эту идею, поскольку для меня важнее другие формы солидарности (этническая, региональная, религиозная)	7,8
Я полностью против этой идеи	3,9

Очень показательна оценка молодыми людьми региональных практик укрепления единства российской нации. Больше половины респондентов согласны с тем, что пропаганда идеи нации ведется активно, но весьма значительная доля высказалась за ее активизацию и совершенствование (табл. 64).

Таблица 64

*Как Вы считаете, в Вашем регионе работа по укреплению единства российской нации ведется активно и правильно или Вы видите какие-то проблемы?
Выберите один вариант ответа*

Наименование позиции	% указавших
Да, проводится много различных мероприятий общегражданского значения и активно пропагандируется идея российского единства местными властями и СМИ	41,3
Да, мероприятий общегражданского значения много, но местные политические лидеры и СМИ мало говорят о российском единстве, российской гражданской нации и общероссийской идентичности	21,4
Необходимого баланса между пропагандой культурного многообразия региона и местными культурными традициями и пропагандой общероссийского единства у нас в регионе не найдено	8,7
Нет, работа по укреплению единства российской нации, в нашем регионе, на мой взгляд, практически не ведется	9,6
В регионе на первом месте пропаганда культурных традиций коренного народа и некоторых других местных этнических сообществ, а общероссийское единство пропагандируется формально	9,2
Другое	4,6

В плане совершенствования политического менеджмента на региональном и общегосударственном уровнях важное значение имеет характер ответов молодых людей, касающихся их видения угроз национальному единству россиян. Только 24,1% респондентов заявили: «Угроз для единства России я не вижу». Четверть опрошенных видят угрозы, но считают их внешними, но более трети считают, что такие угрозы есть и они являются внутрисистемными (табл. 65).

Таблица 65

Считаете ли Вы, что существуют реальные угрозы для единства России и ее граждан, в чем Вы видите эти угрозы? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Угроз для единства России я не вижу	24,1
Есть определенные угрозы и они, на мой взгляд, связаны с внешними факторами	25,2
Есть определенные угрозы, и они связаны с внутренними факторами, связанными с экономическим неравенством регионов и граждан	15,7
Затрудняюсь ответить	14,8
Есть определенные угрозы, и они связаны с тем, что ситуация внутри страны и на международной арене складывается не в пользу России	10,4
Есть определенные угрозы, и они связаны с деятельностью национальных/этнических активистов и движений	4,4
Есть реальная угроза для единства страны	3,0
Другое	-

Поскольку в качестве респондентов выступала учащаяся молодежь и поскольку система образования имеет крайне важное значение для реализации государственной национальной политики и нациестроительства, постольку пристальное внимание было уделено оценке молодыми людьми качества учебников истории в школе. Однозначно позитивно содержание этих учебников оценили чуть более трети респондентов, остальные либо затруднились с ответом, либо высказывали претензии к учебным материалам (табл. 66).

И очень яркой иллюстрацией качества учебного материала и особенно качества преподавания истории стали ответы ре-

спондентов, касающиеся ключевых дат и событий отечественной истории. Таких дат и событий не очень много, и их усвоение играет существенную роль для формирования жизненных позиций молодежи, их пониманию природы российского единства, содержания понятия «культурный код россиян», «историческая память», «нация». Уровень указанных знаний явно недостаточен.

Таблица 66

Как Вы оцениваете современные федеральные учебники истории и уроки истории и обществознания в школе. Помогли ли они Вам ясно понять, как формировалась российская государственность и российская многокультурность? Выберите один вариант ответа

Наименование позиции	% указавших
Да, учебники дают ясное представление о формировании российской государственности и о том, как разные народы становились частью российского общества, а местные учебники хорошо описывают формирование культурной мозаики регионального сообщества	37,1
Да, отдельные сведения в учебниках федеральных и местных есть, но они не складываются в общую картину, и я не смогу ясно рассказать о путях формирования многокультурного народа и культурной мозаики в местном сообществе	40,5
Нет, ни федеральные, ни местные учебники не уделяют достаточного внимания и не дают ясной картины того, как формировалась российская или местная многокультурность, а из курса обществознания трудно понять, что представляет собой российская гражданская нация	15,3
Другое	7,1

Существенно важное значение имеют ответы на вопросы, касающиеся знания студентами-первокурсниками не общих основ отечественной истории, а только самых значимых событий в ее истории, знание которых должно быть заложено еще в курсе школьной истории и закреплено изучением отечественной истории на первом курсе вузовского обучения.

Мы выделили несколько важнейших событий из многовековой истории России и предложили респондентам ответить, когда они произошли. Конечно, проверить реальный уровень

знаний мы не могли и полагаем, что самооценка студентами своих исторических познаний несколько завышена, на что указывают тестовые проверки этих знаний у студентов, проведенные после завершения указанного исследования. Но тем не менее полученные ответы достаточно показательны.

Так, на вопрос, касающийся даты формирования Государства Российского, 55 % респондентов дали ответ: «Не помню», – 65 % то же самое заявили по поводу времени формирования основ централизованного российского государства, 54 % не помнят, когда ополчение Минина и Пожарского одержало победу над засевшими в Кремле поляками, хотя в вопросе содержалась подсказка, касающаяся Дня народного единства. Более того 76 % «не помнят», когда имела место Первая Отечественная война (война 1812 г.), однако 90 % заявили, что знают годы, когда проходила Великая Отечественная война, а 84 % помнят дату распада СССР. Тот факт, что глубина исторических знаний и их содержательный смысл у современной молодежи неглубоки, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, школьная система исторического образования требует совершенствования, как и вузовские курсы отечественной истории. Во-вторых, очевидно, что в исторической пропаганде и историческом просвещении ранним этапом отечественной истории, сыгравшим ключевую роль в формировании и укреплении государственности, укреплении единства российских народов и складывании культурного кода российского социума, уделяется явно недостаточно внимания, а это чревато социальными и политическими издержками, поскольку *массовая историческая неосведомленность создает благоприятную почву для конструирования и распространения исторических мифов и исторических спекуляций, на основе которых формируются идеи сепаратизма и радикализма, строится фундамент конфликтных этнополитических сценариев и сепаратистских идей, провоцируются противостояние и недоверие в отношениях между разными этническими группами, являющимися органическими частями единых региональных сообществ. Примеров тому достаточно и об этом подробно сказано в первых двух главах данной монографии.*

Старая система исторического образования и просвещения нуждается в срочном обновлении с учетом реалий цифровой эпохи и современных потребностей общества и государства.

Заключение.

Гражданская интеграция и межкультурный диалог как базовые принципы формирования российской государственности и российской идентичности

Результаты исследований, положенных в основу монографии, показывают, что для устойчивого развития страны необходимо обеспечить более динамичные темпы преобразований экономики и социальной сферы во многих регионах страны и в первую очередь в тех, которые отстают в своем развитии от лидеров экономического роста, на отдаленных территориях и в сложных по этническому составу субъектах, где различия в уровне социально-экономического развития территорий и межрегиональные различия в доходах населения могут восприниматься и трактоваться в контексте дискриминации меньшинств. О межрегиональных различиях, особенностях формирования региональных бюджетов и межбюджетных отношений достаточно много написано экономистами и эконом-географами, и мы этой проблемы касаемся лишь отчасти, поскольку она не является сферой наших профессиональных компетенций. Вместе с тем, нам представляется, что в региональных программах социально-экономического развития мало внимания уделяется такой категории, как этноэкономика, хотя, как замечено выше, *этническое разделение труда и хозяйственная специализация этнических групп есть экономическая реальность, которую упускать из практики управления нельзя.* Дело в том, что этнические культуры формировались на основе специфики хозяйства того или иного культурно-языкового сообщества.

Этноэкономика не есть некая архаика, поскольку еще и сегодня коми, удмурты, марийцы, мордва, алтайцы, хакасы, чувши, ряд народов Кавказа остаются преимущественно аграрными сообществами, а значит развитие аграрной сферы региональной экономики есть важная составляющая и практики реализации региональных моделей этнополитики и формирования региональных моделей устойчивого развития. Для северных регионов

страны этноэкономика не менее важна, чем добыча нефти и газа, поскольку сохранение и развитие оленеводства, на котором базируется культура многих северных народов – ненцев, селькупов, эвенков, эвенов, нганасан, есть базовая основа региональных моделей государственной национальной политики в Ненецком, Ямало-Ненецком округах и ряде сибирских регионов. При этом стоит заметить, что оленеводство у саамов отличается от оленеводства у коми-ижемцев, а оленеводство европейских ненцев не является аналогом оленеводческих практик у ненцев Ямала. То же самое можно сказать об охоте и рыбной ловле, составляющих основу хозяйства многих малочисленных народов РФ, морском, рыболовном и зверобойном промыслах поморов европейского севера или чукотских охотников за морским зверем.

Этноэкономическая проблематика тесно связана и с практиками организации межкультурного диалога, особенно это касается сферы земельных отношений. Земельные споры уже давно являются острой проблемой во взаимоотношениях между различными этническими группами, проживающими на Северном Кавказе, особенно они обострились после того, как жителей горных аулов стали переселять на равнины. То же самое можно сказать и о самозахватах земель крымскими татарами после их возвращения в Крым. Система традиционного хозяйства (этноэкономики) есть основа традиционного образа жизни, и к ней (в числе прочего) относятся привычные для жителей того или иного региона способы рыбной ловли в ближайших водоемах, сбор грибов и ягод в близлежащих лесах (независимо от того, представители какой этнической группы проживают на данной территории). Указанные занятия – это не только привычная сфера деятельности, являющаяся важной частью образа жизни, особенно в отдаленных и слабозаселенных местах, но и органичная часть формирования семейных доходов, обеспечения материального достатка. Но когда рыболовные и лесные угодья в отдаленных регионах неожиданно передаются какой-нибудь московской турфирме с благозвучным названием «По клевым местам» и огораживаются колючей проволокой или леса становятся собственностью крупных добывающих компаний, нарушающих привычные способы организации семейной экономики местных жителей, это порождает скрытое, а нередко и открытое недовольство последних, которое в крайних случаях может привести к актам саботажа и порчи имущества новых владельцев,

а порой и волнениям. Не считается с нуждами местных жителей нельзя в любом регионе страны, а интересы хозяйствующих субъектов должны согласовываться с интересами местного населения в обязательном порядке, что и оговорено в российских законодательных актах. Тем не менее иногда интересы местных жителей игнорируются региональными властями и промышленными компаниями, что не остается без последствий. К таковым, в частности, относится запустение территорий, прекращение хозяйственной деятельности на малозаселенных территориях, утрата исторически сформировавшихся культурных ландшафтов.

Споры по поводу пастбищных угодий также весьма распространенная форма земельных конфликтов и приведенный выше пример передачи ненецким оленеводам пастбищ, некогда принадлежавшим поморским хозяйствам из Мезенского района Архангельской области (без согласования с местным населением), не единственный тому пример. Остро стоит и проблема взаимоотношений между оленеводами и нефтяниками (газовиками), поскольку производственные площадки последних нередко оказываются на территориях традиционного природопользования народов Севера, причем не всегда удается решить эти споры на основе взаимной выгоды и конфликты могут приобретать достаточно острый характер²²⁸. Решить названные проблемы должен был федеральный закон «О территориях традиционного природопользования», но для его реализации необходимо разработать правоприменительную практику, которой пока нет. Проблема оптимизации взаимоотношений между крупными промышленными компаниями и малочисленными этническими сообществами состоит не только в необходимости выработки рекомендаций, касающихся использования вышеназванного федерального законодательного акта, а и в этнологической экспертизе, на которую должна была опираться правоприменительная практика. Региональный закон об этнологической экспертизе принят пока только в Республике Саха (Якутия), но до принятия федерального закона дело так и не дошло, хотя этот вопрос долго дискутировался специалистами и находился в сфере внимания Федераль-

²²⁸ В ХМАО был конфликт из-за священных мест: общественник Юрий Вэлла с топором бросался на машины ЛУКОЙЛ. – URL: https://realnoevremya.ru/articles/61481-etnolog-o-konflikte-neftyanikov-i-gazovikov-s-narodami-severa?ysc_lid=lt6sygv67p566009657 (дата обращения: 04.02.2024).

ного агентства по делам национальностей.

Но, как мы уже отмечали, в данной работе основное внимание уделялось анализу политических и культурных инструментов, с помощью которых можно и нужно формировать условия для эффективного межкультурного диалога между различными группами населения регионов (этническими, профессиональными, территориальными), которые обеспечивают гражданское единство и формируют общую политическую идентичность. Одновременно мы сосредоточили усилия на оценке рисков, существующих в сфере этнополитики (и связанных с нею социальных сферах), включая и социально-экономические дисбалансы, препятствующие формированию единого политического, экономического и культурного пространства страны.

Приведенные выше материалы и их аналитическое осмысление позволяют утверждать, что **необходимо дополнить региональные стратегии социально-экономического развития доктринальными документами, определяющими цели, задачи и принципы региональной политики идентичности и политики памяти.**

Известно, что целевые программы регионального социально-экономического развития есть у всех регионов РФ²²⁹, а объединяет региональные программы стратегия пространственного развития страны в целом²³⁰ и иные федеральные документы стратегического характера. Однако в региональных целевых программах, как правило, обойдено вниманием важное направление региональной и общегосударственной политики, а именно – принципы и практики гражданского строительства, формирования общероссийской и региональных идентичностей, укрепления гражданских культурных основ региональных сообществ, политика идентичности и политика памяти. Примером тому может служить Постановление Правительства Республики Коми от 24 ноября 2023 г. № 553 Об утверждении государственной программы Республики Коми «Реализация государственной националь-

²²⁹ Аксенова, Э. А. Региональные программы как инструмент регулирования и управления стратегией развития регионов // Вопросы структуризации экономики. – 2011. – № 4. – С. 4–5.

²³⁰ Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).

ной политики»²³¹.

В указанном документе вообще не предусмотрено мер по укреплению гражданской солидарности в регионе, конструированию прочной региональной идентичности, формирующейся на основе понимания республиканского социума как органической части российской гражданской нации. В числе приоритетных задач в этом документе в качестве первого пункта значится «укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (русской нации)», но это дежурный реверанс в сторону федеральных программ, поскольку, судя по смыслу документа, формирование общероссийской идентичности рассматривается как задача только федеральных органов власти, поскольку вторым пунктом в приоритетных задачах указана не стремление к формированию прочной региональной идентичности и гражданского согласия в региональном социуме, а маркирование культурных границ внутри него – «сохранение этнокультурного и языкового многообразия республики». Задачи интеграции на республиканском уровне не определены, а соответствующие мероприятия не предусмотрены. Отсутствие широкой пропаганды гражданского единства есть следствие лоббистских усилий активистов коми движения, которые упорно настаивают на том, что региональная национальная политика должна строиться на приоритетном внимании к интересам коми народа, которые они сами и определяют, хотя уже давно не пользуются широкой общественной поддержкой. Местные власти под давлением этнического лобби фактически отказываются от политики гражданской интеграции и в этом отношении пример Коми не единичен.

Обратим внимание на региональные программы социально-экономического развития территорий, особенно республик. В них, как правило, отсутствуют понятия «этническая территория», «этноэкономика», «историческая провинция», «этнокультурный регион», «историко-культурный анклав», «культурное

²³¹ Постановление Правительства Республики Коми от 24 ноября 2023 г. № 553 Об утверждении государственной программы Республики Коми «Реализация государственной национальной политики». – URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1713676466&tld=ru&lang=ru&name=41842.pdf&text=Постановление%20Правительства%20Республики%20Коми%20от%2024%20ноября%202023%20\(дата%20обращения%20:21.04.2023\)](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1713676466&tld=ru&lang=ru&name=41842.pdf&text=Постановление%20Правительства%20Республики%20Коми%20от%2024%20ноября%202023%20(дата%20обращения%20:21.04.2023)).

наследие», хотя в системе правового обеспечения государственной национальной политики присутствуют законодательные акты, тесно коррелирующие с указанными понятиями, в частности уже упоминавшийся ФЗ «О территориях традиционного природопользования», а в сфере культурной политики к таковым относится ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

К сожалению, региональная этнокультурная политика долгие годы носила декларативный и символический характер, поскольку строилась, опираясь на эмоциональные мнения и оценки этнических активистов, деятелей культуры и этнически ориентированных общественников. Именно они нередко рекрутировались в экспертные советы, создаваемые при республиканских властных институтах, а потому те структуры, которые должны были быть объектами региональной государственной национальной политики, превратились в субъектов этой политики. В подобной ситуации превратить этнокультурные процессы в реально управляемые, а практику этнокультурного строительства в форму продуманной социальной инженерии не представлялось возможным. Конечно, некие объединения лидеров национально-культурных автономий или региональных/межрегиональных этнических организаций должны существовать и к мнению их лидеров и активистов надо прислушиваться, но эти структуры **ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТДЕЛЕНЫ ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ** и не становиться ни их придатком, ни тем более региональными цензорами, определяющими практику реализации государственной национальной политики на местах, как это порой происходит.

В противном случае национальная политика становится заложником групповых интересов и не работает на интересы государства и общества в целом.

Недостаточное внимание к гуманитарной составляющей гражданского строительства, укрепления регионального и общероссийского единства, приводит к неверному пониманию практики государственной национальной политики региональными управленческими структурами.

Практика государственной национальной политики и культурной политики на местах нередко воспринимаются как работа, связанная с организацией и тиражированием мероприятий сугубо символического и развлекательного плана, не ори-

ентированных на последовательное, вдумчивое и целенаправленное формирование прочных гражданских идентичностей, устойчивых традиций межкультурного взаимодействия между этническими и конфессиональными группами местного населения, пропагандой общероссийского единства. Долгосрочные цели государственной национальной политики, четко сформулированные в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», забалтываются и «тонут» в огромном количестве бессистемных, но уже ставших рутинной перечне мероприятий, рассматриваемых как содержание региональных моделей государственной национальной политики: многочисленных фольклорных фестивалях и днях национальных культур, выставках национального костюма и днях национальной кухни, попытках конструирования национальных спортивных фестивалей и «древних» языческих праздников, вернисажах этнофутуристов и прочих попытках маркировать культурные границы между этническими группами, на которые рядовые граждане (а особенно молодежь) взирают как на очередное шоу, никак не влияющее на их мировосприятие. «Культурный винегрет» из разнообразных фольклорных стилизаций (качественных обращений к фольклору мало) и искусственно сконструированных «национальных праздников» нередко сопровождается публичными реверансами в адрес избранных этнических групп со стороны местных политических лидеров, забывающих при этом упомянуть о российском единстве, российской нации и многовековом опыте межкультурного взаимодействия народов страны. *Более того, целевой и долгосрочный характер национальной политики как политики, четко нацеленной на формирование устойчивых местных сообществ как системы взаимосвязанных, взаимодополняющих и наполненных гражданским смыслом акций и мероприятий, в деятельности институтов этнополитики, институтов культуры и региональных политических институтов часто просматривается с трудом или вообще только декларируется.* Сегодня нет действенных критериев оценки эффективности региональных практик государственной национальной политики, хотя очевидно, что если имеют место конфликты, связанные с отношениями между этническими группами, между местным населением и мигрантами, местным населением и хозяйствующими субъектами, то это есть очевидные индикаторы несбалансированности названной поли-

тики, отсутствия в ней действенных механизмов и инструментов, обеспечивающих решение местных проблем в рамках межкультурного диалога.

В этом отношении важно обратить внимание на структуру региональных целевых программ, разработанных и принятых в подавляющем большинстве российских регионов.

Обращая внимание на социальные аспекты регионального развития и в первую очередь на этнополитическую проблематику, мы вынуждены отметить, что многие имеющиеся проблемы и этнополитические риски определяются спецификой современного состояния региональной экономики, сферы социального сервиса, уровня развития культурных институтов, а также воздействием неформальных, но укоренившихся в массовых настроениях социальных образах регионов, которые не всегда позитивны, что указывает на отсутствие качественной социальной рекламы и политики идентичности, формирующей позитивные образы территориальных сообществ.

В числе сфер первоочередного внимания региональных и федеральных политических менеджеров, на наш взгляд, должна находиться (и уже находится) демографическая политика, в первую очередь, стимулирование рождаемости и поддержка молодых семей.

Разрушение стабильности региональных сообществ, включая титульные этнические группы в ряде республик, происходит не потому, что молодежь не хочет изучать языки предков и говорить на них и не потому, что не чтятся местные традиции, а потому, что молодежь считает жизнь в данном конкретном регионе некомфортной, не верит в то, что там, где она родилась, есть реальные условия для социальной мобильности, получения достойной работы, решения материальных проблем. Многие регионы, включая национальные республики Европейского Севера, Поволжья, Северного Кавказа, сибирские и дальневосточные регионы активно теряют население и в первую очередь молодежь, которая уезжает в другие регионы в поисках лучшей жизни и перспектив для личного карьерного роста. А это в свою очередь приводит к росту среднего возраста жителей, ухудшению демографического качества населения в целом и отдельных этнических групп населения регионов в частности.

Поэтому первой проблемой, которую необходимо решать в контексте формирования модели устойчивого развития того или иного региона, – это демографическая проблема.

Государство осуществляет целый комплекс мер для поддержки молодых семей – это и материнский капитал, и ежемесячные выплаты на малолетних детей, и льготная ипотека для молодых семей, и определенные формы материальной поддержки со стороны регионов (хотя обычно весьма ограниченные по своим масштабам). Но специалисты признают, что эти меры недостаточны, и надо искать дополнительные стимулы для укоренения населения в регионах, где высока миграционная подвижность населения.

Решение демографических и социальных проблем регионального развития невозможно, как неоднократно замечено выше, без устойчивого роста экономики и социальной сферы, инвестиций и инноваций, для чего необходимо, во-первых, разработать глубоко обоснованные региональные программы социально-экономического развития, которые необходимо и публично обсуждать, и пропагандировать с тем, чтобы у населения регионов был не только позитивный образ регионального сообщества, но и ясный образ будущего развития их малой родины. Позитивный образ будущего региона есть еще и инструмент формирования личных долгосрочных планов молодежи, ориентированных не на миграцию, а на укоренение в местах нынешнего проживания.

Другая сторона устойчивого развития регионов – это формирование климата доверия в регионах, бесконфликтного взаимодействия этнических групп, поскольку отсутствие такого климата также порождает миграцию, причем миграцию этнически окрашенную, примером чему может служить отток русского и русскоязычного населения из целого ряда республик Северного Кавказа²³².

Помимо экономических и связанных с ними демографических и социальных проблем (таких как проблема бедности), важное значение имеют и образовательная политика, а также политика памяти. В этом отношении особенно значимо историческое образование и историческое просвещение населения регионов,

²³² Суций, С. Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (Первая половина XXI века). – URL: <https://docviewer.yandex.ru/> (дата обращения: 04.02.2024).

ибо отсутствие продуманной политики памяти порождает спекуляции на исторические темы, служит инструментом формирования конфликтных моделей прошлого и инспирирования межэтнических конфликтов, разрушения исторически сложившегося гражданского единства россиян.

На наш взгляд, сегодня в историческом образовании и просвещении необходимо сделать акцент на показе *исторической обусловленности* единства российских народов, многовековом процессе формирования российского единства, демонстрации общих деяний и подвигов, каковым, к примеру, является покорение и колонизация Сибири или прекращение Смуты.

Во всех республиках РФ уделяется много внимания сохранению и пропаганде культурных традиций, населяющих их народов, поскольку культурное многообразие страны ее **поликультурность** являлись изначальной основой российской государственности. Практически в каждой национальной республике приняты специальные программы или курсы этнокультурного образования или разработаны те или иные учебно-методические комплексы, нацеленные на демонстрацию этнокультурных знаний в школах. Можно сказать, что *создан базовый каркас для этнокультурного образования и просвещения*, что очень необходимо для поликультурной страны, в которой издавна проживают около двух сотен народов. Но анализ названных концепций и учебно-методических комплексов показывает, что необходима их **ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ**, поскольку, во-первых, этнокультурное образование не превратилось в мультикультурное, в котором сбалансировано представлены материалы, показывающие реальное культурное многообразие страны в целом, проявившееся еще при зарождении российской государственности. Во-вторых, в региональных образовательных разработках нет четко акцентированного указания на полиэтничность регионов и ее историческую обусловленность, а основной акцент делается на демонстрации материалов, характеризующих культуры неких «коренных народов», хотя все народы страны являются «коренными», поскольку предки всех народов в той или иной мере принимали участие в строительстве государства и защите его независимости. Деление этнических групп на разностатусные этнические группы должно быть навсегда исключено из публичной политики и образовательных программ, ибо оно

противоречит принципу конституционного равенства граждан РФ. Конечно, если педагог обладает достаточным уровнем межкультурной компетенции, он может правильно выстроить подачу материала, касающегося описания местной этнокультурной истории, но часто у учителей нет достаточных знаний в указанной сфере, а некоторые республиканские концепции этнокультурного образования грешат этноцентризмом.

Второй важный принцип российской государственности, заложенный в **российский культурный код**, в политике памяти и политике идентичности также учитывается недостаточно. Речь идет о **соборности**. Сегодня акцент в программах и разработках, нацеленных на пропаганду региональных культурных традиций, должен быть смещен в сторону демонстрации исторической обусловленности российского единства.

Представляется необходимым в системе среднего и высшего образования (в программах преподавания гуманитарных и социальных предметов) уделить разработке тем, связанных с процессами государственного строительства в России, формирования и укрепления поликультурности российского общества, исторической обусловленности российского единства, демонстрации фактов совместной борьбы за свободу Отечества, включению этих тем в образовательные программы (это не потребует принципиального изменения самих учебных программ).

Для корректировки политики памяти и исторического образования важное значение имеет позиция молодых людей по поводу той формы, в какой должна преподаваться история, поскольку именно они являются главными потребителями исторических знаний и самой важной целевой аудиторией. Во время опроса весны 2023 г. респондентам был задан вопрос, касающийся того, в какой форме они хотели бы получать знания об истории своего региона. На первом месте оказался вариант ответа: «Как общая история всех народов, которые исторически связаны с территорией нашего региона и как неотъемлемая часть истории всей страны», – 41,8 % ответов, а 27,0 % выбрали вариант: «Как общая история всех народов, которые исторически связаны с территорией нашего региона».

Молодежь, согласно данным указанного опроса, поддерживает (хотя и не всегда понимает) идею **формирования российской гражданской нации** и подавляющее большинство молодых

людей желают, чтобы их воспринимали прежде всего как граждан России и общероссийский патриотизм выражен у них сильнее, чем местный.

Главной политической миссией исторического образования и просвещения являются формирование и обоснование объединительного мифа, повествующего о глубоких исторических корнях общенационального единства и исторической преемственности гражданского единства. История важна не только для того, чтобы граждане ясно понимали и осознавали свое происхождение и свою неотъемлемую связь с многочисленными поколениями предков и на этой основе формировалась общая гражданская идентичность, она вполне успешно решает задачи текущего политического момента, т. е. помогает реализовывать идейные установки находящихся у власти политических сил. В связи с очевидной политической функцией истории во многих странах осуществляется специальная ПОЛИТИКА ПАМЯТИ, отвечающая интересам и целям доминирующих политических сил и поддерживающих их слоев населения. Для реализации политики памяти создаются специальные институты мифотворчества, но эти примеры наглядно показывают политическую значимость истории и гуманитарного знания в целом. В частности, в Российской Федерации в 2023 г. создан Национальный центр исторической памяти при Президенте страны.

С помощью специализированных федеральных и региональных институтов необходимо последовательно превращать историческое знание в важное направление общественных инициатив (хотя качество исторического образования и исторического просвещения нуждается в совершенствовании). Среди таких инициатив многочисленные поисковые отряды, занимающиеся поиском останков российских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, и их захоронением (при поддержке региональных властей), деятельность которых активно освещается в СМИ; многочисленные клубы исторических реконструкций (например, клуб «Лейб-Гвардии Преображенский полк, 1709»), популяризирующие различные эпизоды отечественной истории путем воссоздания как визуальных образов людей определенной эпохи, так и реконструкции конкретных событий истории (например, сражение при Бородино в 1812 г.). И, конечно, широчайшую общественную поддержку имеет народная инициатива,

получившая название «Бессмертный полк». Существуют также большое количество программ по военно-патриотическому воспитанию молодежи, но, к сожалению, они не опираются на широкую пропаганду богатого исторического прошлого страны, а очень часто эксплуатируют практику простой героизации событий ВОВ (часто не в самой удачной форме), **оставляя вне поля зрения еще 1100 лет истории Государства Российского, что недопустимо, ибо названная ситуация открывает широкое поле для исторических спекуляций и культурных провокаций, о чем сказано выше.**

Народная инициатива, в результате которой стало возможным такое историческое действие, как шествия «Бессмертного полка», показала, что «история должна выйти на улицу» и стать публичным культурным явлением.

К примеру, давно пора организовать широкий и активно освещаемый СМИ *исторический фестиваль, посвященный основанию российской государственности*. Центром такого фестиваля должна стать Старая Ладога, где можно создать реконструкцию прибытия в Ладогу князя Рюрика «с русью». Не менее значимо и важно создать некий ритуальный комплекс, связанный с формированием народного ополчения Минина и Пожарского, окончанием Смуты и избранием «народного царя» Михаила Романова, а центром празднований, исторических реконструкций и различных театрализованных действий в этом случае надо сделать Ярославль и Нижний Новгород. В исторической реконструкции Бородинского сражения давно пора показать не только гвардейцев в киверах и гусар в ментиках, но и иррегулярные войска: башкирскую, калмыцкую, ногайскую, татарскую конницы. А в числе клубов исторических реконструкторов явно не хватает клуба «Дикой дивизии» (Кавказская туземная конная дивизия), ставшего поликультурным воинским подразделением под кавказской вольницы (или хотя бы клубов Чеченского и Кабардинского конных полков, поскольку памятник Ингушскому полку уже установили), клуба войска Ермакова, состоявшего из строгановских стрельцов, казанских татар и коми-зырян, прочих ратных людей.

В воспитательном процессе, особенно при формировании твердых патриотических убеждений важно использовать ресурс исторической памяти и воспитание наследием, но при этом надо

иметь в виду, что уровень знания отечественной истории у современной молодежи низок, что связано с очевидными недостатками как исторического образования, так и отсутствием широкого исторического просвещения, которое органично вплетено в публичные мероприятия и календарь государственных праздников Российской Федерации.

Приведенные выше результаты опросов показали, что российская молодежь настроена достаточно патриотично, хотя систему патриотического воспитания надо «настраивать» более точно и в этой «настройке» необходимо самое серьезное внимание уделить актуализации и совершенствованию **политики исторической памяти**, ибо именно историю молодежь рассматривает как *очень значимый социальный ресурс*. При этом анализ уровня исторической образованности, осуществленный в ходе выше-названных исследований, выявил существенные пробелы в историческом образовании молодежи.

Заметим, что этнокультурное образование и политика исторической памяти есть взаимосвязанные элементы одного и того же процесса формирования исторических знаний, но разные его составляющие.

С целью исторического просвещения как молодежи, так и всего населения страны, на наш взгляд, нужно более широко использовать исторические реконструкции и театрализованные представления, которые бы ярко и **НАГЛЯДНО** демонстрировали важнейшие события, имевшие место в прошлом, особенно те из них, которые определяли исторические судьбы народов страны и Отечества в целом. Такие демонстрации должны проходить в разных городах и населенных пунктах РФ: Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, Москве, Санкт-Петербурге, Владимире, Тотьме, Ельце, Нижнем Новгороде, Севастополе, Якутске.

Как показали итоги исследований, гражданская идентичность и общероссийский патриотизм играют важное значение в системе взглядов периферийной молодежи, но ни политика идентичности, ни практики гражданской интеграции пока не достигли того уровня эффективности, который необходим сегодня.

Вместе с тем, наши опросы студенческой молодежи, проведенные во всех «финно-угорских республиках» в 2017–2021 гг.,

а равно и опрос весны 2023 г. (носивший более широкий географический характер) показали, что этничность сохраняет свое значение для большинства молодых людей, но в основном как форма памяти о предках и как форма тождества со своим культурным наследием, хотя, безусловно, общероссийская гражданская (или политическая) идентичность является сегодня для них более актуальной. Этничность не занимает первого места в ряду социальных идентичностей, но никуда не исчезает и ее инструментальное значение остается высоким, поэтому среди молодежных блогеров в республиках появилась прослойка, которая именуют себя этноблогерами и занимается эксплуатацией этнической темы, а весьма значительная доля молодых респондентов, понимая опасность политизации этничности в республиках, считает вполне реальной угрозой межэтнических конфликтов. Об этом свидетельствуют и итоги опроса весны 2023 г., и результаты ряда предыдущих исследований. Указанные настроения показывают, что оптимистичные заявления некоторых политиков и управленцев, касающиеся полной нормализации межэтнических отношений и исчезновения угрозы межэтнических конфликтов, далеки от реальности, ибо **этничность сохраняет значение политического ресурса и всегда может быть использована как в политической борьбе, так и в провоцировании общественного недовольства и конфликтных ситуаций.** Более того, конфликтные ситуации в сфере межкультурного взаимодействия возникают регулярно в разных частях страны, хотя их, как правило, удается довольно быстро и успешно нейтрализовывать.

Очевидно, что в РФ сформировалась базовая институциональная и доктринальная основа государственной национальной политики, которая оказывает влияние на формирование жизненных позиций всего российского общества и российской молодежи в частности. Но реально достигнутые позитивные результаты в стабилизации этнополитической обстановки на Северном Кавказе, в республиках Поволжья, Якутии и многих других национально-государственных образованиях не должны быть переоценены. В ряде регионов сохраняются факторы риска роста напряженности в межэтнических отношениях и потенциально возможен возврат негативного сценария этнополитического развития, поскольку межкультурный диалог нередко носит формальный характер и не сильно влияет на общественные

настроения. Выказанные опасения можно проиллюстрировать, опираясь на имеющиеся анализы конфликтных ситуаций и общественных настроений²³³, включая отмеченные нами этнополитические взгляды периферийной российской молодежи.

Ситуация в России в целом и в ее регионах не является уникальной. Поскольку современный мир, несмотря на цивилизационные различия и обострившиеся противоречия между странами, развивается под воздействием общих процессов, постольку и проблемы у разных стран во многом сходные. С одной стороны, социальные изменения во всем мире постепенно ослабляют традиционную связь людей с местом жительства, с культурными группами, к которым принадлежали их предки. С другой – усиливающаяся стандартизация и унификация культурного пространства, образа жизни и форм потребления порождают движения за сохранение и возрождение традиционных ценностей, религии и региональной идентичности.

Самюэль Хантингтон, на которого мы ссылались во вводной части нашей работы, замечал, что Запад, достигший вершины своего могущества к концу XX в., стал навязывать незападному миру свои ценности и правила поведения, что спровоцировало стремление последнего возвращаться к собственным корням. Причем ученый верно заметил, что у противостоящих Западу стран достаточно стремления и ресурсов, чтобы придать миру незападный, новый облик.

Мировое сообщество состоит из двух сотен стран, но только полтора десятка из них, по мнению Хантингтона, можно назвать нациями в том смысле, в котором большинство людей соотносят себя с общими предками и одной культурной идентичностью. В целом ряде стран признается наличие нескольких наций (например, в Канаде есть официально признанные «первые нации», «франкоканадцы как самостоятельная нация, Россию порой называют «нацией наций»), а в трети стран самая многочисленная группа не является большинством населения. Многие страны находятся внутри одной цивилизации, но в реальности представляют собой симбиоз цивилизаций (имея в виду сформировавшиеся

²³³ Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и регулирования / кол. монография; под ред.: В. Тишкова и В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2018; Ачкасов, В. А., Абалян, А. И., Андреев, А. А., Никифоров, А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст. – Санкт-Петербург: Изд-во РГХА, 2021.

в них значительные мигрантские сообщества со своими культурными традициями). Культурная неоднородность и мозаичность современного мира порождает многочисленные конфликты.

Культурная неоднородность и мозаичность современного мира порождает многочисленные конфликты, но с другой стороны она же и подталкивает к диалогу, к поиску компромиссов. Выступая 7 ноября 2024 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай» Президент РФ В.Путин так охарактеризовал культурный ландшафт современного мира и происходящие на планете цивилизационные сдвиги: «Международное сообщество – это живой организм, ценность и уникальность которого в его цивилизационном многообразии. Международное право – продукт договорённостей даже не стран, а народов, ведь правовое сознание – неотъемлемая и самобытная часть каждой культуры, каждой цивилизации. Кризис международного права, о котором сейчас говорят, – это в некотором смысле кризис роста.

Подъём народов и культур, которые раньше по тем или иным причинам оставались на политической периферии, означает, что их собственные, самобытные представления о праве и справедливости играют всё более весомую роль. Они разные. Отсюда может возникнуть впечатление разнобоя и какофонии какой-то, но это лишь первый этап становления. И убеждён, что новое устройство возможно только на принципах многоголосия, гармоничного звучания всех музыкальных тем. Если угодно, мы движемся к мироустройству не столько полицентрическому, сколько к полифоническому, в котором слышны и, главное, должны быть услышаны все голоса. Тем, кто привык и хочет исключительно солировать, придётся привыкать к новой мировой партитуре»²³⁴.

Стороны конфликта не могут договориться, поскольку у их отдельных участников все еще есть убежденность в том, что свое коллективное выживание и благополучие они могут обеспечить за счет другой стороны. Не культурная сложность человечества, но благополучие отдельных стран, регионов и народов возможно только при условии, что они станут участниками реального и равноправного диалога стран и народов, а колониальное мышление западных элит будет преодолено. Это касается как внутриполитических проблем, так и глобального противостояния.

²³⁴ Путин выступил на заседании дискуссионного клуба "Валдай". Полный текст. URL: <https://tass.ru/politika/22345579?ysclid=m39mw94xuv309912068> (дата обращения: 09.11.2024).

Документы и литература

Документы

Декларация принципов толерантности Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО От 16 ноября 1995 года/ – URL: https://shkola9novoaltajsk-r22.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/2223/dok/Deklaratsiya_printsipov_tolerantnosti.pdf.

Декларация об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира // Штрихи этнополитического развития Коми Республики. Очерки. Документы. Материалы. Т.1. – Москва: ЦИМО, 1994. – С.231–232.

Конституция Российской Федерации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=ltclo8wvjr425064525>.

Конституция Республики Карелия. – URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/.

Конституция Республики Коми. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. – 122 с.

Конституция Удмуртской Республики. – URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php.

Концепция воспитания гражданской идентичности российской молодежи / кол авторов; под ред.: В. А. Тишков, А. Я. Данилюк. – Пермь: ИЭА РАН, 2015. – 25 с.

Мордовия: Стат. Ежегодник. Официальное издание. – Саранск: Мордовиястат, 2021. – 441 с.

Путин Владимир. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 23 янв. – 2012.

«О реализации предложений X съезда хакасского народа» (№164)/ – URL: <https://docs.cntd.ru/>.

Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585>.

Путин выступил на заседании дискуссионного клуба "Валдай". Полный текст. URL: <https://tass.ru/politika/22345579?ysclid=m39mw94хув309912068> (дата обращения: 09. 11.2024)

Резолюция XI Конгресса МАФУН, 2013//finugor.ru/node/42050.

Резолюция Чувашского национального конгресса «О принципах закона Чувашской республики «О гражданстве» // Чувашское население России. Т. 1. Население и диаспора / Автор-составитель П. М. Алексеев. – Москва: ЦИМО, 2000. – С. 275–276.

Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Статистический сборник. – Москва: Росстат, 2021. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0937/biblio01.php>.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [без передачи в главные комитеты (A/56/L.3 и Add.1)] 56/6. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями. – URL: <http://yaltareace.ru/wp-content/uploads/2020/01/Глобальная-повестка-дня-диалога-между-цивилизациями.pdf>.

Республика Карелия в цифрах 2022. Краткий статистический сборник. Официальное издание. – Петрозаводск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиастат), 2022. – 125 с.

Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию / Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. С. 3–7. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/N9283657.pdf?OpenElement>.

Социально-экономическое положение Республики Карелия за январь-июль 2023 года. Доклад. – URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1707915561&tld=ru&lang=ru&name=0208407\(2\)](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1707915561&tld=ru&lang=ru&name=0208407(2)).

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года/. – URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf>.

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://www.kremlin.ru> |.

Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020022?ysclid=lsyrawnc9x164921220>.

Форум Свободных Государств ПостРоссии Free Nations // <https://t.me/freenationsrussia/5510>

Global risk report 2024/. – URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/>.

Литература

Абакаров, Р. И., Адиев, А. З. Республика Дагестан // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / под ред.: В. Тишкова и В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 231–138.

Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В., Гриценко, Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // ПОЛИТЭКС. Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74–97.

Адаменко, А. А., Хорольская, Т. Е., Петров, Д. В. Предпосылки возникновения и востребованность теории этноэкономики в контексте новой экономической реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 1. – С. 104–109.

Адиев, А. З., Байжанова, Э. К., Щербина, Е. А. Российская гражданская нация // Гуманитарий юга России. – 2022. – Т. 11 (53), № 1. – С. 119–132.

Аксенова, Э. А. Региональные программы как инструмент регулирования и управления стратегией развития регионов // Вопросы структуризации экономики. – 2011. – № 4. – С. 4–5.

Алиев, Г. З. Турция в период правления младотурок. – Москва: Наука, 1972. – 388 с.

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

Арсеньев, Н. М., Доленко, Д. В., Юрченков, В. А. Центр и периферия: история России или множества российских? // Финно-угорский мир: история и современность. Исторические и педагогические науки: материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. – Саранск: Правительство Респ. Мордовия, Историко-социол. ин-т МГУ им. Н. П. Огарева, 2000. – С. 16–24.

Ахметов, В. Я., Бердникова, Г. И., Салихова, З. М. Этноэкономика и ее роль в устойчивом развитии сельских террито-

рий России // Экономика сельского хозяйства России. – 2012. – № 2. – С. 10–11.

Ачкасов, В. А., Абалян, А. И., Андреев, А. А., Никифоров А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст. – Санкт-Петербург: Изд-во РГХА, 2021. – 640 с.

Айны острова Шумшу в контексте спора о Северных территориях между Россией и Японией. – URL: <https://work.vk.com/@ndkjapan-ainy-ostrova-shumshu-v-kontekste-spora-o-severnyh-territoriy>

Барт, Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. – Москва: Новое издательство, 2006. – С. 9–48.

Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. – Москва: Праксис, 2002. – С. 52–120.

Беннигсен, А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидского движения в России // Гаспринский, И. Россия и Восток. – Казань: Фонд Жиен; Татарское книжное издательство, 1993. – С. 79–97.

Большинство экономических показателей Карелии выросло в 2023 году. – URL: <https://karelia.news/news/10111827/bolshinstvo-yekonomicheskikh-pokazateley-karelii-vyroslo-v-2023-godu/>.

Васильева, С. В. Роль идеологии пантюркизма в политических процессах республиканской Турции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2012. ВЗГЛЯД / Российскую политическую нацию можно считать сформированной / – URL: <https://vz.ru/society/2017/3/21/862874.html?ysclid=lq970k7e0c611209501>.

Веригин, С. Г. Карельский вопрос в национальной политике Финляндии в период Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2017. – Т. 62, Вып. 1. – С. 26–42.

Витухновская-Кауппала, М. «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // Ab Imperio. – 2010. – № 4. – С. 245–282.

В Казани активисты отметили Хэтер көне // – URL: <https://m.business-gazeta.ru/>.

В Кремле напомнили о «центре тюркского мира». Он не в Турции // Газета.Ru. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/21_a_14228275.shtml.

В Саранске стартовал фестиваль финно-угорских игр // – URL: www.finugor.ru.

Влияние интернет-ресурсов и региональных реалий на сетевое поведение, национальную идентичность и гражданские позиции периферийной российской молодежи / коллективная монография; отв. редактор М. А. Омаров. – Москва: РГГУ, 2022. – 365 с.

В Коми доработают концепцию развития агропромышленного комплекса. – URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/151655/>.

Возрастные изменения: подведены предварительные итоги переписи населения. – URL: <https://profile.ru/society/vozzrastnye-izmeneniya-podvedeny-predvaritelnye-itogi-perepisi-naseleniya-1093871/?ysclid=lafawpk>.

Вооруженные силы Украины начали контрнаступление, они освобождают оккупированные территории от русских захватчиков // – URL: http://t.me/rota_bashkort/6.

«В ХМАО был конфликт из-за священных мест: общественик Юрий Вэлла с топором бросался на машины ЛУКОЙЛа»/ – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/61481-etnolog-o-konflikte-neftyanikov-i-gazovikov-s-narodami-severa?ysclid=1t6sygv67p566009657>.

Гаврилов, М. А. Обзор проблематики молодежной политики в Удмуртской Республике. – URL: https://an.yandex.ru/count/WRmejI_zO0e1bGq011XaJMnnLPfcs0K02W8ndJ5nOm0000ukDmCXfFityZMxPk.

Гарькин, И. Н., Медведева, Л. М., Назарова, О. М. Отношение студентов к предпринимательству: результаты социологического исследования // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социологи. – 2017. – № 2. – С. 107–110.

Гасанова, Э. Ю. Идеология буржуазного национализма в младотурок (1906–1914). – Баку: Изд-во АН АзССР, 1966. – 160 с.

Гончаров, Р. И. Процесс деэскалации региональных межэтнических конфликтов на Северном Кавказе (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Краснодар, 2009. – 29 с.

Горян, Э. В., Нетрусов, Ю. Ю. Признание Россией айну коренным малочисленным народом как фактор решения территориального спора с Японией // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 135–149.

Гришкина, М. В. История Удмуртии: учебник для общеобразовательных учреждений. 7 класс. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 183 с.

Губогло, М. Н. Идентификация идентичностей. Этносоциологические очерки. – Москва: Наука, 2003. – 763 с.

Гумилев, Л. Н. История народа хунну / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи: в 2-х книгах. Кн. 1. – Москва: ДИК, 1998. – 411 с.

Джаксон, Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. – Ленинград: Наука, 1988. – С. 58–66.

Деминтиевский, И. Что не так с Воркутой? Люди стараются любой ценой покинуть этот город/ – URL: <https://dzen.ru/a/YMMG9aNjnEBDoFV1>.

Дробужева Л.: «Уже 90% жителей России ощущают себя россиянами» / «Известия» 2 апреля 2004 г. – URL: <http://iz.ru/news/288668>.

Досэ, Ф. Единство или конфликт? Трения между татарскими активистами Москвы // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга 2014. – Москва: ИЭА РАН, 2015. – С. 86–90.

Еремеев, Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). – Москва: Наука, 1971. – 272 с.

Загряжкина, Т. Ю. Франкофония: язык, культура или политика? – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1709382333&tld=ru&lang=ru&name=2020-39-01>.

Запрет на Якутский Фильм «Айта»: Почему Зрители Возмутились. 2023. – URL: <https://dzen.ru/a/ZWcgJU8zaCDDEekb>.

Зинев, С. Н. Детерминанты конфликтогенности: личностный фактор // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: сборник тезисов и выступлений на Международной научно-практической конференции 29–30 сентября 2006 г. – Ростов-на-Дону–Горячий ключ: Изд-во СКАГС, 2006. – С. 61.

Иваненко, И. С. Оценка продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25, № 3. – С. 89–106.

Иванников, И. А. Национальный вопрос на Северном Кавказе в начале XXI века: проблемы оптимизации // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: сборник тезисов и выступлений на Международной научно-практической конференции 29–30 сентября 2006 г. – Ростов-на-Дону–Горячий ключ: Изд-во СКАГС, 2006. – С. 44.

Игибаев, С. К. Образование Тюркского каганата и его распад. – Усть-Каменогорск: I.S.K., 2004. – 115 с.

Иноземцева, А. В. Отношение студенчества к предпринимательству: оценка, готовность, прогнозы // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 2. – С. 256–262.

История и культура мордовского края в XVII–XVIII веках: учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений / Э. Д. Богатырев [и др.]; под ред. Н. М. Арсентьева. – Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – 199 с.

Исхаков, Д. М. Модель Татарстана: «за и против» // Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т. 2. Современный национализм татар. – Москва: ЦИМО, 1998. – С. 60–98.

Калинин, И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – Москва: Наука, 2000. – 176 с.

Кардинская, С. В. Этничность в идеологических конструкциях удмуртских СМИ // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 54–60.

Кангаспуру, М. Взлет и падение «красных финнов» // Север. – 1997. – № 11–12. – С. 116.

Канев, Ю. В. История Ненецкого края. – Нарьян-Мар, 2005. – 144 с.

Кауппала, П. Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого Княжества Финляндского) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации: материалы конференции. – Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – С. 14–22.

Kolejka, J. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Vyd. 1 Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. – pp. 36–72.

Коротчаев, В. И. Русский Север в конце XIX–первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. – Архангельск: Изд-во Поморск. ун-та, 1998.

Куличенко, М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. – Москва: Мысль, 1981. – 192 с.

Лаговский, В. Само среднестатистическое совершенство // Комсомольская правда. – 10 ноября. – 2011.

Ланда, Л. С., Яблоков, И. А. Транзит символов в конспирологическом дискурсе постсоветской России: миф о Хазарском каганате и межэтнические отношения на Северном Кавказе // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 2: Соры о прошлом как проектирование будущего / ред. О. Ю. Малинова – Москва: ИНИОН, 2014. – С. 277–287.

Лебедева, Н. М., Лунева, О. В., Стефаненко, Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников: учебное пособие для студентов психологических специальностей. – Москва: ИЭА РАН, 2004. – 356 с.

Лебедева, Н. М., Лунева, О. В., Стефаненко, Т. Г., Мартынова, М. Ю. Межкультурный диалог: тренинг этнокультурной компетентности. – Москва: ИЭА РАН, 2003. – 266 с.

Леонтьева, О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX–начала XX вв. – Самара: ООО «Книга», 2011. – 448 с.

Магомедов, А. Полярные города в зеркале зарубежного североведения: вызов для отечественной социально-гуманитарной науки // Антропология города. Вып. 2. Северный город: Культурное пространство и идентичность в арктических и субарктических городах. – Москва–Сыктывкар: Изд-во РГГУ, 2020. – С. 174–195.

Максуди, С. А. Тюркская история и право. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – 412 с.

Малахов, В. Национализм как политическая идеология. – Москва: Книжный дом «Университет», 2005. – 320 с.

Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 662 с.

Марусенко, М. А. Франкофония: миф или реальность // Мир русского слова. – 2016. – № 1. – С. 39–43.

Межкультурная компетентность педагога в поликультурном образовательном пространстве: научно-методические материалы / под ред.: О. Е. Хухлаева, М. Ю. Чибисовой. – Санкт-Петербург, 2008. – 408 с.

Мелкумян, Е. С. Лига арабских стран в структурировании арабского регионального пространства // Вестник МГИМО – Университет. – 2020. – № 13 (5). – С. 220–235.

Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / коллективная монография; сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 502 с.

Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски / кол. авторов; под ред. М. А. Омарова. – Москва: РГГУ, 2021. – 386 с.

Мухаметшин, Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань: Татарское книжное издательство, 2005. – 246 с.

Мухарямова, Л. М., Андреева, А. Р. Феномен национальной школы в социологических ракурсах. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. – 267 с.

Гаврилов, М. А. Обзор проблематики молодежной политики в Удмуртской Республике. – URL: https://an.yandex.ru/count/WRmejI_zO0e1bGq011XaJMnnLPfcs0K02W8ndJ5nOm0000ukDmCXfFitvZMxPk.

Надькин, Т. Д., Солдаткин, А. П., Щербакова, Т. И. История и культура Мордовского края в XX веке: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений / под ред. Н. М. Арсентьева. – Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2008. – 248 с.

На столе у Путина // ИА «Эхо Севера». – URL: <https://www.echosevera.ru/2021/03/02/603df198eac912c14110d3a3.html>.

Народы России: Атлас языков и культур / отв. ред.: А. В. Журавский, О. Е. Кальмина, В. А. Тишков; 2-е издание, испр. и доп. – Москва: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009. – 320 с.

Некрасова, Н. А. Молодежная миграция в Архангельской области: оценка перспектив ее влияния на экономику //

Концепт. Научно-методический электронный журнал. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-migratsiya-v-arhangel'skoy-oblasti-otsenka-perspektiv-ee-vliyaniya-na-ekonomiku-regiona/viewer>.

Омаров, М. А., Шабаев, Ю. П. Политическая история России: Памятные даты и события, повлиявшие на формирование общероссийской гражданской идентичности: справочник. – Москва: РГГУ, 2023. – 176 с.

Парсонс, Т. О структуре социального действия. – Москва: Академический Проект, 2000. – 880 с.

Первые межнациональные столкновения Эпохи Перестройки. – Якутск, 1986. – URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/825368.html?ysclid=lsrch7unqo341964587>.

По чьей вине в Карелии разоряются совхозы и падает производство местной продукции? – URL: <https://gubdaily.ru/article/respublika/po-chej-vine-v-karelii-razoryayutsya-sovhozuy-i-padaet-proizvodstvo-mestnoj-produkcii/>.

Пошла вон. Фермеры Архангельской области восстали против министра АПК Бажановой. – URL: <https://www.echosevera.ru/2021/07/06/60e41ce5eac912fb6e> <http://682d13.html?ysclid=latv2>.

Приймак, А. Как Республику Коми довели до этнократии. 6 июня 2016. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/06/02/artur-priymak-kak-respubliku-komidoveli-do-etnokratii>

Путин призвал формировать российскую элиту из участников СВО. – URL: <https://ria.ru/20240126/putin-1923780838.html?ysclid=lsrqwx1ymr44439312>.

Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии Наук, 1893–1911.

Разин, А. Удмуртский этнос: проблема формирования патриотизма и интернационализма // Финно-угорские народы и Россия. – Таллинн: Институт Яана Тыниссона, 1993. – С. 98–104.

Рахманалиев, Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. – Москва: Рипол-Классик, 2019. – 704 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Статистический сборник. – Москва: Росстат, 2021. – URL:

https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf.

Регионы России: лидеры и аутсайдеры по экономическому росту за последние 20 лет. – URL: https://dzen.ru/a/XOn_wKHуgTghTOnB.

Российский союз молодежи: «Коми необходимы статусные проекты для подъема престижа молодежи». – URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/151250/>.

Рыбаков, С. Е. Анатомия этнической деструктивности. Этнический радикализм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология». – 2001. – № 4. – С. 3–39.

Рязанцев, А. А., Одинцова, А. А. Федеративные проблемы российской государственности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2001. – № 1. – С. 44–66.

Савин, И. С. Информационные факторы формирования представлений общегражданского характера в регионах России (на материалах полевых исследований в сентябре-октябре 2023 г.) // Этнопанорама. – 2023. – № 11. – С. 39–40.

Свыше 2 тысяч предприятий малого и среднего бизнеса закрыли в Коми с начала года. – URL: <https://sktivkar.bezformata.com/listnews/predpriyatij-malogo-i-srednego-biznesa/123806259/>.

Сенюткина, О. Н. К вопросу об истоках российского тюркизма // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2005. – Т. 7, № 2. – С. 301–310.

Словарь русского языка. Т. 4. С-Я. Изд. второе, испр. и доп. – Москва: Изд-во «Русский язык», 1984. – 789 с.

Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. – Москва: Праксис, 2004. – 458 с.

Сначала года в Коми закрыли бизнес почти тысяча предпринимателей. – URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/131676/>.

Соколов, Д. В., Стародубовская, И. В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – Москва: ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2015. – 280 с.

Сталин, И. Организация Российской Федеративной Республике // Соч. Т. 4. – Москва: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 66–73.

Статистика и показатели предпринимательства в России в 2022 году – исследование по отраслям. – URL: https://f.partnerkin.com/blog/allinfo/izmenenie_v_biznes_sfere.

Сурво, В., Сурво, А. «Центры» и «периферии» финн(лянд)ского семиозиса // Геокультурное пространство Европейского Севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. – Архангельск, 2009. – С. 178–184.

Сурво, А. А. Метагеография «несуществующей войны» / Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сборник научных статей (материалы V и VI Поморских чтений по семиотике культуры). Поморские чтения по семиотике культуры. – Архангельск: САФУ, 2011. Вып. 5. – С. 50–61.

Сулейманов, Р. Блеск и нищета современного пантюркизма. – URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/blesk-i-nishcheta-sovremennogo-panyurkizma-chast-2>.

Султанмурат, Е., Мухаметдинов, Р., Каримов, Б. Тюркский пояс стабильности. – Изд. 2-ое доп. – Казань: Изд-во «Фэн», 2009. – С. 35–60.

Суций, С. Русские в республиках Северного Кавказа – рubeжи геодемографического отступления (Первая половина XXI века) // – URL: <https://docviewer.yandex.ru/>.

Терюков, А. Великая Финляндия // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: этнополитический справочник / под ред.: Ю. П. Шабаева, А. П. Садохина, В. Э. Шарипова. – Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 83–85.

Тишков, В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. – Москва: Наука, 1994. – С. 9–34.

Тишков, В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – Москва: Наука, 2003. – 544 с.

Тишков, В. А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. – Москва: Наука, 2003. – 551 с.

Тишков, В. Опыт этнологического мониторинга. – Москва: Deutsch-Russischer Austausch, 2004. – 188 с.

Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 196. – Москва: ИЭА РАН, 2007. – 31 с.

Тишков, В. А., Степанов, В. В. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах России // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / под ред.: В. Тишкова и В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 4–19.

Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2019. – № 4 (40). – С. 62–71.

Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности. Изд. 3-е испр и доп. – Москва: Изд-во МГУ, 2019. – 416 с.

Топ-25 худших регионов РФ по числу созданных рабочих мест. – URL: <http://www.zen.yandex.m/media/zavodfoto/top25-hudshih>.

Труевцев, К. М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи // Полития. – 2003. – № 3 (30). – С. 104–118.

Туфегулов, Т. А. Роль Испании в иберо-американском сотрудничестве // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 3(9). – С. 100–111.

Уяма, Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей / под ред. К. Мацузато. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. – С. 16–51.

Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования / кол. монография; под ред.: В. Тишкова и В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2018. – 452 с.

Филиппов, В. Р. Чувашия девяностых. Этнополитический очерк. – Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2001. – 250 с.

Филиппов, В. Р. Критика этнического федерализма. – Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003. – 379 с.

Филиппова, Е. Территории идентичности во Франции. – Москва: ИЭА РАН, 2010. – 300 с.

Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / коллективная монография; отв. ред. А. К. Конюхов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2008. – 271 с.

Фролов, М. Г. Терроризм в Северо-Кавказском федеральном округе: криминологическая характеристика и детерминанты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2017. – № 4. – С. 110–116.

Хайду, П. Уральские языки и народы. – Москва: Прогресс, 1985. – 430 с.

Хаким, Р. Метаморфозы духа. К вопросу о тюрко-татарской цивилизации. – Казань: ИделPRESS, 2005. – 300 с.

Хакимов, Р. С. Сумерки империи: к вопросу о нации и государстве. – Казань: Татарск. кн. изд-во, 1993. – 87 с.

Хлынина, Т. П., Кринко, Е. Ф., Урушадзе, А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. – 272 с.

Хузангай, А. П. Чувашское национальное движение в контексте Урало-Поволжского региона // Чувашское население России. Консолидация. Диаспоризация. Интеграция. Т. 1. Республика и диаспора. – Москва: ЦИМО, 2000. – С. 45–58.

Цивилизационный подход в модели многополярного мира: роль диалога культур. Экспертное заключение подготовлено по итогам сессии ПМЭФ-2023 «Диалоги культур в эпоху глобальных изменений». – URL: <https://roscongress.org/materials/tsivilizatsionnyu-podkhod-v-modeli-mnogopolyarnogo-mira-rol-dialoga-kultur/?ysclid=lth2rheitut560321759>

Цуциев, А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – Москва: Изд-во «Европа», 2006. – 128 с.

Чемышев, А. Как обучить компьютер «говорить» на родном языке // «Финно-угория. Этнический комфорт». – 2009. – № 1. – С. 12–13.

Чешко, С. В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. – Москва: ИЭА РАН, 1996. – 395 с.

Что такое экстремистский пантюркизм и есть ли он в Татарстане. – URL: <https://kazanfirst.ru/interviews/403878>.

Шабаев, Ю. П., Чарина, А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУСЭ, 2010. – 308 с.

Шабаев, Ю. П. Культурное пространство «Русского Севера» // Антропология социальных перемен. – Москва: РГГУ, 2011. – С. 481–496.

Шабаев, Ю. П., Садохин, А. П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений фин-

но-угорских народов России. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 409 с.

Шабаев, Ю. Ижора // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: этнополитический справочник. – Москва–Берлин: «Директ-Медиа», 2015. – С. 168–170.

Шабаев, Ю. П. Рецензия на книгу А. Ф. Старцева «Ороки–орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина» // Россия и АТР. – 2016. – № 4. – С. 83–86.

Шабаев, Ю. П., Подоплекин А. О. Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ // ПОЛИТЭКС. – 2017. – № 1. – С. 103–122.

Шабаев, Ю. П. Управление культурным многообразием России: опыт национальных республик. – Москва: Изд-во РГГУ, 2019. – 171 с.

Шабаев, Ю. П., Миронова, Н. П. Феномен Удмуртии-2: молодежь vs этнические антрепренеры // Вопросы этнополитики. – 2020. – № 1. – С. 94–116.

Шабаев, Ю., Жеребцов, И., Лабунова, О. Антропология заполярного города: идентичность, ментальная карта и меняющиеся образы Воркуты // Антропология города. Вып. 2. Северный город: Культурное пространство и идентичности в арктических и субарктических городах. – Москва–Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. – С. 12–50.

Шабаев, Ю. П., Омаров, М. А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. – Москва: Изд-во РГГУ, 2021. – 481 с.

Шабаев, Ю. П., Жеребцов, И. Л. Кризис концепции культурных миров в эпоху эрозии глобализма (аналитический доклад): материалы к научным конференциям. Вып. 52. – Сыктывкар: ИЯЛИ, 2023. – 31 с.

Шишков, Ю. В. Судьба британского содружества наций: воспоминание о будущем СНГ // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 73–85.

Шнирельман, В. А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии современной России / Этнографическое обозрение. – 2003. – № 4. – С.3–14.

Штомпка, П. Социология социальных изменений. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Шэйхетдин Д. Түрки дүнья язмышы // Мирас. – 2008. – № 3. – С. 80–83.

Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: коллективная монография / под ред.: А. Е. Загребина, В. С. Воронцова. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2022. – 452 с.

Яковлев, П. П. Иbero-американское сообщество наций в формирующемся миропорядке. К 25 летию организации. – URL: https://docviewer.yandex.ru/view/65783251/?page=1&*%2F%2FJ3DFG6zo17

Яцино, М. Культура индивидуализма. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – 280 с.

Arzoz, Xabier. Karl Renner's theory of national autonomy // *Filozofija I Društvo*. – 2020. – 31 (3). – pp. 301–318.

Brettell. Caroline B., Hollifield, James F. (Eds.) *Migration Theory: Talking across discipline*. New York and London: Routledge, 2000.

Breuil, J. *Nationalism and the State*. – Manchester: Manchester University Press, 1982.

Friedman, John. *Regional Policy. Case of Venesuela*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966.

Huntington. Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*: New York: Simon & Schuster. 1996.

Park, R. E. Human migration and the marginal man // *The American Journal of Sociology*. 1928. – № 33 (6). – pp. 881–893.

Park, R. E. *Race and culture*. Glencoe, IL: The Free Press., 1950.

Guibernau, Montserrat. *Nations without States: political communities in a global age*. Malden, Mass: Blackwell Publishers, 1999.

Ivanchenko, Yana S., Ivanov, Andrei A. *Dynamics of Communicative Practices in Siberian Neo-Shamanism*//*Sibirica*. – 2023. Vol. 22, Issue 3. – pp. 31–39.

James L. *The Rise and Fall of the British Empire*, London: St. Martin's Press, 2004.

Moseley, Christopher (Ed.). *Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris: UNESCO, 2010.

Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004.

Rakner L. *Rational choice and the problems of institutions. A discussion of rational choice institutionalism and its application*

by Robert Bates. Bergen: Chr. Michelsen Institute (CMI Working Paper WP 1996:6), 1996.

Ramiro de Maeztu. La defensa de la hispanidad. Madrid: Gráfica Universal, 1934.

Rokkan S. The center-periphery polarity//Center periphery structure in Europe: an ISSC workbook in comparative analyses. Frankfurt a M.; N.Y.: Campus verl., 1987.

The Finno-Ugric World/ Editor-in-Chief: Gyorgy Nanovvfszky. Budapest: Teleki Laslo Foundation, 2004.

Omarov M. A., Shabaev Yu. P.

Dialogue of cultures: retrospectives and prospects. – M.: RSUH, 2025. – 336 p.

The monograph provides an analysis of ethnocultural and ethnopolitical developments in the Russian regions and in the modern world. The authors evaluate both the nature and dynamics of these developments, as well as the challenges that have emerged in the course of implementation of the federal “National Policy Strategy of the Russian Federation” and the regional models of this strategy. It is noted that these models do not entirely align with the doctrinal foundations of the federal policy or the interests of civic integration in the Russian Federation in general and in certain regions in particular. The authors analyze ethnopolitical processes and phenomena within the context of the strategic goals of the Russian domestic policy and geopolitics. Thus, attention is drawn to the concepts of cultural worlds and their application in global and Russian political discourse. Much emphasis is put on the memory and identity policies, as well as on the analysis of how the Russian education system focuses on these policies and the idea of education for citizenship. The authors’ conclusions and statements are based on the results of a series of ethnosociological studies conducted in recent years in different Russian regions, primarily in the republics.

О-57 Омаров М. А., Шабаев Ю. П.

Диалог культур: ретроспективы и перспективы. – М.: РГГУ, 2025. – 336 с.

ISBN 978-5-7281-3571-5

В монографии представлен анализ этнокультурных и этнополитических процессов, имеющих место в российских регионах и современном мире. Авторы оценивают как характер и динамику этих процессов, так и риски, ставшие очевидными в процессе реализации как федеральной – «Стратегии национальной политики Российской Федерации», так и региональных моделей этой политики. Отмечено, что региональные модели не в полной мере соответствуют доктринальным основам федеральной политики, интересам гражданской интеграции в РФ в целом и в отдельных регионах в частности. Этнополитические процессы и явления авторы анализируют не только в контексте реализации стратегических целей российской внутренней политики, но и в контексте геополитики. В этой связи внимание обращено на концепции культурных миров и их использование в мировой и российской политической практике. Значительное место в работе уделено политике памяти и политике идентичности, а также анализу того, в какой мере российская система образования ориентирована на них и на идею воспитания гражданина. Заключение и выводы авторов опираются на результаты серии этносоциологических исследований, проведенных в последние годы в разных российских регионах, но преимущественно в республиках.

УДК 316.7:323.1
ББК 60.54

Научное издание

Омаров М. А., Шаббаев Ю. П.

Диалог культур:
ретроспективы и перспективы

Редактор О. А. Гросу
Компьютерная верстка Е. Н. Старцева

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 11.12.2025

Формат 60x84¹/₁₆

Уч.-изд. л. 18,0. Усл. печ. л. 19,8

Тираж 500 экз. Заказ № 2212

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru